Д. В. ДОРОФЕЕВ

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (XIX ВЕК – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2024

УДК 930
ББК 63.1(2)
Д 69

Рецензенты:

Косов Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь)

Кукеева Фатима Тураровна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, факультет международных отношений, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, директор Ресурсного центра американских и демократических исследований (г. Алматы, Республика Казахстан)

Дорофеев, Денис Владимирович
Д 69 Генезис внешней политики США: российская историография (XIX век – первая четверть XXI века) / Д. В. Дорофеев. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – 302 с.
ISBN 978-5-907819-25-2

В книге отражен взгляд автора на эволюцию интерпретаций генезиса внешней политики США в российской науке на протяжении XIX в. – первой четверти XXI в.

Предназначается для американистов, историков, политологов, юристов-международников.

УДК: 930
ББК: 63.1(2)

ISBN 978-5-907819-25-2

ОТ АВТОРА

Воплощение планов не осуществляется в изоляции: в процессе работы над книгой мне была оказана поддержка и профессиональная помощь многих людей.

Моя особая благодарность рецензентам: Косову Александру Петровичу (Витебский государственный университет имени П. М. Машерова) и Кукеевой Фатиме Тураровне (Казахский национальный университет им. аль-Фараби), которые нашли время и силы для изучения конечной версии рукописи.

Отдельно следует выразить благодарность российским специалистам Ивану Ивановичу Курилле (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Александру Ивановичу Кубышкину (Санкт-Петербургский государственный университет), Владимиру Викторовичу Романову (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина), которые ознакомились с рукописью книги и высказали ценные предложения.

От идеи до публикации книги бесценную поддержку оказали члены семьи: Брудик Лариса Викторовна и Брудик Галина Николаевна, благодарность которым невозможно выразить словами.

Надеюсь, читатели найдут повод для дискуссии и творческих замыслов, которые благотворно отразятся на науке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Постижение истории подразумевает не только изучение фактов, но и понимание профессионального мышления историка: без анализа творчества ученого возникают ограниченные представления о происхождении его оценок. Для современного научного знания принципиальное значение играет преодоление изолированности научной мысли. Продвижение в этом направлении обусловливает формирование панорамного видения развития науки, охватывающее научные направления, течения, школы. Реализация на практике этой задачи представляет проблему: анализ больших данных по макротеме требует коллективной работы и временных условий. Не менее эффективной стратегией является сведение работы на уровень микротемы. Изучение интерпретации узкоспециализированной темы также позволяет понять состояние научного знания на разных этапах и периодах его эволюции. В этом контексте и было осуществлено исследование генезиса внешней политики США в российской науке на протяжении XIX в. – первой четверти XXI в.

Провести анализ точек зрения ученых, работавших в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации, по микротеме стало системообразующей целью исследовательского проекта. Концептуализация предполагала концентрацию внимания на американистах – фокус-группе ученых, представляющей собой специфическое профессиональное сообщество, для которого свойственны малочисленность, относительная закрытость и высокая степень адаптивности к условиям политической системы. Понимание этих нюансов способствовало расширению конструкции исследования: биографические сегмент был дополнен факторным анализом, примененным для конструирования системных условий, в которых трудились американисты.

Глобальное предназначение работы не сводится только к анализу интерпретаций узкоспециализированной темы и определению ее эволюции. Изучение предназначено для выявления закономерностей в мышлении ученых, поиске констант, обусловливающих образ профессионального мышления российских американистов. Их определение позволяет видеть не только состояние научного знания в отдельном предметно-тематическом поле, но и понять, как формируется профессиональное мышление экспертного сообщества, определить его направленность и выявить ограничения, оценить потенциал. В целом работа не только о микротеме, но и о тех, кто над ней работал и, возможно, продолжит этот труд.

ГЛАВА 1.
ЗАРОЖДЕНИЕ ВНИМАНИЯ К ТЕМЕ: ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ, ПОЗИТИВИЗМ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПОЛИТИЗАЦИЯ (XIX ВЕК – НАЧАЛО XX ВЕКА)

1.1. Восхождение: актуализация, дискретность (1830-е, 1870-е, 1900-е гг.)

1.1.1. Формирование американистики: политические и академические ограничения в изучении раннего периода истории США (последняя треть XVIII в. – начало XX в.)

1.1.1.1. Эволюция американо-российских отношений: трансформация симметрии и восприятия внешней политики Соединенных Штатов. На восприятие внешней политики Соединенных Штатов в Российской империи воздействовало состояние американо-российских отношений в Утрехтской и Венской системах международных отношений.

Косвенное участие США в трансформации Утрехтской системы на рубеже XVIII–XIX вв. в статусе второстепенного и периферийного актора привело к тому, что в Российской империи обладали минимальным интересом к внешней политике этого государства, но уже не могли не считаться с ее существованием в Северной Америке. С середины 1770-х гг. и до конца 1880-х гг. – период ассиметричных отношений – восприятие определялось пятью процессами, выступавшими системообразующими факторами.

Первый процесс – закрепление Российской империи в статусе «великой державы». Ахенский мир (18 октября 1748 года), подведший итоги Войны за австрийское наследство (1740–1748), показал трансформацию Утрехтской системы, вступившей в полосу кризисов, вызванных ревизией системы союзов, из-за появления двух восточноевропейских держав – Пруссии и Российской империи, стремившихся играть лидирующие роли в Европе. «Дипломатическая революция» накануне Семилетней войны (1756–1763) привела к изменению внешнеполитической стратегии Российской империи, которой она следовала начиная с Петра I: сохранение англо-российских отношений для поддержания европейского баланса сил было подвергнуто эрозии. Присоединение к Версальскому союзному договору поставило оба государства в противостоящие блоки. Однако обе войны для Российской империи завершились с одинаковыми результатами: она не участвовала в принятии решений по вопросам послевоенного мира. В 1748 г. ее не допустили, в 1763 г. она самоустранилась, из-за выхода из войны через сепаратный Петербургский мирный договор (5 мая 1762 года). Дважды

государство не принимало участия в юридическом оформлении итогов войны: ее не было при выработке Парижского мирного договора (10 февраля 1763 года) и Губертусбургского мирного договора (15 февраля 1763 года). Екатерина II, несмотря на противопоставление себя свергнутому в ходе дворцового переворота Петру III, не только не изменила его пропрусскую ориентацию, но и усилила курс на сближение с Пруссией. Российская империя вновь оказалась в положении необходимости закреплять великодержавный статус в нестабильных геополитических условиях: войны второй четверти и середины XVIII в., особенно Семилетняя война, не завершились формированием систем международных отношений. В отличие от Пруссии, которая смогла в 1762–1763 гг. добиться принятия в когорту великих держав, для Российской империи этот статус был относителен, что влекло за собой необходимость повторения действий. В результате окончательное признание европейскими державами статуса произойдет на Венском конгрессе (1814–1815) [1]. В этом контексте Соединенные Штаты не выступали важным объектом для политики Российской империи по закреплению великодержавного статуса.

Второй процесс – нарастание британо-российского противостояния. Борьба Российской империи за великодержавный статус в ходе Семилетней войны способствовала нарастанию поляризации отношений между двумя государствами. В этом процессе исчез формат сотрудничества первой половины XVIII в. по поддержанию европейского равновесия, который сменился комплексом противоположностей: сотрудничество и противостояние сочетались на протяжении 150 лет от присоединения российского государства к Версальскому союзному договору (1757) до заключения Англо-русской конвенции (31 августа 1907 года), завершившейся формированием Антанты. Колебания в британо-российских отношениях были системообразующей средой формирования российской политики в отношении США с последней трети XVIII в. до последней трети XIX в. [2]. В частности, позиция Екатерины II в процессе Войны за независимость была направлена не столько на поддержку первого североамериканского государства, сколько на ослабление Великобритании. Разрыв дипломатических связей между Британской и Российской империями в годы правления Павла I, как и сближение с наполеоновской Францией, и подготовка к походу в Британскую Индию были звеньями одного процесса – ослабления Великобритании: поэтому наряду с ними следует рассматривать и решение об учреждении Российско-американской компании (8 июля 1799 года), как элемента противостояния с Великобританией в Северной Америке [3]. Также установление американо-российских дипотношений содержало антибританский компонент. Признание де-факто Соединенных Штатов 28 октября 1803 года в результате принятия Леветта Харриса консулом в Санкт-Петербурге произошло 6 месяцев спустя после продажи Францией

Луизианы (30 апреля 1803 года) [4], что привело к сближению территорий между Российской империей и США в Северной Америке. Спустя 5 лет и 8,5 месяца, 14 июля 1809 года уже в период Англо-русской войны 1807–1812 гг., последовало признание де-юре: Тильзитский мир (7 июля 1807 года), подведший итоги участия России в Четвертой антифранцузской коалиции, привел к российской поддержке Наполеона I и ее присоединение к континентальной блокаде Великобритании. Одновременно в 1809–1812 гг. нарастали противоречия и росло напряжение в американо-британских отношениях. Для императора Александра I и его окружения США выступали врагом Великобритании, которого нужно было использовать в европейском равновесии [5].

Третий процесс – Российская империя осуществляла территориальную экспансию в Северной Америке, то есть зону растущего риска столкновений интересов, что не увеличивало значение региона во внешней политике российского государства. При Екатерине II на протяжении двадцати лет, с 1775 г. по 1795 г., страна прирастила 699 тыс. 582,4 кв. км, или 3,7% от своей территории в 1795 г. Из них в Северной Америке – на Аляске – было присоединено 5 тыс. 948 кв. км, или 0,8% от общего объема территориальных приобретений. Несмотря на скромные показатели североамериканский вектор набирал обороты при Павле I: 99,3% приращений пришлись на североамериканский регион и по 0,3% – на Азию и Европу. Кроме увеличения на 7,5% пространства, Российская империя приблизилась и непосредственно сомкнулась с территориями, на которые претендовали или считали своими Великобритания, США, Испанская империя, связанная с Францией узами бурбонской династии. Все это ставило вопрос о необходимости выстраивания регионального баланса сил, в котором у российской стороны были союзники те, что занимали антибританскую позицию. В их число входили и США, с которыми нужно было развивать отношения, избегая конфронтацию.

Четвёртый процесс – негативное отношение российского политического режима к республиканизму. Идеалы республиканизма на фоне политических процессов в США и Франции делали российское самодержавие чувствительным к популяризации не только идеи республиканства, но и истории стран, в которых они были частью политической культуры. Примером неприятия стал опубликованный в мае 1790 г. памфлет «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева (1749–1802). Последовавшая опала автора, уничтожение его творения, запрет на переиздание до 1905 г. становились примером опасности проявления симпатий. Фигурировавшая в произведении надпись под портретом Б. Франклина «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей» была намеком на антимонархическую характеристику американской политической системы и то, как США получили независимость, то есть посредством союза с Францией – идейным вдохновителем борьбы с абсолютизмом, в которой

шли революционные преобразования. Запись в «Дневнике» Александра Васильевича Храповицкого (1749–1802) – действительного тайного советника, сенатора – передает реакцию императрицы на памфлет: «Сказать изволили, что он бунтовщик хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким же представляет. Говорили с жаром и чувствительностью» [6]. Публикация А. Н. Радищева представляла Соединенные Штаты воплощением идеалов эпохи Просвещения и ставилась примером для следования по пути реформирования «старого режима» в Российской империи. Эзоповым языком автор «Путешествия…» писал: «Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел» [7]. Американский отец-основатель был не только литературным образом, но и ориентиром для либеральных кругов российского общества. Однако игнорировать это государство самодержавие не могло: мятежные колонии, нанесшие поражение Великобритании – российскому противнику [8] – становились частью общественно-политического дискурса «эпохи просвещенного абсолютизма». В последней четверти XVIII в. сложились полярные тенденции в российском обществе: рост интереса к американскому эксперименту сочетался с негативным отношением к республиканской форме правления. Консерватизм, как политическая конъюнктура [9], сдерживал инициативу по исследованию США, включая историю их внешней политики. Правящая династия Романовых не ориентировала своих членов на приобщение к американскому опыту: визит великого князя Алексея Александровича (20 ноября 1871 года – 23 февраля 1872 года) сопровождался не только дипломатическими конфузами, но и оказался единственным посещением российской правящей элиты США до февраля 1917 г., имевший квазидипломатический характер.

Пятый процесс – функционирование Венской системы международных отношений до Крымской войны. Конгресс 1814–1815 гг. закрепил британское и российское лидерство в Европе, просуществовавшее до 1848 г. [10] Для Российской империи эти десятилетия стали временем взлета и падения ее влияния. Лидирующие позиции накладывали обязательства поддерживать функционирование «пентархии», что, в свою очередь, вело к самоограничению, компромиссам [11] и концентрации политики в Евразии. Это, в свою очередь, побуждало российское руководство достигать консенсуса и избегать конфронтации с США в Северной Америке. Результатом этого процесса стала постепенная утрата геополитических позиций в Западном полушарии. Иллюстрируют это следующие примеры. Отказ в 1818 г. от признания владычества над о. Кауаи в Гавайском архипелаге [12]. Указ Александра I от 16 сентября 1821 года, расширяющий подконтрольное пространство до 51 параллели, остался нереализуемым на практике и постоянно попираемым документом. Публикация ежегодного послания

президента Джеймса Монро к Конгрессу США (2 декабря 1823 года) не вызвала не только ответных шагов, но и привела к заключению Российско-американской конвенции о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле (15 апреля 1824 года), упорядочивавшей отношения на северо-западе континента. Причиной отсутствия негативной реакции на «доктрину Монро» было стремление окружения Александра I сохранить равновесие, при котором Великобритания не обладала преимуществом в североамериканском регионе и ее позиции были теснимы США, что влекло за собой нарастание американо-британского соперничества, что, в свою очередь, делало Российскую империю ценным государством для Соединенных Штатов [13]. Также конвенции 1824–1825 гг. России с США и Великобританией установили не только впервые международное признание российских границ в Северной Америке, но и поставили ограничения на потенциальное российское продвижение в регионе [14]. Спустя менее два десятилетия Россия была выдавлена из Калифорнии: продажа в 1841 г. крепости Росс (а также примыкавшей к ней территории и поселений) гражданину Мексики Джону Огастесу Саттеру [15] показала стремление предотвратить столкновение интересов с Великобританией и США (а также с Францией) и неспособность удержать позиции [16]. Это повторно было подтверждено отсутствием возможности защитить интересы РАК в Калифорнии после того, как территория была оккупирована войсками Соединенных Штатов в ходе американо-мексиканской войны (1846–1848) и аннексирована в 1848 г.

На протяжении 1776–1856 гг. между двумя государствами функционировали асимметричные отношения: великая держава – Россия – была заинтересована в том, чтобы США – периферийный актор – оттягивали британскую мощь из Европы в Северной Америке, что расширяло возможности империи в англо-российском противостоянии. Не существовал комплекс противоречий, которые обе страны не могли разрешить в рамках компромиссов.

По итогам Крымской войны позиции Российской империи в Европе оказались подорваны. Во второй половине 1850-х гг. – начале 1890-х гг., не имея постоянных союзников, Россия поддерживала то Францию Наполеона III [17], то Пруссию Вильгельма I [18]. Тем не менее союзники не способствовали продвижению ее влияния на Балканах и в зоне черноморских проливов, поскольку европейские страны коллективно проводили политику сдерживания, блокируя геополитическое продвижение России [19]. Одновременно сказывалось напряжение в отношениях с Великобританией, которая рассматривалась ключевым противником [20]. Специфика положения российского государства заключалась в том, что оно не могло действовать с позиции силы [21]: если Берлинский конгресс 1878 г. вернул престиж российского государства, то политика непостоянных союзов оказалась губительной, поскольку способствовала росту влияния Пруссии, приведшая к образованию

Германии – прямой угрозы российскому государству [22], в отношении которой не было постоянства.

Тем не менее Крымская война не изменила восприятие США в Российской империи: Великобритания – общий противник – сближал обе страны для поддержания равновесия, предусматривавшего сдерживание британских амбиций в Северной Америке, с одной стороны, а с другой – Николай I, Александр II и их окружение выражали интерес в сохранении американо-британского напряжения [23].

Эта оценка сочеталась и с второразрядным положением США в иерархии стран мира до последней четверти XIX в. Российская правящая элита [24] не воспринимала североамериканское государство в качестве великой державы: между ними по-прежнему существовали ассиметричные отношения, что побуждало руководство России рассматривать США как элемент антибританского баланса сил. Примечательно, что на этом фоне увеличивалась диспропорция параметров мощи, в частности, в экономике. Между 1820 г. и 1850 г. доля двух стран в мировом ВВП резко претерпевает изменения: Российская империя увеличила свои позиции в 1,4 раза с 5,4% до 7,5%, а США – в 5 раз с 1,8% до 8,8%. При этом американские показатели превосходили российские на 1,3% [25]. Тем не менее Российская империя не воспользовалась Гражданской войной 1861–1865 гг. для изменения равновесия в Северной Америке и проводила политику предотвращения англо-французского вмешательства во внутриполитический кризис, отправив к атлантическим и тихоокеанским берегам США российскую эскадру. Сохранение бесконфликтных отношений было нужно российскому руководству после Крымской войны для проведения эффективной политики [26]. На глобальном уровне после 1856 г. вновь, как и Екатерина II после Семилетней войны, Александр II и его преемники – Александр III и Николай II – решали аналогичную задачу: закрепление великодержавного статуса. Однако существенным отличием от ситуации второй половины XVIII в. был процесс глобализации международных отношений: к европейскому и ближневосточному измерению добавились также и два – центральноазиатский и дальневосточный [27]. Если в Центральной Азии удалось закрепить соотношение сил с Великобританией, то на Дальнем Востоке, где кроме британской державы были также Франция, Япония и США, равновесие пока еще не было достигнуто [28].

Во второй половине XIX в. для Российского государства оставалось пространство для экспансии в Азии и Северной Америке, но осуществить оба вектора правящей элите было невозможно, что поставило вопрос о стратегическом отступлении из Западного полушария. Произошло то, что еще было понятно при Екатерине II: удержать контроль над Русской Америкой нецелесообразно, и спустя семь десятилетий наступило время для отчетливого понимания этого состояния. Следует отметить, что стратегическое отступление не было эффективным [29]. Несмотря на расцвет

РАК [30] в 1840-е гг., ее рост и постепенное угасание в 1850–1860-е гг. шли в рамках стратегического отступления Российской империи из Северной Америки на протяжении первых 50 лет функционирования Венской системы. Тихоокеанский театр боевых действий Крымской войны 1853–1856 гг. поставил вопрос о целесообразности продажи Аляски в плоскость принятия решения, из-за британской угрозы [31]: затянувшийся процесс был реализован в 1867 г., что оформило ликвидацию российских владений в Северной Америке [32].

В стратегическом уходе Российской империи из Западного полушария не было экстраординарным событием [33]. На протяжении 1800–1860-х гг. это сделали Французская империя [34], Испанская империя [35], Королевство Дания [36]. Россия отказалась от аналогичного курса Великобритании, отстаивавшей интересы военно-политическими и экономическими средствами, создавая международно-правовые рамки для размежевания государственных границ и сферы влияния с США [37]. Русская Америка была продана и не прошла трансформацию подобно Британской Северной Америки в Доминион Канада (1 июля 1867 года) [38]. Отказ от борьбы за позиции в регионе проявлял не только рациональное понимание возможностей, но и узость политического маневрирования правящей элиты, которая испытывала трудности с геополитической трансформацией империи. Также Российская империя лишила себя возможности влиять на рост мощи и позиций США в мире аналогично тому, как это делала Великобритания, совершившая «дипломатическую революцию» на рубеже XIX–XX вв., что также способствовало становлению и закреплению великодержавных позиций североамериканского государства в мире [39].

Асимметричные отношения между двумя государствами на протяжении 1770–1880-х гг. не создали политическую конъюнктуру в российской науке для изучения истории раннего периода внешней политики США. Однако уже в процессе роста американской мощи в годы «Реконструкции» и начала «Позолоченного века» возникла конъюнктура для роста американистики в Российской империи, которая не привела к изучению истории внешней политики Соединенных Штатов. Причина этого заключалась в том, что юриспруденция была сосредоточена на современности, а российская школа всеобщей истории, в целом, и новистика, в частности, были сконцентрированы на истории Европы и Азии [40]. Несмотря на владения в Северной Америке и их утрату, позицию США в Крымской войне и позицию Российской империи в Гражданской войне США, двусторонние отношения не выступили побудительной силой для формирования научного направления и школы для изучения внешней политики Соединенных Штатов.

Трансформация американо-российских отношений, признаки которых стали просматриваться еще 1870-е гг. [41], привела к тому, что в 1890–1900-е гг. сформировалась качественно новая конъюнктура,

благодаря которой стали происходить изменения в академической среде Российской империи.

Эффект от продажи Аляски, закрепляющий доброжелательность двусторонних отношений, эрозировал уже в начале 1870-х гг. Одним из ранних предвестников осложнений отношений стало «дело Катакази» (1869–1872) – дипломатический инцидент. Обвинения во вмешательстве российского посланника Константина Гавриловича Катакази (1828–1890) в урегулирование американо-британских отношений, с целью их срыва [42], демонстрировало кризис формата американо-российских отношений. Британоцентризм, столь широко распространенный прежде, устарел. Несмотря на то, что кризис был сглажен, поляризация двусторонних позиций росла по двум системообразующим причинам.

Первая заключалась в увеличении диспропорции развития экономик. В 1860-е гг. – начале 1910-х гг. показатели доли в мировом ВВП фиксировали расхождение. Если доля США возросла на 214% (с 8,8% в 1870 г. до 18,9% в 1913 г.), то показатели Российской империи имели более скромный рост – 12% (с 7,5% в 1870 г. до 8,5% в 1913 г.). При этом дистанция в показателях стала весьма разительной: если в 1870 г. доля американского ВВП опережала показатели Российской империи на 1,3%, то в 1913 г. – на 10,4% [43]. Одновременно росла зависимость российского государства от импорта из США: с 1882 г. доля американского импорта не опускалась ниже 5%, а с начала Первой мировой войны превысила 20%. Одновременно российский экспорт в США на протяжении 50 лет (с 1865 г. по 1915 г.) только 9 лет колебался в пределах 1–1,5%, в остальные годы был менее 1%. Для сравнения: в период с 1846 г. по 1864 г. только в 5 годах доля была меньше 1%, а в остальных варьировала между 1,1 и 2,4% [44]. Наращивая импорт из Соединенных Штатов, российское государство не увеличивало долю вывоза своих товаров. В 1914 г. на долю США в структуре внешнего долга Российской империи приходилось 33%, из которых 41% составляли государственный долг, 34% – займы под гарантии, 34% – муниципальные займы, 16% – инвестиции в промышленность [45].

На протяжении второй половины XIX в. проявилось отставание Российской империи от США в сфере экономики, которую они не могли эффективно компенсировать внешнеполитическим курсом: российская правящая элита, имея ограничения мощи, не могла действовать инновационно [46].

Вторая причина – уменьшение британо-американского противостояния. В третьей четверти XIX в. в условном треугольнике «Великобритания – Россия – США» российское руководство отдавало предпочтение продолжать рассматривать Соединенные Штаты британским антагонистом [47], но по-прежнему оценивало формат двусторонних отношений как ассиметричный, в то время как мощь США в период

«Реконструкции» и «Позолоченного века» выросла, а к середине 1890-х гг. страна достигла статуса великой державы, который она закрепит на рубеже XIX–XX вв. В этом представлении и заключалась концептуальная ошибка стратегического планирования: отступление из Северной Америки в результате продажи Аляски не привело к долгосрочной стабилизации и сближению американо-российских отношений [48]. В результате на протяжении 1880-х гг. и в начале 1890-х гг. американо-российские отношения приобрели напряженность [49]. Объяснить этот процесс британо-американским сближением последней трети XIX в. [50], американским национализмом [51], цикличностью американо-российских отношений, вызванных ростом и спадом интереса России в модернизации [52], провалом британской стратегии сдерживания Российской империи [53], диспропорцией мощи [54], умеренным антиамериканизмом консервативной российской правящей элиты [55], взаимным непониманием, вызванным расхождением в политическом развитии двух стран [56], изменением американской политики под воздействием идеологии империализма [57], следует дополнить и международным аспектом.

Имело место ограниченное понимание развития стратегических перспектив: российские элиты не учли сроки достижения великодержавного статуса США, из-за убежденности в том, что Великобритания, в частности, и комбинация великих держав, в целом, смогут ограничить процесс возвышения. Российская империя, из-за концентрации на европейском и азиатском векторах, оказалась без эффективной стратегии в отношении меняющих статус Соединённых Штатов [58], что сопровождалось трансформацией ассиметричных в симметрично-ассиметричные отношения [59]. Также следует учитывать и то, что 1880-е гг. стали десятилетием начала геополитического реванша Российской империи после трансформации ограничений, наложенных итогами Крымской войны [60].

Напряжение в американо-российских отношениях происходило параллельно с увеличением напряжений в отношениях Российской империи с Великобританией, Германией, Австро-Венгрией [61], что имело универсальный характер, вызванный диспропорцией мощи [62]. При этом Российская империя, как и другие державы Европы, в 1880-е гг. не рассматривала США в качестве великой державы, отводя ей второстепенный статус [63], хотя происходили системные изменения в американской внешней политике [64].

Российская империя, в отличие от Великобритании, не смогла выработать эффективную стратегию в отношении Соединенных Штатов, поскольку они не могли адаптироваться к скорости изменений американского положения в иерархии стран мира. Несмотря на агрессивные британские действия во время Гражданской войны в США [65], вторая половина 1860-х гг. – начало 1870-х гг. было временем нормализации американо-британских отношений. Этот процесс проявил

Вашингтонский договор от 8 мая 1871 года, фиксировавший не только официальное признание Соединенными Штатами Доминиона Канады, но и снимавший вероятность захвата британских территорий, угроза которым была реальной в 1850–1860-е гг.[66] Несмотря на достигнутые договоренности, отношения между двумя государствами с 1871 г. по 1896 г. оставались напряженными: в период «Позолоченного века» США трансформировались в великую державу, что не могло не беспокоить Великобританию[67], а Венесуэльский кризис 1895 г. наглядно показал британское признание американского доминирования в Западном полушарии. Наступала новая эпоха в истории американо-британских отношений, получившая название «сближение» (1896–1917): несмотря на взаимное недоверие и комплекс противоречий, оба государства поддерживали друг друга в период трансформации Венской системы, рассчитывая использовать интересы и позиции в достижении национальных интересов в разных регионах мира[68].

Предпосылки американо-британского «сближения» проходили параллельно с деградацией эффективности американо-российских отношений и параллельно с переходом к конфронтации 1890–1900-х гг., что также сочеталось с ростом нестабильности на рубеже XIX–XX вв.[69] Причины, по которым Российская империя не смогла адаптироваться к меняющемуся статусу США, следует свести к комплексу процессов.

Если Крымская война (1854–1856) показала ошибочное восприятие европейского баланса сил (Николай I самонадеянно рассчитывал на поддержку Австрии и Пруссии)[70], то политика Александра II по завершению стратегического выхода из Северной Америки в 1860-е гг. сократила возможности для Российской империи, сузила опыт развития отношений с США. Если, отойдя на дальневосточные рубежи и сосредоточившись на Европе и Азии[71], Александр II и его окружение еще могли действовать в рамках прежней парадигмы антибританского курса, которая уже на рубеже 1860–1870-х гг. утрачивала эффективность[72], но сохранялся формат положительных отношений[73], то уже следующие императоры – Александр III и Николай II – были не в состоянии противостоять североамериканскому государству ни на региональном уровне, в частности на Дальнем Востоке, ни на глобальном уровне[74]. К 1880–1890-м гг. образовалась дистанция между двумя государствами[75], которая включала в себя противоречивые тенденции (совпадение и столкновение интересов). Однако в силу политики уклонения от прямой конфронтации элит двух государств на протяжении Венской системы международных отношений противостояние между Российской империей и США было не предотвращено, а отложено.

На рубеже XIX–XX вв. российские правящие элиты оказались в кризисе восприятия США: прежняя парадигма – антибританский балансир – не могла обеспечивать эффективность политики в условии «сближения» Соединенных Штатов и Великобритании[76]. При этом

нарастание американского влияния на развитие международных отношений в Северо-Восточной Азии (на Дальнем Востоке) Россия ощутила и в процессе экономической конкуренции, и в ходе войны с Японией 1904–1905 гг.: американская поддержка Японии была процессом, неподконтрольным российской стороне [77], а инициатива Т. Рузвельта в мае 1905 г. о посредничестве в примирении Японии с США ложилась по времени на обсуждение в марте – мае 1905 г. перспектив продажи о. Сахалин Соединенным Штатам [78]. В этом контексте США стали восприниматься не только как держава, стоящая вместе с Великобританией на стороне Японской империи [79], но и как геополитический оппонент [80]. Все это означало, что к Пруссии в Европе, к Японии на Дальнем Востоке добавилась еще одна великая держава, с которой нужно было выстраивать отношения [81]. В целом русско-японская война показала растущую роль Соединенных Штатов в международных отношениях и определенную зависимость Российской империи от их расположения [82], что побудило императора Николая II пойти на сближение с Вильгельмом II, которое также содержало стремление предотвратить англо-американское стратегическое сближение [83]. Также война отразилась и на восприятии США: миротворческая миссия Т. Рузвельта не получила однозначно положительной реакции и спровоцировала антиамериканские настроения в российском обществе, упрекавшем североамериканское государство в геополитических амбициях и неверии в мощь Российской империи [84].

Трансформация политической системы в Российской империи – введение в стране конституционной монархии, начало работы Государственной думы в результате Первой русской революции (1905–1907), функционирование «третьеиюньской монархии» и нарастание кризисных процессов – оказала непосредственное влияние как на состояние американо-российских отношений, так и на восприятие США в Российской империи – начался процесс политического сближения, который обладал неравномерной динамикой.

На протяжении двенадцати лет – от Русской революции 1905 г. до Февральской революции 1917 г. – США (как и их внешняя политика) стали системным фактором внутриполитического дискурса российского общества и политикума в условии трансформации [85].

На уровне политических сил – партий и движений – Соединенные Штаты были объектом неоднозначных оценок, которые представляли собой полярные полюса. Негативный полюс формировали консервативные политические силы. Критика сводились к тезисам, согласно которым:

1) отрицалось внедрение в России американского опыта институционального и конституционного развития [86];

2) Соединенные Штаты, под воздействием антироссийской агитации евреев, критиковались за вмешательство во внутренние дела России [87];

3) США, как и Япония, представлялись угрозой для российского Дальнего Востока, особенно подчеркивалась потенциальная аннексия

Камчатки [88]. Положительный полюс создавали либеральные политсилы: Конституционно-демократическая партия (Партия Народной Свободы), Партия мирного обновления, Партия Демократических Реформ, Прогрессивная партия, Партия «Союз 17 октября» [89]. Для сторонников либерального пути развития США выступали примером политической модернизации, который следует применить и в Российской империи при построении представительных институтов, в частности, и демократических механизмов, в целом [90]. Однако, несмотря на полярность оценок, и правые [91], и левые политические силы имели близкую позицию в интерпретации внешней политики Соединенных Штатов, рассматривая ее критически, из-за проявления империализма [92].

Если политические силы вели пропаганду своих тезисов, то правящие элиты – император и правительство – были вынуждены принимать конкретные решения относительно США. И в этой сфере происходили серьезные изменения. В частности, пресекались любые проявления вовлечения Государственной думы в американо-российские отношения. Визит П. Н. Милюкова – депутата законодательного органа власти – в США в январе 1908 г. вызвал негативную реакцию не только в политикуме, но и вызывал противодействие посла барона Р. Р. Розена. Попытка депутатов Госдумы повлиять на принятие решений относительно утраты силы в 1912 г. Договора о торговле и мореплавании 1832 г., о котором заявила администрация У. Г. Тафта 17 декабря 1911 года, обернулась фиаско. В частности, два проекта – консервативной русской национальной фракции и либеральной фракции «Союз 17 октября», направленнве на противостояние США, были остановлены и не получили юридических последствий: документы были заслушаны, но по ним не было принято решений [93]. При этом следует отметить, что несмотря на резонанс, кризис не перерос в конфронтацию, но стал одним из факторов увеличения влияния конституционных демократов в парламенте [94].

С 1905 г. по 1917 г., из семи председателей Совета министров только двое – С. Ю. Витте [95] и П. А. Столыпин [96] – были сторонниками нормализации американо-российских отношений, вызванной необходимостью проведения модернизации страны и поддержания выгодного баланса сил в международных отношениях. Кроме того, что остальные пять премьер-министров – И. Л. Горемыкин, граф В. Н. Коковцов, Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов, князь Н. Д. Голицын – были сподвижниками сближения по обстоятельствам, но не внутренним убеждениям, существовала и неоднозначная позиция Николая II. В отличие от настроений в царствующей семье последней трети XIX в. [97], император не был носителем проамериканской симпатии, берущей истоки в антиреспубликанизме, монархизме и антиамериканизме [98], которые привели его к убежденности в том, что американский путь развития [99] (парламентаризм [100], либерализм [101]), не подходил для Российской империи.

В отличие от британского вектора в российской внешней политике, Николай II и до, и во время Первой мировой войны не обладал системным представлением о курсе в отношении США. Под давлением обстоятельств (предвоенные приготовления и поставки в годы войны) он поддерживал сближение, которое генерировалось его окружением, но не им самим. Он не совершил визита в Соединённые Штаты ни в период, предшествующий коронации [102], ни в годы царствования [103]. Североамериканское государство не выделялось в качестве объекта внимания российского императора в годы его формирования на протяжении 1870–1880-е гг. Геополитические взгляды Николая II закладывались в эпоху асимметрических отношений между двумя государствами и в концентрации российской внешней политики на Европе и Азии. В конце XIX в. и начале XX в., в условии симметричных отношений, император оказался неподготовленным к взаимодействию с Соединенными Штатами [104]. Ограниченные источники [105] позволяют констатировать, что Николай II рассматривал растущее государство угрозой для самодержавия в Российской империи, однако необходимость в экономической модернизации и достижение приемлемого баланса сил стимулировали монарха к продолжению курса Николая I, Александра II, Александра III – последовательно избегать конфликтов с США [106]. Однако эта установка обладала эффективностью в период асимметричных отношений, которые давали сбой при меняющейся конфигурации и сочетании мощи двух держав.

В условиях симметричных отношений российское руководство пожинало последствия стратегического отступления из Северной Америки в 1840–1860-е гг., с одной стороны, а с другой стороны – неудовлетворительные результаты модернизации второй половины XIX в. – начала XX в. Российская империя испытывала давление со стороны США по периметру своих границ: кабинет П. Столыпина противостоял американскому проникновению на Чукотку [107], стремлению Соединенных Штатов интернационализировать существующие российские и японские железные дороги Маньчжурии и построить в регионе новые железнодорожные линии [108], закреплению североамериканского государства на Шпицбергене [109], получению американскими компаниями концессий у Турции на строительство железных дорог в Малой Азии [110]. Уже накануне Первой мировой войны проникновение США в пространство Российской империи на Дальнем Востоке было предметом для организации противодействия: на основании постановления Совета Министров от 7 февраля 1913 года было учреждено межведомственное совещание по делам Дальнего Востока под председательством прибывшего в С.-Петербург Приамурского Генерал-Губернатора, одной из целью которого было формирование мер по вытеснению американской торговли с российского северо-востока [111].

К 1914 г. было понятно: Российская империя оказалась в относительной экономической и технологической зависимости от США. Решение администрации В. Вильсона денонсировать Договора о торговле и мореплавании (1832) с 1 января 1913 года вызвало серьезные беспокойства в российском правительстве. В частности, кабинет графа В. Н. Коковцова был вынужден балансировать между Государственной думой, где популизм и парламентская борьба порождали экстремальные способы реакции, ведшие к конфликту, и реальным состоянием российской экономики в контексте международных отношений. В частности, попытки депутатов в Государственной думе – консервативной русской национальной фракции и либеральной фракции «Союз 17 октября» – законотворчески отреагировать на действия США применением к американским товарам общего автономного тарифа были оценены правительством как несвоевременные меры, но заслуживающие внимания в дальнейшем [112]. Реально состояние зависимости России от США передает отчет от 26 декабря 1911 года для Совета министров, подготовленный Александром Васильевичем Кривошеиным (1857–1921) – Главноуправляющим землеустройством и земледелием в 1908–1915 гг. В документе было обозначено: «<…> (А. В. Кривошеин. – Д. Д.) счел необходимым заблаговременно озаботиться подготовкой надлежащих мер к устранению или хотя бы к ослаблению зависимости некоторых отраслей отечественной промышленности от американского ввоза. Зависимость эта сказывается, прежде всего, на нашей потребности в хлопке. В этом отношении достаточно указать, что, несмотря на сбор у нас, примерно, до 11.000.000 пуд. хлопкового волокна в год, стоимостью до 150.000.000 руб., почти такое же количество его ввозится в Россию из-за границы и притом, главным образом, из Северной Америки. Малообеспеченным отечественными изделиями оказывается также и наш спрос на сельскохозяйственные машины, в особенности, уборочные, причем стоимость земледельческих машин, выписываемых нами из Америки, достигает ежегодно почти 13.300.000 руб.» [113]. Предпринимать меры по ослаблению экономической зависимости Российской империи от США накануне Первой мировой войны было поздно: предвоенные материально-технические нужды заставляли сохранять источник поставок товаров. Также война стала механизмом развития зависимости в политической сфере.

В годы Первой мировой войны в Российской империи активизировалось сближение с США: создавались двусторонние институты [114], риторика официальных лиц обращала внимание на дружественность отношений между двумя странами [115], повысилась эффективность дипломатической работы [116], резко возросла потребность в американских военных товарах [117]. Однако при этом наблюдалась низкая степень политической интенсивности [118], что даже дало повод рассматривать их как прохладные отношения [119]. Мотивация российских

интересов сближения объясняется историографией стремлением заместить немецкий капитал американским в российской экономике [120]; борьбой против англо-французского экономического и политического закабаления [121]. Материально-техническая зависимость России от США была не только фактором «сближения» [122], но причиной для опасения возникновения политической зависимости. Общая логика объяснений сводилась к стремлению избежать политической зависимости от США. Особенно четко это проявилось в результате негативной реакции российского политикума в январе 1917 г. на декларацию «Мир без победителей» – инициатива В. Вильсона от 18 декабря 1916 года. Посредничество Соединённых Штатов – нейтральной страны – в примирении воющих государств было недопустимо ни для лидеров политических сил в Государственной думе (против выступали октябрист М. В. Родзянко, кадет П. Н. Милюков [123], члены правой группы Государственного Совета князь Д. П. Голицын и П. П. Кобылинский [124]), ни для кабинетов Александра Фёдоровича Трепова и князя Николая Дмитриевича Голицына, в результате которого российская сторона не заняла самостоятельную позицию, отдав предпочтение решению вопроса союзникам по Антанте [125].

Февральская революция и функционирование Временного правительства (кабинеты князя Георгия Евгеньевича Львова и Александра Фёдоровича Керенского) не изменили внешнюю политику постмонархического государства в отношении США: продолжался курс на сближение, по причине действия системных факторов, связанных с продолжением участия России в Первой мировой войне и нехваткой внутренних ресурсов, обеспечивающих этот процесс [126]. Однако в российском политикуме и обществе курс кабинетов нового политического центра, получившего признание внешнее, но не внутреннее, вызывало неоднозначную поддержку: продолжение американо-российского «сближения» [127], начатого при царизме, сопровождалось политической борьбой, делавшей Россию нестабильным государством. Со своей стороны, борьба политсил за власть привела к тому, что либеральные политические силы, стоявшие у истоков Февральской революции, но не имевшие поддержку широких слоев населения [128], в мае 1917 г. были вынуждены пойти на расширение сотрудничества с партиями левого политического спектра: на протяжении мая – августа три коалиционных кабинета правительства выстраивались на сотрудничестве правых и левых партий. Однако стратегия по построению стабильности оказалась недостаточной: рост антивоенных настроений и продолжение участия России в Первой мировой войне сочетались с ростом оппозиционного влияния большевиков – радикальной фракции Российская социал-демократическая рабочая партия (далее – РСДРП) и эсеров – левого крыла Партии Социалистов Революционеров. Оппозиционные силы особенно

стали критиковать сотрудничество с США Временного правительства и партий, их поддерживавших, используя это в борьбе за власть.

Фракционное противостояние в РСДРП привело к тому, что меньшевики стремились сдерживать радикальность антиамериканской направленности деятельности большевиков. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов стал пространством борьбы весной 1917 г. На заседании Постоянного Исполнительного комитета Петросовета 29 марта был поставлен вопрос о принятии решения по учреждению органа для ведения внешнеполитической работы. Этим воспользовались большевики: по воспоминаниям Александра Гавриловича Шляпникова (1885–1937) – революционера, лидера группы «рабочей оппозиции», большевики инициировали учреждение «комиссии по иностранным делам», одним из принципов которой был тезис об эксплуатации России со стороны буржуазии США [129]. Эта инициатива была блокирована, в совокупности с лишением большевиков иметь сильные позиции внутри сформированного «отдела международных сношений», где доминировали «меньшевики» [130]. Но еще до того, как на рубеже лета – осени 1917 г. произошла большевизация Петросовета, обе фракции РСДРП выражали близкие позиции в отношении интерпретации США. Их общая позиция заключалась в следующих тезисах:

1) по вине США продолжается мировая война и Россия не выходит из нее [131];

2) американский (и английский) империализм навязывают России империалистическую модель развития [132];

3) США (вместе с Великобританией и Францией) обвинялись в том, что они, используя Временное правительство, в целом, и кадетов, в частности [133], стремились поставить Россию в один ряд с Мексикой и Филиппинами с целью колонизации [134] и территориального раздела [135];

4) отрицался американский опыт построения российского государства, из-за концентрации власти в руках капиталистов [136];

5) являясь империалистической державой, Соединенные Штаты стремились к глобальному доминированию эксплуатации иностранных государств [137].

В летние месяцы большевистский подход к восприятию Соединенных Штатов расширился и внутри, и за пределами партии. Если на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (16 июня – 7 июля) В. И. Лениным было озвучено, что США – агрессивная империалистическая держава [138], то уже спустя месяц в резолюции Съезда РСДРП (25 июля – 3 августа) отмечалось: «На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию – Америка» [139]. К осени, РСДРП, готовящая мятеж, была уже настроена на конфронтацию с политическими оппонентами внутри российского политикума, выстраивая аргументацию пропаганды на основе антиамериканизма. Был сформирован негативный образ

североамериканского государства: будучи одним из центров мировой контрреволюции, Соединенные Штаты интерпретировались как экзистенциональная противоположность Революционной России [140]. По сути, большевики отождествили США с Великобританией: если на протяжении второй половины XVIII в. – начала XX в. Великобритания рассматривалась как геополитический оппонент Российской империи, то к 1917 г. РСДРП, в целом, и большевики, в частности, поставили США в один ряд с британским государством, объединив их параметрами империализма и капитализма – чуждого пути развития для Революционной России. Кроме марксистско-ленинской методологии, не было ничего нового: так как американский империализм также подвергался критике националистическими и либеральными политсилами.

Октябрьская революция 1917 г. прервала исторический максимум сближения между двумя странами, который прежде не наблюдался [141]. Последовавшая Гражданская война, завершившаяся победой большевиков, сопровождалась резким негативным отношением к США – стране, поддерживавшей белое движение, государству-интервенту [142]. В контексте интеллектуального развития общества это означало победу одной точки зрения: к началу 1920-х гг. в Советской России восторжествовал большевизм, а с ним и негативная оценка внешней политики Соединенных Штатов.

1.1.1.2. Становление исторических и юридических наук: внешняя политика государства как предмет изучения и ее диспропорция развития в университетском образовании. В XIX в. внешняя политика государства (и ее история), как объект изучения, оказалась на стыке исторических и юридических наук, по причине процесса становления их специализации. Тем не менее интеллектуальная среда вузов являлась системным условием для развития темы в российской научной мысли. Однако университетские уставы XIX в. – 1804, 1835, 1863, 1884 гг. – создали разные предпосылки для развития объекта в исторических и юридических науках, где произошло расхождение в степени внимания к истории внешней политики государства, включая и США.

Всеобщая история не получила конкретизацию предметно-тематического поля: в 1804 г. учреждалась должность профессора всемирной истории, статистки и географии; в 1835 г. отмечалась наука всеобщая история; в 1863 г. и 1884 г. фиксировалось существование кафедры всеобщей истории [143]. Регламентирующие документы – университетские уставы – не содержали конкретизации: предмет всеобщей истории был настолько обширен, что не охватывал многие аспекты, а университеты не были готовы к масштабной работе – сказывалось ограниченное количество специалистов по истории современных зарубежных государств, особенно стран Западного полушария, процесс образования которых охватывал 1770–1830-е гг. [144]

США не вписывались в круг приоритетов специалистов по всеобщей истории, которые концентрировали свои усилия на историческом развитии Европы и Азии, где существовали империи минувших эпох и великие державы современности [145]. Историки-новисты не стремились заниматься изучением истории внешней политики Соединенных Штатов, поскольку история этого государства, не имевшего великодержавного прошлого и занимающего периферийный статус, не имела перспектив для научного исследования. Сказывался также и начальный уровень становления всемирной истории XVIII–XIX вв. в Императорской России. Тем не менее игнорировать быстрые темпы развития этой страны в регионе, где у России были территориальные владения до 1867 г., ученые уже не могли. Однако отношение к истории США было или поверхностным, или пренебрежительным. В частности, в Императорском Московском университете профессор Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855), работая над проектом программы по всеобщей истории, выделял подтему «Отпадение Америки» в теме по истории Англии и не фокусировал внимание на внешней политике североамериканского государства [146]. Его коллега, Михаил Михайлович Лунин (1809–1844) – ординарный профессор по кафедре всеобщей истории в Императорском Харьковском университете, не затрагивал историю США в своей научно-педагогической работе в 1835–1844 гг. [147]

Трудности становления американистики внутри исторической науки были связаны с дополнительными сложностями. Во-первых, исследование Соединенных Штатов в годы консервативного периода правления Александра I (после 1812 г.) и всего периода властвования Николая I (1825–1855) не рассматривалось перспективной деятельностью для историков-новистов. Во-вторых, становление исторической науки в США пребывало на начальной стадии и было не замечено в 1-й половине XIX в. В-третьих, незначительный объем двусторонних экономических связей уменьшал благоприятные условия для изучения страны в российской исторической науке [148].

Параллельно развитие темы шло в юридических науках, где уже с начала XIX в. университетскими уставами формировались более четкие предметно-тематические рамки [149]. Уставами предполагалось в 1804 г. учредить должность «Профессор прав знатнейших как древних, так и нынешних народов»; в 1835 г. фиксировалась дисциплина «Начала общенародного правоведения (Jus gentium)»; в 1863 г. вводилась кафедра «Истории важнейших иностранных законодательств древних и новых»; в 1884 г. – кафедра «Международного права» [150]. Эти ориентиры обусловливали концентрацию внимания на государства, в целом, и США, в частности, как на субъекте международных отношений. В свою очередь, это привело к тому, что интерпретация генезиса внешней политики проходила на основе юридического позитивизма.

В юридических науках под воздействием позитивизма сформировался универсализм интерпретации внешней политики государства посредством концепта «баланса сил». Еще до провозглашения независимости США восприятие их внешней политики было предопределено пониманием движущих сил международных отношений. Под воздействием европейской общественно-политической мысли сложилась устойчивая практика рассматривать баланс сил и мощь организующими началами отношений между государствами [151]. Эта призма распространялась через переводную литературу XVIII–XIX вв.: европейские представления проникали (преимущественно в период правления Екатерины II) [152] посредством издания трудов адептов камерализма. В частности, российскому читателю стали доступны такие книги, как «Политическое завещание кардинала Дюка де Ришелье французскому королю» (1766–1767, 1788) [153] первого министра Франции, кардинала Армана Жана дю Плессиде Ришелье (1585–1642), «Анти-Макиавелли» (1779) короля Пруссии Фридриха II (1712–1786), «О защищении государей: Письмо к Дорсету» (1781) анонимного автора, «Наставления для совести государя: К научению Людовика Французскаго герцога Бургонскаго» [154] французского священнослужителя, писателя, педагога, богослова Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелона (1651–1715), «Наставления политическия барона Билфелда» (1768–1775) прусского политика Якоба Фридриха Бильфельда (1717–1770) [155].

Представления формировались также из дипломатической практики, a posteriori, в процессе возвышения Российской империи в иерархии государств Европы. Это объясняет причину, по которой и без знания содержания иностранной литературы понятия «равновесие» (баланс сил) и «сила» (мощь) распространились в элитах второй половины XVIII в. Наглядно процесс демонстрируют материалы сборника документов «Политическая переписка императрицы Екатерины II» [156]. В XIX в. взгляд на функцию «баланса сил» закрепился в Российской империи, став предметом исследований в сфере юриспруденции. Понятие стало предметом академического внимания: диапазон его использования варьировал от монографических работ [157] до диссертационных изысканий на соискание степени магистра [158] и доктора права [159]. Политический опыт и теоретическое осмысление международных процессов XVII–XIX вв. привели к тому, что с 1776 г. в Российской империи сложилась устойчивая тенденция интерпретировать внешнюю политику государства, включая и США, посредством понятия «баланс сил».

Также системным ограничением для развития темы в плоскости исторических наук и активизация ее исследования в сфере правовых наук было усиление привлекательности юридического образования, обеспечивавшее материальные доход, и ослабление популярности историко-филологических факультетов после принятия университетского устава 1884 г., где акцент учебных программ смещался в сторону

расширения классических языков [160]. Количество студентов юридических факультетов стало превосходящим: с 1898 г. по 1917 г. было подготовлено 34 тыс. 529 выпускников, что составило 29% от общего количества студентов, получивших образование [161], или приблизительно 0,03% от населения российского государства. Все это приводило к тому, что наработки в правовых науках распространялись и охватывали значительно большое количество аудитории.

Специфика развития исторических и юридических наук сформировала разные условия развития изучения истории внешней политики США: ориентация юриспруденции на изучение темы была связана с прикладным аспектом современности, в то время как историческая наука не имела ни теоретических, ни практических связей с развитием североамериканского государства, что лишало ее актуальности для историков-новистов. Результатом стала диспропорция во внимании ученых к теме.

1.1.1.3. Всеобщая история: отсутствие интереса к истории раннего периода истории внешней политики США. В начале второй половины XIX в., уже после смерти Т. Н. Грановского и М. М. Лунина, следующие поколения историков-новистов демонстрировали изменения в отношении к американистике: она получила импульс развития в начале 1860-х гг. в Императорском Харьковском университете, что было следствием влияния «харьковской правовой школы».

После двухлетнего пребывания в научной командировке в европейских государствах Михаил Назарович Петров (1826–1887) – адъюнкт по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета – подготовил монографию «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: сравнительный историко-библиографический обзор» (1861). Через четыре года, в 1865 г., он защитил ее как докторскую диссертацию. В тексте при рассматривании историографии Великобритании обращалось внимание и на историческую науку в США, где выделял работы по истории дипломатии североамериканского государства. «В заключение этого обзора, – отмечал ученый, – предлагаем некоторые библиографические сведения об американских историках. Северо-американская историография, как и вся литература Соединенных Штатов, в общих чертах своего характера так похожа на английскую, что может быть названа ее младшей сестрой. Всё сказанное здесь о направлении британских историков может в известной степени относиться и к американским, с тем разве различием, что реализм англо-саксонской расы развит в них еще сильнее, чем в их соплеменниках старого света, и что как люди, принадлежащие совершенно оригинальной сфере образования, не связанные с европейской жизнью никакими сильными преданиями, они с большей свободой и свежим взглядом посмотрели и на её историю. Пятеро из американских историков пользуются всеобщею известностью, а следовательно заслуживают и наше особенное внимание: Вашингтон Ирвинг, Прескотт, Спаркс, Банкрофт и

Мотли» [162]. В этой группе М. Н. Петров выделил Дж. Спаркса, которого он считал специалистом по дипломатической истории и источникам Американской Революции, биографии Дж. Вашингтона и Б. Франклина [163].

Несмотря на то, что М. Н. Петров не рассмотрел наработки американской исторической науки соразмерно с европейским опытом, а его анализ взглядов Дж. Спаркса ограничился указанием работы автора в проблемно-тематическом поле, он был первым в российской исторической науке, обратившим внимание на историографию и источниковедение раннего периода истории внешней политики США. Исследование стало первым шагом к постижению американской научной мысли. Однако этот аспект не пробудил интереса в академических кругах к истории североамериканского государства и развивавшейся в нем исторической науки. Процедура защиты исследования в Императорском Московском университете наглядно это показала.

Во время публичного рассмотрения диссертации М. Н. Петров в своей речи не выделил наработки по американской историографии [164]; не привлек этот аспект в диссертации внимания и у выступавших на защите: нoвиста, заведующего кафедрой всеобщей истории Владимира Ивановича Герье (1837–1919) [165], слависта Нила Александровича Попова (1833–1891), слависта, заведующего славистической кафедрой Осипа Максимовича Бодянского (1808–1877). Их критические замечания не имели отношения к американской историографии [166]. Из выступавших только В. И. Герье был единственным, кто, критикуя понимание диссертантом воззрений Ф. К. Шлёссера, апеллировал к американской проблематике: «Но нельзя не заметить также, что Шлоссер смотрел постоянно на исторические явления с точки зрения современных событий. Отсюда его неискренность. <…> точно так же, касаясь истории отпадения английских колоний, он видит в этом явлении попрание прав человечества. Этим перенесением в историю вопросов настоящего объясняется то, что Шлоссер был несправедлив к великим историческим деятелям, напр. к Фоксу, Борку, Франклину» [167]. Примечательно, что в 1865 г. В. И. Герье опубликовал книгу «Очерк развития исторической науки», в которой не было ни слова о достижениях американских коллег [168], а впоследствии не стал активным сподвижником американистики.

Апелляция М. Н. Петрова к истории США была следствием из продолжительного существования внимания к этому государству в академической среде Императорского Харьковского университета, не находившая отклика у авторитетных московских историков. Однако, его наработки середины 1860-х гг. оказались скоротечными и не привели к расширению, углублению изучения американской историографии [169].

Последняя треть XIX в. стала временем, когда американистика получила горизонтальное распространение в академической среде Российской империи. Локус этого процесса сосредоточился на учебных центрах и профессиональном сообществе Санкт-Петербурга и Москвы.

В области исторических наук также были предприняты попытки провести научные исследования по истории США. Однако у этих начинаний были негативные результаты. Оставивши американскую проблематику без должного рассмотрения В. И. Герье в Харькове во время защиты диссертации М. Н. Петрова, столкнулся с ней вскоре уже в своей практике в Императорском Московском университете. Сподвижник «русской школы» всеобщей истории был пассивным помощником в научных изысканиях одного из своих первых учеников – Степана Федоровича Фортунатова (1850–1918).

Существующая в литературе точка зрения о том, что С. Ф. Фортунатов увлекся историей США в Европе во время зарубежной стажировки под воздействием контактов с профессором Г.-Э. Гольстом (1841–1904) или еще в раннем детстве под впечатлением от Гражданской войны 1861–1865 гг. [170], подчеркивает то, что источник вдохновения для него не был связан ни с В. И. Герье, ни с российской наукой. Поиски, не нашедшие поддержки у научного руководителя и у российских историков-новистов, завершились провалом: две монографии – «Представитель индепендентов Генри Вен» (1875) [171], «История политических учений в Соединенных Штатах» (1879) [172] – так и не стали исследованиями, послужившими материалом для магистерской диссертации (провалились попытки защитить книги в Императорском Московском университете и Императорском Киевском университете). Фиаско в науке привело к тому, что уже на рубеже 1870–1880-х гг. С. Ф. Фортунатов отказался от крупных исследований в области американистики, отдал предпочтение преподавательской и просветительской работе. К этому времени изменилось отношение к нему и В. И. Герье: он утратил интерес из-за его научной бесперспективности [173], а также разочарования в либерализме, образцом которого слыли Соединенные Штаты [174].

Трансформация политических процессов после смерти Александра II во время правления его преемника Александра III не благоприятствовала изменению отношения к изучению истории внешней политики США. В условиях введения наиболее консервативного Университетского устава 1884 г., либерально мыслящий С. Ф. Фортунатов был принят на работу в 1885 г. в Императорский Московский университет на должность приват-доцента. При поступлении в заявлении им указывалось его стремление преподавать историю США [175]. В 1890/91 учебном году впервые в университете, в частности, и России, в целом, стала преподаваться дисциплина «История Соединенных Штатов» [176]. Но этот курс не носил постоянного характера: уже в следующем учебном году он был снят и заменен дисциплиной «История Франции в XIX в.» [177].

Тем не менее работа С. Ф. Фортунатова не привела к тому, чтобы появились научные труды или формировалась плеяда историков-американистов, связанная с его именем. Эти начинания не имели результата в Императорском Московском университете: не обладая

научным авторитетом, не имея защищенной магистерской диссертации, так и не приобретя признания в профессиональной среде, историк не был притягательным центром для ориентации российского студенчества. Следует отметить, что слушатели лекций оставили нелестные отзывы о педагоге на разных этапах его профессионального пути.

Студенты не оставили положительных воспоминаний об американисте. Князь Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1930) – общественно-политический деятель, дипломат – передал свое впечатление следующими воспоминаниями: «В университете вначале меня потянуло ко всему зараз, и ни к чему в особенности. Я слушал с увлечением лекции милого старого приват-доцента Степ[ана] Фед[оровича] Фортунатова, который всегда увлекал первокурсников. Он читал историю конституции Сев[еро]-Америк[анских] Штатов, закрывал глаза и пел как соловей про историю самого свободного государства и народа. В то время к этому примешивалась прелесть впервые вкушаемого запретного плода. Научной ценности эти лекции, разумеется, не представляли. Это был, так сказать, десерт, но в юности десерт ценится больше питательной пищи» [178]. Владимир Иванович Пичета (1878–1947) – историк-славист, первый ректор Белорусского государственного университета – вспоминал: «Приходилось слушать иногда и лекции С. Ф. Фортунатова по истории Англии, Франции XIX в., в которых он давал в сущности только одну историю конституционного развития, с которой я был уже знаком, и потому для меня лекции Фортунатова не представляли никакого интереса…» [179]. Тем не менее в представлениях современников – Михаила Михайловича Богословского (1867–1929), Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933), Николая Ивановича Кареева (1850–1931), Павла Николаевича Милюкова (1859–1943), Сергея Петровича Мельгунова (1879–1956) – С. Ф. Фортунатов прослыл знатоком политической истории США. Таким образом, в мемуарных источниках не зафиксированы оценки его знания в области внешней политики США [180].

В истории газеты «Русские ведомости» С. Ф. Фортунатов, как сотрудник иностранного отдела, специализировался на вопросах внутренней истории зарубежных стран [181]. Итоги его многолетней работы в этом издании с 1879 г. были охарактеризованы следующим образом: «За тридцать с лишком лет своего сотрудничества в „Русских Ведомостях“ Фортунатов поместил в газете громадное количество передовых статей по вопросам внутренней (преимущественно политической) жизни иностранных государств, особенно Франции, Англии и Соединенных Штатов. <...> Международных вопросов он в своих статьях почти не касался, но зато охотно останавливался на общеконституционных темах, особенно часто приходилось ему это делать в 1905–1906 гг., когда такие темы стояли на очереди дня у русского общества» [182]. Для П. Н. Милюкова, согласно его воспоминаниям, С. Ф. Фортунатов

запомнился тем, что «<…> мог перечислить подряд всех президентов, с годами их управления» [183].

Феноменальная память и концентрация внимания на хронологии рассматривались его исключительной чертой мышления в профессиональной сфере [184]. При этом историка воспринимали лектором и не причисляли к научной сфере деятельности [185]. Н. И. Кареев прямо писал: «Фортунатов особенно любил новую историю Англии, Франции, главным же образом историю Соединенных Штатов, по которой у него были большие знания. Ученая его карьера, однако, не удалась. Две написанные им довольно тощенькие диссертации были забракованы, да вообще он терпеть не мог процесс писания» [186]. Контраст между лектором-педагогом и ученым на рубеже XIX–XX вв. передают рассуждения С. П. Мельгунова: «Как-то странно даже представить себе, что в молодости он был как бы конкурент самого П. Г. Виноградова и конкурент, по-видимому, опасный, за которым Виноградов тщательно следил. Лицо, видавшее много раз обоих в молодости, рассказывало мне, как Виноградов беспокоился, когда узнавал, что Фортунатов, например, отправился к Герье; прибегал к тетке Фортунатова и начинал ее расспрашивать по этому поводу: зачем и почему» [187]. Несмотря на скептицизм современников, знавших его лично, в энциклопедиях Российской империи американист был представлен «историком», но не педагогом или лектором [188].

В. И. Герье не был ни начинателем, ни сподвижником американских исследований С. Ф. Фортунатова. Но, руководствуясь своими соображениями, связанными с тем, что его ученик принадлежал к «семье Фортунатовых» [189], он как научный руководитель оказывал поддержку, руководствуясь политическими соображениями, устроив его на работу в начале 1870-х гг. на Московские Высшие женские курсы [190]. Но и на этом месте работы американиста поджидали сложности. Курсистка Екатерина Щепкина отмечала: «Фортунатов, совсем юноша, сам только что окончивший университет, читал очень старательно, бойко, с оживлением, но слишком сжато, давал хорошие обзоры, но довольно поверхностно… Лектор очень интересовался своей аудиторией, радовался вопросам и беседам. Семинары Герье давали мне гораздо больше…» [191].

В обоих учебных заведениях С. Ф. Фортунатов имел возможность распространять свое представление об истории США. Однако его результат носил трудноопределимый характер: он не создал ни свою собственную школу, ни ответвление внутри «школы Герье». Тем не менее он был кооптирован не только в преподавательскую среду, но и в научную сферу. В силу личных качеств подававший надежды историк не превозмог свои персональные ограничения, не вышел за рамки российского опыта – не совершил поездку в США (как это сделал М. М. Ковалевский) в период проведения магистерского исследования, не стал развивать отношения с американскими историками, отдав предпочтение ложному чувству

уникальности – это был его способ сосуществовать, а по сути – конкурировать с коллегами.

Преподавание истории США С. Ф. Фортунатовым в Императорском Московском университете не привели к появлению последователей. В свою очередь, работа лектора на Московских высших женских курсах столкнулась с другой проблемой: в отличие от студентов, курсистки имели меньше возможностей быть сподвижницами становления научного изучения США в российском обществе. Их парафией преимущественно были образовательные учреждения среднего звена, и в меньшей степени – писательский труд, журналистика. Профессиональный путь Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской – первой женщины-магистра и первой женщины – доктора наук по всеобщей истории – показывает карьеру в научной сфере женщин [192], так же как и отдельные исследования трудностей в получении высшего образования женщин в Российской империи, где эродировала патриархальная правовая культура [193].

Если рассматривать положение С. Ф. Фортунатова внутри профессиональной корпорации, то его реноме специалиста по истории США наглядно демонстрирует тот факт, что он не был привлечен Н. И. Кареевым – редактором «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» – к работе над статьями в этом издании. Друг друга они хорошо знали, поскольку были учениками В. И. Герье. Написать раздел по истории североамериканского государства было поручено Василию Васильевичу Водовозову (1864–1933) – публицисту, правоведу [194]. Сказывалось и невыполнение С. Ф. Фортунатовым обязательств перед Историческим обществом в начале 1890-х гг., и конфликт с В. И. Герье, в переписке с которым его ученик Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) допускал оскорбительные высказывания в адрес их общего знакомого [195]. В целом С. Ф. Фортунатов, как историк-американист, оставался в одиночестве в профессиональной среде Российской империи, что его устраивало, формируя ложное ощущение уникальности. Не ведя борьбу за изменение своего статуса, не борясь за научное признание, он не стал источником и движущей силой научного изучения истории внешней политики США и ее генезиса в Российской империи.

Отношения между В. И. Герье и С. Ф. Фортунатовым в 1870–1880-е гг. были своего рода прологом отношения историков-новистов к американистике в последней четверти XX в.: эта сфера не представляла для них научного интереса. Наглядно это состояние демонстрирует функционирование исторических научных обществ Императорского Московского университета и Императорского Санкт-Петербургского университета [196].

В 1889 г. было учреждено Историческое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете, председателем которого стал профессор Николай Иванович Кареев (1850–1931). Несмотря на то, что руководитель был новистом, всеобщая история оказалась в

плачевном состоянии. Отчет о деятельности общества за 25 лет наглядно это показал: «Из двух секций, на которые разделилось Общество, более успешно шли дела секции русской истории, которая с весны 1903 по конец 1914 года имела 64 заседания, тогда как другая секция (всеобщей истории. – Д. Д.) значительно отстала. Это и понятно. Во-первых, в Петрограде специалистов русской истории много больше, чем специалистов истории всеобщей. Во-вторых, научные интересы первых гораздо ближе между собою, нежели интересы вторых, разделяющиеся по большим отделам всемирной истории, каковы: древний Восток, классическая древность, германо-романское средневековье, Византия и славянский мир, новое время, так что всякая сколько-нибудь специальная работа может представлять интерес только для очень ограниченного числа товарищей докладчика по специальности» [197].

В условиях упадка секции американистика, в целом, и внешняя политика США, в частности, выглядели еще более незначительными. За период до начала Первой мировой войны не была опубликована ни одна работа [198], хотя с обществом были связаны писатели, историки, ученые, занимавшиеся Соединенными Штатами. Еще в 1890 г. к работе над составлением библиографического раздела «Америка и Австралия» для справочника был привлечен С. Ф. Фортунатов [199], который не довел до конца начинание, а также не стал и его членом. Позже, в начале XX в. в общество вступил П. Г. Мижуев [200]. За 25-летний период только в 1912 г. был представлен его доклад на тему «Американская историческая ассоциация» [201]. Примечательно, что обсуждение выступления показало отсутствие представлений у российских ученых о развитии исторической науки в США [202], хотя еще в 1861 г. была опубликована монография М. Н. Петрова. Также участие в работе общества таких авторитетных исследователей, как М. М. Ковалевский и М. Я. Острогорский, не повлияло на разработку темы.

Еще более худшее положение сложилось в Императорском Московском университете: В. И. Герье – наставник Н. И. Кареева – вслед за своим учеником в 1893–1895 гг. стоял у истоков организации профессиональных историков в рамках исторического общества [203]. Личные качества руководителя – стремление к тотальному контролю, изменение взглядов с либеральных на умеренно-консервативные, стремление избежать конфликта с политическим режимом – и его научные интересы, концентрировавшиеся на европейской истории, не способствовали становлению американистики в работе исторического общества. Первое десятилетие функционирования общества характеризовалось нерегулярностью заседаний, отсутствием систематического делопроизводства, фиксировавшего ход заседаний. К 1905 г. работа исторического общества сошла на нет, хотя его формального роспуска не произошло. Тем не менее американистика не стала его отдельным направлением ни в первое десятилетие, ни в

1910-х гг., когда работа общества была возобновлена. Причины этого состояния носили системный характер. Во-первых, влиял сложный формат отношений между В. И. Герье и С. Ф. Фортунатовым: учитель и ученик стояли на разных политических позициях – либерализм и консерватизм, между ними были и личные размолвки в профессиональной сфере. Во-вторых, как и в Санкт-Петербурге, в московской академической среде не было достаточного количества специалистов по всеобщей истории для того, чтобы вести дискуссию. Это состояние наглядно передает запись в дневнике Михаила Михайловича Богословского (1867–1929) – ординарного профессора ИМУ, ученика В. О. Ключевского: «20 ноября. Пятница. Семинарий на Курсах и беседа с А. Н. Савиным о возможности возрождения Исторического общества, к чему он относится не сочувственно, высказывая эту мысль, что всеобщая история – область слишком обширная, что здесь не сойдется и двух специалистов по одному и тому же вопросу, которым было бы интересно обменяться взглядами» [204].

На рубеже XIX–XX вв. эволюция двух исторических обществ отягощалась политическим фактором. В столице столкнулись со следующими затруднениями: «Известные „студенческие беспорядки“ 1899 и следующих годов и смутные 1905–1907 годы отразились на деятельности Исторического Общества не только тем, что в это время прежние „открытые“ заседания с массою посторонней публики сделались невозможными, но и тем, что и вообще заседания сделались очень редкими. Некоторые затруднения для деятельности Общества возникали и из того, что председателем Общества все это время оставалось одно и то же лицо, исключенное из профессуры в 1899 г. и только в конце 1906 г. возвратившееся в Университет» [205]. К 1905 г. В. И. Герье стал воплощением консерватизма, который привел к конфликтам с либеральными коллегами, вследствие которого он не способствовал рассмотрению истории США как образца либерального опыта [206].

Роль фигуры научного руководителя в направлении академических изысканий своих учеников была одним из ключевых факторов, отразившихся на состоянии развития американистики. Неформальные научные группы – «кружки», концентрировавшиеся вокруг авторитетных профессоров П. Г. Виноградова, В. И. Герье, П. Н. Милюкова, не стали питательной средой для зарождения интереса к истории внешней политики США, в частности, и к этой стране, в целом. Причиной выступали научные интересы мэтров, которые были далеки от американистики. И, что более важно, их понимание растущей значимости североамериканского государства не отразилось в подготовке специалистов по истории Соединенных Штатов. Они не направляли интересы своих учеников в эту сферу.

Следует отметить, что если в профессиональной среде историки-новисты игнорировали изучение истории США, то на уровне учебных заведений эта тематика проникала в академическую сферу, где ей

уделялось внимание. Однако ареал вузов был локализован преимущественно в Санкт-Петербурге и Москве.

Императорский Московский университет не был единственным центром, в котором преподавалась дисциплина «История США» стараниями С. Ф. Фортунатова. В частности, Московские высшие женские курсы – учебное заведение, принимавшее специалистов с либеральными взглядами, интересовавшихся развитием североамериканского государства, а также неофициальные группы, концентрировавшиеся вокруг авторитетных историков. На протяжении 1870–1910-х гг. этот вуз оставался локусом, где история США преподавалась регулярно. На первом этапе (1872–1888 гг.) это осуществлялось благодаря привлечению В. И. Герье к работе своего ученика С. Ф. Фортунатова. На втором этапе (1900–1917 гг.), особенно после отстранения В. И. Герье от руководства и прихода в учебное заведение оппозиционных преподавателей после «дела Кассо» в 1911 г., активизировали преподавание истории США в учебном заведении – стали публиковаться литографические издания лекций С. Ф. Фортунатова. Также следует отметить и то, что С. Ф. Фортунатов непродолжительное время преподавал дисциплину «История США» в 1915/16 учебном году в Московском народном университете имени А. Л. Шанявского [207].

В отличие от московского центра, где трудился С. Ф. Фортунатов, на С.-Петербургских высших женских курсах, начавших работать с 1878 г., американистика не выделялась в отдельную дисциплину, но присутствовала в работе профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета, которые также трудились на курсах: на рубеже 1870–1880-х гг. – Василий Васильевич Бауэр (1833–1884), в 1880–1890-е гг. – Н. И. Кареев [208].

Если попытаться оценить влияние курсов на становление изучения истории внешней политики США в Российской империи, то сделать это следует в области не исторических наук, а литературы, просвещения, суфражизма [209]. Писательница Александра Федоровна Быкова (1863–1929) – выпускница Бестужевских курсов по словесности и слушательница историко-филологического факультета Императорского Московского университета – написала две книги «Государственное устройство Северо-Американских Соединенных Штатов» (1901) и «Северо-Американские Соединенные Штаты» (1896, 1909). Ольга Акимовна Волькенштейн (1871–1942) – журналист, публицист, одна из руководителей движения за права женщин – написала книгу «Страна равенства и свободы: (Северо-Американские соединенные штаты)» (1906), в которой также рассматривалась тема генезиса внешней политики США: ее зарождение происходило из Войны за независимость, когда отцы-основатели отправили Б. Франклина во Францию, который склонил руководство европейской державы к союзу [210]. Цена 10 копеек за

экземпляр – стимулировала распространение информации в российском обществе.

Парадокс заключался в том, что преподавание американистики на женский курсах ознаменовалось двумя последствиями. Первое заключалось в том, что выпускницы этих образовательных учреждений, а не университетов, стали авторами трудов по истории США для массового читателя в конце XIX в. – начале XX в. Второе – отсрочка результатов: поскольку выпускники преимущественно становились школьными педагогами или трудились на литературном поприще, то плоды их стараний, включая и стимулирование интереса к истории США, должны были проявиться спустя время, которое настало на рубеже XIX–XX вв.

В сравнении с историками-новистами, юристы добились большего прогресса: они получали внутреннее и внешнее профессиональное признание за свой теоретический вклад в изучение институтов США. Косвенно на это состояние оказывала влияние «харьковская правовая школа». Дмитрий Иванович Каченовский (1827–1872) – научный куратор Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916) в Императорском Харьковском университете – привил ему интерес к английским институтам и государственному развитию [211]. Будучи профессором юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, М. М. Ковалевский стал специализироваться на истории институтов США [212]. При этом ни генезис внешней политики, ни история этого государства его не интересовали. За пределами Российской империи, во Франции, Моисей Яковлевич Острогорский (1854–1921) – выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, покинувший страну из-за роста юдофобских настроений 1880-х гг. и вернувшийся обратно только в начале Русской революции – также занимался внутриполитической проблематикой по истории США, сосредоточив свои научные интересы на истории американских политических партий [213].

М. М. Ковалевский и М. Я. Острогорский подняли качество исследований до такого высокого уровня, что историки-новисты не могли с ними вступать в конкуренцию. Уже в начале Русской революции, в 1906 г., П. Г. Мижуев с большой уверенностью давал оценку состоянию историографии истории США: «Насколько ничтожно число сочинений на русском языке, относящихся к истории Соед. Штатов, настолько огромно, необозримо число сочинений по американской истории на иностранных языках, преимущественно, однако, на английском языке. На русском языке вовсе нет сколько-нибудь оригинальных сочинений по истории Соед. Штатов <...>» [214]. Следует считать оценку П. Г. Мижуева неполной и дискуссионной: на протяжении 1860–1890-х гг. российским читателям стали доступны такие переводные издания, как «Жизнь Франклина» (1863) французского историка, члена Французской академии Франсуа Огюста Минье (1796–1884) [215]; «Исторический очерк жизни Вашингтона» (1863)

французского историка Франсуа Пьера Гийома Гизо (1787–1874)[216]; «История Американских Соединенных Штатов» (1866–1873) немецкого историка, члена Прусской академии наук Карла Фридриха Нейманна (1793–1870)[217]; «История Соединенных Штатов» (1870) юриста Эдуарда Рене Лефевра Лабулэ (1811–1883)[218]; «Американская республика» (1889–1890) британского политика, историка Джеймса Брайса (1838–1922)[219]; «История Соединенных Штатов Северной Америки (1765–1865 гг.)» (1897) американского историка Эдуарда Чаннинга (1856–1931)[220].

Симптоматичным итогом развития темы внутри исторической науки в период Российской империи стало ее осмысление в историографии, как Советского Союза / СССР, так и иностранных государств. Общим для них было состояние, при котором наработки авторов не рассматривались научными трудами. В статье «Наука новой истории в России (историографический обзор)» (1922) Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931) – историк-франковед, ученик Н. И. Кареева – констатировал: «Новая история, как самостоятельная отрасль научного исследования, является в русской науке самой молодой из всех областей всеобщей истории»[221]. При этом в его анализе американистика отсутствовала.

В следующем году уже сам Н. И. Кареев в работе «Новейшее время от 1859 до 1914 гг. Историографические очерки» писал: «В начале нынешнего столетия появилась и русская история Северо-Американских Соединенных Штатов П. Г. Мижуева, который перед этим дал читателям еще историю отделения Штатов от Англии в конце XVIII века»[222]. Автор прекрасно был осведомлен и о других авторах, но отдавал предпочтение не сообщать читателям об их существовании. Упоминаемый автор – П. Г. Мижуев – принял Октябрьскую революцию и продолжил работу на советский режим. Ему было «прощено» членство в Конституционно-демократической партии, участие в «Обществе сближения между Россией и Америкой». Не пройдет и десятилетия, как в обобщающем труде «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (1929–1931) историк-антиковед Владислав Петровича Бузескул (1858–1931) не укажет информацию ни о П. Г. Мижуеве, ни об американистике, ни об истории США[223]. Не пройдет и одного десятилетия после окончания Гражданской войны, как советская наука «вычеркнула» первые шаги российских американистов по политическим мотивам и малозначимости научных результатов.

Примечательно, что для зарубежной научной мысли прослеживалась аналогичная оценка состояния американистики в дореволюционной России. В начале 1970-х гг. Георгий Владимирович Вернадский (1887–1975) опубликовал работу «Русская историография». В ней не выделялись труды по истории внешней политики США, в целом, так и этой страны, в частности: ни А. В. Бабин, ни Н. А. Бородин, ни П. Г. Мижуев, ни С. Ф. Фортунатов[224], о трудах которых он был осведомлен. Также и в начале 1980-х гг. Ханс Хеккер (1942–) – профессор

в Университете Генриха Гейне – в монографии «Российская универсальная историография. От „сороковых годов“ 19 века до советской „всемирной истории“ (1955–1965)» (1983) не выделял американистику [225].

В этой интеллектуальной атмосфере американистика имела шансы для развития, но этого не произошло по ряду причин: узость предметно-тематического поля всеобщей истории в Российском империи; отсутствие интереса у историков-новистов к истории США; нехватка профессиональных связей между американскими и российскими профессиональными кругами; узость изучения внешней политики США в период последней четверти XVIII в. – первой четверти XIX в. в российской науке.

Исторические общества, кружки, отдельные историки-новисты на протяжении 1880–1910-х гг. не привели к формированию устойчивых условий для становления и развития научной парадигмы изучения истории внешней политики США. Системные изменения произойдут на рубеже XIX–XX вв.: высокие темпы экономического роста Соединенных Штатов, потребность в модернизации российского государства, четыре войны [226] и Русская революция выступят катализаторами изменений в освещении темы: политическая целесообразность выйдет на первый план, отодвинув историческую науку на периферию интерпретации темы, и американистика получит стимул для развития в популярной литературе.

Для историков-новистов до конца XIX в. не существовало конъюнктуры, которая бы стимулировала ученых к изучению истории североамериканского государства. Рост геополитических позиций США в мире в начале XX в. создал системные условия для появления предпосылок роста изучения истории Соединенных Штатов. Однако «русская школа» всеобщей истории не могла ничего создать [227] – вакуум заняли писатели научно-популярной сферы.

1.1.1.4. Политизация американистики в научно-популярной сфере: между консерватизмом и либерализмом. Научно-популярная сфера начала XX в. и предвоенных лет была благодатной нивой для авторов, стремящихся популяризировать образ США в российском обществе, поскольку интерес к развитию североамериканского государства приобретал большой размах в преддверии и в годы революции. Ключевыми фигурами в этом процессе были два автора, занимавшие противоположные политические позиции, что также отражалось и на их интерпретации истории внешней политики Соединённых Штатов. Их взгляды опосредованно отображали внутриполитическое развитие Российской империи.

На либеральных позициях стоял Павел Григорьевич Мижуев (1861–1932) – писатель, бывший офицер флота, преподаватель французского языка в Педагогической академии, сотрудник библиотеки Технологического института, член Конституционно-демократической партии. Его «оппонентом», придерживавшимся консервативно-

националистических взглядов, был Алексей Васильевич Бабин (1866–1930) – инспектор народных училищ Изюмского уезда Харьковской губернии, получивший степень магистра истории в Корнельском университете, проживший два десятилетия в США, где занимался библиотечным делом [228]. Несмотря на концептуальные расхождения, взгляды П. Г. Мижуева и А. В. Бабина отображали конъюнктурность и оппортунизм авторов, что отпечаталось на их оценках.

В монографических публикациях – «Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция: Преимущественно с точки зрения лит. факторов» (1901), «История великой американской демократии (С. Амер. соед. штатов)» (1906) – П. Г. Мижуев воспроизводил широко известные в литературе тезисы. Он отмечал деятельность Б. Франклина в качестве посла во Францию. Однако при этом не указывал на симпатии, а вместо них сделал акцент на реваншизм Франции, поскольку европейская держава была полна решительности пересмотреть итоги Семилетней войны [229]. Автор уклонялся от анализа внешней политики и рассматривал международный ракурс Войны за независимость без анализа американской дипломатии [230].

Только уже в годы Первой мировой войны в журнале «Вестник Европы» была издана его статья «Англия и Соединенные Штаты: взгляд на историю их взаимоотношений от Войны за независимость до наших дней» (1916). В этой публикации он считал, что внешняя политика США начинается с реакции на Французскую революцию: дискуссия А. Гамильтона и Т. Джефферсона стала толчком для президента Дж. Вашингтона принять решение о нейтралитете в 1793 г., ставшее основой международного курса Соединенных Штатов в последующие десятилетия [231].

Внешнеполитический аспект раннего периода истории США не был приоритетным для П. Г. Мижуева, поскольку его цель заключалась в укоренении положительного образа североамериканского государства в России. Просветительская и писательская деятельность шли в фарватере политичного проекта: как член Конституционно-демократической партии он способствовал становлению проамериканизма в российском обществе. В контексте изучения генезиса внешней политики североамериканского государства писатель не обладал самостоятельным взглядом и не был новатором. Тем не менее его оценки получили широкое распространение в обществе.

Университетский кризис 1910–1911 гг. («дело Кассо»), вызванный стремлением правительства П. А. Столыпина ввести новый Университетский устав, ограничивший автономию вузов, привел к уходу из ведущих учебных заведений значительного количества профессорско-преподавательского состава. Среди покинувших Императорский Московский университет оказался историк-новист, американист С. Ф. Фортунатов. В либеральных изданиях, в частности в журнале

«Вестник Европы», обсуждались планы министра Л. А. Кассо заменить уволившихся профессоров кандидатами, которые прошли обучение за границей [232]. На фоне конфликта власти и либерально-мыслящей университетской корпорации была опубликована монография под названием [233] «История Северо-Американских Соединенных Штатов» (1912) [234]. Ее автор А. В. Бабин – должностное лицо Министерства народного просвещения, возглавляемого министром-консерватором Л. А. Кассо, – подписал свое творение своеобразным образом: не указывая связь с ведомством, он позиционировал себя на титульном листе монографии как «магистр истории Корнеллевского университета». Было ли это сделано для того, чтобы избежать ассоциации с непопулярным министром или подчеркнуть свой зарубежный диплом, или коммерческий шаг для привлечения внимания читателей (А. В. Бабину удалось сохранить в тайне от рецензентов его книги статус государственного чиновника [235]), определить невозможно [236]. Это во многом связанно с его замкнутым образом жизни: будучи не лишенным склонности к авантюризму, он старательно не оставлял компрометирующие документы и вел обособленный образ жизни в России и США.

Подход А. В. Бабина не был научным: он игнорировал как достижения американской, так и российской науки. Например, им не использовались сноски; умышленно (имея опыт в библиотечном деле) занижались достижения российской науки. Это наглядно демонстрируется автором в предисловии: «Интерес к истории великой трансатлантической республики и доступность материалов навели автора на мысль познакомить своих соотечественников с нетронутою русскими историками главою „священной книги народов“». В реальности история Соединенных Штатов не была нетронутой сферой: от трудов С. Ф. Фортунатова и П. Г. Мижуева до исследований М. М. Ковалевского.

В целом книга была написана с консервативных позиций [237], в которой Американская революция, представленная как «Разрыв с Англией» [238], была подвергнута критике, отцы-основатели изображены плутократами, обманувшими народные массы. Консерватизм автора отразился и на его освещении раннего этапа внешней политики США. Историк отмечал беспомощность американской дипломатии во главе с Б. Франклином во Франции: «Переговоры о мире велись в Париже между уполномоченными Великобритании и Соединенных Штатов. Инструкции конгресса предписывали американским уполномоченным действовать вместе и заодно с Францией. Но американцы, с Франклином во главе, легко поддались влиянию уполномоченного от английского правительства, старавшегося отдалить колонии от их союзницы. Американцы неосновательно заподозрили Францию в намерении сузить их границы и начали тайные переговоры без ее участия» [239]. И этим суждением внимание к проблематике было автором ограничено. Внешняя политика раннего периода не входила в приоритет: обстоятельства подписания

Парижского мирного договора описывались фактографично и в объеме одной страницы [240].

Несмотря на то, что двухтомник А. В. Бабина снискал высокие оценки в историографии [241], изучение им генезиса внешней политики не содержало исследовательского результата. Следует также отметить и то, что современники встретили книгу А. В. Бабина негативно. В анонимной рецензии, опубликованной в «Историческом вестнике», работа оценивалась как «популярный очерк» [242], автор обвинялся в том, что он умышленно обходит узловые темы в американо-российских отношениях, которые представляют интерес для российского общества: «Автор как будто забыл, что он пишет для русского читателя и почти ничего не говорит об отношении России к Соединенным Штатам. Недавно, как известно, произошло расторжение русско-американского договора 1832 года. Тем не менее мы в книге г. Бабина не найдем ни слова об этом договоре и об обстоятельствах, его вызвавших» [243]. Петр Петрович Фридолин (1876–1949) – профессор всеобщей истории в Императорском Санкт-Петербургском университете – был более резок в оценках, подчеркивая, что это издание скорее «изложение», чем «исследование». Вклад А. В. Бабина в мировую американистику не был также высоко оценен и американской наукой: низкий академический уровень работы привел к тому, что попытки представить монографию в качестве диссертационного исследования в Корнельском университете провалились [244].

Издания П. Г. Мижуева и А. В. Бабина фиксировали рост внимания и популярности Соединенных Штатов в Российской империи, однако на рассмотрение генезиса внешней политики они мало оказывали воздействия. Ситуация с рассмотрением темы не изменилась радикально и в годы Первой мировой войны: вступление в конфликт США привело к тому, что российско-американские отношения вышли на новый этап. Символическим проявлением трансформации стало создание неправительственной организации – «Общества сближения между Россией и Америкой». Следует отметить, что функционирование общества не было в приоритете и для его первого председателя – барона Р. Р. Розена, который в своих мемуарах не упоминал, как и своего заместителя – Н. А. Бородина. В свою очередь американский посол Дэвид Роуленд Фрэнсис (1850–1927) только единожды упоминал в своих мемуарах общество в связи с поведением барона Р. Р. Розена [245]: 10 февраля 1915 года был зарегистрирован устав, 5 апреля состоялось первое заседание общества, на котором был избран его председатель – дипломат, барон Роман Романович Розен (1847–1921), посол России в США (1904–1911) [246] (в его работе принимал участие и М. М. Ковалевский) [247]. Активность общества была связана с заместителем председателя – Николаем Андреевичем Бородиным (1861–1937). Ихтиолог, депутат I-й Государственной Думы, член Конституционно-демократической партии

был далек от исторической науки, но с большим интересом относился к Соединенным Штатам. Неоднократное пребывание в этой стране (1891–1892, 1913) и начало Первой мировой войны побудили его написать книгу по истории североамериканского государства. В мемуарах он изложил свои планы следующим образом: «Вернувшись из Америки, я решил, не откладывая дела в долгий ящик, засесть за писание книги об Америке. Работа требовала большого труда по выборке, табулированию статистических сведений, для чего, ввиду спешки, я пригласил помощницу. Всё свободное время я посвящал писанию текста, но вскоре убедился, что, чтобы выполнить задуманную работу, необходимо освободиться от текущих занятий. Я взял двухмесячный отпуск, отправился в Стокгольм и поселился близ него в одном из тихих летних курортов с купаньем и там написал большую часть книги <…>» [248].

Издание монографии стало одним из ключевых результатов работы общества [249], поскольку обеспечивало процесс его институционализации и преследовало не научные, а политические цели. Уже в первом номере печатного органа организации – «Известия общества сближения между Россией и Америкой» в декабре 1915 г., М. Орлов писал: «Нельзя не приветствовать выход этого издания из печати – как первый шаг на пути сближения нашего с Американскими Соединенными Штатами и лучшего ознакомления с этой, во многом сходной с нашим отечеством, страной» [250]. В реальности книга представляла собой «инструмент» по формированию политического восприятия США в России и усилению позиции в российском обществе Конституционально-демократической партии. В рецензии М. Орлов раскрывал этот замысел: «Мы особенно желаем широкого распространения этой книги в массе читающей публики, так как усматриваем в этом издании совершенно правильный путь распространения познаний о стране не только с помощью языка слов, но и языка цифр, которые, несомненно, являются лучшим и беспристрастным отразителем конкретных явлений во многих странах жизни государства, как целой единицы. Наконец, имя автора и невысокая цена за очень опрятно изданную книгу в значительной степени гарантируют успех её широкого распространения» [251]. В действительности цена издания была приемлемой: если книга А. В. Бабина в 1912 г. стоила 5 рублей, то один экземпляр издания Н. А. Бородина в 1915 г. оценивался в 2 рубля 50 копеек и 2 рубля 75 копеек в папке. Распространение этой книги вело само общество, предоставляя 20%-ную скидку на ее приобретение для членов.

В монографии Н. А. Бородин не уделял внимания вопросам внешнеполитической истории раннего периода, поскольку не имел о них специальных знаний. «Внешняя политическая история Северо-Американских Соединенных Штатов совсем не богата событиями, – писал автор. – Вся жизнь этой страны сосредоточивалась на внутреннем, сначала политическом, а затем феноменальном экономическом развитии» [252]. Н. А. Бородин не приводил в сносках ни одну книгу по истории внешней

политики США, ограничившись отсылкой к трудам А. В. Бабина и, особенно, П. Г. Мижуева [253], с которым он разделял политические взгляды по Конституционно-демократической партии и работу в «Обществе сближения между Россией и Америкой» [254].

Характеристика Н. А. Бородина, как одного из зачинателей российской американистики [255], имеет право на существование, но не относится к исторической науке и, особенно, к сфере изучения внешней политики. Если дать ответ на вопрос, был ли этот ученый и общественно-политический деятель американистом, следует быть осторожным с положительным ответом. Н. А. Бородин не был историком и не претендовал на этот статус, не был он и сподвижником американистики в российской науке. Его творение есть результат политической пропаганды Конституционно-демократической партии и лоббистских групп-интересов по сближению России с США в годы Первой мировой войны. Ведь цель издания монографии, что не утаивалось автором, сводилась к замещению Германии, как источника технологических инноваций, и выход российских товаров на американский рынок [256].

На протяжении первых полутора десятилетий XX в. в Российской империи были изданы труды трёх авторов: А. В. Бабина, Н. А. Бородина, П. Г. Мижуева. Писатели, отстаивая разные политический идеалы (консерватизм – А. В. Бабин, либерализм – Н. А. Бородин, П. Г. Мижуев), перенесли свои воззрения в публикации, превратив издания в инструменты политических сил и карьерных устремлений. В результате авторы создали свои оценки в диаметрально противоположных координатах. Несмотря на противоположные основания, у трёх авторов было близкое отношение к рассмотрению раннего периода в истории внешней политики США – они не рассматривали ее, отдавая предпочтение констатации отдельных фактов. Такое отношение привело к тому, что тема генезиса внешней политики была не включена в издание, получавшее широкое распространение в Российской империи.

Парадоксально, но наибольший потенциал для развития темы проистекал из научно-популярных изданий по истории США, которые стали публиковаться в начале XX в. В научной литературе сложилось представление рассматривать группу авторов – А. В. Бабина, Н. А. Бородина, П. Г. Мижуева – в качестве членов «петербургской американистики», как зрелого научного направления [257]. Согласиться с этой оценкой невозможно. Во-первых, трое авторов не проводили научные исследования, их публикации были изданиями научно-популярного жанра. Во-вторых, А. В. Бабина считать петербургским американистом можно лишь по формальным признакам издания его книги, но не творческому пути.

Работы авторов публиковались до Февральской революции, Гражданской войны, эмиграции, эпидемий и голода начала 1920-х гг. Трагические процессы и события, лишившие российское государство

значительного количества населения в 1914–1922 гг.[258], часть которых потенциально была питательной средой для становления американистики. Уже в годы Советской России и СССР наследие этой плеяды авторов будет подвержено порицанию по политическим мотивам («кадетство»), изъято из оборота в академической среде марксистской истории. В целом влияние этой группы авторов было сведено к минимуму неблагоприятным климатом политических пертурбаций и обнулено большевистской идеологией, определявшей развитие научной мысли в СССР.

1.1.2. Ранняя стадия: дедуктивная экстраполяция, низкая степень актуальности (1830-е, 1850-е, 1870-е гг.)

1.1.2.1. Юридическо-дипломатическое направление: адаптивное течение (Л. Н. Демис, Н. П. Иванов, И. И. Ивановский). Ранний период истории США и становление американо-российских отношений не выделяли ни специалисты по внешней политике Российской империи[259], ни историки-новисты[260]. Эта тематика оказалась в поле внимания правоведов, формировавших свои взгляды в рамках позитивизма[261].

В журнальной публикации «Краткий взгляд на науку дипломатии вообще» (1835) Игнатий Иакинфович Ивановский (1807–1886) – профессор кафедры международного права юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета – утверждал: зарождение внешней политики США проистекало из «права народов» (ученый приравнивал «право народов» с «правом государства»), регулировавшего международные отношения[262]. Спустя двадцать лет, в середине XIX в., близкую позицию занимал Леонид Николаевич Демис (?–?) – сотрудник Санкт-Петербургского университета. В издании «Обозрение трактатов о морском торговом нейтралитете» (1854) он придерживался суждения, согласно которому генезис внешней политики возникал из адаптации к международным отношениям в Европе в годы Войны США за независимость[263].

Оценки 1830–1850-х гг. формировались в полной изоляции от первоисточников и американской историографии, а также друг от друга. При рассмотрении темы авторы выстраивали интерпретацию на основе теоретических наработок правовой науки. Поскольку работы выходили до Крымской войны (1853–1856), то взгляды на тему не были включены в антибританский контекст российского общественно-политического дискурса[264]. Также ученые придерживались общего взгляда, обусловленного позитивизмом – в центре их внимания находилось государство, как объект изучения.

В предметно-тематической области правовых наук тема присутствовала в виде отдельных элементов более масштабных проектов. В целом ни к раннему периоду внешней политики США, ни к ее зарождению ученые не проявляли научного интереса, требующего отдельных исследований. Независимо от взглядов ученые дедуктивным способом, идя от общего к частному, делали свои выводы: реализация на

практике «права народов»[265] (И. И. Ивановский); адаптация к международным отношениям в 1775–1783 гг. (Л. Н. Демис).

Трансформация взглядов произошла три десятилетия спустя – в середине 1870-х гг. под воздействием процесса становления правовой мысли в Российской империи. Николай Павлович Иванов (1839–1905), ставший впоследствии крупнейшим специалистом по частному международному праву, изложил свои наработки в магистерской диссертации, защита которой состоялась в Императорском Казанском университете, а также в монографии под одноименным названием «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии» (1874). По мнению ученого, генезис был производным от функционирования Вестфальской системы международных отношений, функционировавшим на основе баланса сил[266]. В представлении ученого присутствовал и антибританский контекст: «<…> в лице Северо-Американских Штатов международный союз еще впервые получил самостоятельного члена даже и в Новом Свете, за Атлантическим океаном, и это знаменитое федеративное государство уже самим фактом своего возникновения, ослабив Англию, благотворно способствовало сохранению европейского политического равновесия»[267].

Примечательно и то, что Н. П. Иванов использовал наработки европейских авторов: «Справочник и практический сборник договоров» (1846–1857) немецкого дипломата и юриста Георга Фридриха Мартенса (1756–1821); «Исторический справочник политической системы государств Европы и их колоний с момента открытия двух Индий» (1821) немецкого историка Арнольда Германа Людвига Геерена (1760–1842); «Международное теоретическое и практическое право» (1870–1872) аргентинского дипломата и юриста-международника Карлоса Кальво (1822–1906); статьи «Конгрессы и мирные соглашения» в справочнике «Немецкий государственный словарь» (1857) под редакцией швейцарского юриста и политика Иоанна Каспара Блюнчли (1808–1881).

В целом для авторов 1830–1870-х гг. – Л. Н. Демиса, Н. П. Иванова, И. И. Ивановского – был свойствен отказ от анализа первоисточников[268], отсутствие представлений о работе американских коллег[269] и восприятие генезиса внешней политики США сквозь призму баланса сил[270].

1.1.3. Поздняя стадия: междисциплинарность, компилятивность, растущая степень актуальности (1900-е гг.)

1.1.3.1. Юридическо-дипломатическое направление: конфликтологическое течение (В. Н. Александренко). Правоведы-международники на протяжении большей части XIX в. не видели целесообразности в изучении истоков внешней политики страны, занимавшей периферийное положение в международных отношениях и иерархии государств. Ситуация изменится, когда США перейдут в статус великой державы и будут отстаивать свои позиции в мировой политике. Этот процесс дал толчок для того, чтобы произошли изменения в

академической сфере. Примером стала статья «Учение Монро» (1898), написанная профессором кафедры международного права Варшавского императорского университета Василием Никифоровичем Александренко (1861–1909) [271]. В публикации ее автор отмечал растущую актуальность к изучению истории внешней политики США: «Пререкания Северо-Американских Соединенных Штатов с Англией из-за Гвианы, война с Испанией из-за Кубы обратили в последнее время всеобщее внимание на направление внешней политики Штатов и дали толчок к изучению известной доктрины Монро, которой правительство Северо-Американских Штатов руководствуется в своих сношениях с европейскими державами» [272].

Через пять лет [273], в «Журнале Министерства юстиции» В. Н. Александренко опубликовал статью «Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро» (1903) – первый и единственный специализированный труд в Российской империи, охвативший ранний период истории внешней политики США.

Несмотря на отсутствие анализа первоисточников, работа носила прогрессивный характер для российской научной мысли. Во-первых, отличием работы от предшествующих публикаций 1830-х и 1870-х гг. было использование трудов американских специалистов. Работа демонстрировала доступ к таким специализированным монографиям, как «Американская дипломатия и развитие торговли» (1886) Юджина Скайлера (1840–1890), «Дипломатия Революции: историческое исследование» (1852) Уильяма Генри Трескота (1822–1898), «Столетие американской дипломатии; будучи кратким обзором внешних сношений Соединенных Штатов, 1776–1876» (1900) Джона Уотсона Фостера (1836–1917) [274]. Использование наработок американских авторов расширяло представление об истории раннего периода внешней политики США. Обратной стороной доступа к литературе стал фактографичный [275] и компилятивный характер изложения материала, что не вскрывалось автором.

Во-вторых, отсутствовал британоцентризм при рассмотрении истории внешней политики США: североамериканское государство выступало самостоятельным объектом.

В-третьих, автор концентрировал внимание не только на государстве и его институтах (Континентальном Конгрессе), но и на механизме принятия решения: для ученого представляла интерес дискуссия, в ходе которой вырабатывался курс страны в мире. В тексте им отмечалось: «По мере того, как крепла и развивалась мысль об активной борьбе с Англией, естественно возникал вопрос об организации внешних сношений с теми государствами, откуда можно было ожидать помощи и нравственной поддержки. В комитете иностранных сношений мнения по этому поводу разделялись. Франклин не считал пока удобным отправлять уполномоченных в Европу, пока не будет уверенности, что они будут

приняты при европейских дворах. Адамс же доказывает, что необходимо, не теряя времени, завязать сношения с морскими державами, враждовавшими с Англией. Последнее мнение более отвечало настроению конгресса, и оно было принято» [276].

В-четвертых, ученый выделил 1776–1823 гг. в отдельный период [277], в рамках которого: «<…> предусмотрительность и энергия первых государственных людей направляется главным образом на организацию успешной борьбы с метрополией и утверждение национальной независимости» [278]. Для правоведа начало внешней политики происходило с 1776 г. Кроме года, автор не уточнил детально свою позицию, но апелляция к понятию «независимость» дает основания считать, что ученый подразумевал принятие Декларации Независимости.

В оценивании генезиса внешней политики США, В. Н. Александренко дополнял использование англо-французского противостояния интеллектуальными истоками политической философии отцов-основателей, связанной со школой естественного права [279]. Необходимо обратить внимание на то, что бинарность в оценке В. Н. Александренко – влияние школы естественного права и использование европейского баланса сил – для научной мысли не была нова. Российский ученый перенес их из работы «Столетие американской дипломатии; будучи кратким обзором внешних сношений Соединенных Штатов, 1776–1876» (1900) [280] Дж. У. Фостера – любителя-историка, государственного секретаря, написавшего книгу для широкого круга читателей, в которой сочетались патриотическая риторика и академическая форма. Однако это не была механическая компиляция, а скорее совпадение представлений американского и российского авторов. В работе коллеги В. Н. Александренко находил подтверждение характерным чертам правовой мысли на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи о «балансе сил» в международных отношениях [281; 282].

Несмотря на то, что ученый был первым и единственным специалистом, написавшим узкоспециализированную работу [283], его оценки не стали заметным событием в российской науке, не получили признания в академической среде и не послужили толчком к дальнейшему развитию в советский период [284]. Следует отметить и то, что для В. Н. Александренко его публикации по истории внешней политики США являлись частью научных интересов в сфере международно-правовых исследований, а не американистики, как предметно-тематической специализации [285]. Это объясняет причину, по которой интерес ученого к первоисточникам [286] в целом был отвергнут. Тем не менее, ему удалось привнести историзм в правовое исследование, что показывало междисциплинарный характер его труда.

1.2. Выводы

Состояние американо-российских отношений в Утрехтской и Венской системах международных отношений оказывало непосредственное воздействие на восприятие истории внешней политики США в России.

С 1770-х гг. по 1870-е гг. – на протяжении ассиметричных отношений – российская правящая элита не уделили должного внимания Соединенным Штатам, из-за их статуса второстепенного и периферийного актора. Однако уже в этот период произошло включение США в сферу внимания Российской империи, что было неизбежным под воздействием пяти факторов: закрепление Российской империи в статусе «великой державы»; нарастание британо-российского противостояния; территориальная экспансия России в Северной Америке; негативное отношение российского политического режима к республиканизму; функционирование Венской системы международных отношений до Крымской войны, в ходе которого произошел вздет и падение российского влияния. В результате на протяжении 1776–1856 гг. российские элиты стремились к тому, чтобы Соединенные Штаты балансировали Великобританию в Северной Америке, что расширяло возможности в англо-российском противостоянии. Гибкость курса привела к отсутствию комплекса противоречий, которые обе страны не могли разрешить компромиссно. Антибританский приоритет не делал образ Соединенных Штатов враждебным для Российской империи.

Эрозия отношений в 1870-е гг. сменилась симметрично-ассиметричным периодом 1880–1910-е гг. Под воздействием увеличения диспропорции развития экономик двух стран и уменьшения британо-американского противостояния возникла поляризация. На рубеже XIX–XX вв. российские правящие элиты оказались в кризисе при восприятии США: прежняя парадигма – антибританский балансир – не могла обеспечивать эффективность политики в условии «сближения» Соединенных Штатов и Великобритании. Парадигма восприятия США периода ассиметричных отношений – антибританский балансир – устарела на рубеже XIX–XX вв.: она не могла обеспечить эффективность политики в условии «сближения» Соединенных Штатов и Великобритании. Однако усиления позиций США в мировой политике, в целом, и в Северо-Восточной Азии, в частности, стали системным фактором в восприятии североамериканского государства как геополитического противника Российской империи. В ходе Первой Русской революции и Первой мировой войны проявившаяся зависимость Российской империи от США не изменила восприятия внешней политики этого государства: Николай II, консервативные и либеральные политические силы критиковали США за империализм и видели в этой державе конкурента российским интересам.

Февральская революция 1917 г., смягчила политическую риторику, но не вызвала рост симпатий в российском обществе к США. В свою очередь, Октябрьская революция 1917 г. остановила на полтора десятилетия политическое сближение двух стран, но сохранила и приумножила антиамериканизм и негативную оценку внешней политики североамериканского государства. Фактически, на протяжении 1880–1910-х гг. прослеживается устойчивое негативное отношение к оцениванию внешней политики Соединенных Штатов, как враждебного для России государства.

Внешняя политика как объект изучения проходила становление не одинаково в исторических и правовых науках. В силу становления предметно-тематических полей научного знания внешняя политика оказалась в центре юриспруденции. В результате возникла диспропорция во внимании ученых: правоведы, в отличие от историков, занимались этой тематикой. Последствием стало то, что юристы оказались первыми учеными, которые обратили внимание на ранний период истории внешней политики США и, соответственно, на ее генезис. Независимо от взглядов, ученые придерживались позитивистской парадигмы, в соответствии с которой государство было единственным субъектом международных отношений, и, соответственно, генезис внешней политики ими интерпретировался универсально: из опыта становления институтов, которые функционировали в соответствии с действующей системой международных отношений, обусловленного принципом баланса сил.

Становление и развитие всеобщей истории в России не характеризовались концентрацией научного интереса на истории США и их внешней политики. Фактически российская новистика игнорировала изучение истории североамериканского государства, в целом, и раннего периода его внешней политики, в частности. К моменту трансформации американо-российских отношений в 1880-е гг. и по мере изменения пропорции великодержавных позиций в мире двух стран историки-новисты оказались не готовы к проведению научных исследований по истории внешней политики США последней трети XVIII в.

Неоднозначная ситуация возникла с освещением раннего периода в истории внешней политики США и научно-популярной литературе. В единичных трудах А. В. Бабина, Н. А. Бородина, П. Г. Мижуева тема игнорировалась. Писатели также привнесли политизацию истории США: авторы писали свои труды с позиций консервативно-охранительной и либерально-оппозиционной парадигм.

На протяжении XIX в. – начала XX в., несмотря на системные ограничения, внимание ученых к теме развивалось дискретно с перерывами, как правило, в 20–30 лет. Тем не менее анализ их содержания позволяет проследить две стадии. Ранняя – охватывала 1830-е и 1870-е гг. Представления о теме развивались в рамках юридическо-дипломатического направления и адаптивного течения. Л. Н. Демис,

Н. П. Иванов, И. И. Ивановский, избегая анализ первоисточников и не владея данными об историографии внешней политики, дедуктивно экстраполировали данные правовой науки о функционировании внешней политики на основе баланса сил. Поздняя стадия наблюдалась в начале 1900-х гг. и была представлена точкой зрения В. Н. Александренко, развивавшаяся в рамках юридическо-дипломатического направления и конфликтологическом течении. В отличие от предшественников, ученый владел представлениями об историографии внешней политики США: им использовались труды американских авторов (Ю. Скайлера, У. Г. Трескота, Дж. У. Фостера), из которых им брались факты и оценки. В результате работа В. Н. Александренко не была исследованием, а представляла собой обзорную статью. Игнорируя анализ первоисточников, правовед-международник предложил новаторскую интерпретацию зарождения внешней политики. В отличие от предшественников, он сузил тезис о функционировании баланса сил, а по сути международной системы, до действия – использования противоречий европейских держав в ходе Войны США за независимость. Также В. Н. Александренко выделил влияние школы естественного права на внешнеполитическое мышление отцов-основателей. Однако это уточнение носило второстепенное значение в рассуждениях ученого. Несмотря на ограничения и периферийный статус, актуальность темы развивалась по восхождению, но стимулировалась не академическими, а политическими причинами.

В целом генезис внешней политики США, как отдельная тема, не выделился в российской науке. Авторы рассматривали ее контекстуально: в 1830-е и 1870-е гг. они руководствовались наработками европейских теоретиков международного права о доминировании принципа баланса сил; в начале 1900-х гг. возобладал контекст завоевания США великодержавного статуса. Для ученых, которые были преимущественно правоведами, истоки внешней политики не представляли интереса, поскольку их приоритет находился в анализе современных процессов. Как показала работа В. Н. Александренко, историзм носил вспомогательный характер в анализе внешней политики Соединенных Штатов на рубеже XIX–XX вв. В свою очередь, историки-новисты не проявляли интереса к раннему периоду истории внешней политики США: Американская революция, в целом, и Война за независимость, в частности, для них не представляли научной значимости. Причины такого отношения носили комплексный характер: антилиберализм, антиреспубликанизм в политической системе сочетались с относительно низкой степенью привлекательности истории США – страны, которая не имела великодержавного прошлого.

ГЛАВА 2.
ВОСХОЖДЕНИЕ, ПИК И УГАСАНИЕ РАЗВИТИЯ ТЕМЫ: ЦЕНТАЛИЗАЦИЯ, МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПОЛИТИЗАЦИЯ (НАЧАЛО – КОНЕЦ XX ВЕКА)

2.1. Восхождение: актуализация, методологический догматизм, политизация (1930-е – начало 1940-х гг.)

2.1.1. Системный кризис становления американистики в постреволюционные годы: деградация условий и академическая пауза в развитии темы

В первые дни января 1918 г. на фоне кризиса работы Учредительного собрания, лишенные исторической перспективы были суждения о грядущем Н. А. Бородина: «Теперь мы на деле сблизились с американцами так, как наше общество и не мечтало: кровные общие интересы и общие мировые задачи спаяют обе страны в прочный союз, который, мы глубоко убеждены, продолжится и после войны на многие годы к обоюдной выгоде обеих стран и к счастью нарождающейся Великой Республики Востока. В своем строительстве на новых началах Государственного бытия новая молодая Российская Республика будет нуждаться в советах, опыте и знании более старой Великой демократической федеративной республики Запада» [287]. Через пять лет, по завершении Гражданской войны подобного рода оценки считались враждебными по отношению к новому политическому режиму: большевистская власть повела и страну, и восприятие внешней политики США в совершенно ином направлении, но оставаясь в прежних концептуальных рамках.

Через восемь месяцев после мечтаний Н. А. Бородина, 22 августа 1918 г. в газете «Правда» вышла статья «Письмо к американским рабочим», написанная Владимиром Ильичом Лениным (1870–1924). Публикация представляла собой пропагандистский материал, в котором давалась оценка истокам внешней политики США: «<…> американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику. Когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также „соглашения“ с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах массы угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а

потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев» [288].

Высказывание В. И. Ленина не было новаторским для поколений россиян, взгляды которых становились до 1917 г. Ленинская идея была результатом тех представлений, которые существовали в общественно-политическом дискурсе. В исторической, но не научной, литературе 1920-х и начала 1930-х гг. авторы (не историки) рассматривали тему, как и В. И. Ленин, но не упоминали о нём. Наиболее ранней работой, написанной на основе марксизма, была книга «Советская Россия и капиталистическая Америка» (1922). Издание вышло в серии «РСФСР в империалистическом окружении» под эгидой Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарта). Автор публикации Михаил Павлович Вельтман (1871–1927), скрывавшийся под псевдонимом «М. П. Павлович», был не только революционером и востоковедом, но и студентом юридического факультета Новороссийского университета [289]. В книге, при рассмотрении реакции на создание Лиги вооруженного нейтралитета, он писал: «<...> тем не менее в самом акте Екатерины II, продиктованном неприязнью к Англии, государственные деятели, историки и публицисты молодой республики увидели отрадный симптом, свидетельствовавший о возможности союзных действий обеих великих стран против общего врага – именно стремившейся к мировой гегемонии Англии» [290]. Точка зрения М. П. Вельтмана была результатом его образования и взглядов, которые были близки к воззрениям В. И. Ленина. Не удивительно, почему в работе не было ссылки на труд политика.

Однако, работа М. П. Вельтмана (Павловича) вышла до начала построения культа личности «вождя мирового пролетариата», последовавшего после его смерти в 1924 г. «Письмо к американским рабочим» было включено в 15-й том «Собрания сочинений» В. И. Ленина, опубликованного в 1925 г. [291]. По мере развития идеологической системы оценка В. И. Ленина становилась безальтернативной догмой для советских историков. Однако это произойдет только в начале 1940-х гг. А в то время возникшая пауза характеризовалась тем, что тезис В. И. Ленина оказался востребованным вне академической среды – в области пропаганды. Примером выступает работа Давида Иосифовича Заславского (1880–1965) – публициста, сотрудника редколлегии газеты «Правда» – «Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв.» (1931) [292]. В книге он писал: «Дипломатия союза колоний очень умело использовала острые противоречия между английской и французской буржуазией на мировом рынке» [293]. И автор уже делал ссылки на работу В. И. Ленина.

Примечательно, но взгляды трёх современников – М. П. Вельтмана, Д. О. Заславского, В. И. Ленина – имели и отличия, проистекающие из разных направлений в правовой мысли. Расхождение было по вопросу об источнике власти в США: если В. И. Ленин писал об «американском

народе», то М. П. Вельтман указывал «государственные деятели, историки и публицисты», а Д. И. Заславский приводил «дипломатию». Расхождение было вызвано тем, что В. И. Ленин и М. П. Вельтман стояли на позициях школы естественного права, выдвигавшей общество на первый план, а Д. И. Заславский придерживался концепта позитивистского подхода, в котором государство было единственным субъектом, устанавливавшим международно-правовые нормы посредством договоров. Выявленные различия носят вторичный характер, в исследовании темы, однако, они показывают связь между разными периодами как в истории российского государства, так и исторической мысли.

Парадоксально, но тезис В. И. Ленина в советскую историческую литературу был введен не соратником по революционной борьбе М. П. Вельтманом, а ярым критиком большевизма в период Гражданской войны: это совершил Д. И. Заславский, снискавший негативную оценку «вождя мирового пролетариата» [294]. Также не М. П. Вельтман [295], а Д. И. Заславский найдет у следующих поколений признание в качестве основателя советской американистики.

В промежуток между публикацией статьи В. И. Ленина и монографией М. П. Вельтмана в российской американистике произошли стремительные изменения – она лишилась плеяды ее сподвижников. 26 декабря 1918 г. умер С. Ф. Фортунатов. В США эмигрировали Н. А. Бородин в 1919 г. и А. В. Бабин в 1922 г. Октябрьскую социалистическую революцию принял П. Г. Мижуев, но прекратил разрабатывать это направление. Авторов дореволюционной России замещали специалисты нового формата – «красная профессура» вузов, пропагандисты массмедиа, научные сотрудники Комакадемии [296].

Высоким потенциалом для развития изучения истории внешней политики США обладала Коммунистическая академия. Если в начальные годы функционирования института (1918–1922) история североамериканского государства не вызывала интереса [297], то уже с 1922 г. внимание к этой стране становилось одним из профилирующих направлений в работе института. Тема «Внешнеполитические тенденции американского империализма» была обозначена одним из приоритетных направлений в работе секции внешних сношений при кабинете внешних сношений под руководством Фёдора Ароновича Ротштейна (1871–1953) – дипломата, революционера [298]. Параллельно уже проявилась идеологическая тенденциозность в рассмотрении развития США, в частности, и всеобщей истории, в целом. Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937) – революционер, экономист, член президиума Комакадемии – на заседании института в 1922 г. отмечал: «Академия далее должна сделаться своего рода Госпланом в области идеологии. Недопустимо, чтобы научно-исследовательская работа в пролетарском государстве протекала столь же хаотично, как и в буржуазном обществе» [299]. Эта позиция была направлена против

формирования разнообразия научных течений, полифонии взглядов: советской мысли предписывалось однообразие. Однако, к изучению истории внешней политики США XVIII в. эти принципы пока не были применимы – в Комакадемии не велась работа по этому направлению.

С учреждением в 1925 г. Института мировой экономики и мировой политики (ИМЭМП) тема «Мировая роль Соединенных Штатов», которая также включала вопросы «мировой политики», стала центральной в работе новой структуры [300]. Но ни в рамках работы кабинета внешних сношений (1922–1925), сотрудники которого занимались переводами и публикацией источников в журнале «Международная летопись» [301], ни в первые годы функционирования института (1925–1927) рассмотрение этой темы не было проведено. Сказывался приоритет по разработке современности [302], а также проблема нехватки кадров. Например, это состояние выразил на пленуме Комакадемии Мирон Исаакович Нахимсон (1880–1938) – экономист, публицист: «Институт был создан, главным образом, с целью углубленного изучения внешней политики Соед. Штатов. И над этими проблемами он просидел около трех четвертей года или даже около года. Потом предстали перед ним некоторые другие проблемы после того, как ушел т. Ротштейн и на его место был назначен т. Осинский. Мы перешли отчасти и к изучению других проблем. Но те товарищи, которые взяли на себя задание в одной области (американистика. – Д. Д.), одновременно не могли взять на себя еще и другие задания. Пришлось искать новых товарищей. Затем у нас имели место постоянные перемены в составе научных сотрудников. Некоторые товарищи поступали к нам на время, потом уходили на другие работы или уезжали из Москвы. Вообще, вопрос о сотрудниках для института, квалифицированных, с определенным направлением и настроением, был чрезвычайно трудным. До сих пор он не разрешен» [303].

Качественные изменения в изучении США произошли с приходом на должность директора в 1927 г. Евгения Самуиловича Варга (1879–1964). Уже в 1928 г. было принято решение о написании многотомного издания по истории Америки, но реализовать задуманное в полном масштабе не удалось. Тем не менее этот шаг дал толчок к плодотворной работе внутри института.

К концу второго десятилетия построения советской исторической науки американистика, в целом, и изучение генезиса внешней политики США, в частности, представляли собой удручающую картину. В мемуарах Вениамин Израилевич Каплан (Лан) (1902–1990) – один из сподвижников советской американистики – констатировал удручающее положение: «Во второй половине 20-х и в начале 30-х годов, несмотря на оживленную дискуссию, исследованием данных вопросов занималось ограниченное число специалистов. Так, советскую американистику представляли всего семь человек, разбросанных по различным учреждениям: в Институте истории – Ефимов и Зубок, в редакции газеты «Правда» – Танин, в

Коминтерне – Мингулин, в Наркоминделе – Севин (Сергей Виноградов), в ИМХиМП – Лан и в Ленинграде – Райский. Из этих семи американистов трое – Танин, Мингулин и Райский – погибли в 1937 г., а Севин – в 1939 г.» [304].

Становление советской американистики показало антинаучность ее истоков: идеологическая платформа для обеспечения нужного «знания» политическому режиму постепенно проходил процесс формирования, а вопрос с идеологически верными кадрами несколько отставал. На протяжении десятилетия – с конца 1910-х гг. по завершение 1920-х гг. – в исторической науке РСФСР/СССР возникала пауза в изучении темы.

Ситуация с изучением истории раннего периода внешней политики США в СССР складывалась сложной: к концу 1920-х гг. разработка истории североамериканского государства находилась вне приоритетов ученых и институтов. Например, Комакадемия не была способна создать интеллектуальный продукт. В частности, в списке основной литературы, знакомство с которой было обязательным для поступающих в аспирантуру академии, не было ни одного издания по истории этого государства [305]. Планируемая в начале 1920-х гг. специализация на изучение Соединенных Штатов спустя десятилетие утратила свою первоочередность и растворилась в обобщающих научных темах [306]. Тем не менее, это не лишало руководство института оптимистических утверждений: «Только в Стране Советов концентрация и специальный подбор архивных и печатных материалов, сосредоточенных в специальных учреждениях (Комакадемия, Институт Маркса, Энгельса и Ленина, соответствующие отделы Центрархива и т. п.), создали надлежащую базу для изучения Западной Европы и Америки с точки зрения марксизма-ленинизма» [307]. Оценка отображала реальность: политический фактор приобрел определяющее воздействие на развитие научной мысли. Результаты целеполагания дали о себе знать в первой половине 1930-х гг., когда в структурах Комакадемии были представлены обещающие труды по истории США, в которых рассматривался процесс зарождения внешней политики североамериканского государства.

Становление американистики в академических структурах СССР имело свою связанность с дореволюционными процессами: оно происходило в академических центрах Москвы и Ленинграда [308]. Однако оно охватывало как уровень Комакадемии (Институт истории, ИМЭиМП), переименованной в 1936 г. в Академию наук, так и с 1934 г. ведущие вузы – МГУ и ЛГУ [309].

Первые двадцать лет функционирования исторических факультетов, с 1934 г. по 1954 г., показали: центром американистики был истфак ЛГУ, где формировалось поколение советских историков-новистов [310]. До начала Великой Отечественной войны у истоков изучения внешней политики США в университете стоял профессор Евгений Викторович Тарле, не имевший опыта в этой сфере [311].

На кафедре новой истории франковед [312] Е. В. Тарле во второй половине 1930-х гг. приступил к разработке истории международных отношений [313], в рамках которой он направил усилия аспирантов в область изучения внешней политики Соединенных Штатов. В 1939 г. была защищена кандидатская диссертация Марка Моисеевича Малкина (1909 – не ранее 1971) [314] «Гражданская война в США и царская Россия». Эта работа в советской историографии, в частности по мнению А. В. Ефимова, рассматривалась первым исследованием в СССР по истории внешней политики США [315]. Восприятие было неточным, поскольку диссертация проходила по истории России: «Развитие капитализма в России. Начало революционной борьбы пролетариата (вторая половина XIX в.)» [316]. При этом первым исследованием следует считать работу другого ученика Е. В. Тарле, защищенную в первые дни Великой Отечественной войны – 30 июня 1941 г. [317] Евгений Александрович Агеев (1912–1941) провел исследование на тему «Соединенные Штаты Америки и французская интервенция в Мексике (1862–1867 гг.)». Е. В. Тарле прививал аспирантам принцип источниковедческого анализа. Это передает оценка профессора Сигизмунда Натановича Валка (1887–1975): «Диссертация Е. А. Агеева „США и французская интервенция в Мексике (1862–1867)“ была написана главным образом по документам Палаты представителей и Сената США и по мексиканским документам» [318].

Вуз занял лидирующее положение в становлении изучения истории США раннего периода. Этот статус основывался не только на защите диссертаций. В 1940 г. М. М. Малкин начал исследование, которое не завершил из-за начала войны, по теме «История русско-американских отношений за 150 лет (1775–1917 гг.)» [319]. Это изыскание должно было стать первой в исторической науке СССР работой по истории внешней политики Соединенных Штатов с 1775 г. Ему же принадлежало авторство первого курса на истфаке по историографии истории США в новое время [320].

В преддверии начала Великой Отечественной войны ни один исторический факультет в вузах СССР не вел такую работу в области американистики, как это делали в ЛГУ. Историки-новисты, занимаясь вопросами американистики, шли на риск, который мог стоить им и карьеры, и жизни. После ареста в 1935 г. первого декана истфака Григория Соломоновича Зайделя (1893–1937) – ученика профессора М. Н. Покровского – в журнале «Историк-марксист» была опубликована статья «Исторический факультет Ленинградского института истории философии, литературы и лингвистики в 1934/35 учебном году». Автором публикации была Берта Борисовна Граве (1901–1979) – сотрудник кафедры истории СССР и супруга второго декана факультета Сергея Митрофановича Дубровского (1900–1970). В публикации ее автор подчеркивала: «Крайне неудовлетворительно была поставлена работа с аспирантами; на протяжении большей части года работа проводилась

самотеком, не было четко налаженного контроля. Часть аспирантов не имела научных руководителей. Старое руководство пыталось с первого же курса сделать аспиранта „специалистом“ по узким, наиболее далеким от политической современности темам („Китайский фарфор“, „Альбигийская ересь“, „Идеология старообрядческого движения XVII в.“, „Военное дело в Столетней войне“ и др.)» [321]. Б. Б. Граве, как и ее супруг, были направлены в вуз из Москвы для «исправления» исторической науки в Ленинграде: семейная чета представляла первое поколение историков-марксистов, сформировавшихся в СССР, которые безукоризненно следовали линии ЦК ВКП(б) [322]. Само назначение С. М. Дубровского, читавшего лекции в 1934–1935 гг. на истфаке МГУ, на должность декана ЛГУ было призвано для усиления кафедры и факультета [323]. Для развития американистики закладывались ненаучные условия.

В комментарии Б. Б. Граве прослеживался конфликт между научным и политическим измерением исторической науки в Советском Союзе. И этот процесс противостояния завершится спустя пятнадцать лет: борьба с космополитизмом 1949–1953 гг. окончательно приведет к тотальному доминированию политического аспекта. Также на этом процессе отразились и итоги войны. Трагические годы прервали довоенные начинания в области американистики: Е. А. Агеев погиб, М. М. Малкин не вернулся к академической деятельности; Е. В. Тарле переехал в Москву [324].

Развитие американистики в научных центрах Москвы имело свою специфику, отразившуюся на интерпретации темы.

Восстановление исторического факультета в МГУ в 1934 г. также отразилось и на развитии изучения внешней политики США. На кафедре новой истории работали в этой области А. В. Ефимов и В. И. Каплан (Лан) – продукты советской системы образования и науки [325]. Несмотря на идеологическую направленность, именно А. В. Ефимов, защитивший докторскую диссертацию на факультете [326], трудился над книгой по истории борьбы США за независимость в конце XVIII в., включавшей материал по истории зарождения внешней политики [327]. Однако этим планам также не удалось сбыться.

Уже в годы Второй мировой войны в первом издании, подводящем итоги развития исторической науки в СССР «Двадцать пять лет исторической науки в СССР: Сборник статей» (1942), не было отмечено ни одной работы по раннему периоду истории внешней политики США. В целом состояние американистики передает оценка академика Е. В. Тарле: «Не оставлена без внимания советскими исследователями и история Соединенных Штатов Америки» [328]. Следует отметить и то, что подготовка к публикации издания сопровождалась скандалом по идеологическим и методологическим вопросам, которые также проявляли разное отношение к изучению истории Соединенных Штатов. В условиях войны вхождение СССР в антигитлеровскую коалицию привело к целесообразности отказа от радикальных позиций марксистко-ленинских установок на концепцию

классовой борьбы и противостояния империализму в публикациях советских историков. Поскольку юбилейный сборник планировали издать также и на английском языке, то он не должен был содержать довоенные крайности в оценке Великобритании и США. А. В. Ефимов стал одним из сподвижников этой ревизии, что и вызвало критику со стороны консервативных историков, не понимающих изменения политической конъюнктуры. Им были недовольны как ортодоксальные историки [обращение в 1942 г. профессора Анны Михайловны Панкратовой (1897–1957) в аппарат ЦК ВКП(б) с жалобой на попытку А. В. Ефимова реабилитировать буржуазную науку при написании вступительной статьи в юбилейный сборник] [329], так и студенты исторического факультета МГУ. В частности, Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) – историк, обучавшийся на истфаке в годы работы А. В. Ефимова, – описывал его в нелицеприятных категориях: «самая премерзкая личность, какую создал творец» [330], ради карьеры, «<…> он требовал так ретиво выкинуть отовсюду „классовую борьбу“ во имя союзнических отношений. Она для него, действительно, была воспоминанием не из приятных» [331].

Угодническая позиция А. В. Ефимова по отношению к линии политического режима выделяла его в кругах историков-новистов [332], которые также видели в нём конкурента и не упускали возможности для того, чтобы умалить достижения историка внутри советской науки. Примером этого была глава «Новая история в работах советских историков», написанная академиком Е. В. Тарле в сборнике, посвященном 25-летию советской науки, и вызвавшая дискуссию среди историков-марксистов. При описании достижений советских американистов, маститый ученый «задвинул» на второй план «осведомленного» коллегу и вывел на первый своего ученика – М. М. Малкина. Е. В. Тарле считал, что труд его ученика был подлинно исторической работой: «Очень серьезно задуманное и успешно выполненное исследование по истории… <…> Труд Малкина заслуживал бы перевода на английский язык. Он даст американским историкам немало новых и интересных фактов» [333]. С присущим сарказмом ученый поместил анализ работы А. В. Ефимова на второе место: «Диссертация чл.-кора АН СССР А. В. Ефимова „К истории капитализма в США“ (М., 1934) является самостоятельным исследованием в области социально-экономической истории Северной Америки от колониальных времен до XIX в.» [334]. О существовании книги, опубликованной на основе диссертации, не было упомянуто. Не отметил он также и появление первой в СССР публикации о научной разработке американской дипломатии в ранний период, написанной А. В. Ефимовым в многотомном издании «История дипломатии» [335].

Великая Отечественная война ограничила реализацию многих начинаний 1930-х – начала 1940-х гг. В отличие от ЛГУ, на истфаке МГУ американисты – А. В. Ефимов и В. И. Каплан – не стали научными руководителями для следующего поколения историков,

специализировавшихся на истории Соединенных Штатов в последней четверти XVIII в. На протяжении двух десятилетий, с 1934 г. по 1954 г., как на кафедре, так и на факультете диссертационные изыскания охватывали историю внешней политики США первой половины XX в. [336]

2.1.2. Ранняя стадия: дедуктивная экстраполяция и низкая степень актуальности (1930-е гг.)

2.1.2.1. Империалистическое направление: экспансионистское течение (А. В. Ефимов, В. И. Каплан (Лан), Л. Г. Рабинович (Райский). 1920-е и 1930-е гг. были десятилетиями, когда ранний период в истории внешней политики США не представлял научного интереса для историков-марксистов [337]. Примечательно, но их не интересовали ни Американская революция, ни Война за независимость, ни создание Статей Конфедерации и Конституции. Их внимание сконцентрировалось на макротеме – истории империализма с последней трети XIX в. [338]. Однако придание историзма исследованиям побуждало их при рассмотрении внешней политики США освещать последнюю треть XVIII в. При этом оценка В. И. Ленина, приведенная в труде «Письмо к американским рабочим» (1918), в академической среде не была востребована, поскольку первое поколение историков-американистов фокусировало внимание на изучении империализма в США на основе работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк» (1917). В ней «вождь мирового пролетариата» с опорой на работу сделал вывод: «Гобсон в своём сочинении об империализме выделяет эпоху 1884–1900 гг., как эпоху усиленной „экспансии“ (расширения территории) главных европейских государств. <…> Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики» [339]. Этот тезис приобрел системообразующий характер для историков-американистов, которые стали подтверждать его научность в своих изысканиях. Политическая обусловленность результатов исследований отразилась и на представлении о генезисе внешней политики США.

Во второй половине 1920-х гг. американистикой занимался Леонид Григорьевич Рабинович (Райский) – сотрудник Института Истории Ленинградского отделения Комакадемии, ответственный секретарь Общества историков-марксистов в Ленинграде [340]. В автобиографии представитель «красной профессуры» объяснял выбор своей специализации: «Основной областью моих научных занятий я выбрал Соединённые Штаты, марксистская история которых далеко ещё не изучена» [341]. Конъюнктурная мотивация отразилась и на взглядах историка, которые были результатом не научного поиска, а пропаганды [342].

На основе лекционного материала, прочитанного на историко-лингвистическом факультете в Ленинградском государственном университете, Л. Г. Рабинович (Райский) написал монографию «Новейшая

история Северо-Американских Соединенных Штатов: После гражданской войны и до мировой империалистической войны» (1930) [343]. В издании им был выдвинут тезис: «Американский империализм взял на себя реализацию тех планов экспансии, которые были намечены, но не осуществлены в доимпериалистический период истории Соединенных Штатов, но значительно расширил программу захватов» [344]. Для советского ученого авторитетным автором по истории внешней политики США был Джон Бассет Мур (1860–1947) – дипломат, профессор международного права и дипломатии в Колумбийском университете, создатель монографии «Американская дипломатия, ее дух и достижения» (1905) [345], который никогда не писал исторические труды, ограничившись научно-популярными изданиями, одним из которых пользовался советский ученый. Примечательно, что автор не выделял труд «Советская Россия и капиталистическая Америка» (1922) М. П. Вельтмана (Павловича), но при этом в разделе «Библиография» рекомендовал читать «Историю Северо-Американских Соединенных Штатов» (1912) А. В. Бабина, «Историю великой американской демократии (С. Амер. соед. штатов)» (1906) П. Г. Мижуева. Остаются необъяснимыми причины, по которым историк-американист ориентировал советскую аудиторию знакомить с немарксистскими авторами, которые не подверглись критике [346]. В дальнейшем, до ареста в 1936 г., ведя научно-педагогическую деятельность [347], Л. Г. Рабинович (Райский) не обращался к проблеме ранней истории внешней политики США.

Одновременно также велась работа по американистике в структурных подразделениях Комакадемии, размещенных в Москве.

Идея экспансии на Запад как фактор развития США была поддержана Вениамином Израилевичем Капланом (Ланом) – сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. Эту точку зрения он не привел в монографии «Классы и партии в САСШ» (1932) [348], а сделал это спустя три года во втором издании книги, опубликованной под названием «Классы и партии в США: Очерки по экономической и политической истории США» (1935). В ней исследователь добавил главу «Мировая и „провинциальная“ держава», в которой выдвинул тезис: «Америка появилась на мировой арене позднее других крупных империалистических держав. Свободные западные земли, определившие во многом своеобразное течение внутриполитической жизни США, оказывали свое влияние и на их внешнюю политику. На Запад двигались переселенческие колонны. Туда же направлялись фабричные изделия приатлантических промышленных штатов. <…> Но как „поздно пришедший“ (late comer) империализм США должен был несколько ограничить аппетиты своей внешней экспансии» [349]. Эти выводы делались на основе самостоятельного изучения первоисточников: автор заимствовал концептуальные идеи американских ученых – им использовались наработки Ф. Дж. Тернера и Ч. Бирда [350]. В отличие от

Л. Г. Рабиновича (Райского), В. И. Каплан (Лан) не выделял труды ни российских, ни советских авторов. [351]

Темой также занимался и Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971) – научный сотрудник Института истории Комакадемии. В монографии «К истории капитализма в США» (1934), которая была написана на основе первой в истории советской науке докторской диссертации (решение ВАК о присуждении научной степени состоялось 11 января 1938 г.) [352]. В книге А. В. Ефимов построил свой анализ как ответ историка-марксиста на ненаучность эконом-географической концепции Ф. Дж. Тернера и его сторонников. Концентрируя внимание на проблеме «свободных земель», советский ученый объяснял специфический путь развития американского капитализма. Территориальная экспансия («собирание» территории, по выражению историка) являлась целью внешней политики страны [353].

Несмотря на то, что американист выделил отдельную главу «Внешняя политика и территориальные приобретения» [354], из 122 наименований в разделе «Источники и литература» ни один не был посвящен истории внешней политики или дипломатии США [355]. Примечательно, что в отличие от Л. Г. Рабиновича (Райского) и В. И. Каплана (Лана) исследователь использовал наработки российской американистики до 1917 г.: в разделе «Примечание» фиксировалось использование работы А. В. Бабина «История Северо-Американских соединенных штатов» (1912), из которой советский американист брал факты [356]. Но в приложении «Источники и литература» не фиксировался факт привлечения работы А. В. Бабина. Также историк использовал работу В. И. Каплана (Лана) для отсылки к исследованию движения на Запад в истории США [357]. А. В. Ефимов показал доступность к первоисточникам: он подчеркивал привлечение сборников документов – «Американские государственные бумаги...» под редакцией У. Лори, «Журнал Континентального Конгресса» под редакцией У. С. Форда [358].

Относительно генезиса внешней политики США А. В. Ефимов выдвинул два тезиса, которые коллеги не выделяли. Во-первых, он настаивал на вторичности международных процессов, под которыми он понимал продолжительное англо-французское соперничество, перед развитием капитализма, данного теоретиками марксизма-ленинизма. Во-вторых, дискутируя с американскими коллегами, чьих имен он не приводил, историк-марксист утверждал, что не европейский, а именно британский опыт унаследовало североамериканское государство [359]. В его концепте американская экспансия следовала продолжением расширения владений Великобритании в XVII–XVIII вв. [360].

В целом сотрудники Комакадемии – А. В. Ефимов, В. И. Каплан (Лан), Л. Г. Рабинович (Райский) – следовали в рамках империалистического течения, утверждая, что империализм формировал генезис внешней политики США. Тема генезиса внешней политики США в

трудах авторов занимала периферийное положение и не выделялась в самостоятельное проблемно-тематическое поле. Стоя на методологии марксизма-ленинизма, отрицали уникальность американской истории и показывали универсальность развития капиталистических мировых держав. Примечательно, но акцент на великодержавность развития внешней политики США сближал советских авторов с точкой зрения их предшественников Российской империи.

За исключением В. И. Каплана, советскими американистами привлекались труды российских авторов: А. В. Бабин и П. Г. Мижуев использовались для заимствования фактов (А. В. Ефимов) и рекомендаций для изучения [Л. Г. Рабинович (Райский)]. Советские историки ошибочно полагали, что приводимые ими труды являлись научными изданиями, хотя они относились к научно-популярной литературе. Как книги открытого противника большевизма А. В. Бабина и «принявшего революцию» П. Г. Мижуева оказались в советских изданиях, следует объяснить спецификой становления первого поколения американистов в СССР. При этом обращает на себя внимание слабая связь между советскими американистами: А. В. Ефимов был единственным специалистом, отсылавшим читателей к работе В. И. Каплана (Лана).

Фактически к концу 1930-х гг. в Советском Союзе не было написано ни одного научного и специализированного труда по раннему периоду истории внешней политики США [361]. Однако тема, занимая периферийные позиции в трудах А. В. Ефимова, В. И Каплана (Лана), Л. Г. Рабиновича (Райского), вводилась в советскую науку и получала более широкое распространение в советском обществе, чем труды авторов Российской империи [362].

2.1.3. Поздняя стадия: компилятивность и растущая степень актуальности (начало 1940-х гг.)

2.1.3.1. Дипломатическое направление: конфликтологическое течение (А. В. Ефимов). Оценка В. И. Ленина, приведенная в «Письме к американским рабочим» (1918), была перенесена в академическую среду только на рубеже 1930–1940-х гг. Это было сделано А. В. Ефимовым, работавшим в это время в Институте истории и занимавшим должность профессора истфака МГУ.

23 декабря 1940 г. был подписан в печать первый том трёхтомного издания «Истории дипломатии» под редакцией Владимирова Петровича Потемкина (1874–1946) – видного партийного работника, дипломата. Публикация основывалась на идейных позициях, как «<…> первый опыт марксистской работы в данной области и в указанном масштабе» [363]. Специально для этого издания А. В. Ефимов написал главу «Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.)», которая открывала раздел «Дипломатия нового времени (1789–1871 гг.)» [364].

Не представляется возможным определить группу источников и литературы, на основе которых формировал свои взгляды А. В. Ефимов,

поскольку его исследование не содержало ссылок [365]. Известно лишь то, что ему было доступно библиографическое справочное издание «Руководство по дипломатической истории Соединенных Штатов, 1775–1921» [366], которое содержало список специализированных трудов. Также в монографии 1934 г. им использовались сборники первоисточников.

Анализ текста показал, что А. В. Ефимов не владел материалом по истории внешней политики США. В работе встречались фразы и термины, которые носили вольный характер. В частности, автор писал: «Сама форма ведения внешних дел в республике Соединенных штатов была более или менее демократичной. Ими ведал пленум Конгресса» [367]. Описывая трансформацию внешнеполитического ведомства в 1781 г., он использовал термин «статс-секретарь» вместо «секретарь иностранных дел» [368; 369]. Эти нюансы показывали не стилистические особенности, а отсутствие у американиста опыта работы в этой плоскости [370]. Примечательно, что автор не использовал наработки своей монографии 1934 г. и соответственно не приводил интерпретацию генезиса в рамках экспансионистского течения империалистического направления.

Поскольку работа писалась не о внешней политике, а о дипломатии, то А. В. Ефимов поступил очень своеобразно: он не стал анализировать деятельность Континентального Конгресса, в целом, и комитета по секретной корреспонденции, здание которого 29 ноября 1775 года определялось им как формальное учреждение внешнеполитического ведомства [371]. Вместо изучения работы институтов он поставил в центр анализа рассмотрение отдельных личностей. Выделяя С. Дина, А. Ли, Дж. Джея [372], историк фокусировался на деятельности Б. Франклина, который являлся творцом американской дипломатии и снискал положительную оценку К. Маркса [373]. Обратить внимание следует и на то, что А. В. Ефимов не был в состоянии найти подтверждение оценке В. И. Ленина: в его распоряжении не было фактов того, что американское общество использовало европейский баланс сил.

Однако ракурс рассмотрения не повлиял на выводы советского американиста в рамках марксизма-ленинизма о генезисе внешней политики США. Во-первых, историк рассматривал американскую дипломатию с универсальных позиций: «Американская дипломатия – дипломатия буржуазной республики <…>» [374]. Во-вторых, он подтверждал тезис В. И. Ленина [375], заменив американский народ на отца-основателя: «Франклин установил хорошие отношения не только с французским правительством, но и с дипломатическим корпусом. Он использовал старинное соперничество Франции и Англии, с одной стороны, и симпатии передовых элементов французского общества к Американской республике – с другой, чтобы оказать давление на Людовика XVI и на двор с целью вовлечь Францию в войну с Англией» [376; 377].

Глава в коллективной монографии не представляла собой научное исследование: это была конструкция фактов, подтверждавшая оценку В. И. Ленина, в частности, и верность методологии марксизма-ленинизма, в целом. Для изучения генезиса внешней политики США взгляд А. В. Ефмимова был важен тем, что он создал матрицу интерпретации темы в советской американистике, соединив идеологемы (бинарность: оценка В. И. Ленина использования баланса сил; универсальность развития внешней политики буржуазного государства) с историческими фактами, которые были им рассмотрены избирательно и тенденциозно. Последствием работы А. В. Ефимова стало то, что его взгляд приобрел хрестоматийный характер и воспроизводился в литературе с 1940-х гг. [378] Также А. В. Ефимов разработал новое течение – дипломатическое, которое отличалось тем, что империализм в нём отодвигался на второй план и уступал сфере межгосударственных отношений. При этом взгляды ученого шли в рамках конфликтологического течения: автор придерживался утверждения о зарождении внешней политики США из опыта использования европейского баланса сил.

Если сравнить взгляды дореволюционного правоведа В. Н. Александренко и советского историка А. В. Ефимова, то можно проследить совпадения и отличия во взглядах авторов разных эпох.

Несмотря на разные методологические позиции, В. Н. Александренко и А. В. Ефимов сходились во мнении о том, что генезис внешней политики США проходил в процессе начального формирования стремления североамериканского государства занять великодержавный статус в перспективе. Оба автора показывали внешнеполитическую проблематику в рамках американоцентризма, что отображало выделение США в отдельное направление российской и советской научной мысли. Использование европейского баланса сил в процессе зарождения внешней политики принималось также учеными. Презентизм сказывался на оценках авторов, которые связывали рассмотрение темы с современными им политическими процессами. С определенной осторожностью, но следует отметить: взгляды ученых не формировались в изоляции от иностранной, в частности американской, историографии внешней политики Соединенных Штатов.

Расхождение взглядов авторов охватывало ряд проблематик. Авторы выделяли разные хронологические рамки генезиса. Для В. Н. Александренко исторический процесс осуществлялся на протяжении 1776–1823 гг. и был связан с «доктриной Монро». Иного взгляда придерживался А. В. Ефимов, для которого первостепенное значение имели Американская революция и начавшаяся в 1789 г. Великая Французская революция, изменившая ход мировой истории, в целом, и обозначившая фундаментальные изменения в американской внешней политике, в частности [379]. Разные позиции занимали ученые и по отношению к объему освещаемого ими предмета: если

В. Н. Александренко выделял институты (Континентальный Конгресс, Комитет секретной корреспонденции) и отцов-основателей, то А. В. Ефимов – преимущественно Б. Франклина. Ученые по-разному видели влияние интеллектуальных истоков внешнеполитических воззрений отцов-основателей: В. Н. Александренко выделил школу естественного права и Просвещения в Европе, А. В. Ефимов этот аспект проигнорировал. Влияние идеологии на оценки ученых имело противоположное воздействие: взгляды В. Н. Александренко не были обусловлены идеологическими доктринами, в то время как воззрения А. В. Ефимова были подчинены идеологическим догмам политического режима. В результате, несмотря на ограниченный опыт анализа внешней политики США авторов, их точки зрения имели разное основание: академическое у В. Н. Александренко, политическое у А. В. Ефимова. Однако в этой специфике коренился еще один аспект расхождения: оценка В. Н. Александренко была компилятивной, в то время как А. В. Ефимова – интерпретационной.

В целом сравнительный анализ взглядов В. Н. Александренко и А. В. Ефимова, а также изучение оценок Л. Г. Рабиновича (Райского) и В. И. Каплана (Лана) установили непрерывность взглядов ученых Российской империи и Советского Союза.

2.2. Пик: актуализация, методологический догматизм, политизация (середина 1950-х – 1970-е гг.)

2.2.1. Структурные изменения в академической среде: диспропорция в изучении темы между АН СССР и центральными вузами

Холодная война, как системный фактор, стимулировала развитие институтов по изучению внешней политики США в первой половине 1950-х гг. Структурные изменения происходили в Академии наук, на исторических факультетах вузов, особенно МГУ и ЛГУ, как флагманов формирования дидактического материала, где набирало обороты изучение американистики. В то же время процесс характеризовался своеобразной чертой: генезис внешней политики Соединенных Штатов становился предметом исследования узкой группы историков, сосредоточенных в АН СССР, поскольку они разрабатывали исторические процессы XVIII в. (Американская революция, Война за независимость, становление американо-российских отношений); одновременно профессорско-преподавательский состав университетов отдавал предпочтение исследованию исторического периода, связанного с современностью (вторая половина XIX в. – первая половина XX в.). Диспропорция стимулировалась и закреплялась разными источниками: конъюнктурой политической системы и состоянием американо-советских отношений, иерархичностью организации советской исторической науки, партийно-

идеологическим контролем, доступом к американской литературе и архивным источникам, ставшим доступными в результате пополнения фондов центральных библиотек СССР, а также реализации т. н. «Соглашения Лэйси – Зарубина» (1958) [380], давшей возможности совершить научные командировки в США советским американистам. В целом структурные изменения в академической среде формировали условия для становления рассмотрения темы генезиса внешней политики США.

В Академии наук сложилось несколько центров становления американистики.

В 1952 г. в Институте этнографии АН СССР был образован сектор Америки, Австралии и Океании; через пять лет, в 1957 г., из него был выделен сектор Америки. С 1957 г. по 1971 г. его руководителем был А. В. Ефимов [381]. Необходимо отметить, что подразделение не стало научным центром по подготовке и сосредоточению историков-американистов, занимавшихся вопросами внешней политики США [382], поскольку его руководитель не ориентировал аспирантов на изучение внешней политики США в XVIII в. по причине неактуальности темы для сектора [383]. Тем не менее после Института истории, МГУ, МГИМО, подразделения, как и сам институт, стали опорной точкой для самого А. В. Ефимова, которую он использовал для развития своих взглядов и публикационной активности на рубеже 1950–1960-х гг.

В Институте этнографии АН СССР А. В. Ефимов, как единственный специалист в узкой области, работал без опасения научной конкуренции: у него не было причин состязаться с коллегами или же опасаться вызовов от следующего поколения историков-американистов – он купировал потенциальные угрозы, заблокировав движение научной мысли в этом направлении в рамках работы сектора.

Противоположная ситуация сложилась в Институте истории АН СССР: уже во второй половине 1950-х гг. здесь отчетливо проявился конфликт поколений между американистами.

Критика работы Института Истории АН СССР на XIX съезде ВКП(б) (5–14 октября 1952 г.) привела к структурным изменениям, которые стали реализовываться в марте 1953 г. Пленум Академии наук упразднил Ленинградское отделение института и одновременно учредил сектор новой и новейшей истории стран Америки. Перед новой структурой ставилась задача по разработке актуальных проблем новой и новейшей истории США, поскольку «работа Института истории должна быть нацелена на разоблачение американо-английских и иных фальсификаторов истории, на систематическую и непримиримую борьбу со всякого рода антимарксистскими, космополитическими, буржуазно-националистическими „концепциями“ и ошибками вульгарно-социологического и субъективистского порядка» [384]. При этой

тенденциозности сектор становился центром изучения внешней политики Соединенных Штатов и ее генезиса.

Последняя треть XVIII в. в истории США была предметным полем в работе Марии Николаевны Захаровой (1906–1984) – ученицы Вячеслава Петровича Волгина (1879–1962) [385], в круг интересов которого входила история социализма, а также история Франции XVIII в., постижение которой он осуществлял под наставничеством франковеда Р. Ю. Виппера [386] – ученика В. И. Герье. Под руководством неспециалиста по истории США М. Н. Захарова написала диссертационное исследование по теме «Томас Джефферсон – родоначальник американской демократической доктрины» (1947) [387]. В дальнейшем, на протяжении второй половины 1940-х гг. – середины 1970-х гг., ее научная деятельность в секторе была связана с единичными публикациями по личности Т. Джефферсона и дипломатии Войны США за независимость, отдавая предпочтение изучению последней трети XVIII в. – первой половины XIX в. Ее же перу принадлежит глава «Война английских колоний в Северной Америке за независимость. Образование Соединенных Штатов Америки» в многотомном издании «Всеобщая история». В публикации американист воспроизводила тезис В. И. Ленина 1918 г. [388]. В целом деятельность М. Н. Захаровой в секторе не привела к формированию нового поколения историков-американистов.

Также вопросами по истории внешней политики США занималась Ирина Александровна Белявская (1915–2011) – ученица Л. И. Зубока. Будучи специалистом по первой четверти XX в., она написала статью «Франклин – деятель национально-освободительного движения американского народа» (1956) [389], но более масштабные исследования, кроме этой единичной публикации в середине 1950-х гг., ею не были совершены [390].

Доминирование М. Н. Захаровой в этой области, и особенно в период истории США до середины XIX в., было непродолжительное время: в ноябре 1958 г. в сектор поступил Н. Н. Болховитинов. Будучи учеником А. В. Ефимова и диссертантом А. Л. Нарочницкого, он стал вести работу над докторской диссертацией по теме «Становление русско-американских отношений 1775–1815 гг.» (1965) [391], что создавало напряжение в отношениях с М. Н. Захаровой [392]. Тем не менее именно Н. Н. Болховитинов, а не его коллега [393], стал наиболее известным сподвижником изучения раннего периода в истории внешней политики США.

Конкуренция внутри Института всеобщей истории между американистами не завершилась в 1970-е гг.: после выхода на пенсию М. Н. Захаровой в 1970 г. [394] обострились противоречия Н. Н. Болховитинова с Григорием Николаевичем Севостьяновым (1916–2013) – старшим научным сотрудником, заведующим отделом истории США и Канады [395]. Также сотрудники кафедры новой и новейшей истории

истфака МГУ (в частности И. П. Дементьев) присоединились к критике Н. Н. Болховитинова за его идеологическое отступничество при анализе американской историографии, а ведущий вуз страны расторг с ним трудовой договор [396].

Кроме относительной изоляции в середине 1970-х гг., с которой столкнулся Н. Н. Болховитинов в среде московских американистов (за исключением коллег из ИМЭМО и ИСКАН), происходил процесс вытеснения в ИВИ АН СССР: Г. Н. Севостьянов приступил к подготовке кадров для оттеснения своего оппонента. Он стал научным руководителем диссертации Николая Андреевича Краснова по теме «Американо-французские дипломатические отношения в период войны США за независимость (1775–1783 гг.)» (1977). Для Г. Н. Севостьянова нужно было диверсифицировать доминирование Н. Н. Болховитинова, как специалиста по международным отношениям XVIII в., в возглавляемом им отделе.

Осознание того, что Н. Н. Болховитинов не мог создать научную школу, тяготило ученого. Рефлексия 1970-х гг. была им приведена в публикации для зарубежной аудитории: «Многие другие вещи тоже все еще остаются мечтами. Одно время я хотел проводить новые курсы для студентов каждые один или два года. Но из этого ничего не вышло. Время от времени я читал специальные краткие курсы и обучал студентов-дипломников в Московском университете, а после 1974 года – в Симферопольском университете. Но я до сих пор не нашел аудиторию, готовую пройти систематический курс по истории и историографии Соединенных Штатов. Оценивая свое место в развитии советской американистики, я не могу не признать, что оно оказалось более чем скромным. В отличие от А. В. Ефимова или Л. И. Зубока, у меня не было учеников и, тем более, собственной школы. Мои работы известны в лучшем случае узкому кругу специалистов, и о каком-либо влиянии на более широкие общественные круги просто не может быть и речи» [397]. Найти учеников в элитарных вузах, в частности, МГУ, ему было не под силу, поэтому на протяжении 1980-х гг. Н. Н. Болховитинов сосредоточился на поиске соискателей научных степеней в периферийных вузах [398].

Однако, своих учеников, проходивших обучение в аспирантуре Института всеобщей истории, он не ориентировал на изучение внешней политики США и ее генезиса, в частности. Еще на рубеже 1960–1970-х гг. Н. Н. Болховитинов вслед за американской историографией, за которой он следил, отошел от государства как предмета исследования, перенеся внимание на негосударственные области международной истории. «В прошлом, – отмечал советский американист, – историки международных отношений очень редко изучали общественно-политические, научные и культурные связи. Их внимание было сосредоточено на межгосударственных и, в первую очередь, дипломатических отношениях, на деятельности видных государственных деятелей, знаменитых генералов и дипломатов, царей и президентов. Это исключило из истории международных отношений главный

элемент – народ, представленный самыми прекрасными, образованными и активными личностями – учеными, общественными деятелями, литераторами, журналистами. Я вижу свою главную заслугу в том, чтобы попытаться преодолеть этот недостаток и всесторонне изучить отношения между Россией и США в их полном измерении, включая историю торговли, общественно-политические, научные и культурные связи, историю Русской Америки, деловые контакты российских „промышленников“ (торговцев мехом) и бостонских моряков-торговцев и другие связи» [399]. Эта методологическая установка делала позицию Н. Н. Болховитинова новаторской в академическом сообществе СССР. Но именно она и блокировала возможность изучения генезиса внешней политики США внутри формирующейся школы этого ученого на протяжении 1980-х гг. и начала 1990-х гг.

Тем временем пока московские коллеги конкурировали друг с другом, в середине 1950-х гг. в Ленинградском отделении Института истории СССР было заложено системное изучение истории США. Заслуга в том, что этот процесс состоялся благодаря Б. А. Романову: будучи научным наставником А. А. Фурсенко [400], он проявил усердие для того, чтобы в 1951 г. тот был принят в аспирантуру ЛОИИ [401]. Именно А. А. Фурсенко станет у основания американистики в институте. При этом он будет сочетать изучение истории Американской революции с историей внешней политики конца XIX в. – первой половины XX в., с чем будет связано изучение ранней истории США, в частности истории Американской революции [402]. Следует отметить, что А. А. Фурсенко, в отличие от Н. Н. Болховитинова, укреплял позиций внутри института при помощи партийной организации [403], также он сохранял профессиональные отношения в академической среде Ленинграда [404]. Все эти процессы отразились на рассмотрении генезиса внешней политики США ленинградскими американистами в 1960-е гг., и особенно на протяжении 1970–1980-х гг.

В Академии наук также был институт, где ранний период истории США не исследовался. После ликвидации в 1947 г. ИМХМП, через девять лет, в 1956 г., был создан Институт мировой экономики и международных отношений, который продолжил деятельность предшествовавшего института [405]. Его сотрудники, работавшие в секторе США (с 1960 г. – отдел), не вели изыскания по теме, отдавая предпочтение работе по современной проблематике.

Преобразование 14 октября 1944 г. факультета международных отношений МГУ в Институт международных отношений – структура НКИД СССР – стало ключевым фактором в становлении советской американистики второй половины 1940-х гг. и в 1950-е гг., по разным причинам в вуз пришла работать плеяда историков, работавших в области истории США и международных отношений XIX–XX вв., которые имели опыт работы в МГУ и ЛГУ [406]. Среди них Е. В. Тарле, А. В. Ефимов,

Л. И. Зубок стали учителями для следующего поколения историков-американистов 1950–1960-х гг.[407], среди которых был Николай Николаевич Болховитинов (1930–2008)[408] – ведущий советский историк-американист, специализировавшейся на становлении американо-российских отношений. Примечательно, в его воспоминаниях научно-исследовательская работа студентов МГИМО на рубеже 1940–1950-х гг. по истории внешней политики США XVIII в. – первой половины XIX в. не проводилась, поскольку установка вуза концентрировала внимание на современном периоде. И только ходатайство научного руководителя – А. В. Ефимова – позволило Н. Н. Болховитинову вести дипломное изыскание по «доктрине Монро»[409]. Однако в силу невозможности поступить в аспирантуру МГИМО (сказывалось падение влияния А. В. Ефимова и Е. В. Тарле) дальнейшая работа была им продолжена в Московском городском педагогическом институте имени В. П. Потёмкина под руководством А. Л. Нарочницкого.

Примечательно, что воспоминания Н. Н. Болховитинова дают возможность увидеть невысокое качество подготовки научных кадров в МГИМО по истории внешней политики США, где приоритет отдавался не работе с источниками и применению научной методологии, а следованию идеологическим установкам. Работу с А. В. Ефимовым, которому он был благодарен за все время их общения, не считал своим достижением: «Я не могу сказать, что проделал хорошую работу. Проходя через это сегодня, я остро ощущаю все ограничения и, что более важно, односторонность моих взглядов в то время. И остается только удивляться тому, насколько либеральными и аплодирующими были мои наставники, прежде всего Тарле и Ефимов»[410]. По мнению ученого, именно А. Л. Нарочницкий, а не профессора МГИМО, привил ему внимание к работе с архивными документами: «Мое знакомство с А. Л. Нарочницким в определенной степени ответственно за то, что вся моя последующая работа была связана с архивами и, в первую очередь, с Архивом внешней политики России»[411].

Несмотря на развитие американистики в МГИМО, вуз до 1991 г. так и не стал центром изучения темы генезиса внешней политики США, поскольку XVIII в. не был приоритетным периодом в подготовке выпускников. Как показала дальнейшая карьера Н. Н. Болховитинова, его научный потенциал мог раскрыться только в структурах Академии наук СССР.

В отличие от институтов Академии наук и МГИМО, на кафедрах новой и новейшей истории исторических факультетов ИМГ и ЛГУ тема генезиса внешней политики США была лишена системности развития. Происходило это вследствие преобладания тем, связанных с современностью и политической конъюнктурой.

В послевоенные годы исторический факультет, где уже не работал А. В. Ефимов, продолжал быть центром развития американистики благодаря стараниям профессора Льва Израилевича Зубока (1894–1967)[412].

Под его руководством была защищена первая диссертация в СССР по истории внешней политики США в Латинской Америке. Майя Александровна Окунева (1922–2005) [413] подготовила исследование на тему «Установление колониального господства американского империализма на Кубе, в Панаме и Доминиканской Республике» (1949). Однако, как и в ЛГУ, борьба с космополитизмом также негативно отразилась на развитии американистики в МГУ. Лев Фадеевич Лисс – профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета – вспоминал о негативных последствиях изгнания Л. И. Зубока из вуза: «Для нашего курса особенно трагическим было устранение проф. Л. И. Зубока, одного из ведущих в то время отечественных американистов. Он же был единственный, кто мог полностью прочитать курс новейшей истории стран Запада. Выход кафедра нашла в коллективном подходе – каждый из молодых специалистов представлял нам одну-две лекции по истории своей страны. Ясно, что об особом качестве такого „метода“ преподавания говорить не приходится. Те же, кто собирался заниматься историей США, оказались у разбитого корыта. Пришлось идти на встречу с деканом, который и заверил нас, что факультет соответствующие усилия предпринимает. Кстати, для меня это была единственная нужда в декане за все пять лет обучения. Примерно через месяц после начала семестра преподаватель у нас появился. Им оказалась недавно защитившая кандидатскую диссертацию и уже работавшая в Институте международных отношений бывшая аспирантка Зубока Е. В. Ананова. Очень милая молодая женщина, она прочитала нам большой спецкурс по истории США (многотомных отечественных историй которых тогда еще не было), стала научным руководителем наших дипломных работ» [414]. Примечательно, что вклад Е. В. Анановой в столь трудные годы развития факультета остался не сохранен в памяти на историческом факультете МГУ [415]. Подвергнувшись гонениям, Л. И. Зубок покинул истфак МГУ, перейдя на работу в МГИМО [416]. В целом, по воспоминаниям Е. Ф. Язькова и Л. Ф. Лисса, американистика изучалась и преподавалась необъективно, тенденциозно [417].

В 1953 г., когда кафедру новой и новейшей истории возглавил Илья Саввич Галкин (1989–1990) – бывший ректор МГУ, системообразующим фактором была не личность, а трансформация политической системы – завершилась сталинская эпоха и начиналась оттепель [418]. По воспоминаниям И. С. Галкина, когда он возглавил кафедру, то на ней ощущался кадровый недостаток специалистов: «Штатные доценты и профессора представляли только три страны – Францию, Германию и Италию. Специалистов-историков по другим странам в составе кафедры не было. А потребность в таких специалистах и в академических институтах, и у самой кафедры была большая» [419]. Это побудило его начать привлекать к работе по совместительству исследователей – среди них были В. М. Хвостов, Л. Н. Иванов, Л. И. Зубок – для формирования следующего

поколения историков-новистов. Следует отметить, что этот процесс был очень сложен [420]. Понимали необходимость качественного подбора кандидатов и на кафедре новой и новейшей истории [421]. И. С. Галкин стал научным руководителем для Игоря Петровича Дементьева (1925–1998) [422] и Евгения Федоровича Язькова (1923–2009) [423], также сориентировав их на специализацию по истории США. Третьим историком-американистом, подготовленным на кафедре, был Николай Васильевич Сивачев (1934–1983), который был направлен по этому профилю его научным руководителем – профессором Владимиром Михайловичем Хвостовым (1905–1972) [424].

К середине 1960-х гг. группа «Дементьев – Язьков – Сивачев» [425] функционировала, как научный центр, который занимался проблематикой преимущественно второй половины XIX – XX вв., отодвигая на второй план историю США XVIII в. и их внешнюю политику, в частности.

Аналогичные процессы происходили и на истфаке ЛГУ. Несмотря на трудности в послевоенные годы, американистика была восстановлена на истфаке. Под воздействием Семёна Бенциановича Окуня (1908–1972), вернувшегося с фронта, и академика Е. В. Тарле аспирант кафедры истории СССР Николай Моисеевич Гольдберг (1917–1970) защитил диссертационные изыскания на тему «Русско-американские отношения в начале XIX века (1801–1815 гг.)» (1947) [426]. Уже десятилетия спустя, работая в Музее истории религии и атеизма в Ленинграде, Н. М. Гольдберг защитил докторскую диссертацию, написал ряд книг по американской истории [427]. Его специализация была следствием из опыта, полученного во время обучения на истфаке ЛГУ [428].

Тем не менее в послевоенные годы влияние Е. В. Тарле и С. Б. Окуня в ЛГУ было ограниченно, а сподвижниками американистики стали другие ученые, которые также не специализировались в этой сфере: Борис Александрович Романов (1889–1957) – профессор кафедры истории СССР (1944–1959) и Николай Павлович Полетика (1896–1988) – профессор кафедры новой истории (1936–1947), заведующий кафедрой истории международных отношений и внешней политики СССР (1947–1950).

Усилиями обоих историков продолжались начинания 1930-х гг. Несмотря на то, что оба ученых не были специалистами по истории США, они подходили к этому предмету через историю международных отношений, а также требовали от своих учеников тщательной работы с источниками [429]. Признание авторитета друг друга привело к тому, что их специализанты считали себя учениками обоих [430], а также через них продолжалась преемственность между дореволюционными петербургскими историками-новистами и советскими американистами. Это происходило благодаря поддержанию исследовательской культуры и творческой среды, что отличало ленинградских ученых от московских коллег, отдававших предпочтение политической конъюнктуре [431].

В целом условная группа «Тарле – Романов – Полетика – Окунь» [432] стала фактором становления американистики в ЛГУ в послевоенные годы. Однако их созидание было ограничено «большой политикой». В 1946 г. Е. В. Тарле покинул факультет, перебравшись в МГУ. Борьба с космополитизмом в начале 1950-х гг. привела к изгнанию Б. А. Романова с факультета; Н. П. Полетика заблаговременно покинул истфак, С. Б. Окунь подвергся критике за «ошибки объективистского характера». Репрессии способствовали тому, чтобы научная разработка раннего периода истории внешней политики США была прекращена.

С «исчезновением» немарксистских (беспартийных) историков им на смену пришли «новые кадры», партийные, которые концентрировали внимание исключительно на XX в., и им не могли поставить в вину, как это сделали в отношении Б. А. Романова, «ошибки буржуазно-объективистского характера» [433]. У нового поколения был свой особенный подход к истории, тот который культивировали их предшественники во второй половине 1930-х гг. – «политически верный» [434]. В отличие от первого поколения, второе развивалось в условиях кадровой стабильности [435] на кафедре и в университете [436]. Не было репрессий, но был идеологический отбор и жесточайший контроль, к которому имел непосредственное отношение Владимир Георгиевич Ревуненков (1911–2004) – историк-франковед, декан истфака (1957–1959), заведующий кафедрой новой и новейшей истории (1957–1989), завербованный НКВД в 1930-е гг. [437]

Продолжателем американистики в ЛГУ с середины 1950-х гг. был Виктор Константинович Фураев (1921–1999) – однокурсник А. А. Фурсенко, который также концентрировал внимание на проблематике конца XIX в. – первой половины XX в. [438]

На протяжении «оттепели» только в структурах Академии наук выделились три специалиста – А. А. Фурсенко в Институте истории СССР, Н. Н. Болховитинов в Институте истории, А. В. Ефимов в Институте этнографии, которые стали формировать в советской научной мысли интерпретацию зарождения внешней политики США [439]. Историки-американисты МГУ и ЛГУ не выбирали это проблемно-тематическое поле для исследования, отдав предпочтение изучению проблематики второй половины XIX в. – первой половины XX в.

Инновации вводились во второй половине 1950-х гг. – начале 1960-х гг. усилиями американистов двух поколений: тех, кто сформировался в 1930-е гг. (А. В. Ефимов), и тех, чьи профессиональные взгляды становились во второй половине 1940-х гг. – конце 1950-х гг. (Н. Н. Болховитинов, А. А. Фурсенко).

Со второй половины 1950-х гг. внимание к ранней истории США и их внешней политике было обусловлено началом юбилейных дат в истории североамериканского государства. В этом контексте внимание привлекали исторические личности, вносившие прогрессивные начинания в развитие

Соединенных Штатов, а также были связаны не только с политикой. Идеальным совпадением этих процессов был Б. Франклин [440].

За месяц до XX съезда КПСС, 17 января 1956 г. состоялось торжественное заседание АН СССР, МГУ, Советского комитета защиты мира и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, посвященное 250-летию со дня рождения Б. Франклина. На научном форуме А. В. Ефимов – член-корреспондент, сотрудник сектора методики истории и Конституции СССР Научно-исследовательского Института методов обучения Академии педагогических наук СССР – прочел доклад «Общественная деятельность Вениамина Франклина». Этот труд был опубликован в «Вестнике Академии наук СССР» [441].

Историк не только продолжал называть отца-основателя «Вениамином», что было впоследствии «исправлено» в справочной литературе [442], но и «трудоустроил» его в несуществовавший институт: «В самом конгрессе Франклин был поставлен во главе «секретного комитета по внешней политике» [443]. Комитет не был секретный ни по своей функции, ни по статусу; член-корреспондент соединил его с «секретным комитетом» – отдельным институтом в Континентальном Конгрессе.

А. В. Ефимов проявлял и большой энтузиазм в «нахождении» источников, а точнее в их непрофессиональной интерпретации. В докладе он отмечал: «Нам удалось найти в Ленинграде подлинное письмо Франклина сыну, написанное в Пасси 2 марта 1778 года. „Мы заключили наш договор о союзе с Францией и договор о торговле, – писал Франклин. – Они весьма выгодны для Соединенных Штатов. Пересылаю эти договоры с этой почтой. Вся Европа за нас, а Англия в оцепенении“» [444]. Где именно в Ленинграде можно было найти источник, датированный 2 марта 1778 года, ученый не уточнял ни архивные фонды, ни библиотеки. Впоследствии советская американистика, почитавшая авторитет А. В. Ефимова, подхватила эту «находку» [445]. Верификация «открытия» нового источника показала: письма от 2 марта 1978 года к Уильяму Франклину (1730–1813) не существует [446], что также объясняет и тот факт, что А. В. Ефимов не включил свою «находку» в книгу «Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. 1492–1870 гг.», подписанную к изданию 23 декабря 1958 года. Приведенные слова отца-основателя адресовались в его корреспонденции к Ричарду Баху (1737–1811) [447]. Почему же ученый посчитал его сыном Б. Франклина? Ответ на этот вопрос кроется в последнем предложении письма: «I am ever Your affectionate Father» («Я всегда буду Твоим любящим Отцом») [448]. Это дало основание историку понять фразу буквально. В действительности адресат был зятем, супругом Сары Франклин (1743–1808) – единственной дочери отца-основателя. Этот пример показывает, насколько непрофессионально А. В. Ефимов знал предмет своего анализа – биографию Б. Франклина – и мог анализировать источники.

Примечательно, что это письмо отца-основателя было опубликовано в № 4 журнала «Исторический архив» за 1956 г. в разделе «Записки архивиста».

Фотокопия документы была размещена в статье Моисея Израилевича Радовского (1903–1964) – старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР – под названием «Автограф Вениамина Франклина». В ней, кроме отсылки на выступление А. В. Ефимова, были приведены корректные данные о документе: был указан не только адресат, но и отмечено то, что источник хранится в фонде коллекционера Петра Корниловича Сухтелена (1751–1836) в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [449].

А. В. Ефимов был не единственным советским ученым, который в середине 1956 г. опубликовал наработки, посвященные отцу-основателю. Ирина Александровна Белявская – сотрудник сектора новой и новейшей истории стран Америки в Институте истории АН СССР – представила свои взгляды в статье «Франклин – деятель национально-освободительного движения американского народа» (1956), в которой описала хорошо известный факт: «Франклин был первым полномочным послом Соединенных Штатов во Франции. Он блестяще выполнил свою миссию, умело использовав в интересах Соединенных Штатов давнишние противоречия между Францией и Англией» [450]. При этом историк-американист, указывая работу Г. Штоурца, отмечала ее как новинку, но не анализировала [451].

В 1950-е гг. советские американисты сталкивались с системными препятствиями в изучении ранней истории США, в целом, и их внешней политики, в частности. Передают это состояние замечания Геннадия Петровича Куропятника и Ирины Александровны Белявской – сотрудников Института истории АН СССР – в обещающей статье «Советская литература по истории США» (1963). В публикации они отмечали недоступность научных изданий, а также «<…> в фондах наших библиотек имеются огромные пробелы в литературе и источниках по истории США (достаточно упомянуть отсутствие не только местной, но и центральной прессы США за 1776–1917 гг.)» [452]. Также история Американской революции была слабо проработанным вопросом. Выделяя работу 1960 года А. А. Фурсенко, его коллеги констатировали: «К сожалению, этому одному из важнейших событий в мировой и национальной американской истории в советской литературе до сих пор не было посвящено ни одной монографии» [453]. В конце «оттепели» эти факторы имели уже относительный характер: библиотечные фонды пополнялись, осуществлялись командировки в США.

В целом советская научная мысль была готова совершить качественный скачок в осмыслении генезиса внешней политики США. Но движущей силой этого «большого скачка» станет не научно-исследовательская разработка, а политико-идеологическая конъюнктура, связанная с марксистко-ленинским ответом на празднование 200-летия Американской революции и провозглашения независимости США, а также

углублением институциональной специализации в академической среде – учреждение в 1968 г. Института США, специалисты которого придадут динамизм рассмотрению проблематики в 1970-е гг.

Внутри советской исторической науки академические мероприятия по ранней истории внешней политики США были сфокусированы вокруг празднования 200-летия провозглашения независимости Соединенных Штатов в первой половине 1970-х гг., которые концентрировались на работе двух всесоюзных симпозиумов советских историков-американистов (30 ноября – 3 декабря 1971 года, 22–24 марта 1976 года) в Институте всеобщей истории АН СССР. Впоследствии столь масштабные научные форумы не проводились.

Из 130 участников первого симпозиума в 1971 г. ни один не представил доклад о раннем этапе внешней политики США [454]. Пять лет спустя, в 1976 г., на втором симпозиуме обсуждение проблематики состоялось. Основным докладчиком был Николай Николаевич Яковлев (1927–1996) – заведующий отелом социальных и экономических проблем Института США АН СССР. В выступлении на тему «Некоторые внешнеполитические аспекты американской революции» [455] он, прежде не занимавшийся этой проблематикой, построил свою презентацию на разоблачении американских историков и правящих элит США, которые, по его мнению, искажали историческое значение и Американской революции, и связанной с ней внешней политики.

Согласно оценке и стилистике Н. Н. Яковлева, американская историография пребывала в состоянии «юбилейной горячки», на которую оказывала воздействие правящая элита: «Ныне руководители США открыто обратились к политике „баланса сил", основой которой является свобода рук для „державы-балансира". Если так, тогда опыт отцов-основателей, проповедовавших нетленность „демократии", проклинавших коронованных тиранов, но с величайшей радостью и облегчением принимавших помощь от монархов Франции и Испании, освещает нынешний внешнеполитический курс» [456]. Кроме колких выпадов в адрес американских историков, Н. Н. Яковлев не мог выдвинуть контраргументов. При этом советский ученый не указал публикаций, не делал ссылки на эти труды. Причины этого были понятны: его критике подверглись оценки Американской революции, данные Норманом Казинсом (1915–1990) – журналистом и редактором еженедельного журнала «Saturday Review», Дж. Хатсоном, Г. Киссинджером [457]. От советской научной мысли подобные нюансы скрывались, и выступление американиста представлялось как самостоятельное научное исследование [458], но в действительности было воплощением заимствования.

Не меньшую степень политической идеализации при анализе историографии показал и Савелий Вольфович Вольфсон (г. р. 1931) – доцент кафедры новой и новейшей истории Томского государственного

университета, не специализировавшийся на этой проблематике [459]. В докладе «Внешнеполитическое наследие американской революции XVIII века и проблемы историографии изоляционизма» советский историк считал, что американская историография представляет собой противостояние между двумя направлениями «традиционно-либеральным» и «леволиберальным». С. Адлер, Р. Ризенбах, А. Шлезингер, Р. Таккер, как представители традиционно-либерального направления, считали, что изоляционизм был основополагающим принципом внешней политики, заложенной отцами-основателями. «Подобного рода схема, активно разрабатываемая историками традиционно-либерального направления, была подчинена потребностям экспансии с позиций исторической науки, оправдывала борьбу за утверждение глобальной экспансии американского империализма и политику „с позиции силы“. Она была построена на последовательном и постоянном искажении целей, содержания и направленности внешней политики США. Если в первые десятилетия существования Соединенных Штатов Америки то, что впоследствии было названо „изоляционизмом“, на деле являлось в определенной степени отражением противоречий между провозгласившей свою независимость буржуазной республикой и бывшей метрополией, то впоследствии речь все больше шла о борьбе за создание наиболее благоприятных внешнеполитических условий для экспансии американского капитализма» [460].

Война во Вьетнаме, поражение интервенционистской политики американского империализма породили внутренние дебаты, из которых в американской исторической науке возникло леволиберальное направление. При этом советский ученый подчеркивал: «К сожалению, среди советских историков нет единой точки зрения, как назвать это (направление. – Д. Д.)» [461]. Это направление он связывал с творчеством У. Э. Уилльямса, Гарднера, Макормика, У. Лафебера.

Парадокс выступления историка заключался в том, что он подверг критике советскую американистику, утверждая, что доводы У. Э. Уилльямса были более корректны: «Я упоминаю это только потому, что в нашей исторической литературе очень широкое хождение имеет точка зрения, что изоляционизм действительно был главным во внешней политике целого ряда американских правительств. Мне кажется, что правильная точка зрения либеральных историков, отражающих наличие изоляционизма во внешнеполитических акциях американского правительства» [462].

Принципиальным было и то, что второй симпозиум проявил серьезные противоречия между институтами, сосредоточенными в структурах АН СССР, периферийными вузами. Этот аспект, имевший отношение к преподаванию раннего периода в истории США, оказался в кризисе. На это обратила внимание Елена Тимофеевна Текутьева – доцент Томского государственного педагогического института. В ее докладе

отмечались и недостаточное количество источников, и нехватка историографических работ, а также отсутствие сотрудничества между исследовательскими институтами Академии наук и учебными заведениями в СССР: «В заключение я хотела бы отметить, что студенты и преподаватели гуманитарных факультетов наших вузов составляют большую, может быть, основную массу наших читателей, товарищи исследователи. Поэтому было бы неплохо установить более тесные связи между научно-исследовательским институтом и вузом – в форме ли лекций учёных для преподавателей и студентов, в форме ли привлечения студентов к исследовательской работе, может быть, на ее технической стадии, или же путем оказания помощи научным студенческим кружкам, занимающимся американской тематикой» [463].

Дистанция между структурами академической среды была связана и с низким знанием английского языка сотрудниками вузов: в ходе дискуссии Н. Н. Болховитинов – сотрудник Института истории РАН СССР – поставил упрёк в адрес коллег за некорректную транслитерацию фамилий, географических названий с английского языка на русский. Это сразу же нашло отклик у представителей вузов. В частности, С. В. Вольфсон (г. р. 1931) выдвинул упрёк в адрес коллег: «Тут у меня замечание по поводу выступления профессора Болховитинова, который правильно призывал нас, историков, к качественной работе и плюс к этому говорил о транскрипции фамилий и имён американских историков. К сожалению, единство транскрипции очень трудно достижимо, особенно если это касается молодых исследователей. В частности на этом симпозиуме выступало несколько известных товарищей, причем одни называли Виргиния, другие Вирджиния. Даже здесь нет единства. Может быть, надо сделать то, что сделали другие области – издать кратко имена неизвестные или малознакомые американских историков, Полностью это сделать невозможно, но краткий справочник имен американских историков может быть, и тогда у нас не будет разногласий в этом. Особенно это касается начинающих американистов» [464].

Высказанные суждения Е. Т. Текутьевой и С. В. Вольфсона наглядно демонстрировали серьезные изменения внутри академической среды на институциональном уровне: американистика становилась предметным полем для исследовательской работы в советских учебных заведениях. Центром этих изменений стал исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1975 г. был учрежден Научный координационный совет по проблемам американистики; в 1977 г. создана лаборатория по изучению истории США при кафедре новой и новейшей истории, главной задачей которой стало проведение исследований по проблемам истории партийно-политической системы США.

До коллапса СССР этими институтами внутри университета было проведено только одно научное мероприятие: 5–6 октября 1976 года провели научную конференцию «200-летие образования США: история и

современность» [465], организованную Научным координационным советом по проблемам американистики. На этом форуме только один докладчик освещал проблематику по истории внешней политики США в ранний период. Им был В. Н. Плешков – сотрудник ЛОИИ, выступивший с докладом на тему «Англо-американские отношения во время войны за независимость». В нём он «<…> проследил основные моменты и линии обострения конфликта между Великобританией и ее колониями в Северной Америке в 1774–1776 годах» [466]. Докладчик только в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию, в которой не рассматривал англо-американских отношений и не имел ни публикацией, ни выступлений на конференциях по теме, представленной на научном мероприятии.

Также в 1976 г. в Научном совете Академии наук СССР по экономическим и идеологическим проблемам США под председательством заместителя председателя совета В. В. Журкина состоялась научно-теоретическая конференция на тему «200 лет американской революции. История и современность».

В ходе научного форума стали прослеживаться два направления в советской исторической науке в отношении к теме генезиса внешней политики США. Первая тенденция – источниковедческая. Ее выразителем был Н. Н. Болховитинов – сотрудник ИВИ. Своей доклад «Русские дипломаты о войне США за независимость» он построил как освещение источникового материала, хранящегося в советских архивах. Несмотря на то, что историк не касался вопросов генезиса внешней политики США, концентрировав внимание на российской истории, он указывал на необходимость изучения источников.

Совершенно противоположный подход был продемонстрирован Генрихом Александровичем Трофименко (1929–2005) – сотрудником ИСКАН. Его доклад олицетворял вторую тенденцию – политологическую. Будучи единственным докладчиком по внешнеполитической проблематике, он в выступлении на тему «Традиция реализма и борьба вокруг разрядки» выделил принципы внешней политики США, отодвигая на второй план анализ первоисточников. В своем выступлении им подчеркивалось: «Однако в основе их политической, в том числе и внешнеполитической, философии лежал единый принцип – незыблемый принцип священной частной собственности. Другими словами, „отцы-основатели“ заложили внешнеполитическую базу именно такую, какая отвечала интересам класса буржуазии. Как раз этот классовый характер возникших 200 лет назад полиэтических традиций, догм и стереотипов объясняет их живучесть по сей день и их непреходящую ценность для современного правящего класса США» [467].

По мнению Г. А. Трофименко, американская внешнеполитическая философия, сформированная отцами-основателями, включала следующие принципы:

1) идея особой «американской миссии» в мире;

2) «просвещенный эгоизм»;

3) опора на военную силу, как на конечный способ решения проблем;

4) концепция «баланса сил»;

5) идея отказа от постоянных союзов ради сохранения свободы рук, свободы маневра;

6) роль экономического фактора, как важного инструмента политического влияния [468].

Полярность позиций Н. Н. Болховитинова и Г. А. Трофименко была следствием их разных представлений, которые соединились в одном – обеспечении интересов государства: Н. Н. Болховитинов, имея поддержку в ЦК КПСС [469], создавал продукт в рамках эпохи разрядки и перестройки, а Г. А. Трофименко, сотрудничая с КГБ и ЦК КПСС, формировал аналитические записки для партийного руководства страны.

В целом тема генезиса внешней политики США не представляла интереса для советских ученых, поскольку она была для них не актуальной: ученые, стоя на разных позициях, отдавали предпочтение проблематикам, которые носили конъюнктурный характер советского политикума. Исторический контекст 200-летия провозглашения независимости США и празднование Американской революции были спусковым крючком для советских ученых показать марксистско-ленинский взгляд на истоки североамериканского государства, облачив его в наукообразную форму.

Взгляды советских историков на тему могли быть признаны только в их собственном круге, где идеологические установки формировали своего рода академический трайбализм. В закрытом обществе СССР они виделись в статусе авторитетных ученых, что поддерживалось также и на уровне вузов. Однако за пределами советского академического мира презентация их научных достижений по изучению генезиса внешней политики США была обречена на провал. Это обстоятельство ученые хорошо понимали и стремились скрыть, избегая дискуссии с иностранными, особенно американскими, коллегами. Тем не менее неконкурентное состояние советской научной мысли не удавалось скрыть.

Серия коллоквиумов американо-советских историков 1970–1980-х гг. [470] не стала площадкой для обсуждения и, особенно, презентации взглядов специалистов из СССР. По мнению Марка Раеффа (1923–2008) – профессора Колумбийского университета, первый встреча академических кругов, состоявшаяся 11–13 октября 1972 года в Москве, привела его, как участника, к однозначной мысли: «Самое важное в ближайшем будущем – иметь такие темы, которые заставили бы Советы почувствовать необходимость посылать людей, которые на самом деле являются их лучшими учеными». Этот тезис был рожден из понимания того, что по теме «Просвещение в Американских колониях и России» советская сторона выставила доклад «Ломоносов и Франклин – два просветителя»,

представленный Михаилом Тимофеевичем Белявским (1913–1989) – историком-краеведом, знатоком истории города Москвы, профессором МГУ, но не американистом. Тем не менее прозорливый взгляд американского ученого отразился на проведении второго коллоквиума, состоявшегося 29–31 августа 1975 года в Стэнфордском университете.

Советская делегация уже более серьезно вела подготовку к встрече, на которую были отправлены узкие специалисты. В частности, Н. Н. Болховитинов выступил с докладом, оценку которого есть возможность просмотреть с двух ракурсов. Первый – официальный. Член-корреспондент АН СССР Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018) в журнале «Вопросы истории» представил следующую картину: «По третьей теме был заслушан доклад „Проблемы русско-американских отношений в первой половине XIX века", представленный Н. Н. Болховитиновым. Официальный комментатор доклада проф. Б. Перкинс обвинил докладчика в презентизме, в стремлении игнорировать отрицательные моменты в истории русско-американских отношений. По его мнению, для истории отношений между Россией и США в прошлом были более характерны противоречия, конфликты и напряженность, чем сотрудничество. В ходе дискуссии взгляды Б. Перкинса были подвергнуты критике Н. В. Сивачевым, Р. Ф. Ивановым и американскими участниками коллоквиума – Р. Хэлли и Н. Рязановским, а также докладчиком» [471]. В состав советской делегации также входил и член-корреспондент АН СССР И. Д. Ковальченко, его дневниковые записи показывают иную ситуацию. Хотя уважаемый историк не владел английским языком, это не помешало ему оценить произошедшее: «Утром обсуждали доклад Болховитинова, Обсуждение было спокойным и деловым. Они прибыли вчера с опозданием, и Болховитинов еще не получил и свой багаж. Доклад у него получился несколько лакированным. Никаких сложностей и противоречий в русско-американских отношениях первой половины XIX в. будто бы и не было. Очень много внимания уделил вопросу о торговле, доказывая будто бы значительную ее роль. Справедливо его критиковали за эту лакировку американцы и Сивачев слегка» [472].

Заседание второго коллоквиума совпало с работой 22–29 августа 1975 года в г. Сан-Франциско XIV Международного конгресса исторических наук. На этот научный форум были направленны те же специалисты от СССР. На конгрессе советская делегация зарезервировала доклад Н. Н. Болховитинова, но не по истории США, а славяноведению, который он не смог зачитать. «В комиссии по изучению славян, – отмечалось в обзоре научного мероприятия, – обсуждались доклады Н. Н. Болховитинова (Институт всеобщей истории АН СССР) «Россия и война за независимость США» (доклад был представлен А. А. Фурсенко) <…>» [473]. По сути позиционирование Н. Н. Болховитинова претерпело изменения: американист в СССР, славист в США. Также его отсутствие

было связано не только с форс-мажорными обстоятельствами, но и умышленной неявкой для уклонения от дискуссии с коллегами.

В целом на протяжении первой половины 1970-х и 1980-х гг. ни в рамках американо-советского коллоквиума, ни в других форматах советские ученые не презентовали свои наработки по истории раннего периода внешней политики США. Исключение составили только лишь двое исследователей, деятельность которых имела свою особенность.

Н. Н. Болховитинов рассматривал вопросы источников российских архивов по истории Русской Америки – территории США. Он работал в пограничной сфере, где грань между историей СССР и США была весьма условной. Тем не менее интерес к работам Н. Н. Болховитинова был велик, поскольку он работал с материалом, который был недоступен американским историкам.

Внешняя политика США в XVIII в., как и ее генезис, не стала предметом самостоятельного рассмотрения на конференциях ни в СССР, ни на международном уровне. Тем не менее начался процесс горизонтального распространения предметного поля – высшие учебные заведения делали первые шаги по формированию дидактического материала [474].

2.2.2. Ранняя стадия: растущая степень актуальности и политизация (1950-е – начало 1960-х гг.)

2.2.2.1. Дипломатическое направление: политико-экономическое течение (А. В. Ефимов). В 1958 г. А. В. Ефимов, ставший главой сектора Америки, Австралии, Океании Института этнографии АН СССР, опубликовал две работы: книгу «Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. 1492–1870 гг.» и главу «Дипломатия американской буржуазной республики» во втором издании «Истории дипломатии» под редакцией дипломата Валерия Александровича Зорина (1902–1986). Обе публикации проявили трансформацию взглядов ученого. Изменения были вызваны не академическими, а политическими причинами: ухудшением состояния американо-советских отношений в рамках холодной войны и ревизионизмом периода оттепели [475].

При рассмотрении генезиса внешней политики США историк-американист синтезировал положения двух своих крупных работ 1930-х – начала 1940-х гг. Сохраняя убеждённость в том, что использование англо-французских противоречий оказывало воздействие на зарождение внешней политики [476], он добавил к нему своей тезис монографии 1934 г. об экспансии. Территориальное расширение, по мнению ученого, было основой внешней политики США с момента провозглашения их независимости: «Таким образом, замыслы буржуазии и рабовладельцев об экспансии возникли одновременно с появлением американской республики на свет. Но в конце XVIII в. для дальнейшей экспансии за пределы границ 1783 г. еще не было реальных возможностей» [477]. Но в этой оценке содержалось и

отличие от работы первой половины 1930-х гг.: А. В. Ефимов рассматривал экспансию продуктом развития государства США, а не продолжения процесса территориального расширения Великобритании в Северной Америке на протяжении XVII–XVIII вв. При этом тезис об экспансии приводился им с отсылкой на американского историка Альберта Бушнелла Харта (1854–1943) [478], но названия его трудов ни в ссылках, ни в историографическом очерке в монографии не приводились.

Позиция историка приобрела концептуальное равновесие, построенное на равнозначности территориальной экспансии и англо-французских противоречий в генезисе внешней политики США. По сути, это была коррекция тезиса об универсальности развития буржуазного государства согласно положениям марксизма-ленинизма. «В годы образования Соединенных Штатов Америки, – отмечал историк, – основным содержанием внешней политики американской буржуазии была борьба за независимость, за государственный суверенитет Соединенных Штатов Америки. Но уже тогда для американской буржуазии были характерны экспансионистские устремления. Американские колонии Англии, освободившись от своей метрополии, вскоре же стали на путь агрессии и захватов. Расширение территории стало одной из основных задач дипломатии Соединенных Штатов Америки, и притом начиная с весьма ранней фазы их истории» [479]. Для историка главным идеологом этого курса был Дж. Адамс, которого он считал руководителем внешней политики в Континентальном Конгрессе до его отправки в 1778 г. послом во Францию [480]. Этот тезис не был аргументирован.

Изменения коснулись и работы историка с тезисом В. И. Ленина о тактике американского народа [481]. Цитируя политика, ученый дополнил его слова своим комментарием: «При всей ограниченности американской буржуазной революции XVIII в. „война американского народа против разбойников англичан“ (в скобках – цитата из работы В. И. Ленина. – Д. Д.) была прогрессивной, освободительной войной. В наше время реакционные монополистические круги США отбрасывают былые прогрессивные традиции Америки, родившиеся в войне за независимость, как доктрину народного суверенитета, борьбу против колониализма и др.» [482]. На фоне процесса деколонизации и обострения американо-советских отношений в рамках холодной войны советский американист поддерживал антиамериканизм, подчеркивая предательство буржуазных классов доктрины народного суверенитета.

В целом в публикациях 1959 г., А. В. Ефимов «корректировал» оценку В. И. Ленина о роли американского народа во внешней политике. Говоря о «форме внешний дел», историк также заменил оценку. Если в работе 1941 г. он писал о «более или менее демократичной» форме, то в труде 1959 г. он применял менее определенную трактовку, указав на «новые некоторые черты», под которыми он привел прежнюю информацию о контроле внешней политики в Континентальном Конгрессе, комитетов по секретной корреспонденции [483]. Как в названии, так и в тексте работы

вымарывалась идея о демократическом пути развития, как США, так и их внешнеполитического механизма. Историк, в угоду политической конъюнктуре, увеличил акцент на оттеснении народных масс от принятия внешнеполитический решений буржуазией. Этот тезис присутствовал и в публикации 1941 г., но в работе 1959 г. он был сформулирован в более жестком формате.

А. В. Ефимов не смог избежать и параллелей с современной ему эпохой при рассмотрении исторических процессов Войны США за независимость. Историк был первый в российской историографии XIX–XXI вв., кто обратил внимание на доктринальность в действиях отцов-основателей. Избегая термин «идеология», американист считал, что «Первая доктрина внутренней и внешней политики Соединенных Штатов Америки, доктрина так называемого народного суверенитета – фактически суверенитета буржуазии, возникла в обстановке большой активности народных масс, но при политическом руководстве буржуазии и плантаторов-рабовладельцев» [484]. Однако детального анализа доктрины автор не провел и ограничился лаконичными суждениями. «Сейчас, – отмечал А. В. Ефимов, – идея народного суверенитета даже в условиях ограниченной практики его применения в капиталистических странах невыгодна американским монополистам. Мы являемся свидетелями того, как идея народного суверенитета – прогрессивная традиция национальной истории США, народная идея, глашатаями которой были Томас Пэйн, Джефферсон, Франклин, Джон Адамс и другие деятели американской буржуазной революции XVIII в., объявлена реакционными политиками США „антиамериканской“» [485]. В этом тезисе историка не было новшеств: В. Н. Александренко в публикации 1903 г. указывал на влияние школы естественного права на внешнеполитические представления отцов-основателей.

В целом работы конца 1950-х гг. демонстрировали ревизионизм в интерпретации историком темы. А. В. Ефимов скомбинировал свои наработки 1930-х и начала 1940-х гг., но не преодолел концептуальные рамки, так как они были обусловлены положениями марксизма-ленинизма о развитии внешней политики буржуазного государства.

В последующее десятилетие, вплоть до выхода на пенсию в 1971 г., А. В. Ефимов не создал крупных работ в области внешней политики США. Исключением было переиздание в 1969 г. его книги 1934 г. под названием «Пути развития капитализма: Доимпериалистическая эпоха», в которой ее автор воспроизводил наработки предшествующих десятилетий.

Ревизионизм А. В. Ефимова формировал профессиональное мировоззрение следующего поколения американистов, которые трудились на рубеже 1950–1960-х гг. и были его учениками. Примером выступают кандидатская диссертация «Происхождение и характер доктрины Монро (1823 г.)» (1959) Николая Николаевича Болховитинова (1930–2008), сотрудника Института истории АН СССР, и докторская диссертация,

изданная на ее основе монография «Внешняя политика США в эпоху империализма» (1960) Николая Николаевича Иноземцева (1921–1982), заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР [486]. Историки воспроизводили идеи А. В. Ефимова и отказывались от научного поиска [487; 488].

А. В. Ефимов в 1950-е гг. не был источником инновационного изучения раннего периода истории внешней политики США, в целом, и ее генезиса, в частности. Ученый обосновывал постулат марксистко-ленинской философии об универсальности развития буржуазного государства, в котором центральное место занимает экспансия [489;490].

2.2.2.2. Революциологическое направление: конфликтологическое течение (А. А. Фурсенко). А. В. Ефимов культивировал в рамках своей школы не только интерпретацию, но и модель профессионального поведения – оппортунизм [491]. Если Н. Н. Болховитинов перенял эту установку от наставника, то Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) – сотрудник сектора истории стран Америки Института истории АН СССР – приобрел ее из опыта своей семьи [492].

Если в становлении американистики в Москве наблюдалось сохранение преемственности между довоенными и послевоенными историками, то ленинградская американистика развивалась в других условиях: формировалось поколение специалистов, которое опиралось не на академический авторитет (А. В. Ефимов), а на традиции «ленинградской научной школы» – работу с первоисточниками [493]. Последствием этой специфики был научный поиск, который не нарушал идеологического догматизма, но создавал не вступавший в противоречие с ним интеллектуальный продукт. Примером являлась оценка темы, данная Александром Александровичем Фурсенко (1927–2008) – сотрудником сектора истории стран Америки Института истории АН СССР.

Первой многотомной работой в СССР по истории Соединенных Штатов была коллективная монография «Очерки новой и новейшей истории США» (1960) под редакцией Г. Н. Севостьянова. В ней А. А. Фурсенко написал главу «Война за независимость и образование США», в которой он выделил раздел «Международное положение и внешняя политика США» [494; 495]. На станицах издания А. А. Фурсенко занял не типичную позицию для советской американистики: он совместил часть наработок А. В. Ефимова и постулаты школы политического реализма [496].

Несмотря на заголовок главы, на ее протяжении понятие «внешняя политика» ученым не выделялось, как и не рассматривались тезисы А. В. Ефимова о «доктрине народного суверенитета» и американском экспансионизме. Единственная связь с авторитетным ученым был тезис об использовании англо-французских противоречий в дипломатической тактике США [497]. Этот вывод американист делал не только на основе работ

предшественника, но и на привлечении трудов иностранных авторов. В частности, данные об англо-французских отношениях им заимствовались из книги профессора Мичиганского университета Клода Халстеда Вана Тайна (1869–1930) «Американская революция, 1776–1783» (1905). Но наиболее принципиальным было привлечение монографии австрийского исследователя Геральда Штоурца (г. р. 1929) «Бенджамин Франклин и американская внешняя политика» (1954). Этот труд оказался модернистским для американской историографии внешней политики США: Г. Штоурц, будучи представителем чикагской школы Г. Моргентау, привлек методологию политического реализма в дипломатическую историю Соединенных Штатов последней трети XVIII в. [498]. Знакомство советского американиста с трудом иностранного коллеги привело к тому, что XVIII в. был эпохой доминирования идеи «национального интереса», которая регулировала международные отношения, поскольку была целью участников этих процессов и была перенесена в американистику Советского Союза.

Взгляд А. А. Фурсенко не оспаривал постулаты марксизма-ленинизма о буржуазной природе внешней политики США, не было в ней и ревизии оценки А. В. Ефимова. Внешне автор сохранял связь с оценкой В. И. Ленина, изложенной в работе «Письмо к американским рабочим» (1918), но внутренне это была новая расстановка акцентов, в которой доктрина народного суверенитета и экспансионизм теряли центральное положение и концептуальную значимость. Сомнительно, чтобы А. А. Фурсенко совершил модернизацию осознанно: его подход был следствием доступности к новой литературе, но не ее переосмысления. Причины легкости внедрения нововведения следует объяснить близостью теоретических положений марксизма-ленинизма и политического реализма: они выделяли великие державы, которые руководствуются национальными интересами и противостоят друг другу, регулируя соотношение позиций через баланс сил. А. А. Фурсенко был первым советским историком-американистом, построившим интерпретацию темы на основе привлечения положений политического реализма.

Американисты стояли на близких друг к другу позициях: А. В. Ефимов после модернизации своих наработок 1930–1940-х гг. заложил политико-экономическое течение; А. А. Фурсенко продолжал развивать конфликтологическое течение.

На фоне эпохи оттепели расхождения в оценках А. В. Ефимова и А. А. Фурсенко проявляли полицентризм в рассмотрении генезиса внешней политики США. Динамизм рассмотрения темы получит еще больший толчок под воздействием трансформаций американо-советских отношений и эволюции советской американистики на протяжении 1960–1970-х гг.

2.2.3. Поздняя стадия: растущая степень актуальности и методологическая бинарность (середина 1960-х – 1970-е гг.)

2.2.3.1. Историко-дипломатическое направление: международное течение (Н. Н. Болховитинов), конфликтологическое течение (Н. А. Краснов, Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин). Эпоха разрядки отразилась на содержании работ советских американистов. Изменившаяся конъюнктура американо-советских отношений требовала уменьшения критичности по отношению к США. Выход из сложившегося положения давала сама американская историография, где уже проходил процесс отказа от концентрации на дипломатической истории и переход к изучению негосударственных сфер во внешней политике и международных отношениях.

Примером трансформации стала деятельность Н. Н. Болховитинова, который расширил предметные границы: изучение дипломатической истории, сконцентрированной на двусторонних контактах, он стал сочетать с исследованием научных, культурных, общественно-политических и торговых связей между Российской империей и Соединенными Штатами. Этот подход им был применен в монографии «Становление русско-американских отношений (1775–1815)» (1966) [499]. Соответствие содержания книги политической конъюнктуре привело к дальнейшему развитию творчества Н. Н. Болховитинова: спустя десятилетие, после внесения правок, издание было переведено на английский язык и опубликовано в США под названием «Начало российско-американских отношений, 1775–1815» (1975) [500]. Советскому читателю оно не было представлено, поскольку содержало ряд положений, противоречивших советской американистике. Например, в англоязычном издании отсутствовало обвинение западных историков в методологическом несовершенстве [501].

Тем не менее и в русскоязычной публикации 1966 г., и в англоязычной версии книги 1975 г. нет упоминаний о наработках А. В. Ефимова 1930–1950-х гг. о территориальной экспансии или «доктрины народного суверенитета», как основ внешней политики США [502]. Но сохранялась связь с тезисом В. И. Ленина, выдвинутым им в 1918 г. и воспроизведенным А. В. Ефимовым, об использовании розни европейских держав: Испании, Франции и Великобритании. При этом Н. Н. Болховитинов не включал в группу стран Российскую империю [503].

Ценность работы Н. Н. Болхвитинова заключалась не в том, что он вышел за границы традиций историописания в СССР (это было дозволено и согласованно с политическим режимом), а в том, что он, как и А. В. Ефимов в публикации 1941 г., стал использовать источники, хранившиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи, доступ к которым был ограничен для иностранных и советских исследователей.

Русскоязычное издание рассматривалось как необычное явление для советской науки из-за отсутствия резких выпадов против США [504] и публикации недоступных источников [505]. Когда же вышло англоязычное издание, то оно получило широкую поддержку [506]. Но не обошлось и без критики. Хью Рэгсдэйл – профессор Алабамского университета – подчеркивал: «<…> если книга имеет ограниченную ценность как историческая, она чрезвычайно интересна как пример советской науки на службе политике. Это настоящий гимн разрядке» [507].

Имея доступ к американской историографии в СССР и США, куда в 1968 г. ученый совершил первую командировку, Н. Н. Болховитинов, заимствуя положения ревизионизма в американской исторической науке, демонстрировал для аудитории Соединенных Штатов аналогичные процессы в советской науке, а для советской аудитории это новшество было латентно, поскольку соответствовало представлениям марксизма-ленинизма о международных отношениях. В обоих случаях, Н. Н. Болховитинов создавал интеллектуальный продукт, соответствовавший политической системе.

В рамках политической конъюнктуры вышла еще одна монография ученого, смягчавшая враждебный образ США для советского читателя. Это была книга «Россия и война США за независимость, 1775–1783» (1976). В соответствии с концепцией книги, рассмотрение внешней политики США отодвигалось на второй план, уступив доминированию российской истории. В этой работе Н. Н. Болховитинов, уходя от анализа межгосударственных отношений в сферу сочетания изучения дипломатии и негосударственных связей между народами, перемещался из американистики в русистику. Специализацией изучения российских источников, имевших отношение к истории США, стало участие Н. Н. Болховитинова в публикации источников в советских архивах, доступ к которым ранее не был доступен для иностранных ученых. Символом процесса разрядки в советско-американских отношениях была публикация архивных документов в сборнике «Россия и США: становление отношений, 1765–1815» (1980) [508].

Не все в Институте истории АН СССР разделяли точку зрения Н. Н. Болховитинова, поскольку отдавали предпочтение находиться на позициях американистики 1930–1950-х гг. Одной из первых публикаций в этом контексте стала совместная работа Григория Николаевича Севостьянова (1916–2013) – заведующего отделом истории США и Канады в Институте всеобщей истории АН СССР – и Анатолия Ивановича Уткина (1944–2010) – сотрудника Института США и Канады АН СССР. Ими была подготовлена статья под названием «У истоков внешней политики США» (1974). Несмотря на название, ученые излагали материал о политической деятельности Т. Джефферсона. Не имея опыта изучения ранней истории внешней политики США, американисты повторили тезис В. И. Ленина

1918 г. о том, что Соединенные Штаты успешно использовали противоречия европейских держав [509].

В Институте всеобщей истории АН СССР под руководством Г. Н. Севостьянова (1916–2013) была подготовлена коллективная монография «Война за независимость и образование США» (1976). В этом издании Николай Андреевич Краснов – аспирант Г. Н. Севастьянова, не имевший научных публикаций, написал две главы «Заключение американо-французского союза в 1778 г.» и «Парижский мир 1783 г.» [510]. Структурные части опирались на наработки диссертационного исследования, которое было им защищено в 1977 г., под названием «Американо-французские дипломатические отношения в период войны США за независимость (1775–1783 гг.)» [511].

По мнению автора, дипломатия, начало которой он связывал с учреждением 29 ноября 1775 года «Комиссии тайных сношений» [512], умело использовала противоречия между европейскими державами [513]. Этот тезис был не что иное, как воспроизведение оценки В. И. Ленина [514], на которого в работе была ссылка [515]. Несмотря на то, что текст публикации был написан на основе источников («Журнал Континентального Конгресса», «Революционная дипломатическая корреспонденция»), автор весьма ограничено использовал историографию. Из американских историков им делались отсылки на работы С. Ф. Бимиса, Р. Б. Морриса, Г. Аптекера. Но, с другой стороны, он не делал ссылки на советских историков – Н. Н. Болховитинова, А. В. Ефимова, А. А. Фурсенко. В целом труд был обзорным и фактографичным повествованием дипломатической истории.

Для Н. А. Краснова это был первый опыт написания научных трудов. Спустя два года прошла процедура защиты диссертации, которая показала низкий уровень научной ценности исследования. Во-первых, советский историк занижал степень изученности американо-французских отношений в историографии. «Из данного в диссертации обзора литературы, – писал Н. А. Краснов, – вытекает, что хотя за рубежом тема американо-французских дипломатических отношений 1775–1783 гг. была затронута в ряде обобщающих монографических исследований и хотя отдельные частные аспекты темы получили освещение в работах многих авторов, ни один историк не ставил перед собой задачи проанализировать дипломатические отношения между США и Францией как целостную проблему» [516] По мнению соискателя, в американской историографии тема была только затронута в обещающих работах или же были рассмотрены ее отдельные этапы и фрагменты [517]. Диссертант совершено не понимал той дискуссии, которая велась среди историков США об интерпретации американо-французских отношений в годы Войны за независимость. Не видел он ни школ, ни направлений в американской науке. Все это объясняет причины, по которым Н. А. Краснов поместил в один ряд авторов, занимавших противоположные позиции, которые он не выделил в

их взглядах. В эту категорию были включены, в частности, Дж. Банкровт, Дж. Перкинс, Э. С. Корвин, С. Ф. Бимис, Р. Б. Моррис, У. С. Стичкомбс, Г. Штоурц. Аналогичная оценка была дана и по отношению к американистам СССР: «В советской историографии американо-французские дипломатические отношения 1775–1783 гг. почти совсем не исследованы. Специальных работ нет»[518]. Проблематики, по мнению соискателя, коснулись только А. В. Ефимов, Н. Н. Болховитинов, а также он в коллективной монографии 1976 г. под редакцией Г. Н. Севостьянова. Примечательно, что соискатель не видел разницы между научной и научно-популярной литературой. Это привело к тому, что он делал отсылку на работу Роберта Федоровича Иванова (1925–2003) – заведующего сектором всемирной истории в Институте всеобщей истории АН СССР, профессора МГИМО – «Франклин» (1972), изданную в серии «Жизнь замечательных людей». Как в диссертации, так и в главах монографии «Война за независимость и образование США» он уклонялся от дискуссии с советскими и зарубежными коллегами. Причиной этого была вторичность его взгляда на историю раннего периода внешней политики США.

Во-вторых, методология не соответствовала научному исследованию. Использование источников, ставших доступными для исследователей в Советском Союзе, диссертант подводил под уже существующее идеологическое клише, данное В. И. Лениным в 1918 г.: «Методологической с теоретической основой данной работы служат труды классиков марксизма-ленинизма. Особое внимание уделено замечанию В. И. Ленина об использовании молодой американской республики „розни между французами, испанцами и англичанами“»[519]. В этом контексте, источники подтасовывались под уже существующую оценку: «Дипломатические отношения между двумя державами в 1778–1783 гг. (sic!) особенно на первом и третьем этапах, доставляют благодатный и обширный материал для иллюстрация ленинского тезиса об использовании молодой американской республикой противоречий между европейскими державами»[520]. Умышленное занижение диссертантом состояния темы в историографии было поддержано и ведущей организацией – ИСКАН, и оппонентами, ни один из которых не был американистом: Ирина Аркадьевна Никитина (1914–2003) – англовед и франковед, доктор исторических наук, профессор, зав. каф. новой и новейшей истории исторического факультета (1975–1980) Московского государственного педагогического университета, И. И. Сиволап – историк-франковед.

И манипуляция с оценкой состояния темы в историографии, и ненаучность методологии были следствием не только карьеризма, но и неспособности вести диалог: Н. А. Краснов не создал новой интерпретации, не включил новые источники, а изложил фактографический материал, который был уже хорошо известен в научной мысли.

В 1970–1980-е гг. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР проходил процесс становления американистики. В 1970 г. Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) – старший научный сотрудник сектора всеобщей истории, доктор исторических наук – приступил к работе с аспирантом, которого порекомендовал профессор Виктор Константинович Фураев (1921–1999) – однокурсник по истфаку Ленинградского государственного университета, сотрудник кафедры всеобщей истории [521]. По протекции научное руководство было взято над Виктором Николаевичем Плешковым (1946–2020). По настоянию научрука тема для научного изыскания была ориентирована на проблематику Американской революции – новой сферы, в которой аспирант плохо ориентировался, поскольку под руководством В. К. Фураева занимался историей ленд-лиза в годы Второй мировой войны. Название кандидатской диссертации было «Томас Джефферсон и американская независимость», которая была защищена в 1974 г. [522]. В этой работе не были исследованы внешнеполитические взгляды отца-основателя. Спустя годы В. Н. Плешков объяснял настойчивость А. А. Фурсенко состоянием источниковой базы: «Я еще студентом писал диплом по ленд-лизу. Но, когда поступил в аспирантуру, мой научный руководитель, ставший впоследствии академиком, Александр Александрович Фурсенко посоветовал тему сменить: нужные материалы были только в закрытых тогда архивах Министерства внешней торговли и МИД, а в США в 1970 году, сами понимаете, не разъездишься. И я занялся историей американской революции (sic!), периодом становления США» [523]. Недосказанным остались два аспекта. Первый – доступность источников. Празднование 200-летия Американской революции в США сопровождалось ростом количества исследований и активизацией публикации источников по эпохе основания страны. Эти издания становились доступны для историков в СССР. Второй аспект – историко-политический – заключался в том, что А. А. Фурсенко не мог не знать о готовящемся ответе советских историков на историческое событие. В частности, им же в книге «Американская революция и образование США» (1978). Выбор темы был связан с карьерой: написать исследование в юбилейный год с идеологически выверенными выводами придавало успех как диссертанту, так и его научному руководителю, который также нуждался в обработке материала для его трудов по теме Американской революции.

В свою очередь, параллельно А. А. Фурсенко вел и свою научную работу, соответствовавшую политической конъюнктуре. Благодаря публикациям 1960-х гг. он стал ведущим специалистом по истории Американской революции, которую он развивал в дальнейшем. Празднование 200-летия Американской революции в 1976 г. в США и 60-летие Октябрьской революции в 1977 г. в СССР привело к тому, что историк-американист создал продукт с позиции марксистко-ленинской методологии, обвиняя иностранных авторов в том, что они игнорировали

изучение роли народных масс в истории. Эти взгляды А. А. Фурсенко изложил в монографии «Американская революция и образование США» (1978).

Как и в публикации 1960 г., А. А. Фурсенко поместил раздел под названием «Международное положение США», убрав из названия фразу «и внешняя политика». Сделав это, автор книги исправил свою недоработку в прежнем издании. Но при этом он сохранил тезис В. И. Ленина 1918 г. о том, что тактика дипломатии США сводилась к использованию англо-франко-испанских противоречий [524]. Примечательно, но автор использовал труды только двоих советских коллег – А. В. Ефимова и Н. Н. Болховитинова – при рассмотрении проблематики [525].

На следующий год, в 1979 г., тезис монографии был повторен А. А. Фурсенко в узкоспециализированной статье «Франция и американская независимость (из предыстории франко-американского договора 1778 г.)» [526].

Показательным является отсутствие в двух публикациях ссылок автора на достижения советских американистов: нет упоминаний о результатах коллег из Института США и Канады АН СССР и Всеобщей истории (Н. А. Краснова, Г. В. Севостьянова). Сказывалось непринятие влияния политических наук, с одной стороны, а с другой – конкуренция внутри американистики. Эта позиция отразилась и на дальнейшей работе со своим учеником – В. Н. Плешковым, а также на сотрудничестве с Н. Н. Болховитиновым.

2.2.3.2. Историко-политологическое направление: реалистическое течение (Ю. М. Мельников, Н. Н. Яковлев, В. К. Пархоменко, А. А. Каренин, Г. А. Трофименко). Влияние политических наук на развитие советской американистики стало происходить в результате заимствования историками СССР наработок американских коллег – это было следствием зарубежных командировок, пополнения фондов библиотек, отслеживания развития американской науки. В отличие от Н. Н. Болховитинова, который делал акцент на источниковедческом анализе и международной истории, ряд историков, связанных с работой прикладных учреждений – Дипломатической академии МИД СССР, Института США и Канады АН СССР – отдавали предпочтение более теоретическому анализу исторических процессов, отодвигая на второй план изучение источников. Ключевое понятие в их анализе уделялось категории «баланс сил», заимствованной из теории политического реализма.

Юрий Михайлович Мельников (1928–2002) – заведующий кафедрой истории международных отношений в Дипломатической академии МИД СССР – в статье «Внешняя политика США: традиции и современность» (1976) высказывал убежденность в том, что внешняя политика зарождалась в годы Американской революции. Именно в этот период сформировалась

первая внешнеполитическая установка – экспансионизм, баланс сил и культ силы [527]. По мнению Ю. М. Мельникова, США (делегаты в Континентальном Конгрессе) не собирались бороться с системой международных отношений, основанной на господстве силы и подчинении слабых, так что они приняли принципы системы [528]. Точка зрения советского ученого основывалась на оценках У. Э. Уилльямса – основателя висконсинской школы дипломатической истории. Спустя десятилетие, в середине 1980-х гг., Ю. М. Мельников по-прежнему продолжал тезис американского ученого об имперском устремлении развития внешней политики США в книге «Имперская политика США: истоки и современность» (1984) [529].

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады АН СССР в середине 1970-х гг. стал одним из центров, где развивались представления о генезисе внешней политики США.

В коллективной монографии «США: политическая мысль и история» (1976) Николай Николаевич Яковлев (1927–1996) в главе «Идеи Американской революции: прошлое и настоящее» повторял тезис А. В. Ефимова, который был его учителем, об империалистической природе внешней политики: «Антидемократическая сущность развивавшегося буржуазного строя в США нашла свое яркое воплощение, в частности, и в империалистической по своей сущности доктрине „баланса сил“» [530]. В контексте этих рассуждений повторял и тезис об использовании европейского баланса сил [531]. Однако это не было механическое повторение, историк расширил понимание термина: «В доктрине „баланса сил“» соседствовали и причудливо переплетались две тенденции: одна из них была направлена на то, чтобы оградить США от агрессии со стороны жаждавших колоний государств Европы (именно в этом смысле можно говорить об определенном прогрессивном содержании раннеамериканского „изоляционизма“, определявшегося чаяниями демократических кругов тогдашнего американского общества); другая состояла в том, что уже тогда США связали себя с доктриной «баланса сил», с ее ставкой на извлечение конкретных выгод для правящих кругов США за счет междоусобиц в Старом Свете. В этом нет ничего неожиданного. „Отцы-основатели“ Соединенных Штатов своей практической внешнеполитической деятельностью и в своих публицистических трудах закладывали фундамент политической надстройки эксплуататорского, капиталистического государства, которое к тому же в течение более чем полустолетия после этого сохраняло на американской земле позорный институт рабства» [532]. Примечательно, что в российской исторической науке сложилась оценка, которая небесспорно представляет Н. Н. Яковлева первым ученым в СССР, кто отходил от марксизма-ленинизма и отдавал предпочтение методологии политических наук [533]. Соглашаться с этим не следует, поскольку в контексте раннего периода внешней политики США первым был А. А. Фурсенко,

опередивший своего коллегу на полтора десятилетия. Однако Н. Н. Яковлев, в отличие от А. А. Фурсенко, действовал в рамках меняющейся методологии.

Единственными авторитетами в советской американистике раннего периода истории внешней политики США для Н. Н. Яковлева были его наставник по МГИМО А. В. Ефимов, а также Н. Н. Болховитинов [534], с которым сложились непростые отношения [535].

Следует отметить, что соавторы монографии, они же ученики Н. Н. Яковлева – Валентин Константинович Пархоменко (?–?) и А. А. Каренин (?–?) – разделяли позицию своего наставника относительно роли принципа баланса сил в зарождении внешней политики [536].

В том же году, была опубликована книга Генриха Александровича Трофименко (1929–2005) «США: политика, война, идеология» (1976). В ней американист на основе анализа политического и военно-политического мышления отцов-основателей утверждал, что в годы Войны за независимость были заложены константы: идея американского мессианства, «просвещенный эгоизм», концепция «баланса сил», использование военной силы для обеспечения прочности международных позиций государства [537]. Эти суждения вписывались в рамку представлений, данных коллективом авторов под руководством Н. Н. Яковлева. Тем не менее оценки Г. А. Трофименко имели своеобразие.

Г. А. Трофименко поддерживал тезис о том, что в основе внешней политики США лежал принцип «просвещенного эгоизма» [538]. В его анализе принцип был направлен не получать выгоду от столкновений европейских держав, а «<…> в переводе на язык стратегии означал сохранение свободы маневра для США при любых обстоятельствах» [539]. Уточняя, историк расширял идею использования европейского баланса сил. В частности, им отмечалось: «На путь „баланса сил“ основателей американской буржуазной республики подталкивала их собственная внутри- и внешнеполитическая практика. Внутриполитическая практика состояла в организации государственного правления по системе „баланса сил“, позаимствованной ими у „матери Британии“, а внешнеполитическая сводилась в первую очередь к прагматическому использованию противоречий между двумя главными военными державами Европы, имевшими интересы в Северной Америке, – Великобританией и Францией. Само рождение Соединенных Штатов стало по сути дела возможным лишь в результате использования англо-французских противоречий» [540]. Но, что характерно: в монографии Г. А. Трофименко не было отсылок на труды историков-американистов.

2.3. Угасание: деактуализация, методологический догматизм, деполитизация (1980-е гг.)

2.3.1. Структурные изменения в академической среде

С изменением политической конъюнктуры, произошедшей в СССР после Апрельского пленума ЦК КПССС в 1985 г., последовали изменения в парадигмальном мышлении советских ученых. Историки-американисты не стояли в стороне и менялись вслед за уходящей эпохой «застоя», поддерживая в той или иной степени «перестройку». Трансформация коснулась и специалистов, занимавшихся ранним этапом истории внешней политики США: 23 декабря 1987 года по специальности «Всеобщая история» Н. Н. Болховитинов и А. А. Фурсенко были избраны в члены-корреспонденты АН АСССР, а Г. Н. Севостьянов – действительным членом АН СССР. Следует отметить, что в справках на кандидатов не указывалось, что они специализируются на истории внешней политики США XVIII в., но все они позиционировались экспертами в области Американской революции [541].

Следует отметить, что связь с методологией марксизма-ленинизма и партийно-политической системой у трех кандидатов была разная, что дает возможность их типологизировать. Г. Н. Севостьянов – «академический традиционалист» (сподвижник марксистского понимания истории США); Н. Н. Болховитинов – «академический ревизионист» (новатор в методологии изучения международных отношений, призывавший изучать не только дипломатию, но и отношения между народами в области культуры, торговли и общественно-политической сфере). А. А. Фурсенко – «партийно-академический оппортунист» (член партбюро ЛОИИ, внештатный лектор Ленинградского обкома КПСС).

Несмотря на риторику, взгляды не становились очищенными от политического фактора: они поддерживали политический режим, а не научную мысль. Наглядно это проявится на защите докторской диссертации В. Н. Плешкова, в ходе которой Н. Н. Болховитинов не выступит против изыскания созданного в период «застоя», при том, что труды этой эпохи им будут открыто порицаться в академической среде.

Кратковременность «перестройки» не стала причиной для того, чтобы тема зарождения внешней политики США сошла на нет. Историки-американисты не могли не адаптироваться к происходящему. Это отражалось на качестве их работы и особенно на рассмотрении темы генезиса внешней политики США.

Например, Н. Н. Болховитинов в статье «Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США» (1986) проигнорировал достижения иностранных коллег до «доктрины Монро». Исключение составило только одно утверждение о том, что для радикальных историков (У. А. Уильямс) не свойственно

изучать период Войны за независимость [542]. Причины, по которым ученый отказался освещать историографию 50-летнего периода сводились к следующему. Во-первых, он стремился избежать конфликта с консервативной марксистко-ленинской интеракцией Американской революции (в этом ключе вел работу В. В. Согрин [543]). Во-вторых, Н. Н. Болховитинов опирался на историографические работы американских коллег, которые уделяли незначительное внимание историографии внешней политики США в ранний период. В-третьих, публикация представляла собой инструмент против конкурентов. В ней подверглись критике И. П. Дементьев (кафедра новой и новейшей истории МГУ) и Г. Н. Севостьянов (заведующий отделом истории США и Канады ИВИ АН СССР). Оппоненты были обвинены в том, что они разрывают связь между исторической наукой и историографией внешней политики США, отдавая предпочтение использовать систематизацию школ и направлений в рамках политических наук [544], которая выделялась во второй половине 1980-х гг. в советской науке [545]. При этом Н. Н. Болховитинов, критикуя коллег, выражал опасения за развитие исторической науки в СССР, испытывавшей растущее давление со стороны методологии политических наук, что подталкивало его к действию.

В частности, стараниями Н. Н. Болховитинова в Институте истории АН СССР не была опубликована двухтомная коллективная монография по истории внешней политики США. Ведя борьбу за власть, он подверг проект жесткой критике: «Известная односторонность в оценках не преодолена советскими американистами и сейчас, свидетельством чему могут служить макеты первых двух томов „Истории внешней политики и дипломатии США“, подготовленные в Институте всеобщей истории АН СССР. Конечно, в тексте этих томов уже не встречаются грубые и односторонние характеристики, присущие прежним работам. Но в них нет и по-настоящему новых, нетрадиционных идей, которые должны быть присущи новаторским работам» [546]. Выпад был направлен не только против Г. Н. Севостьянова, курировавшего этот проект, но и против его оценки высоких достижений советской американистики во второй половине 1970-е гг. [547]. В 1988 г. Н. Н. Болховитинов сменил Г. Н. Севастьянова на должности заведующего Отделом истории США и Канады ИВИ АН СССР [548], что также дало ему возможность попытаться оказать влияние на издания. Тем временем, пока велась работа, он сосредоточился на своем индивидуальном проекте, который должен был стать в советской исторической науке примером нового подхода к изучению внешней политики США, особенно ее раннего периода.

Примером трансформации советской американистики стала монография Н. Н. Болховитинова «Россия открывает Америку. 1732–1799» (1991), сданная в набор в июне и подписанная к изданию в октябре 1991 г. В публикации размещались главы, которые ранее им публиковались [549], но

в них материал излагался в соответствии с новыми веяниями – без жесткой привязки к идеологической доктрине марксизма-ленинизма. Во-первых, в работе исчезли отсылки на труды В. И. Ленина, но автор сохранял связь с идеологией, сделав только одну ссылку на точку зрения К. Маркса о том, что Война США за независимость стала предвестником Французской революции [550]. Во-вторых, для автора были только два авторитетных исследователя 1930–1950-е гг., на которых он ссылался и с которыми не вёл дискуссию: С. Ф. Бимис и Г. Штоурц [551]. Это примечательно, потому что в 1950-е гг. Н. Н. Болховитинов критиковал С. Ф. Бимиса. В работе не нашлось места для У. Э. Уилльямса, в частности, так и «Висконсинской школы дипломатической истории», в целом, которые были почитаемы в науке СССР, но утратили авторитет на рубеже 1980–1990-х гг. Следует упомянуть, что к этому процессу имел отношение и сам Н. Н. Болховитинов, подвергший критике и американских авторов, и советских коллег за преувеличение роли экспансии в истории внешней политики США [552]. В-третьих, им не был упомянут ни один из советских авторов, которые занимались вопросами внешней политики раннего периода – А. А. Фурсенко, Н. В. Плешков, кроме своего учителя – А. В. Ефимова, которого подверг критике за то, что его наставник перепутал Россию с Францией при цитировании источника и тем самым ввел в заблуждение советское научное сообщество [553]. Эпоха требовала приносить в жертву авторитетов ушедшей эпохи.

Несмотря на то, что Н. Н. Болховитинов попытался написать работу в рамках международного подхода, совместив государственный и негосударственный уровни двусторонних отношений, его тезис все равно привел к утверждению о том, что в основе внешней политики США лежал принцип использования европейского баланса сил [554], при этом следует отметить, что для Н. Н. Болховитинова «реальная политика» (политический реализм) была свойственна всем европейским государствам, включая и Россию [555]. В целом следует отметить, что американист пытался модернизировать советскую историческую науку, но при этом не разрывать связь с идеологической системой политического режима [556].

Содержание книги в контексте генезиса внешней политики не содержало нового взгляда. Он все свел к тому, что был воспроизведен тезис о балансе сил, который он выдвинул еще в 1950-е гг. Взгляд на тему был в рамках политического реализма, при том, что апелляция к негосударственному уровню не меняла оценку на зарождение внешней политики США. Также поражение потерпело и его стремление построить анализ на уровне дипломатии и отношений между народами. В результате получился набор отдельных тем, объединенных в одной публикации, но системного анализа так и не получилось произвести.

Одновременно с ростом влияния Н. Н. Болховитинова в советской американистике проходил карьерный взлет и А. А. Фурсенко: в 1988 г. он

занял должность заведующего отделом всеобщей истории ЛОИИ СССР АН СССР [557], а через два года – 15 декабря 1990 года – был избран действительным членом АН СССР. Усиление позиций А. А. Фурсенко положительно отразилось и на его бывшем аспиранте, ставшем коллегой по отделу, – В. Н. Плешкове. Патронаж наставника привел к защите докторской диссертации в 1988 г. на основе монографии, опубликованной еще в 1984 г.

Если Н. Н. Болховитинов вел поиск нового методологического подхода, то в Ленинграде его коллеги пренебрегали новаторствам, отдавая предпочтение обработке первоисточников – характерной особенности «петербургской исторической школы». Однако эта традиция, если не брать во внимание карьерные устремления, не увенчалась успехом, который измеряется не успешной защитой изыскания, а приумножением научного знания.

2.3.2. Ранняя стадия: понижение степени актуальности (первая половина 1980-х гг.)

2.3.2.1. Историко-политологическое направление: реалистическое течение (В. А. Кременюк, Г. А. Трофименко). Ухудшение американо-советских отношений с 1979 г. привело к тому, что в первой половине 1980-х гг. советская наука отреагировала в соответствии с политической линией партноменклатуры. Коллективная монография сотрудников ИСКАН – «Современная внешняя политика США» (1984) – стала примером изменения научной мысли вслед за политическими событиями. «Главная тема книги, – отмечал академик Георгий Аркадьевич Арбатов, – анализ все более углубляющегося противоречия между имперскими великодержавными амбициями, уходящими корнями в идею глобальной американской миссии, и неуклонно сужающимися реальными возможностями проведения Соединенными Штатами империалистической политики на мировой арене» [558]. На страницах первого тома этого издания ученики Г. А. Арбатова – Виктор Александрович Кременюк (1930–2017) и Г. А. Трофименко (1929–2005) – написали две главы «Классовая сущность внешней политики США», «Внешнеполитические традиции», в которых коснулись темы генезиса внешней политики Соединенных Штатов.

Рассматривая концепцию «народного суверенитета», как перманентное прикрытие для буржуазного правящего класса в Американской революции [559], советские исследователи выдвинули тезис о возникновении единообразного понимания отцами-основателями внешнего мира, ставший традицией мышления американской элиты: «Уже в годы Американской революции образовалась известная совокупность взглядов американской верхушки на внешний мир, ставшая основой внешнеполитических традиций правящего класса США» [560] .

Не используя широкий круг источников, В. А. Кременюк и Г. А. Трофименко построили интеллектуальную карту отцов-основателей. Согласно выводам авторов, основополагающим представлением

революционных лидеров – Дж. Вашингтона, Дж. Адамса, Т. Джефферсона, Т. Пейна, Б. Франклина, А. Гамильтона – была религиозная форма убежденности в теории «явного предначертания», позволившая сформировать концепцию уникальной миссии американской нации [561]. Став питательной средой, внутри этой теории возникли две концепции: американоцентризм (исключительность) и «раздвигающаяся граница» (экспансионизм) [562]. Синтез двух постулатов теории «явного предначертания» создал американоморфизм – «<…> стремление видеть весь остальной мир устроенным „по образу и подобию“ Соединенных Штатов» [563]. Однако теория «явного предначертания» может привести к кризису страну, поэтому отцы-основатели, в частности А. Гамильтон, разработали уравновешивающий механизм – теорию «просвещенного эгоизма», которая сдерживает мессианские порывы США в международных отношениях и требует рационального подхода к внешней политике [564]. Одновременно отцы-основатели пришли к убежденности в том, что внешняя политика должна быть обеспечена военной силой [565]. В представлениях отцов-основателей теория «просвещенного эгоизма» и убежденность в необходимости обеспечения военной силой внешнеполитического курса страны сформировалась традиция следовать принципу баланса сил во взаимоотношениях с великими державами [566]. Примечательно, но советские исследователи были уверены в том, что баланс сил был порождением американского опыта периода Войны за независимость: «По сути дела, американская политика балансирования выросла из попыток прагматического использования в интересах США разногласий между двумя крупнейшими державами Европы, имевшими первостепенные интересы в западном полушарии, – Англией и Францией (отчасти Испанией). Само рождение независимой американской республики стало возможным лишь в результате успешного использования отцами-основателями США англо-французских противоречий. <...> Факты свидетельствуют о том, что на протяжении первых десятилетий самостоятельного существования американского государства практически не было такого периода, когда бы США одновременно находились либо в хороших, либо в плохих отношениях сразу со всеми главными державами „европейского концерта“: Англией, Францией и Испанией (лишь с Россией у США были традиционно дружественные отношения)» [567].

С теоретических позиций, оценки В. А. Кременюка и Г. А. Трофименко не были новаторскими, потому что демонстрировали исторический процесс в рамках дихотомии «идеализм – реализм», а представления о балансе сил в американской внешней политике являлись продолжением тезиса В. И. Ленина, укоренившегося в советской американистике.

Взгляды советских историков были интересны не столь посредственным анализом генезиса внешней политики США, а тем, что в них прослеживалась институционализация политических наук,

сподвижники которых стремились обособиться от исторической науки. В частности, В. А. Кременюк и Г. А. Трофименко не сделали ни одной сноски на советских историков-американистов: А. В. Ефимова, Н. Н. Болховитинова, А. А. Фурсенко остались за пределами текста, при том, что первые двое ученых поддерживали принцип / доктрину народного суверенитета. Одновременно исследователи приводили американских историков: Т. Э. Бейли, Б. Бейлина, Ф. Дж. Тернера, У. Э. Уилльямса [568]. Впоследствии В. А. Кременюк стал первым в СССР профессором по специальности «Политические науки»: в 1990 г. ему было присвоено научное звание профессор по специальности «Политические проблемы международных систем и глобального развития» [569].

2.3.2.2. Историко-дипломатическое направление: международное течение (Н. Н. Болховитинов) и конфликтологическое течение (В. Н. Плешков). Примечательно, что модернистская работа не была оставлена Н. Н. Болховитиновым и в первой половине 1980-х гг., когда эпоха разрядки завершилась и стали нарастать противоречия между двумя сверхдержавами. В 1983 г. вышел в свет первый том издания «История США». Ответственным редактором был Н. Н. Болховитинов. В главе «Война за независимость (1775–1783)» был размещен раздел «Дипломатия США. Франко-американский союз» [570]. Текст был написан Н. Н. Болховитиновым, что отличало работу от предшествующих изданий 1940–1970-х гг.

Во-первых, при рассмотрении истории внешней политики США на первый план стали выравниваться действия трех европейских держав – Великобритании, Франции и Российской империи. При этом Испания по-прежнему была на втором плане. Во-вторых, концептуальная установка, вытекающая из публикации газетной статьи В. И. Ленина в 1918 г., по-прежнему применялась в тексте, но переместилась с первых страниц в конец, но не как подводящий итог историческому развитию [571]. В отличие от сложившейся традиции в советской историографии 1930-х гг. – начала 1980-х гг., структурная часть книги начиналась и заканчивалась отсылками на труды историков и опубликованные источники. Открывали главу наработки самого Н. Н. Болховитинова «Становление русско-американских отношений, 1775–1815» (1966), «Россия и война США за независимость, 1775–1783» (1976), сборник документов «Россия и США; становление отношений, 1765–1815» (1980), а заканчивали работы У. Стичкомбса «Американская революция и французский союз» (1963), Р. Б. Морриса «Миротворцы: великие державы и американская независимость», сборник документов «Договора и другие международные акты Соединенных Штатов Америки (1931–1948)» [572]. Из всех советских ученых в публикации выделялись только двое: Н. Н. Болховитинов и его наставник – А. В. Ефимов [573]. В результате автор публикации повторял тезис о том, что дипломатия США использовала противоречия между

европейскими странами [574]. При этом тезисы А. В. Ефимова о принципе / доктрине народного суверенитета и экспансии ученый не приводил.

В 1984 г. В. Н. Плешков опубликовал монографию «Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений)», редактором которой был А. А. Фурсенко [575]. Исследование, прошедшее экспертную оценку [576], оказалось без выводов: не выделялся отдельный раздел в структуре книги, не подводились итоги по главам [577]. Тем не менее концептуальные обобщения были приведены во «Введении», но и оно показывало несовершенство исследования.

Несмотря на то, что автор обладал доступом к источникам [578], В. Н. Плешков проанализировал их поверхностно и тенденциозно, а также противоречиво. В частности, утверждая, что внешняя политика формировалась в процессе противостояния групп-интересов, автор книги в структурной части «У истоков американской дипломатии. „План договора“ 1776 г.» этот принцип не реализовал. Кроме того, во «Введении» ученый выдвинул тезис, который также показал несоответствие: «Практически все американские политики, независимо от своих взглядов и убеждений, были единодушны в стремлении следовать нейтральным курсом, избегать политических союзов и вовлечения в водоворот большой европейской политики, что сделало бы молодую неокрепшую республику в руках ведущих держав Старого Света. Одновременно они выступали за обеспечение прав нейтральных стран, за всемерное развитие равноправных торговых отношений со всеми без исключения государствами. Вместе с тем для американской дипломатии, особенно в последующие периоды, стало характерным стремление добиться односторонних преимуществ» [579]. Если бы В. Н. Плешков анализировал весь массив источников, на которые он указывал в исследовании, то подобного рода выводов он не смог бы сделать из-за обильного количества доказательств дискуссии между отцами-основателями по вопросам внешней политики. Точка зрения американиста была тенденциозной и необъективной, поскольку поддерживала тезис советской американистики о буржуазной природе внешней политики.

Переход от биографических изысканий кандидатской диссертации к масштабной теме нового исследования выявил и слабость теоретической подготовки ее автора. «Данная работа, – писал В. Н. Плешков, – преследует цель осветить основные проблемы зарождения американской дипломатии через призму ее отношений с бывшей метрополией» [580]. Ученый допускал теоретическую оплошность: он сопоставлял разные таксономические единицы. В частности, «дипломатия» США рассматривалась наравне с Великобританией – субъектом международных отношений. Одновременно советский специалист не различал дипломатию и внешнюю политику, рассматривая их как синонимы.

Не меньший интерес вызывает обоснование актуальности темы, которая была связана не с состоянием научной разработанности темы, а с

недоработками советской науки. Тезис «В целом весь комплекс этих проблем, в том числе взаимоотношения США и Великобритании, не подвергался еще специальному изучению»[581] обосновывался неудовлетворительной оценкой советской исторической науки: «Советские американисты много сделали для изучения истории США конца XVIII в. Формирование и становление внешней политики США в общих чертах рассмотрено в нескольких обещающих фундаментальных работах и ряде специализированных исследований»[582]. Под оценку «в общих чертах» попали: глава «Дипломатия буржуазной американской республики (1775–1794 гг.)» в «Истории дипломатии» (1959), написанная А. В. Ефимовым; главы «Заключение американо-французского союза в 1778 г.» и «Парижский мир 1783 г.» в монографии «Война за независимость и образование США» (1976), созданные Н. А. Красновым; книга А. А. Фурсенко «Американская революция и образование США» (1978); статья Г. Н. Севостьянова и А. И. Уткина «У истоков внешней политики США» (1974). Остальные работы советских специалистов, в частности сотрудников ИСКАН, им не выделялись.

Тезис о том, что «автор стремился учесть достижения американской и английской историографии, подвергая в то же время критическому анализу ошибочные концепции, трактовки и выводы буржуазных исследователей»[583], оказался нереализованным в контексте рассмотрения исторических событий 1775–176 гг. Такие авторы, например, как С. Ф. Бимис, не только становились источником информации и оценок, но и ставились в один ряд с советскими авторами – А. А. Фурсенко – без проведения сравнительного анализа их позиций[584], показывая их единомышленниками.

Генезис внешней политик, по мнению В. Н. Плешкова, происходил из процесса формирования Соединенных Штатов во время Войны за независимость: «Создание независимого государства обусловило необходимость определить внешнеполитический курс, выработать основные приоритеты в области международных отношений. Вопросы внешней политики теснейшим образом переплетались с внутриполитическими проблемами. Политическая борьба внутри страны оказала значительное воздействие на формирование внешней политики и дипломатическую активность Соединенных Штатов»[585]. Следует отметить, что В. Н. Плешков предложил свою интерпретацию начала внешней политики США, которую он в отличие от советских историков не стал связывать с учреждением 29 ноября 1775 года комитета по секретной корреспонденции. Он сдвинул хронологические рамки начала на 18 сентября 1775 года, когда был учрежден Секретный комитет для обеспечения поставок вооружения. «Постепенно комитет взял под свой контроль фактически всю внешнюю торговлю страны. Он действовал совместно с еще одним тайным органом конгресса – Комитетом корреспонденции. <…> С течением времени функции комитета

расширились. Так произошло „формальное учреждение органа, соответствующего Министерству иностранных дел“» [586]. В скобках, автор монографии приводил цитату А. В. Ефимова из написанной им главы в «Истории дипломатии» (1959). В. Н. Плешков, сделав отсылку на мнение авторитетного советского ученого, допустил некоректное цитирование: его предшественник давал оценку не эволюции комитета, а самому факту его учреждения 29 ноября 1775 года. На этом неточности не исчерпались: С. Дин был представлен автором «<…> первым дипломатическим представителем американцев за рубежом» [587], хотя формально отец-основатель не обладал дипломатическим статусом.

Примечательно и то, что В. Н. Плешков не поставил тезис В. И. Ленина об использовании противоречий европейских держав, как основы для генезиса внешней политики. Идея политика была приведена лишь в середине книги при описании заключения Парижского мира 1783 г. [588]. Это решение было продиктовано целью показать определяющее воздействие внутренней политики (исключительно политическая борьба) на внешнюю и отодвинуть на второй план ленинский тезис 1918 г., ставший системообразующим в советской историографии.

По сути Н. Н. Болховитинов и В. Н. Плешков вели ревизионистскую работу, преследовавшую цель модернизировать интерпретацию раннего периода истории внешней политики США. Однако их старания не увенчались успехом в анализе генезиса внешней политики США: ленинский тезис об использовании противоречий европейских держав остался непоколебим.

2.3.3. Поздняя стадия: деактуализация и инерционность (конец 1980-х гг.)

2.3.3.1. Историко-дипломатическое направление: конфликтологическое течение (В. Н. Плешков). Низкий уровень исследования В. Н. Плешкова не помешал пройти квалификационную экспертизу рукописи книги, опубликовать ее в издательстве «Наука» тиражом в 1950 экземпляров. Монография стала обоснованием для карьерного роста внутри Ленинградского отделения Института всеобщей истории АН СССР: «После выхода книги, 5 декабря 1984 года, В. Н. Плешков был переведен на должность старшего научного сотрудника. 4 мая 1987 года ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности „Всеобщая история“» [589]. Но подать работу в качестве квалификационного изыскания на степень доктора исторических наук автор смог только спустя три года после издания – в декабре 1987 г. Возникшая пауза в защите не была следствием стремления усовершенствовать исследование: ее причины носили политический и бюрократический характер.

По воспоминаниям В. М. Панеяха, учитель А. А. Фурсенко – Б. А. Романов – напутствовал: «„На новых архивных материалах каждый дурак напишет работу, – говорил наш профессор, – попробуйте построить

свое исследование на изъезженных-переизъезженных источниках, сказать при этом новое слово; вот в чем подлинное мастерство“» [590]. Этот принцип А. А. Фурсенко не передал В. Н. Плешкову. В результате на защиту были вынесены положения, которые были известны научному сообществу, но в советской академической среде их можно было выдать в формате новизны. И у этого была основная причина – отсутствие конкуренции между историками-американистами. Будучи закрытой профессиональной группой, ее члены могли создавать / воспроизводить научные кадры без опасения критики – монополия над проблемно-тематическим полем гарантировала положительный результат защит научных изысканий. Примером этого состояния и было рассмотрение докторской диссертация В. Н. Плешкова в 1988 г. в Ленинградском ордена Ленина и ордена Красного Трудового Знамени государственном университете им. А. А. Жданова.

Официальными оппонентами на защите были три историка-американиста: член-корреспондент Академии педагогических наук СССР В. К. Фураев, старшие научные сотрудники Института всеобщей истории РАН СССР – Н. Н. Болховитинов и В. В. Согрин. Подбор рецензентов представлял собой привлечение «близкого круга» экспертов, с которыми научный руководитель имел личные и профессиональные отношения. Все старания лишили экспертизу объективности и непредвзятости: рецензенты не увидели расхождений между монографией и выносимыми положениями на защиту, не определили они и качество апробации результатов исследования, которые имели признаки искажения.

В автореферате В. Н. Плешков стал иначе выстраивать линию идей, сформулированных в книге 1984 г. Он убрал подзаголовок книги – «Очерки англо-американских отношений», что усилило противоречие между названием и содержанием работы. Несмотря на период «перестройки», сотрудник научного института придерживался консервативных взглядов: «Методологической основой работы являются труды классиков марксизма-ленинизма по проблеме развития международных отношений, вопросам политического и социально-экономического развития США, учение об основных закономерностях становления буржуазного государства, о политической борьбе в капиталистическом обществе» [591]. Также диссертант подчеркивал, что он руководствовался ленинскими принципами историзма, классового подхода в оценке исторических явлений [592]. Ревизия марксистко-ленинской методологии ученым отвергалась [593]. При этом тезис В. И. Ленина об использовании противоречий европейских держав перемещался в центр концепции исследования [594].

В. Н. Плешков защищал диссертацию не с точки зрения ее важности для науки, а ее слабой степени исследования в СССР: «Вместе с тем, – писал диссертант, – формирование и становление внешней политики США рассматривалось лишь в самых общих чертах и не стало еще предметом

изучения советской исторической науки» [595]. Это был выпад против трех ученых: Ю. Г. Варнакова, Г. Н. Севостьянова и А. И. Уткина, писавших об истоках внешней политики США [596]. Про других советских ученых – А. В. Ефимова, Н. Н. Болховитинова – соискатель не упоминал. Отказываясь от системного анализа историографии, В. Н. Плешков обосновывал новизну своей работы утверждением: «<…> в советской историографии с позиций марксистской методологии дан комплексный анализ формирования и развития внешней политики США в период образования и становления американской буржуазной демократической республики. Обобщающего исследования по этой проблеме в советской исторической науке еще не было» [597]. Тезис «обобщающее исследование» не имел логической связи ни с исчезнувшим подзаголовком об американо-британских отношениях, ни с содержанием труда.

При содействии специалистов, вовлеченных в процедуру защиты диссертации, академическое сообщество СССР вводилось в заблуждение относительно апробации тезисов диссертации на международном уровне. За два года до защиты В. Н. Плешков, как член советской делегации, принял участие в работе конференции Европейской ассоциации американских исследователей (24–27 марта 1986 года, Будапешт) на тему «Ранняя республика: становление нации – становление культуры» [598]. В журнале «Новая и новейшая история» был опубликован отчет, в котором отмечалось: «В те же дни прошли заседания десяти рабочих групп, каждая из которых провела по два двухчасовых заседания. Такой регламент привел к тому, что многие делегаты не имели возможности выступить, а обсуждение сообщений было кратким, не позволявшим развернуть дискуссию» [599]. Члены советской делегации не сообщали о презентации и дискуссии с иностранными коллегами своих наработок. Противоположное было изложено в тексте автореферата В. Н. Плешкова, где отмечалась его активная работа на конференции: «Основные положения и выводы работы были использованы автором в дискуссиях на заседании секции „Американская дипломатическая история“» <…> [600]. Сопоставление содержания отчета делегации и автореферата демонстрирует расхождение. Тем не менее, понятно: исследование В. Н. Плешкова – монография 1984 г. – не представляло высокого уровня для презентации зарубежным коллегам, которое можно было также опубликовать [601]. Но для советской науки труд историка-американиста презентовался как высокое достижение, при том, что на защите были даже изменены положения, изложенные в монографической публикации.

В отличие от книги, в автореферате была представлена иная версия зарождения внешней политики. В. Н. Плешков отказался от начала внешней политики 18 сентября 1775 года с учреждением Секретного комитета. Вместо этого он указывал на создание комитета секретной корреспонденции 29 ноября 1775 года, как предтечу американского внешнеполитического ведомства [602]. Также соискатель отошел от оценки и

самой внешней политики: «Основой своей внешнеполитической программы американцы считали проведение политики нейтралитета, невмешательства в европейские конфликты и войны, развитие взаимовыгодных отношений со всеми государствами» [603]. В монографии В. Н. Плешков эту оценку распространял на всю последнюю четверть XVIII в., а в автореферате – на лето 1776 г., когда формировался текст «Плана договора», в котором они и были воплощены.

Следует отметить, что ни монография, ни автореферат не показывали владения В. Н. Плешковым системным знанием историографии. Для него не существовали работы авторов Российской империи, хотя о них писали и А. В. Ефимов, и Н. Н. Болховитинов; не было для него и советских исследователей 1920–1940-х гг. Точкой отсчета являлись работы А. В. Ефимова 1950-х гг. Не подвергая критике историков СССР, В. Н. Плешков обзорно провел анализ американской историографии, клеймя буржуазных авторов за национализм, экспансионизм, восхваления агрессии. Историография внешней политики до С. Ф. Бимиса рассматривалась на уровне упоминания авторов: У. Трескота, Г. Адамса, Дж. Банкрофта, Р. Хилдрета, Ю. Скайлера, Дж. Б. Макмастера, Ч. Бирда, Ф. Дж. Тернера [604].

Также в работе выделялись направления американской историографии: «прогрессистское» (1920–1930-е), «консервативно-консенсусное» (1940–1950-е), «новые левые» (1960-е), «новый консенсус» (1970–1980-е). Но их анализ был примитивным (от упоминаний до обвинений в необъективности) [605]. В. Н. Плешков подменил тему своего исследования обзором состояния американской историографии, завершив его выводом: «В литературе уже отмечалось падение интереса к изучению истории внешней политики США, в том числе и периода становления американского государства. Этот процесс отражается и в том, что новейшие работы по этим проблемам не в состоянии превзойти прежние достижения американской историографии. Так, например, недавняя работа Дж. Далла о дипломатической истории американской революции не смогла заменить классическое сочинение С. Бимиса, изданное полвека тому назад. Многие аспекты внешнеполитической истории США конца XVIII в. остаются объектом для всестороннего, комплексного изучения» [606]. Фигура С. Ф. Бимиса была выбрана потому, что историк рассматривался В. Н. Плешковым не только как патриарх внешнеполитической истории США, но и как пример образа мысли, который возник в эпоху американского империализма и по-прежнему, то есть в конце 1980-х гг., определяет направленности исторической науки в США. «Характерной чертой этих работ, – отмечал В. Н. Плешков, – являлись апология американского экспансионизма, упор на альтруизм внешней политики США, усиление интереса к проблемам соперничества держав» [607]. Соискатель докторской степени излагал привычные для периода идеологической конфронтации оценки и формулировал свои

представления о развитии исторической науки в США «реферативно», без скрупулёзного анализа.

Примечательно, что наработки В. Н. Плешкова не представляли собой новаторский подход наподобии устремлений Н. Н. Болховитинова. Выглядели они архаичными и в рамках «перестроечных» реформ, начала интенсивного диалога и поиска компромисса между СССР и США (встреча на высшем уровне в Женеве в ноябре 1985 г., в Рейкьявике в октябре 1986 г., подписание договора о РМСД в декабре 1987 г.).

В целом оценки В. Н. Плешкова генезиса внешней политики не содержали в себе качественного увеличения научного знания. Ученый отдал предпочтение описывать хорошо уже известные факты и процессы, которые даже при использовании догматических положений марксизма-ленинизма не привели к выработке новых оценок ни для советской, ни зарубежной историографии. Консерватизм взглядов соискателя был следствием из позиций его научного консультанта – А. А. Фурсенко, стоявшего на позициях «партийно-академического оппортунизма».

Нежелание бросать вызов системе, привело к тому, что в период «перестройки» была защищена докторская диссертация на основе монографии, созданной и опубликованной в период «застоя». Успех защиты был связан не с результатами исследования, а решением кадровой проблемы, стоявшей перед А. А. Фурсенко – ему нужен был «проверенный» человек. В некрологе В. Н. Плешкова отмечалось: «А. А. Фурсенко в 1988 г. стал заведующим отделом всеобщей истории. Он часто выезжал в длительные зарубежные командировки, и по его ходатайству руководство Института назначило В. Н. Плешкова исполняющим обязанности заведующего отделом всеобщей истории (1 октября 1989 года). С 15 января 1990 года В. Н. Плешков трудился в отделе в должности ведущего научного сотрудника» [608]. По сути, за счет защиты темы решались кадровые задачи.

Защита изыскания В. Н. Плешкова интересна и тем, что в ней принимал участие Н. Н. Болховитинов. Авторитетный ученый поддержал то, против чего неоднократно высказывался для советской и зарубежной аудитории. В январе 1988 г. на круглом столе, устроенном редакцией журнала «Вопросы истории», он отмечал: «Отнюдь не всё хорошо с изучением истории Соединенных Штатов. С удивительной легкостью многие из наших американистов пишут то, что необходимо, своевременно и выгодно в любой данный момент, а не то, что на самом деле является фактом. Вряд ли стоит показывать, какой вред будет нанесен, если американисты неправильно проинформируют общественность и руководство о реальном положении в Соединенных Штатах, роли рабочего класса, профсоюзов и Коммунистической партии, создадут односторонний „образ врага“ и так далее. Особенно печально, когда в этом замешаны профессиональные историки, которые призваны, прежде всего, соблюдать объективность и честность. Хотя многие десятки и даже сотни

американистов уже были отправлены в поездки в Соединенные Штаты, лишь крайне редко их исследования основываются на серьезном и всестороннем изучении архивных материалов» [609]. Спустя два года, летом 1991 г., Н. Н. Болховитинов был более принципиален: «Догматически понимаемый марксизм, жесткий классовый подход принесли большой вред нашей исторической науке. Это не значит, однако, что от классового анализа или теории формаций следует вообще отказаться. В своем распоряжении историк должен иметь разные методы и средства анализа – и новые и старые, и классовый анализ, и общечеловеческие ценности, и цивилизационный подход, и теорию формаций, и количественные и традиционные методы – всё должно использоваться тогда, когда это необходимо. Как художник использует всю палитру красок, так и историк должен передавать всё многообразие исторической действительности, а не употреблять только розовый или черный цвет» [610]. Публичные заявления Н. Н. Болховитинова не соответствовали поддержке им исследования В. Н. Плешкова. Кроме политического аспекта – развитие отношений с ленинградской школой американистики – решение Н. Н. Болховитинова следует объяснить также и его стремлением сохранить историческую науку в конкуренции с политологией: акцент на источниках в работе В. Н. Плешкова становился аргументом, перевешивающим приверженность автора марксистко-ленинской догматике, что побуждало авторитетного ученого поддержать выводы, которые не носили новаторства для науки, за которые он вел борьбу.

Впоследствии В. Н. Плешков осторожно ценил книгу, сделавшую ему реноме специалиста по ранней истории внешней политики США. Подводя итоги развития американистики в Санкт-Петербургском Институте истории РАН с 1950-х гг. по конец 2000-х гг., он не упомянул в основном тексте публикации свою книгу, поместив ее (а также и рецензии на нее Р. Е. Кантора, Г. П. Куропятника) в сноске к фразе: «В эти годы ученики А. А. Фурсенко вели и самостоятельные научные исследования. В. Н. Плешков издал на русском языке антологию высказываний Томаса Джефферсона о демократии» [611]. Про свои достижения в изучении внешней политики в 1980-е гг. он предпочел умолчать, но разместить свою работу в ссылках посчитал уместным.

2.4. Выводы

Становление и эволюция советской американистики в 1920–1980-е гг. сформировали для развития темы ряд системообразующих факторов. Первый – возникла политическая конъюнктура для изучения раннего периода в истории внешней политики США. Североамериканское государство, как главный оппонент Советского Союза, оказалось в центре общественно-политического дискурса. Второй фактор – методологическая установка изучения Американской революции и Войны за независимость с

позиций марксизма-ленинизма. В свою очередь, это дало толчок к формированию дискуссионного формата результатов исследования, которые изначально выстраивались в качестве единственно правильных в противовес выводам т. н. «буржуазной науки», лишенной объективности. Третий фактор – институционализация советской американистики на уровне структур Академии наук (Комакадемии до 1936 г.), что создавало механизмы выработки оценок и финансирование публикаций. Четвертый фактор – преимущественно тема локализовалась в сфере исторических наук, но уже в 1970–1980-е гг. наметилось выделение политических наук, в которых генезис внешней политики США также получил рассмотрение, но с позиций методологии политического реализма (чему способствовала научно-исследовательская специализация ИСКАН).

Факторы создали амбивалентные условия для развития темы. С одной стороны, и процесс изучения, и его результаты оказались подвержены политической идеологией, колебаниями в советско-американских отношениях, отсутствием конкурентной среды для дискуссии и продвижения научного знания. Но, с другой стороны, политическая конъюнктура и профессиональные интересы отдельных ученых создавали движение научного знания внутри советской американистики.

Несмотря на идеологическую доктринальность советской американистики, в ней дореволюционные тенденции не были отвергнуты. Преемственность во взглядах на роль европейского баланса сил была перенесена в советскую науку поколением, которое становилось в последней трети XIX в.: тезис В. И. Ленина в работе «Письмо к американским рабочим» (1918) о том, что генезис внешней политики США проходил в процессе использования противоречий европейских держав, был поддержан его современниками М. П. Вельтманом (Павловичем) и Д. И. Заславским, поскольку они разделяли общее положение российской правовой науки о роли баланса сил в формировании внешней политики государства. По мере становления культа личности В. И. Ленина его точка зрения стала определяющей в интерпретации генезиса внешней политики США.

В целом, развитие темы прошло три периода (восхождение – пик – угасание), каждый из которых состоял из двух стадий (ранней и поздней).

В период восхождения темы на протяжении 1930-х гг. и начала 1940-х гг. американисты рассматривали ее в контексте идеологических установок. На ранней стадии (1930-е гг.) взгляды ученых развивались в рамках империалистического направления и экспансионистского течения. Сотрудники Коммунистической академии (Академии наук с 1936 г.) А. В. Ефимов, В. И. Каплан (Лан), Л. Г. Рабинович (Райский) считали, что генезис внешней политики формировался развитием американского империализма, в котором экспансионизм играл ключевую роль. Примечательно то, что тезис В. И. Ленина не был ими использован, что

было результатом отсутствия проработанности раннего периода в истории внешней политики США в советской американистике, которая в первые десятилетия своего функционирования была сосредоточена на обосновании концептуальных догм марксизма-ленинизма и упускала менее важные темы. Поэтому выводы ученых носили характер дедуктивной экстраполяции, показывавшей универсальность развития капиталистических держав.

Качественные изменения произошли в конце 1930-х гг. в процессе работы над трехтомным изданием «История дипломатии». Выполняя государственный заказ, А. В. Ефимов изменил своим прежним взглядам и создал конструкт интерпретации. Американисту удалось соединить идеологемы (тезис В. И. Ленина и универсальность развития внешней политики буржуазного государства) с историческими фактами, которые он рассматривал избирательно и тенденциозно. Несмотря на то, что А. В. Ефимов манипулировал данными для обоснования научности методологии марксизма-ленинизма, его интерпретация стояла у истоков конфликтологического течения дипломатического направления. Разработанная интерпретация стала моделью для советских историков-американистов, которые стали ее внедрять на протяжении 1940-х гг.

Трансформация интерпретации темы произошла во второй половине 1950-х гг. Под воздействием ухудшения американо-советских отношений и в условиях оттепели американисты провели коррекцию оценок. В частности, А. В. Ефимов синтезировал свои наработки 1930-х и начала 1940-х гг.: он соединил тезис об использовании европейского баланса сил с положением своей диссертации – о значении территориальной экспансии. Изменения расширили представление о зарождении внешней политики, отодвинув нижний хронологический рубеж с начала войны за независимость в колониальный период истории первой четверти XVII в. Изменения взглядов ученого были направлены на доказательство антидемократической сущности буржуазной элиты США, которая предала революционные идеалы Американской революции. Это умозаключение обосновывало природу современной политики Соединенных Штатов, которые выставлялись в негативном свете и в качестве антагониста Советского Союза, где Октябрьская социалистическая революция привела к подлинной внешней политике, не имеющей ничего общего с курсом буржуазного государства.

В отличие от начала 1940-х гг. А. В. Ефимов оказался не единственным советским ученым, который рассматривал тему. Разрабатывая историю Американской революции, А. А. Фурсенко пришел к выводу, который не совпадал с оценкой авторитетного коллеги. Как и А. В. Ефимовым, им разделялся тезис об использовании противоречий европейских держав, но в отличие от него А. А. Фурсенко делал акцент на доминировании идеи национального интереса, регулирующего развитие внешней политики государства. Этот тезис был заимствован

американистом из работы австрийского ученого Г. Штоурца – яркого представителя школы политического реализма, чьи взгляды формировались под воздействием Г. Моргентау. В оценке историка не было вызова постулатам марксизма-ленинизма об универсальности внешней политики империалистического, буржуазного государства, не было в ней и вызова взглядам А. В. Ефимова. Оба историка развивали свои оценки в разных направлениях и течениях. А. В. Ефимов представлял политэкономическое течение дипломатического направления, А. А. Фурсенко – конфликтологическое течение революционно-логического направления. Расхождения взглядов отображали и эволюцию советской американистики, где возникал полицентризм развития темы вследствие усложнения структуры Академии наук, и влияние американской научной мысли, с достижениями которой советские американисты получили возможность ознакомиться в ходе командировок, личных контактов, пополнения фондов библиотек.

Оценки А. В. Ефимова и А. А. Фурсенко были предвестниками пика развития темы и охватывали раннюю стадию, которая сменилась поздней – на протяжении середины 1960–1970-х гг. Качественные изменения были результатом сочетания празднования юбилейных дат – 200-летия американской революции и Войны США за независимость – с периодом разрядки в американо-советских отношениях. На этой стадии политическая конъюнктура создала беспрецедентные условия для роста количества работ и разнообразия интерпретаций.

В историко-дипломатическом направлении взгляды авторов по-прежнему развивались в соответствии с конфликтологическим течением. Н. А. Краснов, Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин придерживались интерпретации, согласно которой генезис внешней политики США был связан с использованием противоречий европейских держав. Однако не все ученые разделяли этот взгляд. Продолжая модернизм 1950-х гг. А. В. Ефимова, его ученик Н. Н. Болховитинов стал у истоков международного течения. В отличие от коллег, американист предлагал не концертировать внимание только на государственных институтах при изучении внешней политики, а расширить его за счет изучения негосударственных сфер (научных, культурных, экономических связей). При этом связь с оценкой В. И. Ленина сохранялась. Инициатива Н. Н. Болховитинова была не только продолжением практики А. В. Ефимова по обслуживанию интересов политического режима, но и стала единственной работой, которая была переведена на английский язык, став примером советской американистики эпохи разрядки. В реальности инициатива ученого была копией американской историографии, в которой на протяжении 1950–1970-х гг. шел процесс эрозии дипломатической истории.

Усложнение развития американистики в структурах Академии наук сопровождалось тем, что в 1968 г. был учрежден Институт США и Канады.

В отличие от Института всеобщей истории, где трудились Н. Н. Болховитинов, Н. А. Краснов, Г. Н. Севостьянов, новая институция была ориентирована на прикладной аспект изучения внешней политики США и выработки курса Советского Союза по отношению к сверхдержаве. Специфика функционирования института уменьшала идеологическое влияние на взгляды его сотрудников, которые не формировали свои воззрения только под воздействием работ коллег из ИВИ АН. Аналогичное складывалось и в Дипломатической академии МИД СССР. Источниками взглядов специалистов в этих институтах определялись не советской американистикой, а постулатами школы политического реализма. В результате оценки Ю. М. Мельникова, Н. Н. Яковлева, В. К. Пархоменко, А. А. Каренина, Г. А. Трофименко были выделены в реалистическое течение. Также, как и коллеги по историко-дипломатическому направлению, эти авторы разделяли тезис об использовании баланса сил, экспансионизме, универсализме природы империалистической державы, но они отказывались проводить анализ первоисточников, они заменяли его на поиск теоретических построений, который связан с современным этапом внешней политики США (последнее объединяло авторов с подходом А. В. Ефимова).

1980-е гг. стали началом угасания темы. Сказывался новый виток холодной войны, пришедший на смену разрядке и изменивший политический климат в американо-советских отношениях. Также оказывало воздействие и достижение советской американистики, где существовала инерция предшествующей стадии развития темы.

По сравнению с поздней стадией пиковой фазы труды американистов стали носить единичный характер, и в них не наблюдалась инновационность: ученые воспроизводили тезис В. И. Ленина. Тем не менее были и свои нюансы, проявившиеся в ходе ранней стадии (первая половина 1980-х гг.). Продолжая вести работу в рамках реалистического течения историко-политологического направления, В. А. Кременюк и Г. А. Трофименко под воздействием американской историографии привнесли дихотомию «идеализм – реализм» в изучение темы [612]. При помощи бинарной пары американисты построили интеллектуальную карту отцов-основателей, для которых была свойственна религиозная форма убежденности в теории «явного предначертания», заложившая основы для двух концепций – американоцентризм (исключительность) и «раздвигающаяся граница» (экспансионизм). Формально, сохраняя связь с тезисом В. И. Ленина, ученые обратили внимание на образ мышления отцов-основателей, видя генезис внешней политики США не столько в использовании противоречий европейских держав, сколько в балансе их внешнеполитических представлений. Конструкт, созданный В. А. Кременюком и Г. А. Трофименко, был плодом теоретического построения без использования источников, не носил научного характера. Однако, взгляд и публикация интересны тем, что авторы не делали ссылки

на труды Н. Н. Болховитинова, А. В. Ефимова, А. А. Фурсенко, поскольку их работа отображала становление политических наук и, соответственно, подчеркивала методологическое размежевание с историческими науками.

В историко-дипломатическом направлении прослеживались противоречивые тенденции. Непоколебимость тезиса В. И. Ленина сочеталась с поиском путей модернизации. Н. Н. Болховитинов, продолжая стоять на основах международного течения, осуществил ревизию конструкта 1950-х гг. своего учителя – А. В. Ефимова: в интерпретации генезиса внешней политики он отказался от доктрины народного суверенитета и экспансии. Фактически это означало деидеологизацию взгляда на раннюю историю внешней политики США. Н. Н. Болховитинов делал акцент на предательстве буржуазией идеалам Американской революции и универсальности природы внешней политики империалистического буржуазного государства. Точка зрения ученого контрастировала со взглядами представителя конфликтологического течения В. Н. Плешкова – автора единственной узкоспециализированной монографии по раннему периоду истории внешней политики США в советской американистике «Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений)» (1984). Работа, которая не сопровождалась выводами, содержала тенденциозность в оценке иностранной историографии, избирательность анализа первоисточников, содержала вывод ученого о том, что генезис внешней политики США проходил под определяющим воздействием внутриполитической борьбы, которую в рамках своего исследования ему раскрыть не удалось. Несмотря на различия, историки-американисты отодвигали тезис В. И. Ленина на второй план, замещая его анализом историографии (Н. Н. Болховитинов), либо утверждением о доминировании в процессе формирования внешней политики политической борьбой внутри страны (В. Н. Плешков). Подходы ученых не привели к росту научного знания: их нововведения не давали научного результата, поскольку они не могли преодолеть идеологическую установку, связанную с культом В. И. Ленина.

Во второй половине 1980-х гг. и начале 1990-х гг. развитие темы проходило в поздней стадии угасания. Единственным научным событием стала защита докторской диссертации В. Н. Плешкова на основе его монографии 1984 г. В специализированный совет Ленинградского ордена Ленина и ордена Красного Трудового Знамени государственного университета им. А. А. Жданова были поданы документы, которые показали растущее угасание темы в советской американистике. Несмотря на расхождения в содержаниях книги и автореферата, отсутствие новизны, В. Н. Плешков, предлагая изучать внешнюю политику во взаимосвязи с внутренней политикой, в которой он выделял определяющее значение политической борьбе, так и не смог создать новую интерпретацию, сведя свои рассуждения к ленинскому тезису об использовании противоречий европейских государств. Эта оценка не только была принята

академическим сообществом, но и поддержана ведущими специалистами по истории США XVIII в. – Н. Н. Болховитиновым и В. В. Согриным, выступавшими официальными оппонентами. Формально на защите были подтверждены результаты исследования, представленные в монографии, которые были приняты научным сообществом СССР. Однако обратить внимание следует на то, что научная среда советской американистики эпохи перестройки представляла собой закрытую систему, в которой инновации не могли существовать без соответствия идеологии политической системы. Защита на основе монографии исследования В. Н. Плешкова демонстрировала пример решения корпоративной группы интересов, в которой карьеризм, а не движение научного знания взял верх.

В целом развитие темы в советской исторической науке прошло этапы, сопоставимые с историей Советского Союза. Фазы «восхождение», «пик», «угасание» и в эволюции государства и темы не были совпадением. Несмотря на то, что изучение генезиса внешней политики США не стало самостоятельным направлением для исследования, оно развивалось исключительно под определяющим воздействием политической конъюнктуры, а не научного знания. Время публикаций и содержание оценок детерминировались интересами политического режима, что лишило их творческого, инновационного характера.

ГЛАВА 3.
СТАГНАЦИЯ РАЗВИТИЯ ТЕМЫ И ПОПЫТКИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС, ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ДЕ- И РЕПОЛИТИЗАЦИЯ (КОНЕЦ XX ВЕКА – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)

3.1. Угасание: деактуализация, методологический кризис, де- и реполитизация (начало 1990-х гг. – начало 2020-х гг.)

3.1.1. Структурные изменения: советские американисты в Российской Федерации: институциональное строительство, горизонтальная экспансия, идеологическая фрустрация

В результате политической трансформации 1917–1920 гг. российские американисты не продолжили работу в РСФСР. Причины у этого состояния были разные: смерть (С. Ф. Фортунатов), эмиграция (А. В. Бабин, Н. А. Бородин), утрата приоритетов (П. Г. Мижуев). Спустя семь десятилетий, уже при переходе из СССР в Российскую Федерацию ситуация не повторилась: советские американисты [613] перешли в российскую науку, обеспечив непрерывность между американистикой СССР и РФ, что имело положительные и негативные последствия.

Стремительный карьерный рост в период «перестройки» советских ученых (Н. Н. Болховитинова, А. А. Фурсенко, В. Н. Плешкова) продолжился и в Российской Академии наук, где перед ними открылись значительные перспективы.

Н. Н. Болховитинов, несмотря на то, что в 1992 г. возглавил Центр североамериканских исследований ИВИ РАН и до 2002 г. занимал пост заместителя академика-секретаря Отделения истории РАН, был вынужден свернуть работу над темой становления американо-российских отношений во второй половине XVIII в. – первой четверти XIX в. Причина такого решения сводилась к тому, что он не выдерживал конкуренции с американскими коллегами, которые, по его мнению, проводили исследования куда более качественно и лишали его первенства [614].

Тем не менее, поиск новой методологии продолжал быть системообразующим элементом в педагогической деятельности Н. Н. Болховитинова. В контексте его ревизионистского курса развивалось диссертационное исследование Марии Александровны Филимоновой на тему «Александр Гамильтон и создание конституции США» (2001) [615], опубликованное монографией под одноименным названием [616]. Несмотря на периферийное положение темы в диссертации, соискатель, под воздействием методологии политического реализма [617], рассматривала генезис внешней политики в процессе формирования государства в ходе Войны за независимость и создания основного закона (Статьи

Конфедерации, Конституция 1787 г.). В частности, отстаивая тезис о происхождении представлений А. Гамильтона из американского опыта 1774–1787 гг., М. А. Филимонова пришла к заключению: для отца-основателя соседние государства являлись враждебными друг другу по причине конфликтов между ними [618]. Также исследователь считала, что американский политик уделял ключевое внимание балансу сил, поскольку посредством его страны осуществляли взаимное сдерживание [619]. Как отмечала М. А. Филимонова, в этом проявлялись «<…>элементы, сходные с современным учением о геополитике» [620]. Делая такой вывод, автор демонстрировала поверхностное понимание неисторической методологии (а также и историографии [621]): положения политического реализма выдавались за постулаты геополитики. Н. Н. Болховитинов поддерживал начинания аспиранта вести дискуссию со взглядами советских американистов, что, в силу цели и задач исследования, не охватило внешнеполитическую тематику в диссертации М. А. Филимоновой [622]. Однако в контексте развития темы уже было понятно: под влиянием взглядов Н. Н. Болховитинова внимание к изучению раннего периода истории внешней политики США, в целом, и ее генезиса, в частности, будет носить второстепенное значение для его учеников.

Утратила актуальность раннего периода в истории внешней политики США и для американистов, работавших в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН: А. А. Фурсенко и В. Н. Плешков. В отличие от Н. Н. Болховитинова, причины их решения были связаны с другими обстоятельствами. Во-первых, они отдали предпочтение бюрократической работе, ограничивавшей их научную деятельность [623]. Во-вторых, историки концентрировали усилия на просветительской, а не научно-исследовательской деятельности [624]. В-третьих, они так же, как и их московский коллега, утратили конкурентоспособность в этой сфере.

Несмотря на изменения, в середине 1990-х гг. имело место сотрудничество между тремя учеными. Примером стала их работа над первым томом коллективной монографии «История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877» (1994) под редакцией Н. Н. Болховитинова, в котором В. Н. Плешков и А. А. Фурсенко написали главу «Дипломатия Американской революции». Сама работа воспроизводила труды 1960–1980-х гг., не отличалась оригинальностью и характеризовалась вторичностью. На протяжении второй половины 1990-х гг. и первой половине 2000-х гг. американисты более не предпринимали усилий по изучению ранней истории внешней политики США.

Личные интересы ученых определяли направления работы и возглавляемых ими подразделений. В начале 1990-х гг. Отдел всеобщей истории Санкт-Петербургского филиала ИРИ РАН под руководством А. А. Фурсенко и Центр североамериканских исследований ИВИ РАН, возглавляемый Н. Н. Болховитиновым, отказались, а фактически оказались

не способными, к проведению оригинальных исследований по теме раннего периода в истории внешней политики США. Плеяда ведущих специалистов советской американистики не стала источником стимулирования интереса к переосмыслению их выводов, которые они делали в условиях идеологического противостояния в годы холодной войны. Следует отметить, что аналогичное наблюдалось и с советскими учеными, которые эпизодически в 1970-е гг. обращались к проблематике: Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин, Н. Н. Яковлев не продолжили развитие своих наработок в Российской Федерации [625].

В целом, на рубеже XX–XXI вв. постсоветские историки-американисты свернули разработки, и вместо ревизии своих прежних оценок они стали воспроизводить их в новых исторических условиях [626].

Также одним из последствий трансформации стало возникновение разрыва между наукой и преподаванием. В новых исторических условиях американисты в РАН не обеспечивали интеллектуальной продукцией учебные заведения. За пределами Академии наук изучение раннего периода истории внешней политики США столкнулось с серьезным вызовом: если в РАН теряли интерес к теме в силу ее неактуальности, из-за утраты государственной конъюнктуры, то в вузах РФ проявилось «наследие» советской американистики. Из-за того, что подавляющее большинство американистов СССР сосредоточивалось на исследовании внешней политики XX в., то эта тенденция продолжилась и в РФ.

На протяжении 1995–1997 гг. происходило формирование Ассоциации изучения Соединенных Штатов Америки, осуществлявшееся по инициативе кафедры новой и новейшей истории истфака МГУ (председателем стал Е. Ф. Язьков [627]). Фактически проект был предназначен для сохранения доминирующей роли московских специалистов в американистике на уровне высших учебных заведений. Предпринималась попытка сохранить системообразующую функцию МГУ, как научно-образовательного центра [628]. Эти перспективы не оправдались: функционирование ассоциации продолжалось короткий срок, и к середине 2000-х гг. она утратила первостепенные цели. Ассоциация, хотя и объединила порядка 150 специалистов [629], не стала координирующим центром в университетах РФ (а также Беларуси и Украины) по координации процесса изучения истории североамериканского государства. Причина этого заключалась в ряде процессов: смена поколений научно-педагогических кадров совпала с неблагоприятной социально-экономической средой 1990-х гг., что уменьшило приток молодежи в сферу американистики; отсутствие государственного заказа (создание интеллектуального продукта для идеологического использования в соответствии с интересами политических элит); диверсификация институтов Москвы, как академических центров, в условиях расширения академического

взаимодействия с образовательными учреждениями и неправительственными организациями США [630].

Тем не менее Ассоциация обеспечивала обмен достижениями между российскими американистами на регулярных конференциях. На протяжении 1994–2006 гг. состоялось 10 научных форумов, где не был представлен ни один доклад по теме истории внешней политики до 1789 г., который вошел в сборники материалов по итогам работы мероприятий [631]. Этот параметр отчетливо показывает неактуальность темы для российских историков-американистов как позднего советского периода, так и первого десятилетия развития российской науки.

Обратить внимание следует и на то, что кафедра новой и новейшей истории истфака МГУ не была локусом по изучению раннего периода истории внешней политики США: это было следствием советского периода ее развития, где приоритет отдавался второй половины XIX в. и XX в. Издаваемый кафедрой сборник «Проблемы американистики» наглядно демонстрировал эту тенденцию: с 1991 г. по 2001 г. были изданы только три выпуска [632], в которых ни одна статья не была посвящена тематике [633].

На протяжении 1990-х гг. американистика на кафедре новой и новейшей истории истфака МГУ оказалась в системном кризисе [634]: она утратила системообразующую функцию в новой структуре [635]. Несмотря на это состояние в последнее десятилетие XX в. на кафедру пришли работать аспиранты профессора И. П. Дементьева – Мария Олеговна Трояновская (1954–2014) и Ирина Юрьевна Хрулева. Ученые подключились к работе лаборатории по истории США [636], но ранее в рамках своих диссертационных исследований не специализировались по внешней политике США [637]. Их труды дали свои плоды только в 2010-е гг.

В этих новых условиях, отличительной чертой российской американистики становилась мягкая форма децентрализации: в силу сохранявших актуальность научных связей советского периода контакты с федеральным центром поддерживались, но управлять региональными центрами изучения США становилось трудно, однако сохранялась возможность оказывать воздействие на их развитие. В контексте мягкой формы децентрализации тема приобретала возможность на развитие в регионах: сочетание наработок советской американистики и открытость достижений американской исторической науки создавали благоприятные условия для формирования российской американистики в исторической науке. Однако сказывалась специфика развития американистики в годы СССР: за исключением СПБУ, Института всеобщей истории РАН и Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН подавляющее большинство центров американистики продолжали сосредоточение на периоде XX в., особенно на холодной войне. И это происходило несмотря на то, что в руководство Бюро Ассоциации изучения США входили Н. Н. Болховитинов и Б. А. Ширяев. Влияние двух

историков на развитие темы в российской американистике оказалось противоположным.

Тем не менее шансы на появление нового центра по развитию изучения внешней политики США до 1789 г. появились в двух университетах.

В Волгоградском государственном институте, где в 1995 г. на базе кафедры регионоведения и международных отношений была учреждена лаборатория (Центр) американских исследований, которая стала работать над проектом «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия». В становлении нового центра принимал непосредственное участие Н. Н. Болховитинов, рассматривавший волгоградскую структуру как селекционный механизм по отбору кадров для обучения в аспирантуре Института всеобщей истории РАН и продвижения изучения российско-американских отношений [638]. По сути, кооптация специалистов на периферии была нужна для формирования научной школы, которую историк-американист не мог создать в Москве, где интерес к ранней истории США терял актуальность. Но Центр «Америка» не стал площадкой для развития темы. В сборнике «Americana» не выделялись разделы «Внешняя политика» и «Дипломатия» – эти понятия были изъяты из структуры [639], которые заменялись на «Российско-американские отношения в исторической ретроспективе» (вып. 2), «Россия и США» (вып. 4), «Политика и международные отношения» (вып. 7), «Политика и образы в американской истории и русско-американские отношения», «США и внешний мир: политика и образ» (вып. 8.) [640]. Только Н. Н. Болховитинов был единственным американистом, опубликовавшим работу в этом сборнике по раннему периоду истории американо-российских отношений в XVIII в. [641]. Что характерно: ни В. Н. Плешков, ни А. А. Фурсенко, ни Б. А. Ширяев, ни Н. А. Краснов не издавали свои труды в этом издании.

Не стал волгоградский центр и локусом подготовки кадров по ранней истории внешней политики США. Исключение составило диссертационное исследование «Политика Континентального конгресса и первых администраций США по формированию и развитию торговых отношений с индейцами: 1775–1809 гг.» (2005), написанное Тимуром Владимировичем Нелиным (г. р. 1980) под руководством А. И. Кубышкина [642]. Работа позиционировалась в качестве труда, призванного улучшить изучение современной внешней политики США [643]. Соискатель пришел к выводу о том, что через торговлю США создавали политическую, экономическую, психологическую зависимость у аборигенов, при этом изолируя их от иностранных контактов через экономическую блокаду, подчиняя их своим интересам. По мнению Т. В. Нелина, эта стратегия легла в основу внешней политики США как в ранний период, так и в начале XXI в.: «Таким образом, основы современной внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов

оказывать влияние на политический курс других стран посредством торговли с ними закладывались уже в самом начале существования США как независимого государства» [644]. Кроме констатации тезиса, ставшего обобщающим в диссертации, соискатель не аргументировал свой вывод фактами. Также автор не смог обосновать утверждение о том, что торговые отношения с индейцами были «стратегически важным компонентом» внешней политики США [645]. Презентизм оценок автора нашел поддержку и у официального оппонента – Б. А. Ширяева [646]. Соискатель степени хотя и касался темы внешней политики, но не проводил ее изучение, кроме как констатации тезиса, вызывающего научный скепсис относительно его состоятельности. Не удивительно, что в последующих публикациях Т. В. Нелин не проводил связь между торговыми отношениями с индейцами и внешней политикой США; исчез из его работы и тезис о влиянии индейской торговли на современный курс североамериканского государства в отношении независимых государств [647].

Санкт-Петербургский государственный университет обладал потенциалом советской американистики для изучения раннего периода внешней политики США, где научная работа по раннему периоду американистики сосредоточилась на двух кафедрах и велась неравномерно.

Трехлетнее заведование кафедрой истории нового и новейшего времени истфака осуществлялось Б. А. Ширяевым в 1990–1993 гг., и в 1994 г. историк перешел на факультет международных отношений, где в 1996 г. возглавил кафедру североамериканских исследований. Несмотря на то, что новая структура создавалась для подготовки кадров для государственного управления и экономической деятельности, ее руководитель также проводил работу по формированию следующего поколения американистов. Привязка к прикладной деятельности привела к тому, что ранний период истории внешней политики США не стал приоритетным направлением [648]. Как и конференции в Волгограде, ежегодный Американо-российский семинар (1991–2006), проводимый под руководством Б. А. Ширяева, также отображал периферийность интереса российских историков к теме раннего периода в истории внешней политики США.

Б. А. Ширяев вел активную работу по формированию научной школы, в рамках которой он стал научным консультантом докторской диссертации Юрия Германовича Акимова (г. р. 1970) – выпускника аспирантуры кафедры истории нового и новейшего времени СПБГУ, защитившего кандидатское изыскание по истории Французской Канады под руководством В. Г. Ревуненкова [649]. Работа над исследованием велась по теме «Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.» (2003) [650]. Несмотря на то, что работа не позиционировалась исследованием в поле американистики [651], она содержала информацию о генезисе внешней политики США.

Ю. Г. Акимов придерживался известного тезиса: противостояние двух держав Европы формировало становление внешней политики США как в годы их Войны за независимость, так и в начале XXI в. [652]. На этом основании соискатель пришел к выводу о том, что религиозное обоснование внешнеполитических акций и прагматизм были выработаны английскими колониями в 1640–1710-е гг., которые легли в основу внешней политики Соединенных Штатов [653], как суверенного государства XVIII–XXI вв. [654]. Однако аргументация этого тезиса отсутствовала: автор не проводил самостоятельного исследования и не ссылался на историографию. Ограниченное понимание американской историографии внешней политики привело к тому, что для соискателя единственным авторитетным автором, с которым не велась дискуссия, был С. Ф. Бимис, чьи взгляды были переданы неточно [655], а М. Х. Сэвэйлл был представлен либеральным историком и политологом [656].

Тем не менее следует отметить, что исследование Ю. Г. Акимова, изданное также в формате монографии, было написано в рамках традиции ленинградской исторической школы. Это дало возможность получить поддержку у историков-американистов старшего поколения: официальным оппонентом диссертации был В. Н. Плешков, а ведущей организацией – ИВИ РАН, где трудился Н. Н. Болховитнов. Признание авторитетных ученых, поддержавших докторанта, было следствием того, что исследование показывало значение колониального периода в истории внешней политики США. Примечательно и то, что оценили в работе постсоветские американисты (Н. Н. Болховитнов, В. Н. Плешков), утратило значение для российских исследователей, чему Ю. Г. Акимов сам не противостоял и потакал [657].

Переход Б. А. Ширяева в 1994 г. на новое место работы привел к тому, что ранний период в истории внешней политики США на кафедре истории нового и новейшего времени был приостановлен на десятилетие. Работа в этом направлении была восстановлена с приходом Владимира Александровича Ушакова (г. р. 1947) в 2001 г. – единственного американиста, сформировавшегося под воздействием московской и ленинградской американистики [658], который со второй половины 1970-х гг. до 2000 г. трудился в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН. Однако его изыскания в начале XXI в. охватывали период после 1789 г. [659].

Советский опыт воспроизводился и в первые годы развития российской американистики: тема по-прежнему не была предметом для научного обсуждения в ходе диалога между российскими и американскими историками. В трех изданиях – «Российско-американский диалог об Американской революции» (1995) [660], «Российско-американский диалог по культурным отношениям, 1776–1914» (1997), «Российско-американский диалог по истории политических партий США» (2000) – не было опубликовано ни одной статьи по внешней политике США до 1789 г. [661].

Только публикация Б. А. Ширяева «Джон Адамс во время борьбы американских колоний за независимость», изданная в «Американском ежегоднике» за 1975 г., содержала оценку внешнеполитической деятельности отца-основателя. Но она не стала предметом обсуждения [662].

Укрепив кадровые позиции внутри уже российской академической среды, подавляющее большинство постсоветских американистов – Н. Н. Болховитинов, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко, Б. А. Ширяев – осознавали неконкурентность своих научных изысканий 1960–1980-х гг. в условиях постбиполярности. Тем не менее эта группа исследователей не ориентировала поколения российских ученых изучать ранний период внешней политики США, в целом, и ее генезис, в частности. Следует обратить внимание на то, что делали они это, обладая всеми необходимыми для этой миссии средствами – бюрократические должности, финансовые средства, личные контакты. Наблюдались не только смена приоритетов, но и стремление сокрыть вторичность результатов научно-исследовательской работы историков, чей авторитет не должен быть поколеблен. Альтернатива наблюдалась в действиях Н. А. Краснова: лишенный влиятельных позиций в академической среде, он стремился публиковать труды в 2000-е гг., которые отображали достижения советской американистики, но не были конкурентными на рубеже XX–XXI вв. Управление репутационными рисками постсоветских ученых способствовало отсутствию ревизии их взглядов в науке Российской Федерации.

3.1.2. Ранняя стадия: инерционность, деактуализация, методологическая фрустрация, деполитизация (начало 1990-х гг. – первая половина 2000-х гг.)

3.1.2.1. Историко-дипломатическое направление: конфликтологическое течение (Н. А. Краснов, В. Л. Пархимович, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко). Локация специалистов показывала продолжение советской практики, что обусловило специфику развития темы: как и в 1970–1980-е гг. в постсоветский период продолжилось проведение исследований внешней политики в рамках государственно-ориентрованной парадигмы. При этом преодоления искажений советской американистики не произошло: исследования сочетали в себе черты ушедшей и настоящей эпох, что имело неоднозначные последствия для развития темы внутри направления.

Корифеи «школы А. А. Фурсенко» (ее основатель – А. А. Фурсенко и его первый ученик – В. Н. Плешков) [663] остались верными своим академическим убеждениям советской эпохи. Это демонстрирует подготовленная ими глава «Дипломатия Американской революции» в коллективной монографии «История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877» (1994) под редакцией Н. Н. Болховитинова [664]. Несмотря на то, что публикация позиционировалась как постмарксистское исследование, в реальности содержание взглядов показывало

противоположное: их понимание темы оставалось в рамках конфликтологического течения, сформированного в годы СССР.

Избегая ссылок на оценку В. И. Ленина, авторы продолжали придерживаться тезиса о том, что отцы-основатели использовали противоречия между европейскими государствами: «Для США в этот период существенное значение имели отношения с Францией и Испанией, являвшихся главными соперниками Англии в борьбе за колониальные владения. В особенности важна была позиция Франции, которая не смогла простить англичанам своего поражения в Семилетней войне, лишившего французов их владений в Америке» [665]. Не приводя труды А. А. Фурсенко, авторы ссылались только на монографию 1984 г. В. Н. Плешкова [666]. При этом ни новые источники, ни глубокий анализ историографии не приводились.

Противоречивостью продолжал характеризоваться категориальный аппарат исследования: как и в советских изданиях, А. А. Фурсенко и В. Н. Плешков не приводили различий между понятиями «дипломатия» и «внешняя политика». Тем не менее эта двойственность не помешала им определить точку отсчета развития внешней политики в создании 29 ноября 1775 года Комитета секретной корреспонденции. При этом ранее, в книге 1984 г., В. Н. Плешков считал, что это решение Континентального Конгресса закладывало начало дипломатии, а не внешней политики [667]. Это изменение было вызвано не столько ревизией взглядов, сколько стремлением «обновить» старый материал, облекая его в новые формы.

Следует отметить, что после публикации работы ученые прекратили разработку раннего периода истории внешней политики США по причине понимания ее бесперспективности. В условиях открытого академического сообщества Российской Федерации конкурировать с иностранными коллегами они не могли. Результатом адаптации А. А. Фурсенко и В. Н. Плешкова к новым академическим реалиям были не только их отказ проводить ревизию своих советских наработок, но и препятствие изучению раннего периода внешней политики США, что наносило урон имиджу ученых, позиции которых в российской науке упрочнились благодаря бюрократической работе.

Перенос наработок советской американистики в российскую научную мысль наблюдался и в трудах Николая Андреевича Краснова, который стал вести бурную публикационную деятельность после 25-летнего перерыва. На протяжении первого десятилетия XXI в. вышла серия его работ, среди которых ключевое положение занимала монография «США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг.» (2000) [668].

Количество изданных трудов сделало историка-американиста единственным постсоветским ученым, который публиковал специализированную литературу. Тем не менее, несмотря на публикационный всплеск, содержание работ относительно темы генезиса

внешней политики США продолжало результаты авторской работы 1970-х гг.: в них отсутствовал оригинальный, новаторский подход. Им излагались факты и рассматривались процессы, разработанные до него в научной литературе. Фактография по-прежнему оставалась ключевой характеристикой работ ученого.

Сосредоточение на анализе источников сочеталось также и с поверхностным знанием историографии раннего периода внешней политики США [669]. Это обстоятельство привело к отсутствию возможности автора вести дискуссию с предшественниками и современниками. Н. А. Краснов настойчиво следовал в рамках историко-дипломатического направления. Если В. Н. Плешков и А. А. Фурсенко поняли бесперспективность своих советских наработок и прекратили разрабатывать эту тему с середины 1990-х гг., то Н. А. Краснов придерживался иной стратегии. Он обрабатывал источники без формирования новой концепции.

Методологические установки привели к тому, что Н. А. Краснов по-прежнему придерживался интерпретации темы в рамках конфликтологического течения. В отличие от санкт-петербургских коллег, ученый не только делал ссылки на источник – «Письмо к американским рабочим» В. И. Ленина, но и сохранял интеллектуальную связь с советской традицией – цитировать оценки вождя мировой революции. «Продуманные действия американской дипломатии, – отмечал он, – как известно, были высоко оценены В. И. Лениным» [670]. Как результат для Н. А. Краснова было нормой определять зарождение внешней политики США в использовании отцами-основателями противоречий европейских государств, особенно Великобритании и Франции [671]. Также Н. А. Краснов продолжал считать создание 29 ноября 1775 года Комитета по секретной корреспонденции [672] началом организованного ведения внешних сношений [673].

Н. А. Краснов, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко понимали тему идентично, как в СССР, так и в РФ. Тем не менее отличие взглядов трех ученых прослеживалось в том, что они не помещали свои взгляды в политический контекст: политическая система в Российской Федерации не требовала от историков интеллектуального продукта, основывающегося на анализе раннего периода истории внешней политики США. Американская революция, в целом, и Война США за независимость, в частности, не представляли политического интереса для изучения в постсоветской России на протяжении 1990-х гг. Это очень быстро поняли В. Н. Плешков и А. А. Фурсенко, свернув свою работу в этой плоскости. В отличие от коллег, изменение политической конъюнктуры не взял во внимание Н. А. Краснов: он продолжил свою работу без связи с политической трансформацией. Их интерпретация была результатом инерции, а не научного поиска: В. Н. Плешков и А. А. Фурсенко представили переработанный текст монографии В. Н. Плешкова 1984 г., а Н. А. Краснов

занимался фактографическим описанием, не заботясь о том, что в научной литературе они были уже приведены. Вне зависимости от решений ученых продолжать или свернуть свои научные работы общим последствием для них стали снижение их научного авторитета внутри российской американистики [674] и неспособность конкурировать с иностранными коллегами.

Свёртывание изучения темы в структурах РАН на протяжении 1990-х гг. привело к тому, что разработка локализовалась в вузах. Благоприятные условия сформировались на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного педагогического университета, где новистика сосредоточивалась вокруг научной и педагогической деятельности профессора Ирины Аркадьевны Никитиной (1914–2003), не специализировавшейся на истории США. Под ее руководством в 1998 г. была защищена кандидатская диссертация Вячеслава Леонтьевича Пархимовича на тему «Внешнеполитическая деятельность Джона Адамса (последняя четверть XVIII – начало XIX века)».

В исследовании был сделан акцент на анализе первоисточников: несмотря на то, что автор указал о привлечении 26 сборников документов, им искажалось состояние историографии и не уделялось должное внимание методологии [675]. В частности, В. Л. Пархимович не только на рассматривал специализированные работы по теме диссертации [676], но и тенденциозно представил наработки советских авторов [677]. Это делалось умышленно для обоснования новизны диссертации, которую автор работы сформулировал своеобразно, использовав ключевую фразу: «<…> впервые в отечественной американистике сделана попытка тщательно изучить взгляды и деятельность (Дж. Адамса. – Д. Д.) <…>» [678]. Последствием постановки исследовательских задач и способов их реализации стал вывод В. Л. Пархимовича: Дж. Адамс стоял у истоков изоляционизма и экспансионизма [679]. Диссертант констатировал: «При этом руководство Соединенных Штатов в своих международных делах стремилось учесть пожелание Джона Адамса использовать в интересах США существовавшие тогда между европейскими державами противоречия» [680]. Диссертант повторил распространённый тезис об использовании противоречий государств Европы в годы Войны США за независимость.

Не только научный руководитель не специализировался на американистике, но и официальные оппоненты также были далеки от нее – англовед, сотрудник Института истории всемирной истории РАН Татьяна Александровна Павлова (1997–2003), франковед, сотрудник Московского городского педагогического университета Дмитрий Александрович Ростиславлев. Не удивительно и то, что защита диссертации прошла в диссовете Ярославского государственного педагогического университета – научного центра, где ранний период истории США не изучался. Тем не менее диссертация стала атрибутивной частью российской

американистики: без критического анализа выводы В. Л. Пархимовича были введены в научный оборот соискателями научных степеней [681].

В рамках историко-дипломатического направления и конфликтологического течения наблюдалось единство взглядов историков, чьи профессиональные воззрения сформировались в годы СССР. Их стараниями наработки советской американистики были перенесены в академическую сферу Российской Федерации: Н. А. Краснов, В. Л. Пархимович, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко продолжали следовать в рамках государственно-ориентированной парадигмы и конфликтологического течения. Обновления интерпретации темы не последовало: авторы не выдвигали новые оценки, поскольку не использовали новых методологий, не привлекали новые источники; объектом их исследования осталась дипломатическая история, где изучение государственных институтов занимало определяющее положение, которое они рассматривали фактографично.

3.1.2.2. Политологическое направление: **реалистическое течение (Б. А. Ширяев).** В середине последнего десятилетия XX в. еще один центр американистики возник в Санкт-Петербургском Государственном университете, где в 1994 г. был создан факультет международных отношений, на котором в 1996 г. была учреждена кафедра Североамериканских исследований. Новую структуру возглавил Б. А. Ширяев, написавший статью «Принципы и цели дипломатии США в период становления (1775–1814)» (1997) в вестнике вуза. В силу того, что американист работал на новом факультете, он проводил анализ в формате политических наук, уходя от анализа источника [682]. Как следствие, результаты не основывались на анализе широкого круга документов [683].

Так же, как и американисты историко-дипломатического направления, Б. А. Ширяев определял генезис из опыта Войны за независимость. Уклоняясь от анализа источников, автор делал вывод: «Прагматизм и расчетливость – вот основополагающие принципы, которыми руководствовалась американская дипломатия на первых порах [684]. По мнению исследователя, отцы-основатели действовали не в формате идеологических догм, а в рамках «национально-государственных интересов» [685]. Именно принцип нейтралитета, как проявление прагматического подхода к международным отношениям, лежал в основе внешней политики США с начала их образования [686]. Также ученым выделялись две цели внешней политики – отказ от вовлечения в европейские конфликты и территориальная экспансия [687].

В точке зрения Б. А. Ширяева не было новшеств: она повторяла наработки американистов 1970–1980-х гг.

Предложенная интерпретация не поддается верификации, поскольку ее создатель игнорировал анализ первоисточников. Выводы были получены эксплицитно: автор перенес факты на концептуальные положения политического реализма, но самостоятельного исследования не

провел. Тем не менее исследовательская стратегия была проведена в разрыве от современной политики: ни идеологические постулаты советской эпохи, ни современности не определяли точку зрения ученого. Как оценка генезиса внешней политики США, так и исследование в целом не были оценены в российской научной мысли, особенно историками-американистами [688]. Отчасти это было следствием перехода Б. А. Ширяева в плоскость политических наук, а также прекращения разработки проблематики в дальнейшем ученым.

Несмотря на отсутствие оригинальности во взглядах Б. А. Ширяева, его точка зрения представляет интерес: она показывала расположение темы не только в плоскости исторических наук, как это было в СССР, но и перемещение ее в плоскость политических наук.

3.1.3. Поздняя стадия: квазиинновационность, реактуализация, методологический поиск, реполитизация (вторая половина 2000-х гг. – начало 2020-х гг.)

3.1.3.1. Историко-дипломатическое направление: конфликтологическое течение (М. О. Трояновская, А. Р. Фофанова). На рубеже XX–XXI вв. М. О. Трояновская вела научно-преподавательскую работу по теме «Внешняя политика США в конце XVIII – начале XIX века» [689] и также входила в кафедральную группу по истории и теории международных отношений под руководством профессора А. С. Маныкина [690]. Специализация в двух сферах наносила отпечаток на профессиональных взглядах ученого: сочетание эмпирического и теоретического уровней было продемонстрировано в монографии «Дискуссия по вопросам внешней политики США (1775–1823)» (2010) [691; 692].

Если авторы 1990-х и начала 2000-х гг. – Н. А. Краснов, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко – придерживались фактографической практики, то М. О. Трояновская отдавала предпочтение сочетанию изучения первоисточников с теоретическим построением. Взгляды автора носили ревизионистский характер и были направлены на поиск новой интерпретации уже известных фактов в науке [693]. Однако, американист не была готова к выполнению поставленной задачи: ученый, приступивший к исследованию нового для него предметно-тематического поля, пришел к выводам, носящим гипотетический характер.

Негативной стороной исследования стали ограниченный характер и избирательный выбор источников. Например, глава «У истоков американской внешней политики (1775–1782)» была написана на источниковой базе, которая формировалась преимущественно на точке зрения Дж. Адамса: 13 сносок из 27 на первоисточники приходились только на оценки отца-основателя (для сравнения: 2 сноски – на документы Б. Франклина) [694]. Знакомство с трудами коллег показало поверхностное понимание их научных концепций. Это имело отношение к взглядам Т. Бейли, П. Варга, Ф. Гилберта, Н. Грэбнера, Л. С. Каплан, Г. Киссинджера, Р. Б. Морриса, Н. Соула, М. Х. Сэвэйлла,

У. А. Уилльямса, М. Ханта, Дж. Х. Хатсона, Д. Хэндриксона, А. Шлезингера-младшего, Г. Штоурца [695]. Примечательно, что советские и российские американисты была низведены только до двух ученых: признание получил Н. Н. Болховитинов, чей авторитет был отмечен только одной ссылкой при анализе материала до 1789 г., а также В. В. Согрин, которого автор поставила в один ряд с ведущими американскими специалистами XX в., при том, что ученый не разрабатывал внешнеполитическую тематику в своих трудах [696]. Причины, по которым автор отказался от изучения взглядов Н. А. Краснова, В. Н. Плешкова, А. А. Фурсенко, кроется в их устаревшем формате, против которого выступал автор.

Во взглядах М. О. Трояновской центральное место занимал тезис о системном воздействии англо-французского конфликта в Северной Америке на протяжении XVIII в., который использовали отцы-основатели в процессе формирования внешней политики США [697]. Этот тезис, близкий к схожему постулату конфликтологического течения, привел ученого к необходимости провести анализ факторов формирования внешней политики Соединенных Штатов, которые ею были типологизированы на две группы – внешние и внутренние [698].

К внешним факторам были отнесены принципы, унаследованные отцами-основателями из британского опыта: политическая отстраненность от европейских конфликтов; акцент на торговле во взаимоотношении с другими государствами. Их проявлением во внешней политике США стал «Образец договоров», разработанный Дж. Адамсом [699].

К внутренним факторам относилась уникальная характеристика американского опыта. В частности, отличительной чертой зарождения внешней политики США, которой не было в странах Европы, было то, что отцы-основатели «<…> должны были соизмерять свои позиции не только с объективными интересами государства, но и принимать во внимание настроения, царившие в обществе» [700]. Эти настроения, как считала ученый, зависели от соответствия предлагаемых решений внешнеполитическим догмам, сформированным во время Американской революции и в первые десятилетия существования Соединенных Штатов [701]. Список догм включал: примат государственных интересов над идеологическими стереотипами [702]; торгово-экономическая экспансия как средство укрепления, расширения влияния, как возможность обеспечения независимой внешней политики, как причина для отклонения от вовлечения в военно-политические конфликты [703]; невмешательство в международные дела [704]; изоляционизм как отказ от политических альянсов из-за идеологических убеждений и неспособности военно-политического соперничества [705].

Факторный анализ был нужен автору для демонстрации обстоятельств, оказывавших воздействие на обсуждение отцами-основателями внешнеполитических проблем и принятие по ним решений.

Если М. О. Трояновская критиковала иностранных и российских американистов (не приводя их имен) за то, что они рассматривали события изолированно и упускали взаимосвязь между внутриполитическими процессами и развитием системы международных отношений, то результаты ее исследования оказались неподтверждёнными. Ученый уклонялась от аргументации: факторный анализ не сопровождался ссылками ни на историографию, ни на документы.

Оригинальной выступала точка зрения М. О. Трояновской относительно начала внешней политики США, которую она связывала с нападением на Канаду осенью 1775 г. (поход Бенедикта Арнольда на Квебек). Аргументация оценки заключалась в тезисе: «Идеологическая подоплека канадской кампании состояла в желании обезопасить себя от соседства не только с Англией, но и с Бурбонами Франции и Испании» [706]. По мнению автора, «именно неудача канадской операции заставила патриотов задуматься над принципами поведения во взаимоотношениях с другими народами <…>» [707]. В свою очередь, создание 29 ноября 1775 года Комитета секретной корреспонденции в качестве отправной точки не указывалось, а приводилось как факт [708]. В отличие от логики конфликтологического течения, М. О. Трояновская выходила за рамки хронологического периода Войны США за независимость, расширяя его и колониальным периодом, и периодом Американкой революции. Однако этот аспект взглядов ученого остался им не разработанным на страницах монографии.

Несмотря на трудности с верификацией, оценки М. О. Трояновской показали трансформационный сдвиг в историко-дипломатическом направлении: происходил отход от фактографического описания и выход за рамки конфликтологического течения. Изменение отображало поиск новых интерпретаций, который побуждал к пересмотру государственно-ориентированной парадигмы [709]. Также ученая расширяла представление о хронологических рамках процесса генезиса внешней политики: вместо периода Войны за независимость она предлагала рассматривать Американскую революцию, в частности, и колониальный период, в целом. Ревизионизм взглядов ученого носил ограниченный характер: вследствие слабости аргументации результатов оценка темы носила гипотетический характер.

Из-за концептуальной незавершенности подхода М. О. Трояновской попытка выработать новое научное знание осталась недостигнутой. Причинами этого были поверхностное знание автором историографии раннего периода внешней политики США, фрагментарность анализа источников и избирательность их отбора. Неблагоприятное влияние оказывала и относительная изоляция исследования: на контртитуле книги не приводились фамилии рецензентов. Исследование не прошло объективную внешнюю экспертную оценку. Консультативную помощь автору оказали коллеги по кафедре – А. С. Маныкин, члены секции Нового

Света Ю. Н. Рогулёв и ближайшая коллега И. Ю. Хрулёва. Отдельно выражалась благодарность за помощь профессору Уилльяму Шейду [710] – сотруднику Университета Лихай (США) [711]. Изучение научного творчества группы экспертов показало: ни один из них не специализировался на раннем периоде истории внешней политики США [712]. Относительная институциональная изолированность исследования М. О. Трояновской проявила неблагоприятную тенденцию в российской американистике: отсутствие сотрудничества между специалистами по истории раннего периода истории внешней политики США, что нанесло вред и развитию темы, и исследованию американиста.

Примечательно и то, что книга М. О. Трояновской представляла собой редкость для американистики в Российской Федерации: после монографий 2000-х гг. Н. А. Краснова это была первая и последняя публикация в формате узкоспециализированного издания, которая не только получила общедоступность [713], но и впервые сделала ее объектом для изучения на кафедре новой и новейшей истории истфака МГУ, что имело последствия.

Преждевременная смерть в 2014 г. М. О. Трояновской привела к тому, что разработка периода оказалась остановленной на кафедре новой и новейшей истории МГУ. Пауза была ликвидирована усилиями И. Ю. Хрулевой. Невзирая на специализацию по колониальному периоду истории США [714], ученый, имея незначительный опыт в рассмотрении предметного поля [715], стала научным руководителем диссертационного исследования Анны Романовны Фофановой по теме «Внешняя политика США в период действия Статей конфедерации, 1781–1787 гг.» (2018) [716]. Как и работа М. О. Трояновской, исследование не носило полемичный характер с иностранными авторами [717] и было ориентировано на ревизионизм российской американистики. Примечательно то, что из всех авторов под критику попадут только наработки Н. А. Краснова [718].

А. Р. Фофанова развивала свои суждения в рамках утверждения о существовании внешнеполитической доктрины, которая формировалась в годы Войны США за независимость и состояла из концепции нейтралитета, изоляционизма и принципов публичной дипломатии [719]. Все три элемента в представлении соискателя имели свои начала и начинателей: «<…> идеи, содержащиеся в „Образце договоров“ Дж. Адамса, положили начало принципам нейтралитета и изоляционизма, остававшимися актуальными вплоть до Второй мировой войны, а деятельность Б. Франклина по формированию французского общественного мнения во многом базировалась на тех же принципах, что и публичная дипломатия, появившаяся в арсенале Соединенных Штатов в XX веке» [720]. Соответственно с этим утверждением, зарождение внешней политики происходило из стремления Соединенных Штатов получить помощь от Франции и Испании в противостоянии Великобритании, а также из умелого использования англо-французских противоречий [721].

Позиция автора исследования развеивались в рамках конфликтологического течения.

Точка зрения А. Р. Фофановой вызывает скепсис преимущественно по двум причинам. Во-первых, выдвинутые ею тезисы, как и их аргументация, не основывались на самостоятельном анализе первоисточников. В частности, концепции нейтралитета и изоляционизма были обоснованы только наработками Ф. Гилберта, М. О. Трояновской, Дж. Х. Хатсона [722]. Также тезис о публичной дипломатии был связан с общественной деятельностью Б. Франклина во Франции по формированию положительного облика США во французском обществе [723]. Насколько поведение отца-основателя стало моделью для других дипломатов в последующем или системообразующим принципом внешней политики, о чем утверждала соискатель, осталось недоказанным в период 1781–1787 гг.

Преемственность между поколениями американистов на кафедре прослеживается в поддержке диссертантом тезиса М. О. Трояновской о том, что канадская кампания осени 1775 г. стала началом развития отношений США с иностранными государствами. В отличие от предшественника, А. Р. Фофанова рассматривала военную кампанию началом не внешней политики, а дипломатии [724]. При этом следует отметить, что оба американиста не уделили должного внимания теоретическому анализу двух категорий, что привело к синонимичности их использования [725]. Также интерес вызывает категория «публичная дипломатия»: не приводя дефиниции, соискатель считала, что она берет свое начало с действий Б. Франклина во Франции по формированию положительного образа США за рубежом [726].

В отличие от М. О. Трояновской, которая лишь упоминала создание Комитета по секретной корреспонденции, А. Р. Фофанова его выделила, но не считала, что он был первым внешнеполитическим институтом. Соискатель повторял концепт В. Н. Плешкова, изложенный в монографии 1984 г.: не только этот комитет, но и Секретный комитет, учрежденный ранее (18 сентября 1775 года), обозначил первые шаги в сторону зарождения внешней политики и дипломатии [727]. Как и В. Н. Плешков, А. Р. Фофанова не провела анализа работы этих институтов.

Отдельно следует отметить, что исследователь проигнорировала колониальный период до 1774 г., хотя упоминала о «грузе колониального прошлого» во внешней политике США, как суверенного государства [728].

Если М. О. Трояновская расширяла предметное поле государственно-ориентированной парадигмы за счет исследования дискуссий внутри институтов США, то А. Р. Фофанова предложила ревизию при помощи изучения индейского фактора в формировании внешней политики США [729]. Несмотря на хронологические рамки исследования, эта инновация осталась на уровне констатации существования фактора на протяжении всей истории Соединенных Штатов и то, что его брали во внимание отцы-основатели в развитии отношений с

европейскими державами[730]. В целом, индейский фактор не был основательно проанализирован в исследовании.

Противоречивые результаты исследования стали следствием из методологического синкретизма. Автору не удалось эклектировать, используемых положений дипломатической истории, концепции Атлантической истории, концепции А. де Конда, У. А. Уильямса, П. Онуфа о взаимозависимости и взаимовлиянии внешней и внутренней политики, концепции государственного суверенитета[731]. На это следует обратить внимание, поскольку автор писал со смутным представлением о предмете своего рассмотрения[732]: осталось непонятным то, как Атлантическая история представлялась в разрыве со взглядами П. Онуфа; не объяснены причины, по которым из «дипломатической истории» изымался А. де Конд; надуманным выглядит тезис автора о наличии общей концепции А. де Конда, У. А. Уильямса, П. Онуфа, в то время как они работали в разных методологических плоскостях[733]. В результате методология исследования оказалась набором методов, подходов, которые так и не были объединены автором в систему. Однако при всех недостатках исследование показывало открытость российской американистики иностранным научным достижениям в области методологии[734].

Следует отметить, что диссертация продемонстрировала преемственность между поколениями специалистов не только в американистике кафедры новой и новейшей истории истфака МГУ (с М. О. Трояновской), но и между постсоветскими и советскими исследователями (с В. Н. Плешковым). Также критика Н. А. Краснова за отсутствие аналогичности и преобладание фактографичности[735] показывала нарастающее понимание ревизионизма внутри российской американистики. При этом, как и взгляды М. О. Трояновской, оценки А. Р. Фофановой были выработаны без влияния презентизма: политический фактор не обусловливал выводы соискателя.

А. Р. Фофанова, как и Н. А. Краснов, В. Н. Плешков, М. О. Трояновская, А. А. Фурсенко, писала исследование в рамках государственно-ориентированной парадигмы[736]. Оставляя государство в центре внимания, соискатель попыталась расширить предметное поле анализа конфликтологического течения за счет включения в него «публичной дипломатии» и индейского фактора, которые так и не получили системного анализа[737].

3.1.3.2. Международное направление: имагологическое течение (М. А. Филимонова, А. С. Панов). Конфликтологическое течение не было безальтернативной интерпретацией темы: эволюция «школы Н. Н. Болховитинова» стала интеллектуальной средой для развития темы на основе имагологического подхода. При этом авторы уходили от анализа государства: социально-ориентрованная парадигма становилась определяющим факторов их исследований.

Перейдя в 2008 г. на постоянное место работы в Центр изучения США, созданный на базе Курского государственного университета, Мария Александровна Филимонова продолжила разработку раннего периода в истории США, в котором внешнеполитическая тематика занимала периферийное положение. Наглядно это демонстрировалось в монографии «Дихотомия „Свой/Чужой“ и ее репрезентация в политической культуре Американской революции» (2019). Исследование выступало дополнением к трудам второго поколения учеников Н. Н. Болховитинова – В. И. Журавлевой, И. И. Куриллы [738], которые они вели в 2010-е гг. [739].

Следует отметить, что наработки советских и постсоветских американистов – Н. А. Краснова, В. Н. Плешкова, В. В. Согрина, М. О. Трояновской, А. А. Фурсенко – не были востребованны по причине их методологического расхождения со взглядами исследователя. Тем не менее, их труды использовались автором для цитирования высказываний отцов-основателей, указания статистических данных, описания исторических ситуаций и фактов [740].

В центре внимания М. А. Филимоновой пребывала «ментальность Американской революции» [741], в целом, и «внешнеполитические образы», в частности. Однако американист не дала определения ключевому термину в своей работе – «внешнеполитический образ». При рассмотрении восприятия Великобритании, Франции, России автор книги показывал то, как колонисты и впоследствии граждане США давали оценку иностранным государствам. В результате анализировались представления, но не «внешнеполитические образы», то есть автор не выделила связь между образом государства и его политическим значением в американском обществе. Вследствие этого упущения осталось вне анализа то, как стереотипы влияли на внешнюю политику, использовались для ее формирования и реализации.

Несмотря на недоработку авторской концепции, М. А. Филимонова разработала бинарную модель формирования «внешнеполитического образа». Первая ее часть состояла из влияния «имперской идентичности», создававшей «<…> определенные стандарты восприятия Других <…>» [742], включая внешнеполитические установки [743]. Из британского опыта американцы переняли более низкую оценку католиков в сравнении с протестантами, абсолютистских государств в сравнении с британской конституционной монархией, расового и этнического превосходства британцев над неевропейскими народами и европейцами неанглийского происхождения [744]. Вторая часть – воздействие современного состояния международных отношений [745]. В целом М. А. Филимонова пришла к выводу: «Ментальная карта мира в сознании американцев была структурирована в соответствии с идеологией (деспотические и свободные государства), а также с перипетиями международных отношений (государства дружественные, враждебные, нейтральные)» [746]. В этих рассуждениях американист показывала взаимосвязь образов

колониального и суверенного периодов в истории США. Однако, выделяя бинарную модель, автор оставил ее теоретическим конструктом: в исследовании нет анализа документов, иллюстрирующих влияние внешнеполитического образа Франции или Испании на формирование внешней политики североамериканского государства.

В отличие от позиций авторов, отнесенных к конфликтологическому течению, взгляды М. А. Филимоновой отличались презентизмом: политический фактор оказывал влияние на результаты исследования. Автор делал выводы с политическим подтекстом: «С XVIII в. и до наших дней сохраняется отношение к России как к „антиподу“, „антиобразцу“; американцы не тянутся к России и не стремятся ей подражать <…> Изучение текстов Американской революции позволяет сделать вывод: образ России является частью общей политики использования образов в Американской революции. Он может становиться ситуативно-благожелательным (Россия как друг), в зависимости от перипетий дипломатии. Но куда более стабилен стереотип России как воплощение деспотизма – образ, от которого отталкиваются, но не образ, которому подражают (наряду с Турцией, Францией или Испанией)» [747]. Эти рассуждения делались на узкой источниковой базе, охватывавшей преимущественно Период войны за независимость [748], хотя книга описывает исторические процессы с 1763 г. по 1788 г. [749].

Неоднозначность результатов исследования М. А. Филимоновой не была единичным случаем спекулятивности в рамках имагологического течения.

Виктория Ивановна Журавлева – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения в Российском государственном гуманитарном университете – руководила диссертационным изысканием Антона Сергеевича Панова по теме «Россия и США в последней четверти XVIII – первой трети XIX вв.: опыт взаимных репрезентаций» (2020) [750].

В главе «Россия и США в последней четверти XVIII – первой трети XIX вв.: международные и внутриполитические контексты» соискатель выделил структурные части: подглаву «Внешняя политика Российской империи и США» и в ней пункт «США в международных отношениях». Хотя хронологические рамки изыскания определялись с 1775 г., внешняя политика Соединенных Штатов до 1789 г. соискателем была проигнорирована [751]. Автор отказывался исследовать первоисточники. Иллюстрируют это масштабы анализа документов: используя 1 источник – Прощальное послание Дж. Вашингтона – и 12 исследований, на трех с половиной страницах автор охватил период с 1790-х до начала 1820-х гг. [752].

Исследования М. А. Филимоновой и А. С. Панова наглядно показывали кризис развития темы в рамках имагологического течения:

исследователи не могли исследовать тему, поскольку считали целесообразным и малозначимым изучение документов при анализе раннего периода внешней политики США. При этом внутри течения прослеживалась тенденция угасания интереса ученых к теме: если М. А. Филимонова воспроизводила уже существующую интерпретацию, то А. С. Панов, как представитель следующего поколения, ее игнорировал. Также американисты изолировали свои исследования от наработок конфликтологического течения. В целом к концу 2010-х гг. развитие темы в рамках имагологического течения не принесло роста научного знания.

3.1.3.3. Политологическое направление: реалистическое течение (М. И. Рыхтик), политико-культурологическое течение (Д. В. Кузнецов, А. М. Кузнецов, К. А. Бостан). Стремление придать историзм исследованиям внешней политики США современности привело к развитию темы в трудах авторов, специализировавшихся в сфере политических наук. Несмотря на разные подходы, ученые оказались под воздействием презентизма: теоретико-методологический нигилизм в их работах не был преодолен источниковедческим анализом, что негативно отразилось на рассмотрении темы. В отличие от историков, отнесенных к историко-дипломатическому направлению, авторы этой группы придерживались государственно-ориетированной парадигмы: они видели объектом своего исследования государство и его институты, что было следствием влияния концепции политического реализма.

Одним из крупных событий в российской американистике конца 2000-х гг. было издание двухтомной коллективной монографии «Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы формирования и закономерности реализации» (2008) под общей редакцией профессора Олега Алексеевича Колобова – основоположника Научной школы по американистике и сравнительному изучению процесса формирования внешней политики великих держав в Новое и Новейшее время на факультете международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Концепция книги [753] отображала переход РФ к противостоянию с Западом [754].

Несмотря на то, что в работе не указывалось, кто именно в коллективе написал конкретный раздел, следует отметить, что тема была рассмотрена в параграфе «Особенности американской идентичности», который представлял собой текстовой фрагмент [755] диссертации на соискание степени доктора политических наук Михаила Ивановича Рыхтика «Безопасность государства в идеологии и политической практике Республиканской партии США второй половины XX века: методология, доктрины, технологии» (2004) [756]. Будучи членом коллектива монографии, М. И. Рыхтик изложил свое видение в контексте политического реализма – системообразующей методологической основы «школы О. А. Колобова».

Рассуждения М. И. Рыхтика строились вокруг идеи о том, что отцы-основатели заложили основы внешней политики:

1) национальная безопасность, которую он связывал с формированием национальной идентичности, ориентированной на достижение политического однообразия при помощи либеральных демократических ценностей и капиталистических норм [757];

2) национальные интересы, построенные на основе рационального понимания выгоды [758];

3) убежденность в том, что баланс противоположных интересов является механизмом функционирования международного порядка [759].

Принять точку зрения ученого затруднительно, по причине его отношения к аргументации. Взгляды были сформированы без самостоятельного изучения документов, связанных с деятельностью отцов-основателей: цитирование Дж. Вашингтона было сделано из статьи «Американская мозаика или „единство во множестве“» (2000) Светланы Александровны Червонной (г. р. 1948) – ведущего научного сотрудника ИСКРАН [760], суждения Дж. Адамса приводились из статьи «Интеллектуальные основы ранней американской дипломатии» Джеймса Х. Хатсона – профессора Университета Йелля [761], мысли Т. Джефферсона были взяты из учебника «Идеи и дипломатия; книга для чтения по интеллектуальной традиции американской внешней политики» (1963) Нормана А. Грэбнера (1915–2010) – профессора Иллинойсского университета [762]. Оценка формировалась на основе круга ученых, которые стояли на основе политического реализма. Автор перенес их наработки в исследование и не провел критического анализа.

Выводы М. И. Рыхтика в диссертации и позиция авторского коллектива монографии не были единичным прецедентом игнорирования анализа источников и непонимания историографии.

В начале XXI в. на историко-филологическом факультете Благовещенского государственного педагогического университета сложилась научная школа «Трансформация современных международных отношений: региональные, политико-культурологические аспекты». Ее основателем был Алексей Александрович Киреев (г. р. 1973) – профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии. В рамках функционирования научной школы в 2010 г. был учрежден научно-образовательный Центр американистики (впоследствии – Центр американских исследований) [763]. Одним из его сподвижников стал Дмитрий Владиславович Кузнецов (г. р. 1977) – историк-франковед, решивший расширить свои научные интересы, включив в них американистику [764].

В 2015 г. Центр американских исследований БГПУ начал издавать ежегодный бюллетень «Американистика на Дальнем Востоке» [765], на страницах которого Д. В. Кузнецов опубликовал серию статей, посвященных американскому внешнеполитическому менталитету [766] и

связанных с современным состоянием американо-российских отношений [767]. Следует отметить, что Д. В. Кузнецов не позиционировал свои статьи как исторические исследования. С четвертого выпуска американист размещал свои работы в разделе «Политология. Социология», а не «История» [768].

Взгляды Д. В. Кузнецова были близки к положениям авторов, отнесённых к историко-дипломатическому направлению: ученый признавал опыт как источник формирования внешнеполитического мышления. Несмотря на концептуальную близость, теоретический конструкт, которому следовал автор, развивался в рамках политико-культурологического течения.

По мнению Д. В. Кузнецова, идейные основы «внешнеполитического менталитета» [769] возникли в колониальный период и во время Войны за независимость. Под идейными основами ученый понимал концепцию «американской исключительности», миф о «предопределении судьбы», идею «мессианства» [770]. Также в представлении американиста отцы-основатели – Дж. Вашингтон, А. Гамильтон, братья Адамсы – стояли у истоков политического реализма. В представлении Д. В. Кузнецова внешнеполитический менталитет стал основой для образования концепции отстаивания национальных интересов с упором на военную силу [771].

Результаты исследования не носили научный характер: вместо проведения анализа первоисточников, изучения историграфии Д. В. Кузнецов цитировал специалистов и, приводя свои суждения, не сопровождал их сносками на литературу.

Несмотря на спекулятивный характер выводов Д. В. Кузнецова, его наработки стали побудительной силой для дальнейшего исследования «внешнеполитического менталитета» [772]. В частности, в этой плоскости начал работать Анатолий Михайлович Кузнецов (г. р. 1952) – профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

Специализация на археологии каменного века [773], отсутствие опыта исследования истории внешней политики США [774] не остановили ученого от опрометчивого эксперимента в новой для него сфере научных знаний. Совместно с Ксенией Алексеевной Бостан – студенткой магистратуры Института североамериканских исследований им. Джона Ф. Кеннеди (Германия) – им было проведено исследование под названием «К вопросу о культурно-исторических истоках внешней политики США» (2018) [775; 776].

Если взгляды Д. В. Кузнецова публиковались под эгидой периферийного педагогического вуза, то работа А. М. Кузнецова и К. А. Бостан была издана в журнале ИСКРАН «США и Канада: экономика, политика, культура». Еще в 1974 г. в этом же периодическом издании была опубликована работа по схожей проблематике: Г. Н. Севостьянов и А. И. Уткин подготовили статью «У истоков внешней политики США» [777],

которая опиралась на источники и специализированную литературу. Спустя 44 года на страницах периодического журнала появится исследование А. М. Кузнецова и К. А. Бостан на иных принципах: избегая использование источников и опираясь на учебник В. О. Печатнова, А. С. Маныкина «История внешней политики США» (2012), авторы презентовали работу с сомнительными результатами.

По мнению ученых, генезис внешней политики Соединенных Штатов происходил из опыта развития отношений колонистов и США с коренным населением в Северной Америке на протяжении XVII–XIX вв. Из этого процесса сформировались системообразующие культурно-исторические факторы – американская исключительность и чувство собственного превосходства, что формировало представление у американцев о «Других». Из этого опыта складывалась практика ведения взаимодействия Соединенных Штатов с иностранными государствами [778]. Свои утверждения ученые не обосновывали самостоятельным изучением первоисточников и специализированной литературы.

Интерпретация А. М. Кузнецова и К. А. Бостан не являлась ни результатом методологических заблуждений, ни научной провокацией. Изыскание было стремлением соответствовать общественно-политическому тренду: обеспечение интеллектуальной поддержки Российской Федерации в противостоянии с США [779]. Как и статья Г. Н. Севостьянова, А. И. Уткина в середине 1970-х гг., так и труд А. М. Кузнецова и К. А. Бостан в конце 2010-х гг. выполняли идентичные цели на страницах журнала ИСКРАН – формирование негативного образа Соединенных Штатов.

Анализ взглядов М. И. Рыхтика, Д. В. Кузнецова, А. М. Кузнецова и К. А. Бостан показал: к теме обращались специалисты, которые не проводили самостоятельных исследований по раннему периоду истории внешней политики США. Результатом отказа от изучения первоисточников, некритического отношения к наработкам советских, постсоветских, российских историков-американистов стала изолированность исследований. Характерной особенностью развития темы в политологическом направлении был презентизм, влияние которого отразилось неблагоприятно на развитии темы.

3.2. Выводы

Постсоветская трансформация лишила политической конъюнктуры развитие раннего периода в истории внешней политики США. Если в 1990-е и первой половине 2000-х гг. наблюдалась деидеологизация общественно-политического дискурса, в котором интерес к Американской революции и Войне США за независимость поддерживался инициативой американистов РАН (Н. Н. Болховитиновым, В. Н. Плешковым, А. А. Фурсенко), но не воспринимался ни обществом, ни академической

средой (исключением была диссертация В. Л. Пархимовича), то со второй половины 2000-х гг. внимание к этому периоду стало еще больше угасать. Сказался не только уход из науки Н. Н. Болховитинова и А. А. Фурсенко (их смерть в 2008 г. лишила российскую американистику лоббистов изучения периода), но и изменение политической конъюнктуры: постепенно ухудшение американо-российских отношений со второй половины 1990-х гг. привело к открытому противостоянию в середине 2000-х гг., что также способствовало концентрации американистики на событиях XX и XXI вв.

В контексте смены поколений историков-американистов, изменения политической конъюнктуры тема получила развитие не только в исторических, но и политических науках. Однако импульс угасания развития темы, проявившийся еще в 1980-е гг., был продолжен в российской науке в независимости от научной специализации. Этот процесс происходил стадиально.

На протяжении ранней стадии (1990-е гг. – первая половина 2000-х гг.) в российской американистике тема развивалась в плоскости исторических и политических наук. На этом основании постсоветские американисты продолжили работать в соответствии с их специализацией и выбором наук. Н. А. Краснов, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко вели исследования в рамках историко-дипломатического направления и конфликтологического течения; Б. А. Ширяев – политологического направления и течения политического реализма. Несмотря на различные методологии – фактографический нарратив (Н. А. Краснов, В. Л. Пархимович, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко) и политический реализм (Б. А. Ширяев) – ученые не выработали новых интерпретаций темы. Как и в советской американистике, постсоветские ученые определяли период генезиса временем Войны США за независимость; считали, что он проистекал из опыта; расхождение их взглядов продолжало советскую дихотомию. Общим для ученых было то, что они подходили к рассмотрению темы без влияния политического фактора: презентизм в их исследованиях отсутствовал. В этом отображалось не только состояние российско-американских отношений, но проявлялась низкая степень актуальности темы для общественно-политического дискурса Российской Федерации. По аналогии с советским периодом, в политической системе РФ отсутствовала конъюнктура изучения раннего периода истории внешней политики США (международные отношения Американской революции, в целом, и Войны США за независимость утратили прежнее идеологическое значение).

В течение поздней стадии (вторая половина 2000-х гг. – начало 2020-х гг.) прослеживалось ее развитие в противоположных точках координат. В направлениях и течениях происходил поиск новой структуры интерпретации, выраженный в ревизионизме. В конфликтологическом течении историко-дипломатического направления авторы предлагали

новшества: М. О. Трояновская – факторный анализ и внешнеполитические дискуссии отцов-основателей, А. Р. Фофанова – изучение индейского измерения внешней политики США. В имагологическом течении международного направления М. А. Филимонова и А. С. Панов выделяли внешнеполитические образы и представления. При этом изменений в интерпретации темы не произошло: авторы, несмотря на разные направления, не смогли выработать новые оценки. Это состояние было вызвано несколькими причинами: неэффективностью методологии, отказом от анализа широкого круга и многочисленных первоисточников, отказом от системного исследования историографии. Тем не менее именно в этом направлении тема получила освещение в рамках и диссертационных, и монографических исследований. В политологическом направлении тема также оказалась в состоянии деградации. М. И. Рыхтик, развивавший свою мысль в рамках реалистического течения, привел лишь ряд принципов (национальная безопасность, национальные интересы, баланс сил), заложенных отцами-основателями, но не аргументировал свою точку зрения фактами. Если для М. И. Рыхтика объектом его исследования оставалось государство, что его сближало с Б. А. Ширяевым, то в политико-культурологическом течении приоритет отдавался социальному – внешнеполитическому менталитету. Работа в этом ракурсе привела Д. В. Кузнецова, А. М. Кузнецова, К. А. Бостан к спекулятивным результатам. Следуя общей установке о том, что генезис внешней политики возникал в колониальный период и в годы Войны США за независимость, авторы расходились в оценках определяющего процесса: международных отношений европейских держав, в которые были вовлечены колонисты (Д. В. Кузнецов), или развития отношений колонистов с коренным населением Северной Америки (А. М. Кузнецов, К. А. Бостан). Вне зависимости от позиций авторов их выводы делались без анализа первоисточников и системного изучения историографии. В политологическом направлении прослеживались тенденции обращения к теме специалистами, которые не вели научную разработку раннего периода истории внешней политики США. Преимущественно, за исключением статей Д. В. Кузнецова, публикации авторов направления носят единичных характер.

Плеяда российских ученых (К. А. Бостан, Д. В. Кузнецов, А. М. Кузнецов, А. С. Панов, В. Л. Пархимович, М. И. Рыхтик, М. О. Трояновская, М. А. Филимонова, А. Р. Фофанова) повторила результат исследований постсоветских ученых (Н. А. Краснов, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко, Б. А. Ширяев): ни ревизионизм, ни постмодернизм не привели к росту научного знания, к производству новых интерпретаций, делающих российскую американистику конкурентной на мировом уровне научного знания.

Тем не менее на протяжении 2000–2020-х гг. тема получила новые возможности для эволюции. Во-первых, произошла относительная

деполитизация: несмотря на влияние презентизма в оценках авторов, что особенно ярко прослеживается в оценках представителей политологического направления, исчез идеологический догматизм, искажавший изучение раннего периода истории внешней политики США. Во-вторых, тема перестала находиться в монополии ученых из РАН: принимая во внимание негативные стороны, ранний период истории внешней политики США переместился в сферу университетов, где существует более гибкая академическая среда для формирования инноваций, которая, к сожалению, не дала положительного результата.

В целом, четыре поколения американистов в российской науке показали негативную тенденцию: ни постсоветские ученые, ни сменившие их следующие три поколения ученых не смогли выработать уникальные интерпретации, поскольку, испытывая методологический кризис, копировали модернистский опыт американской историографии и не стремились разрабатывать новые подходы. Имея относительно беспрепятственный доступ к источникам, историографии, консультациям иностранных специалистов, разработка темы не стала для российских ученых отдельным направлением, поскольку они отказались от трудоемкого анализа первоисточников и, что принципиально, не ориентировали свои усилия на теоретические обобщения. По сути, в российской американистике не сложилась конкурентная среда для развития темы: за исключением отдельных случаев общей критики, исследователи, работающие в плоскости исторических и политических наук, не вели дискуссию друг с другом. Своего рода неприкасаемость границ авторитета – советское наследие в российской американистике – привела к тому, что рецензирование монографий, оппонирование диссертаций проходили в замкнутом, фактически цеховом, круге специалистов и не сопровождались высоким качеством. Последствием стало не только мельчание уровня рассмотрения темы, но и отсутствие способности экспертной среды произвести инновации. В определенном смысле возникшее положение было результатом интеллектуального разрыва между постсоветским и российским поколениями американистов: наследие историков, сформировавшееся в годы СССР, имеет малую научную ценность для современных американистов, которые заняты построением интерпретаций и уклоняются от анализа первоисточников в необходимом объеме для теоретических обобщений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция темы прошла три этапа в российской историографии. На протяжении XIX в. – начала XX в. проходил период зарождения внимания к теме. Для него были характерны дисперсность и локализация темы в правовых науках. Оценки ученых развивались в рамках юридическо-дипломатического направления, в котором выделились два течения:

1) адаптивное течение, постулировавшее генезис внешней политики из приспособления страны к Вестфальской системе международных отношений (Л. Н. Демис, Н. П. Иванов, И. И. Ивановский);

2) конфликтологическое течение, определявшее зарождение в использовании США противоречий европейских государств (В. Н. Александренко). Из двух течений именно конфликтологическое станет определяющей интерпретацией, поскольку было связано с общепринятым пониманием ключевой роли баланса сил в российской правовой науке.

Следует отметить, что толчок к росту внимания к теме, данный в дореволюционный период, был продолжен и в годы Советского Союза. На протяжении 1930–1980-х гг. тема прошла три фазы развития. Восхождение охватывало 1930-е – начало 1940-х гг. Здесь тема развивалась в рамках двух направлений. Становление советской американистики было приковано к изучению империализма, давшего название империалистическому направлению, в котором прослеживалось экспансионистское течение. Согласно авторам этого течения, генезис внешней политики США был производным из универсальности развития капитализма, поэтому территориальная экспансия была питательной средой для зарождения внешней политики (А. В. Ефимов, В. И. Каплан (Лан), Л. Г. Рабинович (Райский). Также велись разработки в плоскости дипломатической истории, доказывающей пагубность развития международных отношений капиталистических держав. В начале 1940-х гг. в этой плоскости возникло дипломатическое направление, в котором выделилось конфликтологическое течение. Ключевым постулатом этого течения был тезис, высказанный В. Н. Александренко. Дореволюционное конфликтологическое течение фактически продолжило развитие в советской американистике. Это было результатом не передачи опыта от поколения к поколению, а следствием становления культа личности В. И. Ленина. «Вождь мировой революции», будучи юристом по образованию, воспроизвел, с определённым отклонением, оценку В. Н. Александренко в своем политическом труде – газетной публикации «Письмо к американским рабочим» (1918). В свою очередь, академическое и политическое было объединено в рамках течения (А. В. Ефимов).

Пиковая фаза охватила 1950–1970-е гг. В эпоху политических изменений в СССР (оттепель) происходил ревизионизм 1950-х гг., который привел к установлению двух направлений. В по-прежнему развивавшемся дипломатическом направлении выделилось политико-экономическое течение. Это была попытка скомбинировать конфликтологическое и экспансионистское течения 1930-х – начала 1940-х гг. Мотив для изменений носил политический, но не научных характер: авторы течения показывали отсутствие у США права быть образцом для подражания странам и государствам, проходившим процесс деколонизации (А. В. Ефимов). Парадоксально, но до начала 1960-х гг. в советской новистике не было фундаментальных трудов по истории Американской революции. Восполнение пробела привело к возникновению революциологического направления, в котором было определено конфликтологическое течение, воспроизводившее ключевое положение аналогичного течения в дипломатическом направлении (А. А. Фурсенко). Однако особенность заключалось в том, что это течение формировалось под воздействием концепта школы политического реализма. Изменение пока еще носило латентный и неотрефлексированный характер.

С середины 1960-х и на протяжении 1970-х гг. проходил максимум развития пиковой фазы. Под воздействием идеологического фактора («ответ» советской исторической науки на «вызовы» буржуазной интерпретации 200-летия Американской революции и Войны США за независимость) и проницаемости советской науки для международных достижений (новые методологические подходы, публикация источников, доступ к историографии) произошла системная трансформация в изучении темы. Во-первых, возникли устойчивые направления и течения. Во-вторых, ранний период привлек историков-американистов с разными металогическими взглядами, несмотря на то, что ученые сохраняли связь с методологией марксизма-ленинизма. Представления американистов развивались в двух направлениях, общим у которых была незыблемость ленинского постулата, но расхождения носили методологический характер. В историко-дипломатическом направлении образовалось международное течение (Н. Н. Болховитинов), смещавшее фокус исследования с государственного на негосударственный объект для изучения (культурные, экономические связи). Это новаторство представляло собой копирование дипломатической истории в США, где эта инициатива развивалась с 1950-х гг. Вторым течением по-прежнему осталось конфликтологическое течение, которое отличалось привлечением значительного роста первоисточников и историографии (Н. А. Краснов, Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин).

Не прошедшая формального выделения в отдельное научное направление политология в советской американистике развивалась внутри исторических наук и проявилась в историко-политологическом направлении. Методологическая специфика, определившая направление и

реалистическое течение, заключалась в том, что их адепты использовали достижения школы политического реализма, а наработки историков-новистов носили формальный характер (Ю. М. Мельников, Н. Н. Яковлев, В. К. Пархоменко, А. А. Каренин, Г. А. Трофименко). Они синтезировали ленинский постулат с положениями политологического направления, поскольку у двух частей было общее начало – правовая мысль XIX в., выделявшая баланс сил в качестве регулятора межгосударственных отношений и формировавшая основы внешней политики державы. При этом авторы течения отказывались проводить анализ первоисточников, заменяя его теоретическими построениями.

Изменение политической конъюнктуры в советско-американских отношениях на рубеже 1970–1980-х гг. привело к тому, что актуальность темы резко стала падать. Последнее девятилетие советской американистики изучение генезиса внешней политики было ознаменовано угасанием. Произошло сокращение количества публикаций, уменьшилось число авторов, работавших в этом проблемно-тематическом поле. Фактически, развитие темы повторяло 1960–1970-е гг.: она развивалась в рамках реалистического течения историко-политологического направления (Г. А. Трофименко), а в историко-дипломатическом направлении тема развивалась в международном (Н. Н. Болховитинов) и конфликтологическом (В. Н. Плешков) течениях.

В целом эволюция темы в советской американистике коррелировала с этапами развития Советского Союза. Совпадение проявляло воздействие политической конъюнктуры и не было результатом научного поиска. Это показало вторичность советской американистики в исследовании генезиса внешней политики США.

Как из дореволюционной России в СССР, так и из Советского Союза в Российскую Федерацию была принесена тенденция развития темы, с той лишь разницей, что поменялся знак качества: рост сменила стагнация. Инерция 1980-х гг. была перенесена в 1990-е гг. До середины 2000-х гг. развитие темы проходило за счет результатов советской американистики: постсоветские ученые – ранее советские историки – воспроизводили наработки прошедшей эпохи в рамках конфликтологического течения историко-дипломатического направления (Н. А. Краснов, В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко) и реалистического течения в политологическом направлении (Б. А. Ширяев), выделившегося в соответствии с институционализацией политических наук.

Результаты были следствием не только методологического кризиса, но смены поколений, которое дало о себе знать во второй половине 2000-х гг. – начале 2020-х гг. Под воздействием увеличения проницаемости российской американистики ученые стали искать пути преодоления методологического кризиса. Результаты исследования не дают оснований сделать окончательный вывод о том, что ревизионизм выступает началом инновационного пути или коррекцией старого.

Промежуточные итоги позволяют констатировать: поиск новой структуры интерпретации представляет коррекцию, но не инновационность. Преимущественно авторы предлагали пересмотреть объем объекта исследования. В частности, в конфликтологическом течении историко-дипломатического направления авторы обращали внимание на факторный анализ и внешнеполитические дискуссии отцов-основателей (М. О. Трояновская), изучение индейского измерения внешней политики США (А. Р. Фофанова). В имагологическом течении международного направления акцентировалось внимание на внешнеполитических образах и представлениях (М. А. Филимонова и А. С. Панов). Если в реалистическом течении политологического направления не возникли новшества (М. И. Рыхтик), то в политико-культурологическом течении уделялось внимание изучению внешнеполитического менталитета (Д. В. Кузнецов, А. М. Кузнецов, К. А. Бостан). В подавляющем случае за инновациями стояло влияние постмодернизма. Однако результаты поиска привели к тому, что американисты Российской Федерации воспроизвели оценки генезиса внешней политики, которые были даны советскими и постсоветскими учеными (Н. А. Красновым, В. Н. Плешковым, А. А. Фурсенко, Б. А. Ширяевым). Как следствие: несмотря на методологические изменения роста научного знания не произошло: авторы в разном формате вновь вернулись к тезису об использовании европейского баланса сил. У этой цикличности есть свои объяснения, носящие системный характер.

На протяжении XIX в. – первой четверти XXI в. генезис внешней политики США не выделился в отдельную тему для исследования в российской историографии. Ее рассмотрение прошло в контекстном формате. Были определены тринадцать макротем:

1) развитие Вестфальской системы международных отношений (Л. Н. Демис, Н. П. Иванов, И. И. Ивановский);

2) великодержавный статус и «доктрина Монро» (В. Н. Александренко);

3) универсальность развития империалистического буржуазного государства (А. В. Ефимов, В. И Каплан (Лан), Л. Г. Рабинович (Райский));

4) Американская революция и Война США за независимость (М. А. Филимонова, А. А. Фурсенко, Н. Н. Яковлев);

5) американо-британские отношения (В. Н. Плешков);

6) американо-российские негосударственные и государственные отношения (Н. Н. Болховитинов);

7) американо-французские отношения (Н. А. Краснов);

8) история государственного департамента США (Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин);

9) современная внешняя политика США (К. А. Бостан, Д. В. Кузнецов, А. М. Кузнецов, Ю. М. Мельников, М. И. Рыхтик, Г. А. Трофименко);

10) теория «явного предназначения» (В. К. Пархоменко);

11) теория и практика «баланса сил» (А. А. Карелин);

12) история внешней политики и дипломатии США последней трети XVIII в. – первой четверти XIX в. (А. С. Панов, М. О. Трояновская, А. Р. Фофанова, Б. А. Ширяев);

13) биографии отцов-основателей (В. А. Кременюк, Г. А. Трофименко).

Несмотря на контекстность, представления ученых развивались в рамках двух парадигм. Универсальной – определявшей генезис с функционированием системы международных отношений, развитием внешней политики великой державы, или капиталистической буржуазной державы. Эмпирической парадигмой, выводившей зарождение внешней политики из опыта использования противоречий европейских государств в годы Войны США за независимость.

Хронологические рамки зарождения внешней политики США определялись не одинаково и не всеми авторами. Нижний рубеж указывался учеными эмпирической парадигмы, как:

1) учреждение 18 сентября 1775 года Секретного комитета для обеспечения поставок вооружения (В. Н. Плешков);

2) создание 29 ноября 1775 года Комитета по секретной корреспонденции (А. В. Ефимов, Н. А. Краснов, В. Н. Плешков),

3) поход осенью 1775 г. Б. Арнольда на Квебек (М. О. Трояновская);

4) провозглашение независимости США 4 июля 1776 года (В. Н. Александренко). Авторы универсальной парадигмы указывали на развитие Вестфальской системы международных отношений без детализации (Л. Н. Демис, Н. П. Иванов, И. И. Ивановский). Представители обеих парадигм не выделяли проблему верхнего рубежа. По косвенным данным прослеживаются только две точки зрения:

1) введение федеральной Конституции в 1789 г., в которой был зафиксирован внешнеполитический механизм (М. Р. Фофванова);

2) «доктрина Монро» (В. Н. Александренко).

В отдельный аспект авторы выделяли колониальный период. Преимущественно исследователи акцентировали внимание на 1775–1776 гг. Войны США за независимость до изменения их статуса. За рамки этих лет ученые редко выходили. В единичных случаях они затрагивали XVII–XVIII вв. в целом, указывая на формирование в колониальный период «внешнеполитического менталитета» (Д. В. Кузнецов) и «внешнеполитических образов» (М. А. Филимонова), возникновение внешнеполитических представлений перед Американской революцией, началом которой являлись итоги Семилетней войны (М. О. Трояновская). Влияние интеллектуальных процессов развития Европы на отцов-основателей были отображены в единичных работах, в которых в общих чертах констатировалось распространение в Британской

Америке идей школы естественного права и европейского Просвещения (В. Н. Александренко).

Отдельной фундаментальной проблемой развития темы в российской науке является отказ от анализа первоисточников. Насчитывается лишь ряд авторов, которые обосновывали свои оценки на основе документов: в 1960-е гг. – А. А. Фурсенко и Н. Н. Болховитинов, в 1970-е гг. – Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин; в 1970-е и 2000-е гг. – Н. А. Краснов; в 1980-е и 1990-е гг. – Н. В. Плешков и А. А. Фурсенко; в 2010-е гг. – М. О. Трояновская, М. Р. Фофанова. Принимая во внимание фрагментарность, избирательность, ограниченность количества источников, авторы уделяли работе с ними системообразующее значение. В остальных случаях ученые отдавали предпочтение заимствованию фактов и оценок из уже опубликованных работ, особенно иностранных авторов [780].

Взгляды ученых не формировались в изоляции от развития мировой научной мысли. Если до последней трети XIX в. оценки были производными из работ теоретиков международного права (Г. Ф. Мартенса, А. Г. Л. Геерена, К. Кальво, И. К. Блюнчли), то с рубежа XIX–XX вв., под воздействием становления научной мысли в США и по мере ее доступности, исследователи стали привлекать труды американских авторов (Г. Адамса, Г. Аптекера, Дж. Банкровта, Т. Бейли, С. Ф. Бимиса, Ч. Бирда, Р. Ван Элстайна, П. Варга, Ф. Гилберта, Н. Грэбнера, Л. С. Каплана, Г. Киссинджера, Э. С. Корвина, Дж. Б. Макмастера, Р. Б. Морриса, Д. Перкинса, Д. Рамзи, Ю. Скайлера, Н. Соула, У. С. Стичкомбса, М. Х. Сэвэйлла, Ф. Дж. Тернера, У. Трескота, У. А. Уилльямса, Ф. Уортона, П. Филлипса, М. Ханта, Дж. Х. Хатсона, Р. Хилдрета, Д. Хэндриксона, А. Шлезингера-младшего).

При этом был ряд особенностей при изучении учеными историографии темы. Во-первых, за исключением диссертационных работ (В. Н. Плешкова, А. Р. Фофановой) анализ трудов иностранных авторов или игнорировался, или проводился поверхностно. Во-вторых, в отличие от дореволюционных и российских авторов, советские американисты использовали труды иностранных ученых тенденциозно: с одной стороны, они выделяли и применяли оценки только четырех направлений (националистического – С. Ф. Бимиса; коммунистического – Г. Аптекера; «новых левых» – У. А. Уилльямса; школы политического реализма – Н. Грэбнера, Г. Киссинджера, Г. Штоурца), но, с другой стороны, часть работ была написана в полемическом ключе (советские авторы критиковали взгляды С. Ф. Бимиса, Ч. Бирда, Ф. Дж. Тернера, опровергая их тезис об американской уникальности). В свою очередь, постсоветские и российские исследователи отдавали предпочтение уклонению от дискуссий с американскими учеными. При этом дореволюционные и советские авторы писали исследования с привлечением современных им авторов, а постсоветские и российские уже не следовали этому принципу,

что объясняется двумя причинами: замедлением эволюции темы в американской историографии с 1980-х гг. и деградацией исследовательской культуры.

За исключением единичных трудов (в 1990-е гг. Н. В. Плешкова и А. А. Фурсенко, в 2010-е гг. М. О. Трояновской и А. Р. Фофановой), взгляд на тему формировался под воздействием презентизма. В XIX в. – антибританские настроения в российском обществе, на рубеже XIX–XX в. – великодержавный статус США, полученный в ходе испано-американской и американо-филиппинской войн 1898–1901 гг.; на протяжении XX в. – первой четверти XXI в. – колебания в отношениях между США и СССР/РФ, вызванные идеологическим и геополитическим противостоянием. Результатом воздействия феномена стала изменчивость политической конъюнктуры, формирующей и, иногда, искажающей взгляды ученых. Особенно эта тенденция проявила себя во взглядах советских американистов и частично российских ученых 2000–2010-х гг.

Методология исследования российских авторов эволюционировала в соответствии с развитием научной мысли. Без анализа первоисточников на протяжении XIX в. и начала XX в. правоведы-международники делали выводы на основе дедуктивной экстраполяции, а в ранние 1900-е гг. оказывал воздействие принцип историзма. Становление американистики в Советском Союзе проходило в рамках не только методологии марксизма-ленинизма, но с 1920-х гг. позитивизма, делавшего акцент на изучении первоисточников, и с 1970-х гг. – школы политического реализма, акцентировавшего внимание на теоретических обобщениях, понижавших значение анализа первоисточников. В свою очередь, сочетание позитивизма и постпозитивизма характерно для оценок американистов в Российской Федерации, что стимулирует развитие плюрализма взглядов. В результате российские американисты имеют гораздо более широкое представление об объекте исследования, чем их предшественники: если дореволюционные и советские ученые концентрировали внимание исключительно на государстве, то российские добавляют к нему негосударственное измерение (менталитет, внешнеполитические образы, межкультурные связи). Тем не менее, несмотря на перспективы развития темы в условии методологического плюрализма российской американистики, развитие темы имеет ограничение: господство методологии марксизма-ленинизма в советской американистике сочеталось с узкой группой исследователей, имевших возможность разрабатывать ранний период истории внешней политики США, и это привело к тому, что историческая наука в СССР не прошла процесс методологического плюрализма, сочетавшегося с конкуренцией ученых, занимавших разные взгляды. Даже влияние школы политического реализма в 1970-е гг. не привело к тому, чтобы ученые вели дискуссию друг с другом: идеологическая система уравнивала их точки зрения. В результате американистика в Российской Федерации оказалась в

тяжёлом положении преодоления методологического кризиса. Тридцатилетний период показал доминирование адаптивной стратегии, но не инновационной: ученые, пренебрегая системным анализом первоисточников, отдают предпочтение воспроизведению наработок иностранных коллег (школа политического реализма, имагология, история менталитета, Атлантическая история), но при этом не производится формирование уникальной методологии исследования. Причина последнего связана также и с тем, что изучение темы оказалось в сфере интересов сотрудников университетов: если в советский период ею занимались научно-исследовательские кадры институтов Академии наук, где теоретико-методологическому аспекту уделялось большее значение и, самое главное, именно он там и эволюционировал, то профессорско-преподавательский состав университетов (и в СССР, и в РФ) показывал одинаковую тенденцию – пассивное следование методологическим установкам (Академии наук в годы СССР, иностранным направлениям в годы РФ). От начала XX в. и до конца первой четверти XXI в. сложилось удручающее положение: российская наука «впитывает» иностранный опыт, но не производит научное знание относительно интерпретации темы. Приобретет ли эта тенденция хроническое состояние или будет преодолена, зависит, с одной стороны, от дальнейшего развития изучения раннего периода истории внешней политики США не только в американистике Российской Федерации, но и в американской науке, а с другой стороны – от степени интегрированности российской науки в мировую американистику.

Существенную проблему для развития генезиса внешней политики США в российской научной мысли представляет внутренняя изоляция, которая имела своеобразные формы проявления в разные периоды. Отсутствие полемики дореволюционных авторов, которые только освещали, но не исследовали тему, сменилось единогласием историков-марксистов. Сложившиеся «научные школы» Н. Н. Болховитинова, А. В. Ефимова, Г. Н. Севостьянова, А. А. Фурсенко, Н. Н. Яковлева функционировали в рамках марксизма-ленинизма. Между их представителями был сложный комплекс отношений – от личных конфликтов до кадрового противостояния, но общим было отсутствие полемики по теме. Максимально что позволяли себе ученые, сводилось к отсутствию ссылок на работы коллег, но не открытой дискуссии, основания для которой отсутствовали, поскольку советские американисты не преодолевали идеологические барьеры, опирающиеся на оценку В. И. Ленина в работе «Письмо к американским рабочим» (1918). Баланс отношений между специалистами поддерживался не дискуссией, а позициями в бюрократической системе Академии наук, что закрепляло границы узкой специализации ученых. Следствием этой конструкции стали групповые интересы, аналогичные корпоративной системе средневековья. Естественно, что именно этот конструкт и был перенесен в

американистику Российской Федерации. Наследие оказалось неэффективным: не методологию, а бюрократизацию получила российская американистика. В этом и заключалась ее уязвимость. По мере угасания интереса постсоветских ученых в РАН (Н. Н. Болховитинова, В. Н. Плешкова, А. А. Фурсенко) к теме на протяжении 1990–2000-х гг., она не только лишилась централизации развития, то есть выпал тот ключевой принцип, который закладывался еще в создании и функционировании Комакадемии, но и пребывала под воздействием непоколебимости оценки «авторитета». Отсутствие ревизионизма у постсоветских ученых, которые занимали бюрократические позиции в структурах РАН, привело к тому, что они прямо и косвенно препятствовали и не способствовали пересмотру советской историографии, которую сами и создавали. Нежелание нести репутационные риски сочеталось со слабостью развития американистики раннего периода истории США за пределами Академии наук: неформальные связи, принадлежность к научным школам сдерживало два поколения российских американистов 1990–2000-х гг. от полемики с учеными, чей авторитет основывался на закрытости научной системы в СССР. Только на рубеже 2010–2020-х гг. начинают прослеживаться первые признаки ревизионизма в российской американистике, получившей возможность развиваться только в результате формирования третьего поколения, представители которого имеют минимальные связи с основателями российской американистики, которые к моменту их творчества по причине болезни и смерти не могли оказать влияние. Однако при этих изменениях наблюдается отсутствие полемичности и дискуссионности: как и в советской американистике, в российской ни конференции, ни защиты диссертаций, ни страницы периодических научных изданий не становятся пространством для «битв за историю». Происходящее является не столько особенностью профессиональной коммуникации, унаследованной от советской науки, сколько продолжением отсутствия инновационного развития темы с XIX в. по XXI в.: дореволюционные, советские и российские исследователи создают интеллектуальный продукт по теме, который не вызывает не только споры друг с другом, но и не обладает конкурентоспособностью за пределами национальной науки.

Дополнительным, но не профилирующим проявлением внутренней изоляции развития темы выступает ее нахождение в междисциплинарном поле исторических и политических наук. Историки-марксисты, стоявшие у истоков расхождения наук в 1970–1980-е гг., еще следовали практике сочетания научных достижений разных дисциплин – сказывалось единство взглядов советских ученых, сформированное требованиями соблюдения методологии марксизма-ленинизма. В результате они практиковали «мягкие границы», при которых труды коллег, занятых в альтернативной сфере, использовались, но, как правило, на них не делались ссылки. Этим

способом определялось размежевание исторических и политологических наук до оформления их институционального расхождения на рубеже 1980–1990-х гг. В Российской Федерации постсоветские и российские американисты возвели «жесткие границы»: конкуренция и стремление к уникальности, сочетаемые с научной специализацией, привели к тому, что историки и политологи при рассмотрении темы не используют наработки друг друга. Наработки историков оказались невостребованными для политологов, которые отказываются от анализа первоисточников, и, в свою очередь, теоретические конструкты политологии не проникают в исторические исследования. В обоих случаях границы формируются пуризмом специализации, препятствующим преодолению методологического кризиса, в котором пребывает гуманитарное знание XXI в. Для развития темы – это состояние приводит к потере возможностей осуществить синтез направлений и течений, необходимых для создания и продвижения научных достижений.

В свою очередь, внутренняя изоляция сочетается и с внешней изоляцией, которая носит односторонний характер: американистика «впитывает» зарубежные достижения, но не «возвращает» аналогичные. Глобализация научных достижений – публикация трудов на английском языке в зарубежных издательствах и периодической печати – явление редчайшее. За исключением монографии «Становление русско-американских отношений (1775–1815)» (1966) Н. Н. Болховитинова, труды американистов не публиковались для иностранной профессиональной аудитории: внутренняя изоляция создала самовоспроизводящуюся среду формирования специалистов, но не инновационных взглядов на тему. Карьеризм, но не продвижение научного знания, укоренившийся еще в советскую эпоху становления американистики, привел к катастрофическим последствиям для развития темы в российской науке. В совокупности с бюрократизмом, относительной незыблемостью научных школ, односторонней изоляцией эволюция темы оказалась обречена на отсутствие фундаментального принципа прогресса – конкуренции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Анисимов М. Ю. Кризис Утрехтской системы международных отношений и елизаветинская Россия / Максим Юрьевич Анисимов // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 123–140; Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны) / Максим Юрьевич Анисимов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 340 с.; Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война / Максим Юрьевич Анисимов. – Москва: Академический проект, 2020. – С. 104–194, 365–414, 764–869; Schroeder P. W. The transformation of European politics, 1763–1848 / Paul W. Schroeder. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – P. 3–19; Black J. Natural and necessary enemies: Anglo-French relations in the eighteenth century / Jeremy Black. – London: Duckworth, 1986. – P. 37–63; Langford P. The eighteenth century, 1688–1815 / Paul Langford. – London: A. and C. Black, 1976. – P. 135–152; Horn D. B. Great Britain and Europe in the eighteenth century / David Bayne Horn. – Oxford: Clarendon Press, 1967. – P. 6–21, 201–233; Lowe J. Britain and foreign affairs, 1815–1885: Europe and overseas / John Lowe. – New York: Routledge, 1998. – P. 88–91; Wirtschafter E. K. From Victory to Peace: Russian Diplomacy after Napoleon / Elise Kimerling Wirtschafter. – Ithaca: Northern Illinois University Press, 2021. – P. 1–19; Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. – London/New York: I. B. Tauris, 2013. – P. 149–155; Scott H. M. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775 / Hamish Marshall Scott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 249–258; Mckay D. The Rise of the Great Powers 1648–1815 / Derek Mckay, Hamish Marshall Scott. – London: Routledge, 2014. – P. 339–344; Scott H. M. The Birth of a Great Power System, 1740–1815 / Hamish Marshall Scott. – Harlow: Longman, 2006. – P. 105–109, 124–133.

[2] Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. / Андрей Борисович Соколов. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. – С. 205–278; Bourne K. The foreign policy of Victorian England, 1830–1902 / Kenneth Bourne. – Oxford: Clarendon, 1970. – P. 4–13, 19–24, 27–29, 33–46, 48, 64 – 81, 123–168.

[3] Нутка-Зундский кризис (1789–1790) в испано-британских отношениях привел не только к тому, что обе державы сдерживали друг друга на северо-западе Северной Америки, но и подрывали принцип возможности нации претендовать на обладание территориями по праву их открытия. Наступала эпоха, когда правообладание основывалось на комбинации военно-политического фактора и демографической заселенности пространства. ***Более подробно:*** Альперович М. С. Международные отношения на Тихоокеанском Севере во второй половине XVIII в. / М. С. Альперович, Н. Н. Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997. – Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799 / [Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой, А. В. Гринев и др.]. – 1997. – С. 295–303; Альперович М. С. Россия и Новый Свет (послед. треть XVIII в.) / Моисей Самуилович Альперович. – Москва: Наука, 1993. – С. 216–217.

[4] ***Более подробно:*** Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании (1795–1799) / А. Ю. Петров // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799 / [Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой, А. В. Гринев и др.]. – 1997. – С. 322–363.

[5] Н. Н. Болховитинов четко обозначил связь между дипломатическим признанием 1809 г. и европейской политикой, в частности, Тильзитским миром: «На Соединенные

Штаты в России смотрели как на соперника Англии и известный противовес гордой владычице морей. А сами связи России с Америкой в известной мере были производными от системы европейской политики и прежде всего русско-английских отношений. Не случайно поэтому в инструкциях Ф. П. Палену давался обзор международного положения в связи с заключением Тильзитского мира и подробно характеризовались отношения России со странами Европы» (Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1966. – С. 378). Следует отметить, что в историографии существует и альтернативная оценка. Патриция Кеннеди Гримстед (г. р. 1935) – сотрудник Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса в Гарвардском университете – пришла к выводу, согласно которому установление дипломатических отношений с США было продиктовано стремлением элит Российской империи превратить страну в центр экономического развития Евразии (Grimsted P. The Foreign Ministers of AlexanderI: Political Attitudesand the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825 / Patricia Grimsted. – Berkeley: University of California Press, 1969. – P. 175–176).

[6] Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793 / По подлин. его рукописи, с биогр. ст. и объясн. указ. Николая Барсукова, чл. Археогр. комис. – Санкт-Петербург: А. Ф. Базунов, 1874. – С. 340.

[7] Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность: [Ода] / Александр Николаевич Радищев. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – С. 123.

[8] ***Более подробно:*** Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) / Михаил Антонович Алпатов. – Москва: «Наука», 1985. – С. 186.

[9] Владислав Якимович Гросул (1939–2022) – главный научный сотрудник Института российской истории РАН – подчеркивал сращение самодержавия и консерватизма в первой половине XIX в.: «Уже в первой половине 20-х годов политический консерватизм становится несомненно господствующим течением в стране <…> Для 20-х – первой половины 50-х годов XIX в. характерна достаточная доля категоричности в вопросе о неразделимости самодержавия и консерватизма, о выступлении их единым фронтом по основным проблемам русского общества той поры. Господствует тогда апологетический консерватизм, и о консерватизме ностальгическом в эти годы говорить практически не приходится. И консервативное общество, и императорская власть ратуют за незыблемость существующих социальных и политических порядков, и течение либерал-консерватизма заметно отходит на задний план. В период революции 1848–1849 гг. усиливается реакционная струя в консерватизме, и страна переживает еще один поворот вправо. В это время русский консерватизм вновь получает поддержку зарубежных консервативных кругов, но этот блок отечественных и зарубежных консерваторов стал последним в XIX в., во всяком случае в столь заметных формах» (Гросул В. Я. Заключение / Владислав Якимович Гросул // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.]. – Москва: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 421).

[10] ***Более подробно:*** Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений 1815–1854 гг. и ее крушение / Е. П. Кудрявцева // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [редкол.: И. С. Рыбачёнок (отв. ред.) и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 181–182; Schroeder P. W. Op. cit. P. 49–50; Langford P. Op. cit. P. 219–244; Grenville J. A. S. Europe reshaped, 1848–1878 / John Ashley Soames Grenville. – London: Fontana Press, 1986. – P. 67–78; Seaman L. C. B. From Vienna to Versailles / Lewis Charles Bernard Seaman. – London: Routledge, 1988. – P. 49–54; Anderson M. S. The ascendancy of Europe: aspects of

European history, 1815–1914 / Matthew Smith Anderson. – London: Longman, 1972. – P. 1–19; Bridge F. R. The great powers and the European states system 1814–1914 / F. R. Bridge, R. J. Bullen. – New York: Pearson Longman, 2005. – P. 175–176; Jarrett M. Op. cit. P. 363–379.

[11] Россия получила и утратила контроль над черноморскими проливами в результате подписания с Турецкой империй Ункар-Искелесийского договора (8 июля 1833 года) и его заменой многосторонней Лондонской конвенцией о проливах (13 июля 1841 года). Следует отметить, что самоограничение было распространено не только на Российскую империю, но и на другие великие державы. ***Более подробно:*** Schroeder P. W. Op. cit. P. 799–800; Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. / О. Р. Айрапетов. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. – С. 275–281.

[12] ***Более подробно:*** Болховитинов Н. Н. Русские на Гавайях (1804–1825) / Николай Николаевич Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 2: Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / [Н. Н. Болховитинов, А. В. Гринев, Дж. Р. Гибсон и др.]. – 1999. – С. 275–302.

[13] Оценка и реакция на «доктрину Монро» в Российской империи разобраны в работах Н. Н. Болховитинова: Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро: (Происхождение и характер) / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Изд-во ИМО, 1959. – С. 259–260, 264, 265–269; Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. 1815–1832 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1975. – С. 183–243.

[14] Болховитинов Н. Н. Торговля и разграничение владений России, США и Англии на северо-западе Америки (1824–1825) / Николай Николаевич Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 2: Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / [Н. Н. Болховитинов, А. В. Гринев, Дж. Р. Гибсон и др.]. – 1999. – С. 396–441.

[15] Обращают внимание обстоятельства продажи форта Росса: российская сторона продала владения Дж. О. Саттеру – человеку, который не имел средств на такую покупку. При этом сделка не сопровождалась сложным юридическим оформлением: процедура ограничилась подписанием купчей и обязательствами в случае невозможности выполнения сделки, имущество Дж. О. Саттера – Новая Гельвеция – должно быть передано в собственность Российско-американской компании. ***Более подробно:*** Hurtado A. L. John Sutter: a life on the North American frontier / Albert L. Hurtado. – Norman: University of Oklahoma Press, 2006. – P. 92–107.

[16] ***Более подробно:*** Болховитинов Н. Н. Печальная судьба колонии Росс (1825–1841) / Н. Н. Болховитинов, А. А. Истомин // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 205–230.

[17] ***Более подробно:*** Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870) / Петр Петрович Черкасов. – Москва: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. – 450 с.

[18] Уильям К. Фуллер-младший (г. р. 1951) – профессор стратегии и политики в Военно-морском колледже США – отмечал: «Таким образом, подход российской внешней политики в начале 1880-х годов повторял подход Горчакова в начале 1860-х годов: в обоих случаях Россия стремилась избежать открытых столкновений с другими великими державами и в равной степени пыталась использовать дипломатию, чтобы скрыть военную слабость. После Крымской войны неоспоримая необходимость внутренних реформ, включая военную реформу, на мгновение сделала Россию

неспособной вести войну. В первые годы правления Александра III жесткая финансовая экономия имела тот же эффект» (Fuller W. C. Strategy and Powerin Russia 1600–1914 / William C. Fuller. – NewYork: The Free Press, 1992. – P. 198).

[19] Примером является блокирование инициативы Российской империи по передаче о. Крит Греции на Парижской конференции по критскому вопросу в январе – феврале 1869 г., заключение Сан-Стефанского мирного договора (3 марта 1878 года) и его ревизия в ходе Берлинского Конгресса (13 июня – 13 сентября 1878 года); отказ Австрии и Пруссии оказать поддержку Российской империи в рамках Союза трех императоров во время англо-российского кризиса 1894–1895 гг., вынудившего российское руководство пойти на компромиссы с Великобританией при заключении Лондонского протокола (10 сентября 1885 года) о демаркации границы российско-афганской границы; болгарский кризис 1886–1887 гг., уничтоживший отношения между Российской империй и Австро-Венгрией, в результате которого активизировалось франко-русское сближение и был ликвидирован Союз трех императоров (Fuller W. C. Op. cit. P. 199–201).

[20] Хевролина В. М. Россия в Крымской системе 1856–1877 гг. / В. М. Хевролина // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [редкол.: И. С. Рыбачёнок (отв. ред.) и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 219–220; Lieven D. Empire: TheRussianempireanditsrivals / D. Lieven. – New Haven: Yale University Press, 2001. – P. 89–127.

[21] Рыбачёнок И. С. Россия в Берлинской системе 1878–1914 гг. / И. С. Рыбачёнок // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [редкол.: И. С. Рыбачёнок (отв. ред.) и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 232; Хевролина В. М. Указ. соч. С. 227.

[22] Grenville J. A. S. Op. cit. P. 359–391; Le Donne J. P. The Russian empire and the world, 1700–1917: the geopolitics of expansion and containment / John P. LeDonne. – New York: Oxford University Press, 1997. – P. 308–326; Langer W. L. European alliances and alignments, 1871–1890 / William Leonard Langer. – New York: Knopf, 1962. – P. 121–170.

[23] Этот вопрос был рассмотрен в диссертации «Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853–1856» (Пономарев В. Н. Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853–1856: дис. ... канд. ист. наук / Валерий Николаевич Пономарев. – Москва, 1984. – 254 с.), написанной учеником Н. Н. Болховитинова – Валерием Николаевичем Пономаревым, который уже в Российской Федерации издал монографию со вступительным словом своего научрука (Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения / Валерий Николаевич Пономарев. – Москва: ИРИ, 1993. – С. 186–187). Также наглядно показывает это и переписка Николая I с графом Иваном Федоровичем Паскевичем (1782–1856) еще в середине 1830-х гг., в которой российский император писал: «Нового ничего не знаю; посмотрим, чем кончится у французов ссора с Америкой; ежели будет война, чего, признаюсь, я понять не могу, то надолго отвлечет внимание Англии» (Письма Николая I к князю Ивану Фёдоровичу Паскевичу / Либра Пресс: [website]. – URL: https://www.librapress.ru/2014/06/Imperator-Nikolaj-Pavlovich-v-ego-pismah.html [дата обращения: 11.11.2022 г.]).

[24] Состояние российского общественного мнения о внешней политике США вызывает неоднозначную реакцию в академической литературе. Владислав Якимович Гросул (1939–2022) – главный научный сотрудник Института российской истории РАН – в монографии «Общественное мнение в России XIX века» (2013) не выделял американскую тематику (Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века / Владислав Якимович Гросул. – Москва: АИРО–XXI, 2013. – С. 49–52, 119–128, 255–

262, 399–406, 472–478, 519–533). И. И. Курилла, описывая восприятие российскими элитами американской экспансии до Крымской войны, отмечал: «Трудно сказать, существовало ли какое-либо сформированное мнение об американской экспансии в широких слоях русского народа; источники об этом умалчивают» (Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы / Иван Иванович Курилла. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2005. – С. 329).

[25] ***Подсчитано автором по:*** Maddison A. The world economy: historical statistics = L'économie mondiale: Statistiques historiques / Angus Maddison. – Paris: Centre de développement de l'Organisation de coopération et de développement économiques, 2003. – P. 261.

[26] ***Более подробно:*** Иванов Р. Ф. Дипломатия Авраама Линкольна / Роберт Федорович Иванов. – Москва: Международные отношения, 1987. – С. 77, 228–229.

[27] Хевролина В. М. Указ. соч. С. 216.

[28] В мемуарной литературе существует оценка включенных участников, которые объясняли неэффективность российской политики на Дальнем Востоке и личностью Николая II, и воздействием групп-интересов, движимых узкими экономическими интересами, занижение военно-политической мощи Японии. Это передают воспоминания Дмитрия Ивановича Абрикосова (1876–1951) – сотрудника 2-го департаменте МИДа, второго секретаря миссии в Китае (с 1908 г.), Японии (с 1912 г.); Николая Александровича Базили (1883–1963) – 2-го секретаря русского посольства в Париже, имевшего доверительные отношения с С. Ю. Витте; Андрея Дмитриевича Калмыкова (1870–1941) – 2-го секретаря миссии в Тегеране (1896); консула в Астрабаде (1897); секретаря миссии и поверенного в делах в Бангкоке (1898–1900); генерального консула в Ускубе (1911); генерального консула в Смирне (с 1912); Владимир Борисович Лопухин (1871–1941); барон Михаил Александрович фон Таубе (1869–1961) – правовед-международник, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, сотрудник МИДа (Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата / Дмитрий Иванович Абрикосов. – Москва: Русский путь, 2008. – С. 126–128; Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Владимир Борисович Лопухин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – С. 101, 113–115, 129; Таубе М. А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917) / Михаил Александрович Таубе. – Москва: «Памятники исторической мысли», РОССПЭН, 2007. – С. 40–44; Basily N. de. Diplomat of Imperial Russia: 1903–1917: Memoirs / Nicolas de Basily. – Stanford: Hoover Institution Press, 1973. – P. 19–20; Kalmykow A. D. Memoirs of a Russian Diplomat; Outposts of the Empire, 1893–1917 / Andrew D. Kalmykow; Edited by Aleksandra Kalmykow. – New Haven: Yale University Press, 1971. – P. 158–159. Оригинальный вывод принадлежит Игорю Владимировичу Лукоянову (г. р. 1965) – заместителю директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории РАН, профессору Департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Высшей школы экономики: «Не следует поддаваться соблазну и списывать провал на непрофессиональные действия группы безответственных людей. Дальневосточная политика России – это не столько международные дела, сколько отражение внутренних проблем, накопившихся к началу XX века. В целом русско-японская война показала, что власть не справлялась со стоящими перед ней задачами. Однако неудача дальневосточной политики в целом ещё не приговор политическому строю. Российский абсолютизм накладывал жёсткие рамки на возможности в политике – им просто надо было следовать. История заключения Портсмутского мира показала, что если власть не раздирают противоречия и задача, стоящая перед ней, посильна, то она способна добиться успеха. Поэтому мирный договор стал, прежде всего, победой российской власти над самой собой. Тем не менее, совмещение статуса великой, мировой державы

и самодержавного строя в начале XX века оказалось невозможным» (Лукоянов И. В. «Не отстать от держав …» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. / Игорь Владимирович Лукоянов. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – С. 635–636).

[29] Осознание этого факта передает точка зрения Алексея Ефимовича Вандама (Едрихина) (1867–1933) – подполковника, военного писателя консервативных взглядов, который сделал ее достижением общественности на страницах неакадемической книги «Наше положение» (1912): «Вытеснив нас сначала с американского берега и северной части Тихого океана, англосаксы перенесли затем свои наступательные действия против нас на Азиатский материк. Причем войной 1904–1905 гг. они отбросили наш левый фланг от Желтого моря и забаррикадировали его Японией от Сахалина до устья Ляохэ; а с целью возведения подобной же баррикады вдоль всего нашего фронта, – за четыре последних года разрушили три южно-азиатских монархии и распространили сферу своего влияния на весь юг Азии до 40 градуса северной широты. Новый наступательный акт их начнется с открытием Панамского канала и одновременным перенесением столицы Индии из Калькутты в лежащий на самом севере Индийского полуострова Дели. К этому времени систематически разжигаемая вражда к нам южно-азиатских народов примет еще более острую форму, кроме того, будут закончены и новые „передовые базы“ внутри России. Но успех наступательных действий на нашем фронте будет много зависеть от хода событий, тщательно подготовленных с 1905 г. на правом фланге нашего государства, т. е. в Европе» (Вандам А. Е. Наше положение / Алексей Ефимович Вандам. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1912. – С. 125–126). Следует отметить, что влияние идей А. Е. Вандама (Едрихина) на современников было неоднозначным. Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937) в записи от 11 апреля 1917 года в своем дневнике дал следующую оценку необъективности англофобии и антиамериканизму во взглядах А. Е. Вандама (Едрихина), с которым вместе учился а Военной академии: «Вандам по обыкновению красиво фантазирует: <…> 2) еще раньше В[андам] говорил, что революцию сделала Англия (лор[д] Мильнер), но не предусмотрела разнузданного конца; Милюков давно жил в английском посольстве, а в карете ездил с Бьюкененом; 3) появление Америки – это поднятие мира англо-саксов, объединенного, грядущего властителя земли…; <…>» (Снесарев А. Е. Дневник: 1916–1917 / Подг. текста, предисл. и указат. А. А. Комиссаровой; вступ. ст. В. К. Белозерова. – Москва: Кучково поле, 2014. – С. 391).

[30] РАК – Российско-американская компания.

[31] ***Более подробно:*** Болховитинов Н. Н. Возникновение проектов продажи Русской Америки (1853–1861) / Николай Николаевич Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 370–393; Болховитинов Н. Н. Продажа Аляски (1867) / Н. Н. Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 425–487; Гринёв А. В. Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере. XVIII – первая половина XIX в. / Андрей Вальтерович Гринев // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 48, 63; Гринёв А. В. Россия, Великобритания и США на Тихоокеанском Севере в середине XIX в.: соперничество и сотрудничество / А. В. Гринёв // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 154–204; Гринёв А. В. Русская Америка в 1850-е гг.: РАК и Крымская война / А. В. Гринёв // История Русской Америки, 1732–

1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 320–369; Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867 / Илья Виньковецкий; пер. с англ. С. Константинова; науч. ред. перевода А. Миллер. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 285–289.

[32] В советской и российской историографии закрепилось практически единообразное объяснение причин продажи Аляски, которая сводилась к предотвращению конфликта с Великобританией и отсутствию мощи для удержания этой территории. Еще в 1939 г. Семен Бенцианович Окунь – сотрудник исторического факультета ЛГУ – отмечал: «Невозможность сохранить свои колонии в случае войны, невозможность оберегать их вследствие широко распространившихся слухов о наличии там золота и в период официального мира, неизбежные в связи с этим конфликты и, наконец, перенесение русских интересов на Азиатский материк – таковы были причины, толкавшие царское правительство на продажу Аляски» (Окунь С. Б. Российско-американская компания / Семен Бенцианович Окунь. – Ленинград: Соцэкгиз, 1939. – С. 234). Спустя сорок лет, в 1990 г., Н. Н. Болховитинов – член-корреспондент АН СССР – писал: «Из этих же документов видно, что главная причина – устранение очага возможных противоречий в будущем, укрепление фактического союза двух стран, перенесение внимания на укрепление позиций России на Дальнем Востоке (особенно в районе р. Амур). Были и более общие причины, закрывшие перед Русской Америкой будущее, – отсталый крепостной строй, малочисленность русского населения в колониях, державшегося на уровне 600–800 человек, индейский фактор (независимость и сопротивление тлинкитов) и т. д.» (Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1990. – С. 316). На антибританской политике продажи Аляски настаивал и Олег Рудольфович Айрапетов (г. р. 1963) (Айрапетов О. Р. История внешней политики… Т. 3. С. 194–197).

[33] Эта оценка не соответствует интерпретации Н. Н. Болховитинова, который выдвинул тезис о том, что продажа Аляски была первым примером в истории, когда держава уступала свои территории добровольно: «Ни современники, ни последующие исследователи не обратили внимания и на то, что Россия, уступив свои владения в Америке Соединенным Штатам, объективно оказалась первой европейской державой, отказавшейся от заморских колоний. Уместно напомнить в этой связи, что еще Екатерина II, отклоняя просьбу Г. Шелихова и И. Голикова о монаршем „пособии“, подчеркивала (1788 г.): „Американских селений примеры не суть лестны, а паче не выгодны для матери земли... Многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз“. Торговать одно дело, а „завладевать дело другое“. Давняя идея о континентальном, а не морском будущем России, отказ от присоединения далеких заморских территорий и сосредоточение внимания на укреплении позиций на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии приобретали все большее значение. Вспомним, что еще в 1818 г. Александр I отклонил предложение о принятии в русское подданство одного из Гавайских островов. В середине 60-х годов XIX в. эта идея нашла выражение в принятии решения о продаже Русской Америки Соединенным Штатам» (Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и… С. 316–317).

[34] Необъявленная война (1798–1800), продажа Луизины 30 апреля 1803 года. ***Более подробно:*** Conde A. De The quasi-war: the politics and diplomacy of the undeclared war with France 1797–1801 / Alexander De Conde. – New York: Scribner, 1966. – P. 327–340; Ross S. T. European diplomatic history, 1789–1815: France against Europe / Steven T. Ross. – Malabar: Robert E. Krieger, 1981. – P. 189–190, 241–243, 271, 314–315.

[35] Парижский мирный договор от 13 сентября 1783 года, Договор Пинкни от 27 октября 1795 года, Договор Адамса-Ониса от 22 февраля 1819 года, Парижский мирный договор от 10 декабря 1898 года. ***Более подробно:*** Lowe J. Op. cit. P. 88–91.
[36] Если продажа Аляски заняла 16 лет, то уступка Датской Вест-Индии растянулась на 50 лет: с 24 октября 1867 года, когда был подписано американо-датское соглашение, до 4 августа 1916 года – подписание Конвенции о цессии Датской Вест-Индии.
[37] Парижский мирный договор от 13 сентября 1783 года, Договор Джея от 19 ноября 1794 года, Гентский договор от 24 декабря 1814 года, Соглашение Раша-Бэгота от 28–29 апреля 1817 года, Англо-американская конвенция 1818 года, Договор Уэбстера – Ашбертона от 9 августа 1842 года, Орегонский договор от 15 июня 1846 года, Вашингтонский договор от 8 мая 1871 года, Договор Олни – Паунсефоте 1897 года.
[38] В научной литературе трансформация Британской Северной Америки в конфедерацию также интерпретируется уходом Великобритании из региона. ***Более подробно:*** Bourne K. Britain and the balance of power in North America, 1815–1908 / Kenneth Bourne. – Berkeley: University of California Press, 1967. – P. 251–400.
[39] Для поддержания глобального лидерства Великобритании пришлось пойти на сближение с двумя неевропейскими державами (США и Японией) и историческими конкурентами в Европе (Францией и Россией). В политике стабилизации позиций Великобритания уделяла особенное значение Соединенным Штатам – государству, с чьим доминированием в Западном полушарии пришлось смириться и начать сотрудничество ради сохранения глобальных позиций (Burk K. Old World, NewWorld: thestory of Britain and America / Kathleen Burk. – London: Little, Brown, 2007. – P. 414–433).
[40] Петр Сергеевич Боткин (1865–1933) сотрудник посольства Российской империи в Вашингтоне (1890–1895) описывал отсутствие кадрового обеспечения и рвения внутри МИДа занять должности в дипломатическом корпусе: «К удивлению моему, никаких препятствий я не встретил. Меня выслушали более или менее равнодушно: место в Вашингтоне действительно было свободное, и никто, по-видимому, на него не зарился. Один из моих начальников, когда я откровенно высказал ему свое желание, взглянул на меня своими бледными глазами и произнес: „Подумали ли вы, что вам предстоит вскоре получить штатное место в центральном ведомстве?“ Другой, очевидно, принимая к сердцу мою судьбу, захотел дать мне добрый совет: „Подождите, сказал он, не торопитесь. В скором времени освободится пост второго секретаря в Берне. Быть может, вам удастся получить это назначение. Берн – скучное место, но все же в центре Европы, а не на краю света, как Вашингтон“. Странно, как у нас не любят отдаленных постов. Америку особенно избегают ... „Помилуйте, говорят, ведь оттуда письма в Россию приходят только через три недели!“ ... Кроме того, Америки боялись из-за дороговизны жизни. Есть и еще одно соображение чисто служебного характера, которое так рельефно высказал один мой приятель-чиновник: „Ехать в Америку – ведь это все равно, что добровольно отправляться на тот свет. Кто раз туда попал – крышка! Оттуда не выберетесь, голубчик мой. Пиши пропало. Забудут!“ ...» (Боткин П. С. Картинки дипломатической жизни / Петр Сергеевич Боткин. – Париж: Изд-во Сияльской, Cop. 1930. – С. 32–33).
[41] В историографии существует более детальное уточнение начала ухудшения американо-российских отношений, начало которых носит дискуссионный характер. Джон Льюис Гэддис (г. р. 1941) – профессор Йельского университета – выдвинул тезис, согласно которому расхождение интересов двух государств началось с продажи Аляски в 1867 г. (Gaddis J. L. Russia, the Soviet Union, and the United States: an Interpretive History / John Lewis Gaddis. –NewYork: McGraw-Hill Publishing Company; 1990. – P. 26). Следует отметить, что оценка американского историка не принимается частью его российских коллег. Устойчивый характер это приобрело в «школе

Н. Н. Болховитинова», в которой ее основатель дал следующую оценку коллеге, которого он на рубеже 1980–1990-х гг. назвал «отцом современных постревизионистов»: «В том, что в последние десятилетия XIX в. общая расстановка сил на международной арене стала меняться и противоречия между Россией и США начали постепенно усиливаться, сомневаться не приходится. Кстати, период до 1867 г. также характеризовался не только „гармонией“, но и столкновением интересов, противоречиями и даже конфликтами (в частности, на северо-западе Америки). Сама продажа Аляски отчасти явилась результатом этих противоречий. На некоторое время она, однако, их ликвидировала или (если иметь в виду весь Тихоокеанский север) смягчила. Во всяком случае, никак нельзя утверждать, что после 1867 г. эти противоречия возросли. Что касается идеологии, то и в этой области противоречия существовали задолго до 1867 г.» (Болховитинов Н. Н. Русско-американские… – С. 319–320). Следующие поколения учеников Н. Н. Болхвитинова также подвергали критике суждение Дж. Л. Гэддиса о том, что дипломатия вне идеологии была причиной дружественных отношений между Российской империей и США до 1867 г. В частности, Иван Иванович Курилла (г. р. 1967) – докторант Н. Н. Болховитинова – выдвинул следующий контраргумент: «Отделение дипломатии от идеологии было действительно важным. Однако парадокс состоит как раз в том, что многие носители американской либеральной и демократической „идеологии“ высоко оценивали деспотическую самодержавную Российскую империю. Не только дипломаты, но и большая часть американского общественного мнения была настроена весьма дружественно по отношению к России (за исключением двух важных, но коротких периодов доминирования негативных эмоций в американской прессе – в связи с подавлением Россией польского восстания 1830 г. и венгерского восстания 1849 г.). Кроме того, если в тот ранний период отношений дипломатия и была отделена от общественного мнения, то само общественное мнение о России в значительной мере формировалось выступлениями, статьями и книгами американских дипломатов» (Курилла И. И. Заокеанские… С. 25). Для российских ученых точка зрения американского коллеги носила дискуссионный характер, однако, по каким причинам его оценки приводились фрагментарно, остаются ими не уточнены. Например, Н. Н. Болховитинов и И. И. Курилла уклонились от анализа ключевого тезиса Дж. Л. Гэддиса о периферийности двусторонних отношений для правящих элит обоих государств: «<…> сердечность, сложившаяся между Россией и Соединенными Штатами в первой половине девятнадцатого века, не была результатом подлинной дружбы; отношения между нациями редко бывают такими. Это действительно отражало своеобразное совпадение интересов, вызванное существованием общих антагонистов, отсутствием прямых точек конфликта, реалистичным осознанием, особенно со стороны русских, пределов национальной мощи и, вероятно, самое важное, решимостью обеих наций сохранить дипломатию, изолированную от идеологии. То, что эти компоненты ранних российско-американских отношений были результатом сравнительно маргинального положения, которое эти отношения занимали большую часть времени в интересах Вашингтона и Санкт-Петербурга, кажется бесспорным; события конца девятнадцатого и начала двадцатого веков доказали, что они также были явно временными» (Gaddis J. L. Op. cit. P. 25). Следует отметить и то, что среди российских ученых оценки ухудшения отношений датируются по-разному: выделяется эмиграция в США евреев, которые были недовольны внутренней политикой в России, и публикация книг Джорджа Кеннана на протяжении 1870–1890-х гг. (И. И. Курилла); гибель императора Александра II в 1881 г. (А. В. Павловская); начало в 1881 г. внутриполитической реакции в Российской империи, сочетавшееся с изменениями в американском обществе и международных отношениях, привело к переосмыслению американо-российских отношений на протяжении последних двух десятилетий XIX в.,

что и привело к кризису отношений в 1903–1905 гг. (В. И. Журавлева); негативная реакция США на успешное проникновение России в Китай в течение 1880–1890-х гг. (Г. П. Куропятник) (Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914 / Виктория Ивановна Журавлева. – Москва: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. – С. 38, 57; Курилла И. И. Заокеанские… С. 413; Куропятник Г. П. Русско-американские отношения. 1867–1898 / Геннадий Петрович Куропятник // История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / Г. П. Куропятник (отв. ред.) и др. – Москва: Наука, 1997. – С. 127; Павловская А. В. Россия и Америка: проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880-е гг. / Анна Валентиновна Павловская. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – С. 55).

[42] ***Более подробно:*** Lee A. Farrow The Catacazy Affair and the Uneasy Path of Russian-American Relations / Lee A. Farrow. – London, New York: Bloomsbury Academic, 2021. – 288 p.

[43] ***Подсчитано автором по:*** Maddison A. Op. cit. P. 26.

[44] ***Подсчитано автором по***: Внешняя торговля / Составитель раздела – к. и. н. Т. Я. Валетов. Раздел дополнен при поддержке гранта РГНФ/РФФИ № 16-01-50123 «История и статистика внешней торговли России, 1897–1916» / Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв.». Исторический факультет МГ им. М. Ломоносова [website]. – URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign_trade.htm (дата обращения: 22.06.2021 г.).

[45] ***Подсчитано автором по:*** Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки / Пол Грегори. – Москва: РОССПЭН, 2003. – С. 73.

[46] Генерал Николай Николаевич Обручев (1830–1904) – начальник Главного штаба (1881–1897) – в 1885 г. констатировал: «Вел войны с гениальным сознанием ПЕТР ВЕЛИКИЙ I, вела их с великим разумом и ЕКАТЕРИНА II. – Но, зачем мы ходили в 1799 г. с Суворовым в Швейцарию? Зачем дрались в 1805 г. под Аустерлицем, а в 1806–7 г. под Прейсиш Эйлау и Фридландом; зачем, отбившись от Наполеона, ходили в 1813–14 гг. освобождать немцев под Лейпциг и Париж; кто нам указывал идти в 1849 г. спасать Австрию, а в 1851–52 гг. мешать ей передраться с Пруссией; с каким сознанием русских интересов мы аплодировали в 1870–71 г. поражению Франции и воссозданию грозной Немецкой империи; зачем в 1875 г. помешали им вновь повоевать; наконец, с какою определенною русскою целью вступили в 1877 году в Болгарию? Все это акты, в которых исторически уже следует признать скорее ряд политических увлечений или недоразумений, чем зрело обдуманных решений. Односторонне и они могут быть оправданы; – ими поддерживалось иногда достоинство, иногда внешнее влияние России. Но по существу, бесконечно воюя, Россия лишь должала и должала, растрачивала для других запас сил и средств, необходимый для ее собственного развития, и очутилась наконец в положении чуть-что не приниженности по отношению к тем, кого спасала, кому помогала. Австрия ее отблагодарила Парижским трактатом, Германия – Берлинским. Греция, Румыния, Сербия, освобожденные ее кровью, перешли в противный лагерь, и даже Болгария, только что ею воскрешенная, стала уже тяготиться своею ей благодарностью. На беду, одновременно с войнами в Европе, все расширялись и Азиатские владения России, обращая политическое ее тело в громадную Комету, с неокрепшим еще европейским ядром и страшным азиатским хвостом, раскинувшимся от Тифлиса до Владивостока. К истощению от внешних войн присоединилось постоянное истощение на питание отдаленных окраин. Стало не хватать сил все того же народа, стало не хватать людей для управления, стала ощущаться повсеместная слабость как материальная, так и духовная. Государственные потребности возросли до чрезвычайных размеров, средства же для их удовлетворения оказывались, сравнительно, скудные. Сколько славных побед, сколько завоеваний. А в

результате: истощение и – полная еще необеспеченность собственной Государственной целости и безопасности. Против Германии и Австрии мы не готовы, нет ни конченных крепостей,ни конченной стратегической сети; против Англии и Турции – не готовы, нет флота и десантных средств на Черном море; против Китая? и тот, без войск, людей и путей в Уссурийском крае, становится тревожен» (Первая наша забота – стоять твердо в Европе. Так считал крупный военный ученый, профессор Академии Генерального штаба Н. Н. Обручев // Источник. – 1994. – № 6. – С. 5–6). Точка зрения Н. Н. Обручева примечательна тем, что в его анализе отсутствовали США, как реальный или потенциальный соперник, несмотря на то, что он писал на фоне ухудшения американо-российских отношений. Такая оценка контрастирует с британским опытом восприятия США. В частности, Сэр Джон Роберт Сили-старший (1834–1895) – Regius профессором современной истории в Кембриджском университете, основоположник британской имперской истории – в книге «Экспансия Англии**:** два курса лекций» (1883): «И, наконец, то, что, как было показано таким образом, возможно, представляется сейчас гораздо более важным, чем в прошлом столетии. Ибо те же самые изобретения, которые делают возможными обширные политические союзы, имеют тенденцию делать государства, которые по старой шкале величины небезопасны, незначительны, второсортны. Если Соединенные Штаты и Россия продержатся вместе еще полвека, они к концу этого времени полностью затмят такие старые европейские государства, как Франция и Германия, и низведут их до уровня второго сорта. Они сделают то же самое с Англией, если по истечении этого времени Англия все еще будет считать себя просто европейским государством, как старое Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии, такое, каким его оставил Питт» (Seeley J. R., Sir. The expansion of England; two courses of lectures / John Robert Seeley, Sir. – London: Macmillan. – P. 62). Спустя два десятилетия, уже в 1908 г., как это описывал в мемуарах военный министр Александр Фёдорович Редигер (1853–1920), российское государство не могло конкурировать с США по освоению Дальнего Востока – сказывалось отсутствие достаточной для этого мощи: «Упомяну здесь еще об одном грандиозном проекте, бывшем в то время на рассмотрении правительства, а именно: о предложенной американскими капиталистами постройке железной дороги от одной из станций Западно-Сибирской железной дороги через всю Сибирь на Чукотский полуостров, с мостом или туннелем через Берингов пролив, для соединения с железными дорогами Северной Америки. Представитель американцев, господин Лоак де Лобель, предлагал выстроить это громадное сооружение без каких-либо гарантий, но с условием уступки обществу железной дороги участков земли по обе стороны пути, как это делалось в Америке. К сожалению, на такое условие у нас не согласились, считая, что подобное значило бы расточать богатства страны; но при нашем безденежье и инертности эти богатства будут спать без конца, а мы останемся в положении собаки на сене» (Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. / Александр Фёдорович Редигер. – Москва: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. – Т. 2. – С. 204).

[47] ***Более подробно:*** Окунь С. Б. Указ. соч. С. 241.

[48] Jensen R. J. The Alaska Purchase and Russian-American relations / Ronald J. Jensen. – Seattle: Univ. of Washington P., 1975. – P. 135–136.

[49] Saul N. E. Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914 / Norman E. Saul. – Lawrence: University Press of Kansas, 1996. – P. 310; Travis F. F. George Kennan and the American-Russian relationship, 1865–1924 / Frederick F. Travis. – Athens: Ohio Univ. Pr., 1990. – P. 195–234.

[50] В советской и российской историографии, эта точка зрения указывалась в следующих работах: Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881 / Геннадий Петрович Куропятник. – Москва: Наука,

1981. – С. 334–335; История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / Отв. ред. Г. П. Куропятник [и др.]. – Москва: Наука, 1997. – С. 383.

[51] ***Более подробно:*** Bartlett C. J. The Global conflict: the international rivalry of the great powers, 1880–1970 / Christopher John Bartlett. – New York: Longman, 1984. – P. 9.

[52] Следуя принципам имагологического подхода, Иван Иванович Курилла – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге – отмечал: «Начиная с 1880-х годов в отношениях между Америкой и Россией начинается охлаждение. Оно не связано напрямую с императором Александром III или президентом Честером Артуром, пришедшими к власти в этот период. Причиной стал, как ни странно, общественный запрос в Соединенных Штатах. Сыграла роль и цикличность в российско-американских отношениях: когда в центр российской политики ставилась модернизация, Америка становилась дружественной страной и источником инноваций, но, когда целью становилось укрепление власти или прекращение „либеральной крамолы“, Соединенные Штаты превращались в угрозу. Именно это и случилось в начале царствования консервативного Александра III: либералов нужно было прижать, народовольцев – казнить или сослать. В этой ситуации Америка казалась не очень дружественной страной. Но в самих Соединенных Штатах произошел серьезный перелом» (Курилла И. Россия и Америка в XIX веке: от сотрудничества к отчуждению / Иван Курилла // ПостНаука: [website]. – 2018. – 27 октября. – URL: https://postnauka.ru/longreads/89794). ***Более подробно***: Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США / Иван Курилла. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 400–412.

[53] Рассматривая историю внешней политики в контексте геополитической парадигмы, Джон П. Ледонн (г. р. 1935) – сотрудник Центра российских исследований имени Дэвиса в Гарвардском университете – отмечал: «Успех политики сдерживания в значительной степени зависел от способности сдерживающей державы отвлекать Россию в Центре страны. В 1880-х годах возможностей было меньше. Теперь русские могли отвлечь британцев, координируя их действия в Центральной Азии и в бассейне Черного моря» (Le Donne J. P. The Russianempire… P. 328).

[54] Пол Майкл Кеннеди (г. р. 1945) – профессор Йельского университета – обращал внимание на диспропорцию мощи между великими державами в 1880-е гг., толкавшую их к враждебным действиям друг против друга: «<…> относительно стабильная Пентархия Концертной системы после 1815 года распадалась не только потому, что к 1860-м годам ее члены были более готовы сражаться друг против друга, чем несколькими десятилетиями ранее, но и потому, что некоторые из этих государств были в два или три раза могущественнее других» (Kennedy P. M. Theriseandfallofthegreatpowers: economicchangeandmilitaryconflictfrom 1500–2000 / PaulM. Kennedy. – NewYork: RandomHouse, copyr. 1987. – P. 192).

[55] May E. R. Imperial democracy: the emergence of America as a great power / Ernest Richard May. – New York: Harcourt-Brace & World, cop. 1961. – P. 188–189.

[56] Норман Сол (г. р. 1932) – профессор истории, российских и восточноевропейских исследований в Канзасском университете – обозначил: «1880-е годы действительно были десятилетием новых и сложных событий в российско-американских отношениях. В некотором смысле это напоминало начало „холодной войны“ из-за отношения России к определенным классам своих граждан, особенно с учетом того, что переход от реформ к осторожности и реакции в одной стране сопровождался ростом моралистического пыла, националистической гордости и агрессивной филантропии в другой» (Saul N. E. Concordandconflict… P. 310).

[57] Джон Льюис Гэддис (г. р. 1941) – профессор Йельского университета – отмечал: «Ухудшение российско-американских отношений, произошедшее за пятьдесят лет, отделяющих покупку Аляски от Русской революции, произошло в первую очередь в

результате американских, а не российских инициатив. Традиционные проблемы российской внешней политики – безопасные границы, доступ к открытым морям, этническая и религиозная солидарность и поддержание баланса сил в Европе – оставались в основном неизменными. Однако американские дипломатические цели резко изменились. Осторожная невмешательская традиция девятнадцатого века уступила место убеждению, что американские институты могут быть защищены только путем их максимально возможного распространения по миру. Последовавшее за этим распространение интересов привело Соединенные Штаты к конфликту с Россией из-за экономико-стратегического соперничества в Восточной Азии и, по гуманитарным соображениям, из-за самой внутренней структуры российского государства. Под давлением революции эта структура теперь изменится, но не так, как хотелось бы американцам. События 1917 года привели бы, в конце концов, к созданию правительства, более приверженного идеологическому империализму, чем когда-либо были Соединенные Штаты. Результатом стало бы крушение надежд, столь широко распространенных в Соединенных Штатах, на улучшение отношений, которое, как ожидалось, принесет Русская революция» (Gaddis J. L. Op. cit. P. 55–56).

[58] Ограниченность реакции в Российской империи на трансформацию роли США проистекала из системной слабости российской внешней политики. На это состояние обратила внимание Ирина Сергеевна Рыбачёнок (г. р. 1947) – главный научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН: «Нечёткое представление о своих геополитических интересах, неготовность активно и планомерно их отстаивать выявляется практически по всем региональным направлениям. Россия как субъект международных отношений всё больше проигрывала своим соперникам и конкурентам, потому что совокупность материальных факторов, позволяющих осуществлять контроль над пространством (потенциально очень высокая), зачастую использовалась не целенаправленно и не последовательно. <…> Положение дел в России на рубеже веков далеко не соответствовало этим параметрам. Уже Русско-японская война показала, что причины поражений России можно было бы определить как три «не»: несогласованность мнений, нерешительность в выборе средств, непоследовательность действий. На рубеже XIX–XX вв. выявилось отсутствие в правящих верхах России адекватной внутренним и внешним условиям высшей стратегии. Российская политика носила бессистемный характер, определялась тактическими, а не стратегическими целями. Это не позволяло верно ставить геополитические задачи и добиваться их успешного осуществления» (Рыбачёнок И. С. Закат великой державы: внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы / Ирина Сергеевна Рыбачёнок. – Москва: РОССПЭН, 2012. – С. 566, 569). Джон П. Ледонн (г. р. 1935) – сотрудник Центра российских исследований имени Дэвиса в Гарвардском университете – отмечал: «К началу двадцатого века великая стратегия России в том виде, в каком она была разработана в восемнадцатом веке, распалась, оставив после себя сочетание плохо скоординированной политики и амбиций. Сосредоточенное развертывание на одном театре военных действий перевернуло политику Петра с ног на голову. Финансовая слабость и низкие экономические показатели представляли печальный контраст с силой российской экономики в XVIII веке. Политические мечты на Дальнем Востоке, в Персии и в турецких проливах оказались полностью оторванными от военного потенциала и экономических реалий» (Le Donne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831 / John P. Le Donne. – Oxford; NewYork: Oxford University Press, 2004. – P. 233).

[59] Альтернативной точки зрения придерживался Джон Льюис Гэддис (г. р. 1941) – профессор Йельского университета. Будучи адептом школы политического реализма, историк считал, что после продажи Аляски в 1867 г. исчезает совпадение интересов

между США и Российской империей: «Хорошие отношения, существовавшие в первой половине XIX века, были основаны на отсутствии конфликтующих интересов и, в некоторой степени, на наличии взаимной антипатии, подозрении, которое обе нации испытывали к Великобритании. В конце XIX и начале XX веков все изменилось: Россия и Соединенные Штаты столкнулись непосредственно из-за Маньчжурии, и новая расстановка сил сделала Вашингтон молчаливым союзником Великобритании и Японии, еще одной страны, растущей мощи которой у русских были основания опасаться» (Gaddis J. L. Op. cit. P. 26).

[60] LeDonne J. P. The Russian empire… P. 327–345; Mosse W. E. The rise and fall of the Crimean System, 1855–71; the story of a peace settlement / Werner Eugen Mosse. – London: Macmillan, 1963. – P. 158–183.

[61] Bridge F. R. Op. cit. P. 212–240; Fuller W. C. Op. cit. P. 197–200.

[62] Kennedy P. M. Op. cit. P. 192; Geyer D. Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914 / Dietrich Geyer. – New Haven: Yale University Press, 1987. – P. 101–121, 125–149.

[63] На это обратил внимание Эрнест Ричард Мэй (1928–2009) – профессор Гарвардского университета: «До конца 1880-х годов к Соединенным Штатам относились как к второсортной державе. Когда в 1880 году турецкий султан решил сократить расходы, он закрыл свои дипломатические представительства в Швеции, Бельгии, Нидерландах и Соединенных Штатах. Миссии в этих второстепенных странах были расходным материалом. Немецкий посланник в Соединенных Штатах вызвался пойти на сокращение жалованья, если его переведут в Мадрид. У российского представительства в Вашингтоне почти два года вообще не было министра. <…> В начале 1880-х годов дипломаты и писатели редко говорили о Соединенных Штатах на одном дыхании с шестью признанными великими державами – Великобританией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Россией и Италией. К началу двадцатого века они включали его почти неизменно» (May E. R. Op. cit. P. 3–6).

[64] ***Более подробно:*** Zakaria F. From wealth to power: the unusual origins of America's world role / Fareed Zakaria. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – P. 90–127.

[65] Foreman A. A world on fire: Britain's crucial role in the American Civil War / Amanda Foreman. – New York: Random House Trade Paperbacks, 2012. – P. 38–39, 86–87, 91–94, 96, 192–193, 326–330, 650–651, 794–797; Jones H. Blue and gray diplomacy: a history of union and confederate foreign relations / Howard Jones. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. – P. 169, 191, 293–294, 322.

[66] Stuart R. C. United States expansionism and British North America, 1775–1871 / Reginald C. Stuart. – Chapel Hill: Univ of North Carolina Pr., 1988. – P. 252.

[67] Burk K. Op. cit. P. 381–390; Bartlett C. J. Defence and Diplomacy: Britain and the Great Powers, 1815–1914 / Christopher John Bartlett. – Manchester: Manchester University Press, 1993. – P. 59–65.

[68] ***Более подробно:*** Adams L. Brothers Across The Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American „Special Relationship“ / Lestyn Adams. – London: I. B. Tauris & Co Ltd, 2005. – P. 15; Anderson S. Race and rapprochement: Anglo-Saxonism and Anglo-American relations, 1895–1904 / Stuart Anderson. – Rutherford: Fairleigh Dickinson University, 1981. – P. 17; Burk K. Op. cit. P. 411–412; Burton D. H. British-American Diplomacy 1895–1917: Early Years of the Special Relationship / David H. Burton. – Malabar: Krieger, 1999. – P. 126; Campbell A. E. Great Britain and the United States, 1895–1903 / Alexander Elmslie Campbell. – Longmans: London, 1960. – P. 186–214; Campbell D. A. Unlikely allies: Britain, America and the Victorian origins of the special relationship / Duncan Andrew Campbell. – London: Hambledon Continuum, 2007. – P. 171–199; Dimbleby D. An ocean apart: the relationship between Britain and America in the twentieth century / David Dimbleby. – New York: Vintage Books, 1988. – P. 28–49; Dobson A. P.

Anglo-American relations in the twentieth century: of friendship, conflict, and the rise and decline of superpowers / Alan P. Dobson. – New York: Routlege, 1995. – P. 1–41; Gelber L. M.The rise of Anglo-American friendship; a study in world politics, 1898–1906 / Lionel Morris Gelber. – Hamden: Archon Books, 1966. – P. 1–16; Neale R. G. Great Britain and United States expansion: 1898–1900 / Robert George Neale. – East Lansing: Michigan State University Press, 1966. – P. 211–215; Orde A. The eclipse of Great Britain: the United States and British imperial decline, 1895–1956 / Anne Orde. – Basingstoke: Macmillan, 1996. – P. 9–39; Perkins B. The great rapprochement: England and the United States, 1895–1914 / Bradford Perkins. – New York, Atheneum, 1968. – P. 64–240; Tilchin W. N. Theodore Roosevelt and the British Empire: a study in presidential statecraft / William N. Tilchin. – Basingstoke: Macmillan, 1997. – P. 3–54; Watt D. C. Succeeding John Bull: America in Britain's place, 1900–1975: a study of the Anglo-American relationship and world politics in the context of British and American foreign-policy-making in the twentieth century / Donald Cameron Watt. – New York: Cambridge University Press, 1984. – P. 1–39.

[69] Bartlett C. J. Peace, war, and the European powers, 1814–1914 / Christopher John Bartlett. – London: MacMillan Press, 1996. – P. 121–140; Langhorne R. The collapse of the Concert of Europe: international politics, 1890–1914 / Richard Langhorne. – London: MacMillan, 1983. – P. 69–108; Anderson M. S. Op. cit. P. 33–69.

[70] ***Более подробно:*** Кудрявцева Е. П. Указ. соч. С. 181–182; Айрапетов О. Р. История внешней политики… Т. 2. С. 398–401.

[71] Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии / Евгений Юрьевич Сергеев. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – С. 26–63, 99–134, 288–299; Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / Анатолий Викторович Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – С. 124, 223–266, 317–399, 518–528; Gillard D. R. The Struggle for Asia 1828–1914: A Study in British and Russian Imperialism / David R Gillard. – London: Methuen, 1977. – P. 115–178; Gibson J. R. Imperial Russia in frontier America: the changing geography of supply of Russian America, 1784–1867 / James R Gibson. – New York: Oxford University Press, 1976. – P. 25, 213.

[72] «Дело Катакази» показало непонимание в Российской империи применения в США европейской практики использования СМИ для формирования политического кризиса.

[73] Показательной выступает оценка международного положения Российской империи на момент гибели императора Александра II, данной Николаем Валерьевичем Чарыковым (1855–1931) – вторым секретарем канцелярии и секретарем Императорского двора, дипломата: «Прежде всего, наши посольства и миссии должны были быть проинформированы о смерти императора и восшествии на престол его сына. Более того, внешняя политика нового императора должна была быть изложена таким образом, чтобы не угрожать ни интересам России, ни миру в Европе. Это было нелегко, потому что после Берлинского конгресса наши отношения с Великобританией и Австро-Венгрией были очень напряженными, отношения с Германией были на грани вражды, в то время как Франция и Италия в то время мало что значили на практике. Соединенные Штаты Америки неизменно были настроены дружелюбно, поскольку Россия отказалась присоединиться к Великобритании и Франции в дипломатическом вмешательстве во время Гражданской войны в Америке и даже направила эскадру российских линкоров в Нью-Йорк в качестве демонстрации против этой попытки иностранного вмешательства. Барон Жомини, который оставался первым советником после отставки князя Горчакова, примерно за десять минут подготовил некодированную циркулярную политическую телеграмму, которую де Гирс затем одобрил. Мы немедленно отправили его, и пресса мира напечатала его на следующий день. Так был сделан первый тактичный и осмотрительный шаг в той внешней политике, которой предстояло следовать в течение всего мирного царствования

Александра III, несмотря на все сложности и опасности, с которыми тогда сталкивалась Россия» (Tcharykow N. V. Glimpsesofhighpolitics: throughwarandpeace 1855–1929: the autobiography of N. V. Tcharykow / Nikolai Valerianovich Tcharykow. – London: G. Allen & Unwin, 1931. – P. 153. В элитарных кругах также существовала симпатия к США. Барон Роман Романович Розен (1847–1921) передавал следующую атмосферу симпатии к США в 1860–1870-е гг.: «Результатом (поддержки России США в годы Гражданской войны от британского вторжения. – Д. Д.) стало создание в России, как и в Соединенных Штатах, сильного чувства солидарности и взаимной дружбы. Это чувство проявилось в большом энтузиазме, с которым были приняты адмирал Лессоффски и его флот, и в безграничном энтузиазме, с которым миссия мистера Фокса после окончания Гражданской войны была встречена повсюду в России. Этот энтузиазм в России я сам наблюдал, будучи тогда еще мальчиком в колледже. Естественно, все мы, мальчики, были полны самых теплых дружеских чувств к американскому народу. Слова „Америка", „Американские друзья", „Трансатлантические друзья" были нарицательными повсюду» (Rosen R. R. Fortyyearsofdiplomacy: in 2 vols. / Roman Romanovich Rosen. – London, NewYork: Allen & Unwin, 1922. – Vol. 1. – P. 22). Это же передают воспоминания Петра Сергеевича Боткина (1865–1933) – сотрудника посольства Российской империи в Вашингтоне (1890–1895), отмечал свое отправление в США в 1890 г.: «Дней через десять я садился в Гавре на французский транслантический пароход „Gascogne". Добрый старик Боголюбов, наш знаменитый маринист, проживавший тогда в Гавре, пришел меня проводить. Обнимая меня, он сказал: „Прощаюсь с одним человеком, а поздороваюсь, когда вернетесь, с другим". – Как так? – спросил я. – Да очень просто. Кто едет в Америку, перерабатывается там на американский лад. Я еще не видел человека, побывавшаго в Америке, который не носил бы на себе заморскаго отпечатка. Жизнь в Америке так или иначе отражается на нашем брате, европейце...» (Боткин П. С. Указ. соч. С. 34).

[74] Уильям К. Фуллер-младший (г. р. 1951) – профессор стратегии и политики в Военно-морском колледже США – отмечал: «Однако относительный военный потенциал России за этот период существенно не улучшился. Действительно, в ключевых отношениях ситуация действительно ухудшилась, особенно на западном фронте. В эти годы в Европе началась полномасштабная гонка вооружений. Способность России идти в ногу со своими соседями была ограничена скупостью ее собственного министерства финансов, которое не позволяло армии извлекать значительную выгоду из улучшающейся экономики империи и сопутствующих растущих доходов казны. Центральные военные лидеры воспринимали такие финансовые ограничения как зло, но они рассматривали опрометчивый азиатский империализм, предпринятый Россией в конце 1890-х годов, как катастрофу. Поворот в сторону Азии, спонсируемый в различных точках министерствами финансов и иностранных дел, в дополнение к самому двору, привел к строительству Транссибирской железной дороги, захвату Порт-Артура и оккупации Маньчжурии. Эти события в сочетании с неумелой дипломатией подтолкнули Россию к жестокой конфронтации с Японской империей. Что еще хуже, требования восточного авантюризма лишили Военное министерство ресурсов для улучшения обороноспособности России на западе. Финансовый кризис армии усугублялся тем фактом, что к концу периода военные и политические соображения убедили как генералов, так и императора в том, что безопасность России все больше зависит от сохранения союза с Францией. По этой причине было сочтено необходимым пересмотреть военные планы России, чтобы они соответствовали ожиданиям Франции. Царские военные теперь пришли к выводу, что Россия должна быть готова в случае войны начать двойное наступление против Австро-Венгрии и Германии. Неудивительно, что это означало, что армия нуждалась в еще более высоких

ассигнованиях. Но доходы так и не поступили. Из-за чрезмерных обязательств, бюрократической политики и оппортунистического империализма в 1904 году Россия не была готова к войне ни в Азии, ни в Европе. Она упустила свои возможности и тем самым сделала себя более уязвимой, чем когда-либо прежде. На рубеже веков российская стратегия ведения войны в Европе намного превосходила военные возможности империи. Это была стратегия блефа, и российское военное руководство это знало» (Fuller W. C. Op. cit. P. 196).

[75] Пол Майкл Кеннеди (г. р. 1945) – профессор Йельского университета – видел разрыв между Российской империй и США на уровне расхождения военных и экономических показателей уже в начале 1860-х гг., которые усиливались к концу XIX в. (Kennedy P. M. Op. cit. P. 178–179). В восприятии современников Всемирная выставка 1893 г. в Чикаго также показывала отставание Российской империи от США. Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург, описывая участие Российской империи в выставке 1893 г. в США: «После был В. С. Боткин, который приехал из Америки. Американская палата постановила иметь посольства там, где державы европ. согласятся посылать в Соедин. Штаты послов. Наша миссия послала в Петербург бумагу, говоря, что хорошо бы нам первым это сделать. Но наше министерство не отвечало на это. Англичане сделали это первые, потом французы и немцы, а мы все еще думаем. Наша выставка была не готова, другие тоже мало готовы были, но все-таки были выставлены хорошие вещи. Президент говорил любезности: благодари за то, что прислали прекрасные вещи. Везде одно и то же. Перед русским отделом замялся, ибо хороших вещей не было, а были только десятки комиссаров. Он, наконец, сказал: „Благодарю Россию, что она прислала таких почтенных мужей“. Это очень мило и зло!» (Суворин А. С. Дневник А. С. Суворина / Алексей Сергеевич Суворин. Ред., предисл. и прим. Мих. Кричевского. – Москва; Петроград: Л. Д. Френкель, 1923. – С. 68). В более саркастичной форме участие российской стороны осветил в воспоминаниях князь Сергей Михайлович Волконский (1860–1937): «Отделы русские, как и все, были распределены в разных зданиях, раскинуты по выставке; ходили с водосвятием от одного к другому. И вот можете себе представить эту процессию: архиерей, два священника и дьякон в облачениях, мы все за ними в мундирах, а впереди хор „малороссиян“ „в костюмах“ – венки из маков и овса, ленты, бусы, шаровары и папахи…» (Волконский С. М. Мои воспоминания: в 2 т. / Сергей Михайлович Волконский. – Москва: Искусство, 1992. – Т. 1. – С. 291). В начале 1890-х гг. современники фиксировали отставание Российской империи.

[76] Следует отметить, что не только реакция на рост мощи США становилась примером отдельного кризиса во внешней политике Российской империи. Во второй половине 1890-х гг. прослеживалась неспособность руководства Российской империи балансировать эффективно на глобальном уровне: расширение акторов Венской системы за счет Германской империи, США, Японской империи создавало системный вызов российским позициям в мире, к которому они не были готовы. Андрей Дмитриевич Калмыков (1870–1941) – 2-й секретарь миссии в Тегеране (1896); консул в Астрабаде (1897); секретарь миссии и поверенный в делах в Бангкоке (1898–1900); генеральный консул в Ускубе (1911); генеральный консул в Смирне (с 1912) – передавал невозможность сохранить Российской империей прежнюю роль балансира в Венской системе уже в первые годы правления императора Николая II: «Нервный, встревоженный Гирс, который смертельно боялся Германии и лишь немного меньше Великобритании, и крепкий, добродушный царь, который ничего не боялся, были хорошо подобраны и сделали Европу безопасной для монархии и даже для демократии, насколько это касалось Франции. Раскаленные добела английские банкноты остыли, когда дрожащие руки Гирса положили их на стол Александра III. Соединенные Штаты могли бы наслаждаться беспрецедентным процветанием, Франция – безопасностью

своих границ, Великобритания – неоспоримой властью над своей колониальной империей. Правление царя тяжелым бременем легло на Россию, но обеспечило политическую и экономическую стабильность для всех народов. Огромная, реакционная, невежественная, неподвижная Россия была тем балластом, который стабилизировал равновесие в мире. Все это закончилось со смертью Александра III. Его кончина почти не была замечена за пределами России. Кого заботила личность царя? Кабинеты министров были уверены, что политика останется неизменной при его преемнике. Россия должна была навсегда остаться той же Россией. Что за иллюзия!» (Kalmykow A. D. Op. cit. P. 29). Близкой точки зрения придерживался и Владимир Борисович Лопухин (1871–1941), настаивая на косности внешней политики Российской империи, которая уже утратила эффективность на рубеже XIX–XX вв. в условии балансирования между Европой и Северо-Восточной Азией: «По части внешней политики правительство тем временем, не задумываясь, шагало по проторенному пути. На Западе мы крепили союз с Франциею, подтвержденный манифестациями посещения республики в 1896 г. царем и царицею и ответным визитом в Петербург в 1897 г. президента Феликса Фора. На Дальнем Востоке Россия занялась углублением содеянных ошибок. Вырвав из рук Японии ее завоевания в Китае, мы потянулись к оккупировавшимся Япониею во время войны Печилийским портам и в марте 1898 г. официально заняли Порт-Артур и Талиенван. Можно ли было настолько недооценивать только что выдержавшую экзамен победоносной войны Японию, рискуя столкновением с ней за тридевять земель от нашего центра? Мало того, мы заняли явно враждебную Японии позицию в Корее, протектората над которою Япония так настойчиво добивалась, и который мы также вырвали из ее рук. Печкою, от которой танцевал гр. Муравьев, была простодушно усвоенная им вера в несокрушимость „русского медведя“, которого, в сущности, он абсолютно не знал и о самом существовании которого в качестве внушительного аргумента, по-видимому, впервые услышал за границею, представляя его себе со слов иностранцев. Опираясь на этот непроверенный аргумент, гр. Муравьев весело бежал по пути авантюр навстречу царскому настроению, навеянному льстивыми выступлениями в Сибирском комитете на тему о высокой миссии царя на Дальнем Востоке. События показали, к каким роковым для России последствиям привела наша тихоокеанская экспансия. Нехорошую мы повели активную политику» (Лопухин В. Б. Указ. соч. С. 74). Барон Михаил Александрович фон Таубе (1869–1961) – правовед-международник, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, сотрудник МИДа – считал, что после поражения в Русско-японской войне и с началом революции в Российской империи государство вступило в политический кризис, из-за отсутствия подлинных изменений: «В результате все осталось по-старому, и в свой новый государственный строй в 1906 году Россия вступила в настоящем сумбуре и внутренней, и внешней политики» (Таубе М. А. Указ. соч. С. 92). Сенатор Александр Александрович Половцов (1832–1909) в дневниковых записях показал, что к 1906 г. российское государство утратило позиции в Венской системе времен блистательных конгрессов эпохи Александра I: «Напоминаю, что Финляндия досталась нам как последствие Тильзитского мира и Эрфуртского свидания в совокупности с Венским конгрессом, возведших Россию на высшую ступень могущества; что настоящее наше положение совсем иное и прибавлять усложнения к великому числу ныне существующих было бы весьма неосторожно» (Половцов А. А. Дневник. 1893–1909 / Сост., коммент. вступ. ст. О. Ю. Голечковой. – Санкт-Петербург: АНО «Женский проект»: Алетейя, 2015. – С. 516–517).

[77] Носов М. Г. Отношения между США и Японией: История взлетов и падений (1791–2020) / Михаил Григорьевич Носов. – Москва: Издательство «Весь Мир»; Институт Европы РАН, 2020. – С. 74–95.

[78] ***Более подробно:*** Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. – Москва: МФД, 1999. – С. 82–85.

[79] Половцов А. А. Указ. соч. С. 439.

[80] Ощущение того, что на рубеже XIX–XX вв. США представляют угрозу для Российской империи передают оценки военных. Артем Александрович Черниловский констатировал: «Крайне редко воспринимались в качестве таковой (угрозы. – Д. Д.) и США. До конца 90-х гг. XIX в. российские военачальники не считали заокеанскую республику не только возможным противником Империи, но и вообще сколько-нибудь серьезным фактором международных отношений. В первые годы XX века дальневосточная авантюра Николая II, по времени совпавшая со вступлением США в круг великих держав, заставила считаться с возможностью появления нового противника. После поражения в войне с Японией риск столкновения с США сошел на нет» (Черниловский А. А. Первая мировая война в сознании военной элиты России: автореф. дис. … канд. ист. Наук / Артем Александрович Черниловский. – Брянск, 2005. – С. 18). Тем не менее конец 1890-х и 1900-е гг. были периодом, когда военные элиты Российской империи оценивали Соединенные Штаты в качестве угрозы. Описывая международные процессы 1890-х гг., Михаил Владимирович Грулев (1858–ок. 1942) – генерал-лейтенант, писатель, журналист, участник Русско-японской войны – констатировал: США были противником России, стоя вместе с Великобританией и Японией (Грулев М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генеральнаго штаба и командира полка о Русско-японской войне / Михаил Владимирович Грулев. – Санкт-Петербург: издал В. Березовский, 1908–1909. – Ч. 1. – С. 27, 33). Аналогичных взглядов придерживался и Василий Иосифович Гурко (1864–1937) – штаб-офицер в распоряжении начальника Главного штаба – приводил следующие данные: «На совещании 26 марта 1903 года все приглашенные министры высказывают опасение, что наша деятельность в бассейне Ялу может создать для нас многочисленные международные осложнения; указывается при этом не одна Япония, а и Англия и в особенности Америка» (Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Василий Иосифович Гурко. – Москва: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 519). Евгений Иванович Алексеев (1843–1917) – адмирал, наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, Главнокомандующий сухопутных и морских сил в Тихом океане, давая оценку весной 1905 г. во время обсуждения о перспективе продажи о. Сахалина, занимал следующую позицию: «С точки зрения политической мы до сих пор имели на Дальнем Востоке в качестве ближайших соседей государства азиатские. В случае же перехода Сахалина в собственность американцев мы сразу приобретаем в лице правительства Соединенных Штатов, которое не преминет взять под свое покровительство упомянутых капиталистов, могучего соседа и возможного врага, который будет иметь законное право вмешательства и политического воздействия на все дела Дальнего Востока. Наконец, в отношении стратегическом едва ли удобно предоставлять сильной военно-морской державе базу, которая даст ей господство на восточных берегах Азии, окончательно закрыв для всей Сибири и Приамурского края выход в океан. В этом отношении нам легче, по ходу событий настоящей войны, примириться с тяжелою необходимостью перехода острова в руки Японии, от которой мы в будущем могли бы надеяться отвоевать его, чем соглашаться на уступку острова третьей державе, с которой нам воевать невозможно» (Письмо Е. И. Алексеева В. Н. Ламздорфу о нецелесообразности продажи о. Сахалин США. С[анкт]-Петербург, 20 мая / 2 июня 1905 г. // Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. – Москва: МФД, 1999. – С. 85). В правокадетско-

прогрессистском издании «Великая Россия» в 1910 г. Леонид Митрофанович Болховитинов (1871–1925) – генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер Кавказской армии – отмечал, что испано-американская война 1898 г. привела к империализму США и эта держава, подобно Японии и Великобритании, стала врагом Российской империи. Для военного эксперта США стремились достичь положения, которое не соответствовало балансу сил: «Во многих случаях „сферы влияния“ намечались с большим избытком против действительной надобности с одной стороны с целью образования запаса для уступок при переговорах с конкурентами, с другой – для создания затруднений последним. Особенную жадность в этом направлении проявили Соединенные Штаты Северной Америки, которые, не удовлетворяясь никаким объемом „сфер влияния“, энергично добивались и требовали предоставления одинаковых!, прав повсюду <…>» (Болховитинов Л. М. Россия на Дальнем Востоке / Леонид Митрофанович Болховитинов // Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам: в 2 к. / Ред.-изд. В. П. Рябушинский. – Москва: [б. и.], [1910–1911]. – Книга 1. – С. 195).

[81] В академической литературе концентрация Российской империи на Востоке во второй половине XIX в. рассматривается одной из стратегических ошибок, приведшей к коллапсу государства. Анализируя «дальневосточный империализм», Уильям К. Фуллер-младший (г. р. 1951) – профессор стратегии и политики в Военно-морском колледже США – отмечал: «Поскольку экспансия России на Востоке привела к ухудшению ее способности эффективно воевать на западе, она стала настолько зависимой от своего французского союзника, что почувствовала, что должна сделать все, чтобы удовлетворить Париж. <…> Таким образом, как это ни парадоксально, из-за того, что Россия перенапряглась в Азии, она была вынуждена перенапрячься и в Европе» (Fuller W. C. Op. cit. P. 232–233).

[82] Если провести параллели между двумя войнами (Испано-американской и Русско-японской), то видно, что США и Российская империя обладили разными возможностями влиять на друг друга. Владимир Борисович Лопухин (1871–1941) – сотрудник Департамента внутренних сношений МИДа – лаконично охарактеризовал реакцию на начало в 1898 г. Испано-американской войны: «Где-то вдалеке происходила не вызывавшая в нас почти никакого к себе интереса война Северо-Американских Соединенных Штатов с Испаниею» (Лопухин В. Б. Указ. соч. С. 75). Лаконичная заметка передает не только индивидуальное восприятие отдельной личности, но и способность Российской империи влиять на рост мощи США за счет демонтажа европейской державы. Если на протяжении 1800–1840-х гг. Испания «уступала» свои территории США и Российская империя рассматривала это составной частью антибританской политики и поддержания неконфликтных американо-российских отношений, то к концу XIX в. императорский двор не имел возможности реагировать на рост позиций США в мире. Не было даже номинального присутствия российского государства в урегулировании испано-американского конфликта. Впервые в истории двусторонних отношений Российская империя не сделала то, что она совершала в годы Войны США за независимость (1775–1783), Гражданской войны (1861–1865) – она не поддержала североамериканское государство. Диаметрально противоположное наблюдалось в роли США в завершении Русско-японской войны. Раздражительную реакцию на изменение симметрии отношений между двумя государствами передает точка зрения Александра Александровича Савинского (1868–1934) – директора канцелярии МИДа: «Я должен признать, что лично я считал несправедливым, что американцы, которые в своих собственных делах были связаны теорией Монро, должны вмешиваться в дела за пределами своей страны. Мне также было больно от того, что Россию, такую великую и могущественную, следует пригласить вступить в мирные переговоры с Японией как раз в критический момент,

когда их усилия и ресурсы, возможно, были на грани истощения. Похоже, что так оно и было на самом деле. Неудача сопутствовала нам в этой неудачной, непопулярной войне» (Savinsky A. A. RecollectionsofaRussiandiplomat / Alexander Aleksandrovich Savinsky. – London: Hutchinson, 1917. – P. 127–128).

[83] США как опасность европейскому процветанию был ключевым тезисом в политике оказания воздействия на Николая II кайзером Вильгельмом II. Сергей Юльевич Витте (1849–1915), описывая переговоры между ним и германским императором, а также беседы российского и германского монархов, в процессе визита Вильгельма II в августе 1897 г., отмечал этот процесс: «Император германский пошел со мной в кабинет посла, где, оставшись со мной наедине, император обратился ко мне со следующей речью: он сказал, что Америка представляет для Европы большую конкуренцию, конкуренцию всему европейскому земледелию, что Америка наживается за счет Европы, а потому он находит, что следовало бы в отношении Америки принять особливые меры, т. е. относительно таможни; не почитать ее страною наиболее благоприятствуемой, т. е. не трактовать ее, как все остальные европейские страны, а держать для нее совершенно особливые пошлины, дабы Америка не могла наводнять Европу своими продуктами» (Витте С. Ю. Воспоминания: в 3-х т. / Сергей Юльевич Витте. – Ленинград: ГИЗ, 1924. – Т. 1. – С. 98–99). Эта же информация, но уже в 1911 г. передается в мемуарах графа Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943) – председателя Совета министров Российской империи: «Был невероятно знойный день. Во время этого осмотра Император Вильгельм подошел ко мне и стал вести беседу на тему о необходимости устроить Европейский нефтяной трест в противовес Американскому Стандарт-Ойль, объединивший в одну общую организацию страны производительницы нефти – Россию, Австрию (Галицию), Румынию, и дать такое развитие производству, которое устранило бы зависимость Европы от Америки. Я случайно знал о том, что эта тема интересует Вильгельма, так как за полгода перед тем он имел на ту же тему беседу с Э. Л. Нобелем, который передал мне в свое время ее содержание. Эта тема входила уже тогда в состав общих мыслей Германского Императора, в числе которых была и мысль о необходимости бороться с Америкой и сделать Европу менее зависимой от нее» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: в 2 т. / Владимир Николаевич Коковцов. – Париж: Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1933. – Т. 2. – С. 78). Инициатива Т. Рузвельта в мае 1905 г. выступить посредником в урегулировании российско-японского конфликта накладывалась на переписку между Николаем II и Вильгельмом II, в которой монархи обсуждали роль Соединенных Штатов в их видении будущего миропорядка. Исходя из более открытой позиции германского кайзера, которую он изложил в письме российскому самодержцу от 17 ноября 1904 г., значилось: «Результатом этого было бы всеобщее недоверие, очень для нас опасное, так как Америка, движимая подозрениями, что Россия с Германией готовы к наступательным действиям ради дальнейших эгоистических целей, примкнет тогда к Англии. Этого допускать нельзя ни в коем случае: ведь главная задача русских и германских дипломатов – предотвратить союз Америки с Англией. <…> Таковы два моих предложения, которые я решаюсь представить на твое рассмотрение и которые, как я надеюсь, ты одобришь; цель их – не допустить Англию принять активное участие в этой войне и, если можно, воспрепятствовать Америке присоединиться к Англии» (Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке // Красный архив. – 1924. – Т. 5. – С. 18–19). Через 11 месяцев, 26 сентября 1905 г., Вильгельм II, еще не ведая о том, что Николай II вскорости столкнется с давлением со стороны противников российско-германского сближения, напишет своему кузену: «„Континентальный синдикат“, окруженный Америкой, – это единственный способ эффективно преградить путь к тому, чтобы весь мир стал частной собственностью Джона Булла, которую он эксплуатирует в свое удовольствие после того, как, без конца обманывая и обманывая,

поставил остальные цивилизованные нации на уши друг другу для его собственной личной выгоды» (TheKaiser'sLetterstotheTsar[i.e. NicholasII]: CopiedfromtheGovernment ArchivesinPetrograd, andBroughtfromRussiabyIsaacDonLevine / EditedbyWilliamWilliam [et al]. – London: HodderandStoughtonlimited, 1920. – P. 211–212). Несмотря на то, что Николай II в переписке не высказывал открыто свое отношение к взглядам Вильгельма II, все же поставил его в известность об инициативе Т. Рузвельта. Известно, что император придерживался паневропейских и антибританских взглядов. Подтверждение этому можно найти в дневниковых записях сенатора Александра Александровича Половцова (1832–1909), в которых самодержец представлен в качестве носителя схожих взглядов с германским кайзером относительно опасности для Европы от держав Азии и Америки (Половцов А. А. Указ. соч. С. 172). Подпитывал идею об англо-американской коалиции против России и континентальной Европы также и донесениями граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1831–1912) – посол Германской империи (1895–1912). (Русско-германский договор 1905… С. 8). Близкую с идеями Вильгельма II позицию занимал и Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – военный министр, член Государственного совета: «Европе тесно на ее маленькой территории. Без рынков всего мира Европа жить не может. Торжество идей „Америка для американцев“, „Азия для азиатов“, „Африка для африканцев“ грозит Европе тяжкими потрясениями. Надвигается опасность настолько серьезная, что перед нею европейские державы должны бы забыть взаимные счеты, дабы, соединившись вместе, дать отпор молодым нациям, стремящимся загнать старушку Европу домой, в ее узкую раковину, давно треснувшую по всем швам» (Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны / Алексей Николаевич Куропаткин. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство „Полигон“», 2003. – С. 519). Александр Петрович Извольский (1856–1919) – министр иностранных дел в 1906–1910 гг. – отмечал сильное влияние Вильгельма II на Николая II, через его антибританские взгляды, и стимулировал вовлечение Российской империи в противостояние с иностранными державами на Дальнем Востоке: «С другой стороны, германский император, который делал все возможное, чтобы подвинуть царя на политику авантюр на Дальнем Востоке, пользовался в это время всяким удобным случаем, чтобы испортить отношения между Россией и Англией. <…> Мы видели, что император Вильгельм не пренебрегал никакими средствами, чтобы оживить чувство недоброжелательства, которое царь питал к Англии, и что он пользовался всяким удобным случаем, чтобы вызвать сближение между Англией и Японией» (Извольский А. П. Воспоминания / Александр Петрович Извольский. – Петроград – Москва: Изд-во «Петроград», 1924. – С. 31–34). Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – военный министр, член Государственного совета – также выражал идеи, близкие со взглядами Вильгельма II: «Только действуя в союзе с нами против Японии Англия может рассчитывать на союз с Россией, и то не по европейским делам, а по делам азиатским. За поддержание всем своим флотом в Тихом океане нашей армии в Маньчжурии и Приамурском округе Россия может обязаться поддерживать положение Англии в Индии. И это будет поддержка естественная и серьезная, это будет союз двух народов белой расы против надвигающейся опасности со стороны Востока со стороны желтой расы. Новое поражение России на Дальнем Востоке грозит изгнанием всех белых из Азии и в том числе англичан из Индии. Император Вильгельм I давно предсказывал наступление этой опасности. И опасность эта так велика для всей Европы, что было бы неисчислимым для неё бедствием, если бы Англия и Германия, обессилив себя во взаимной тяжкой борьбе, облегчили Америке и Азии вытеснить Европу не только из Азии, но и из других материков света, загнав ее в западную часть узкого европейского материка-чулка» (Куропаткин А. Н. Задачи русской армии: в 3 т. / Алексей Николаевич Куропаткин. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразов и К°, 1910. – 2 т. – С. 146). По

мнению А. Н. Куропаткина: «Роль России в готовящихся в XX веке событиях мирового значения огромна. Россия уже приняла на себя в XX столетии первый натиск желтой расы и не имела успеха, Причин тому много, но одна из главных это поддержка, врагов Европы – японцев Англией. Поддержка Японии Америкой может представляться естественною, потому что Америка – естественный будущий враг Европы. Но поддержка Японии Англией составляет результат – тяжелое недоразумение. Из-за мифической боязни нашествия России на Индию Англия своими руками создала уже не мифическую, а реальную опасность для той же Индии. Европейцы держатся в Азии престижем их непобедимости. Победа в Азии над русскими есть вообще победа азиата над европейцем. Почувствовав свои силы, азиат будет их применять не только к русским владениям, но вообще к азиатским владениям Англии, Франции, Германии. Борьба только начинается. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904–1905 гг., был лишь авангардный бой. Для блага всей Европы надо, чтобы при новом напоре японцев или китайцев на Россию силы Европы были с нею, а не против неё» (Куропаткин А. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 254).

[84] Правонационалистические настроения сразу же отождествили позицию США с интересами Великобритании, добавив к восприятию еще и юдофобские оценки. Это передают суждения Сергея Сергеевича Ольденбурга (1888–1940) – историка, активного участника белоэмигрантского движения: «Тон американской печати, особенно еврейской, был настолько враждебен России, что Меньшиков в „Новом Времени“ воскликнул: „Вся нынешняя война есть чуть не прямое содействие еврейской агитации в тех странах, где печать и биржа в руках евреев ... Нет сомнения, что без обеспечения Америки и Англии Япония не сунулась бы с нами в войну“. Это было, во всяком случае, значительным преувеличением одного из факторов сложного международного положения» (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II: в 2 т. / Сергей Сергеевич Ольденбург. – Белград: издание Общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939. – Т. 2. – С. 234). Иван Яковлевич Коростовец (1862–1933) – дипломат, востоковед, участник российской делегации на мирных российско-японских переговорах: «После него заглянул Брянчанинов, который стал критиковать выработанные условия, говоря, что можно было не уступать Сахалина и добиться лучших условий. Молчание Петербурга, по его мнению, объясняется неудовольствием, главным образом, военных сфер, желавших продолжать войну. В этом отношении Брянчанинов, кажется, прав. Судя по телеграммам, русские газеты не проявляют никакого энтузиазма и даже осуждают Рузвельта за вмешательство, а американский народ за то, что он не поверил в победу России. У нас не ожидали, что Япония уступит, и военная партия рассчитывала на продолжение войны. Газеты „Свет“ и „Новое Время“ говорят, что армия Линевича не побеждена и что настоящий договор утрачивает, но не разрешает спора между Россией и Японией» (Коростовец И. Я. Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа Витте / Иван Яковлевич Коростовец. – Пекин, 1923. – С. 105–106). Александр Александрович Савинский (1868–1934) – директор канцелярии МИДа – считал, что Т. Рузвельт исходил из растущего влияния американского общества по увеличению роли США в мире (Savinsky A. A. Op. cit. P. 127). Уже после завершения Русско-японской войны граф Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943) – председатель Совета министров Российской империи – отмечал циркуляцию в правительстве идей ассоциации США с центром революционно настроенных этнических евреев: «В одном из заседаний самого начала, октября месяца 1906 года П. А. Столыпин предложил всем членам Совета, по окончании рассмотрения всех очередных дел и удалении из заседания чинов канцелярии Совета, – не расходиться и остаться еще на некоторое время, так как он имеет в виду коснуться одного конфиденциального вопроса, который уже давно

озабочивает его. Мы все, разумеется, последовали его приглашению, и, когда с уходом канцелярии остался один Управляющий делами Совета, сын покойного Плеве, Николай Вячеславович, пользовавшийся его полным доверием – и притом совершенно справедливо, – Столыпин просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, – только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра – в Америке. Притом Столыпин сослался и на пример бывшего Министра Внутренних дел Плеве, который, при всем его консерватизме, серьезно думал об изыскании способов к успокоению еврейской массы путем некоторых уступок в нашем законодательстве о евреях и принимал даже незадолго до его кончины некоторые меры к сближению с еврейским центром в Америке, но не успел в этом, получивши весьма холодное отношение со стороны главного руководителя этого центра – Шифа» (Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. – С. 237).

[85] Этот процесс был составной частью выделения внешней политики в отдельную сферу политической борьбы партий, групп-интересов в российском политикуме, функционирующем в парламентаризме и демократических практиках. ***Более подробно:*** Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века: 1905–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Валентина Юрьевна Белянкина. – Кострома, 2005. – С. 12.

[86] [Обращение Центрального предвыборного комитета правых к русским приказчикам] Сентябрь? 1912 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 262–263; [Речь депутата IV Государственной думы Н. Е. Маркова на заседании думы 23 октября 1913 г. и речи депутатов думы В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова на заседании думы 25 октября 1913 г.] // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 345–346; [Основные положения Народных монархических союзов, предложенные председателем Астраханской Народной монархической партии] 8 мая 1916 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 554.

[87] Окружные послания главного совета союза русского народа Отделам Союза Русского Народа и Монархическим сообществам, входящим в состав Союза. 3 января 1912 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В.Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 91; Отчет об общем Собрании Главного Совета Всероссийского Национального Союза по поводу отмены США договора с Россией и принятая на собрании резолюция] 9 февраля 1912 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 119–121.

[88] Постановления монархического съезда русских людей в Москве в 1909 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 1. 1905–1910 гг. – С. 509–510.

[89] Скопин П. А. Восприятие Соединенных Штатов Америки российскими либеральными партиями: 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Петр Анатольевич Скопин. – Москва, 2015. – С. 18, 19, 21–22.

[90] На этом настаивали Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) (М. М. Ковалевский. Политическая программа нового Союза народного благоденствия) (Речь на собрании членов Клуба

независимых). Москва, 14 февраля 1906 года. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / Ассоц. «Рос. полит. Энциклопедия», Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Н. Б. Хайлова, отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2002. – С. 36; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. / Центр полит. и экон. истории России Рос. независ. ин-та соц. и нац. проблем, Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, сост., ред.-подготовитель и автор примеч. О. Н. Лежнева, отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2000. – С. 420). Князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950) – общественный деятель, кадет, депутат I Государственной думы – писал о своих наблюдениях второй половины 1900-х гг.: «Я и раньше много путешествовал по России, но в западный край попал впервые. Между прочим, наткнулся в Черниговско-Могилевском районе на весьма любопытное явление местной жизни, о котором прежде никогда не слышал. Это был район черты еврейской оседлости, из которого ежегодно множество евреев выселялось в Соединенные Штаты Северной Америки. Поэтому во всех уездных городках находились конторы пароходных обществ, вербовавшие эмигрантов. Постепенно к этому еврейскому эмигрантскому потоку стали присоединяться и местные крестьяне. Они, впрочем, не делались эмигрантами, а ехали в Америку лишь на отхожие промыслы с тем, чтобы, проработав там несколько лет, вернуться на родину. С каждым годом число их увеличивалось, ибо заработки в Америке были хорошие, и крестьяне, проведшие там лет 5–6, возвращались домой, по могилевским масштабам, „богатыми“. Было любопытно беседовать с этими „американцами“, как их называли односельчане. В короткий срок Америка перекраивала на свой лад этих корявых и забитых мужиков-белорусов. Одного только она не могла из них вытравить – тяги к земле. „Американцы“, вернувшись домой из-за океана, прежде всего выделялись из деревни на хутора, прикупали еще, сколько могли, земли, строили хорошие избы, обзаводились скотом и становились крепкими зажиточными крестьянами. По внешнему виду они резко отличались от своих соседей. Большею частью брили бороды, по воскресеньям ходили в пиджаках, нередко даже в крахмальном белье, и, главное, держали себя с „господами“ независимо и свободно, охотно вставляя в свою речь английские слова и выражения. Так постепенно западная культура вливалась в одно из самых захолустных мест России» (Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / Владимир Андреевич Оболенский. – Париж: YMCA-Press, 1988. – С. 432). Пётр Бернгардович Струве (1870–1944) – публицист, член ЦК партии Конституционных демократов (1905–1915), депутат II Государственной думы – в 1910 г. на страницах журнала «Русская мысль» в статье «Два национализма» писал: «Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи» (Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. – Москва: Республика, 1997. – С. 170–171. Наиболее полная работа по истории европейского вопроса в американо-российских отношениях принадлежит Валерию Викторовичу Энгелю (г. р. 1961), изложившеиу это в диссертационном исследовании (Энгель В. В. Еврейский вопрос в русско-американских отношениях в конце XIX – начале XX века: на примере «паспортного вопроса» 1864–1913 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Валерий Викторович Энгель. – Москва, 1993. – 248 с.).

[91] Воронкова И. Е. Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: автор. дис. … доктора ист. наук / Ирина Евгеньевна Воронкова. – Москва, 2010. – С. 32, 40, 41.
[92] К аналогичным выводам пришел и Александр Федорович Цвиркун (1953–2019): «Несмотря на разнообразие точек зрения по вопросам внешней политики США, несмотря на сторонние факторы, влиявшие на оценку тех или иных действий Вашингтона, можно выделить главную мысль, которая объединяла почти все издания разных направлений. Внешняя политика США определялась агрессивностью, экспансионизмом, наглостью, презрением к международному праву и игнорированием прав других народов, особенно латиноамериканских. Мы не утверждаем, что российская пресса, особенно либеральная, рисовала внешнюю политику Соединенных Штатов черной краской. Как видим, в некоторых вопросах журналисты поддержали американцев, притом общая оценка была неудовлетворительной. Каков же был итог всей внешнеполитической активности в конце XIX – начале XX в. с точки зрения русских журналистов? Российские публицисты пришли к выводу, что внешнеполитическая деятельность правительства США в этот период закончилась поражением. <…> Несомненно, история США, Декларация независимости, демократическая конституция и, наконец, американский менталитет накладывали определенный отпечаток на внешнюю политику США. Однако, в начале XX в. российские журналисты, исходя из этого, четко видели, что суть империалистической политики Соединенных Штатов Америки от этого не менялась» (Цвіркун О. Ф. Зовнішня політика США у 1898–1914 рр. в оцінках російських часописів: автореф. дис. ... канд. іст. наук / Олександр Федорович Цвіркун. – Дніпропетровськ, 1993. – С. 14–15).
[93] О недопущении евреев – граждан Соединенных Штатов Северной Америки к приезду в Россию и о повышении ставок общего таможенного тарифа и некоторых специальных сборов для товаров и судов названного государства. 12 января 1912 г. // Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы / Ред. коллегия И. И. Демидов, В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2006. – С. 50–51; О повышении ставок общего таможенного тарифа и некоторых специальных сборов для товаров и судов государств, не предоставляющих России право наиболее благоприятствуемой державы. 9 декабря 1911 года. // Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы / Ред. коллегия И. И. Демидов, В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2006. – С. 181–182.
[94] Представляет интерес оценка Фёдора Александровича Селезнева (г. р. 1968) – профессора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского: «Таким образом, русско-американский конфликт 1911 г. оказал достаточно большое влияние на изменение расстановки политических сил внутри России. Партия кадетов, долгое время конфликтовавшая с московским купечеством, начинает с ним сближаться. Октябристы, наоборот, теряют поддержку промышленной Москвы, ибо действовали в декабре 1911 г. не в ее интересах, а в интересах помещиков. Буржуазная составляющая октябризма с этого времени становится все более слабой. Сам Союз 17 октября, потерпев поражение на выборах в IV Государственную думу, постепенно теряет жизнеспособность. Думская фракция октябристов раскалывается. Ф. И. Гучков, наказанный московской буржуазией за борьбу с американским хлопком непопаданием в Думу, начинает занимать все более радикальные, антиправительственные позиции, вплоть до участия в заговоре против Николая II. Московские текстильные фабриканты П. П. Рябушинский и А. И. Коновалов вместе с некоторыми представителями околокадетской интеллигенции в 1912 г. создают партию прогрессистов. Тем самым буржуазия все активнее включается в политическую борьбу. Разумеется, не все эти события явились прямым следствием русско-американского конфликта. Но косвенное (и весьма серьезное)

влияние его на внутриполитическую ситуацию в России несомненно» (Селезнев Ф. А. Конфликт вокруг расторжения русско-американского торгового договора и Московская буржуазия (1911–1912 гг.) / Фёдор Александрович Селезнев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. – 2002. – № 1. – С. 80).

[95] Ощущение о том, что США станет примером для модернизации Российской империи, только усиливалось с премьерством С. Ю. Витте. Иосиф Иосифович Колышко (1861–1938) – писатель, драматург, публицист – передавал эти чаяния: «С назначением Витте министром финансов Петербург уже перестал чему-либо удивляться: Петербург, да и вся Россия перестраивалась. Этого не поймут сейчас: этого поворота великой страны, всех ее авторитетов и кумиров, не только ее утробы, но и мозга, не только ее физиологии, но и психологии, – от одного горизонта к другому, от одних лозунгов к другим. Безмерно круче и чувствительнее оказался этот поворот при большевиках; но первые несколько градусов в этом движении диска 1/6 части света, в этой европеизации и американизации России, сделаны были именно тогда» (Колышко И. И. Великий распад: Воспоминания / Иосиф Иосифович Колышко. – Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2009. – С. 123).

[96] Александр Васильевич Зеньковский (1878–1966) в своих мемуарах ссылался на мнение Сергея Дмитриевича Сазонова (1860–1927) – министра иностранных дел, который, будучи в эмиграции в Чехословакии в начале 1920-х гг., уверял, что в бытность премьер-министром П. А. Столыпин, исходя из необходимости 15–20 лет неучастия России в войнах, высоко ценил нормализацию отношений с США (Зеньковский А. В. Правда о Столыпине / А. В. Зеньковский. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1956. – С. 254). Со своей стороны, А. В. Зеньковский также отмечал: «Касаясь вопроса об отношении отдельных государств, как к самой России, так и к существующему в России государственному строю, П. А Столыпин не мог не отметить, что такие государства, как Англия и Германия, замечая, что Россия из года в год укрепляет свое экономическое и военное положение, не особенно этому радуются. <…> В совершенно ином положении находятся Соединенные Штаты Северной Америки, которые, располагая так же, как Россия, величайшими богатствами в недрах своей земли, не стремятся, так же, как и Россия, ни к расширению своей территории, ни к захвату каких-либо колоний, ни к эксплуатации народов, но, вместе с тем, в силу пропаганды со стороны внутренних врагов России, Соединенные Штаты Северной Америки фактически имеют совершенно неправильное представление как о русском народе, так в особенности о режиме в самой России.<…> П. А. Столыпин, стремясь к тому, чтобы правительство и общественные круги Соединенных Штатов Северной Америки имели бы правильное представление о России и народах, ее населяющих, имел в виду, с согласия Государя, в непродолжительном времени лично выехать вместе с Министром иностранных дел в Вашингтон и в разговоре с Президентом и Государственным секретарем найти общие пути к более тесному и дружескому сближению России с Соединенными Штатами. П. А. Столыпин имел в виду просить Президента и Государственного секретаря повлиять на прессу и общественные круги, чтобы путем личного посещения России большой группой представителей законодательных палат, корреспондентов и общественных деятелей Соединенные Штаты могли бы иметь возможность убедиться в том, что в России существует свобода и нет того угнетения национальностей, населяющих Россию, о котором распространяют слухи враги России. П. А. Столыпин был того мнения, что Президент и правительство Соединенных Штатов так же, как Государь и русское правительство, не стремятся ни к какому-либо завоеванию и вообще не ищут благ для своего народа путем войны и лишь озабочены созданием благоприятных условий для широкого развития народного образования, благоустройства своих городов и создания условий жизни, которые в значительной степени могут улучшить положение

населения» (Зеньковский А. В. Указ. соч. С. 125–128). Следует отметить, что в своих воспоминаниях С. Д. Сазонов также приводил похожие оценки П. А. Столыпина: «Ранее того, что я приехал в Петроград и успел разобраться во внутреннем положении России и, таким образом, дойти самостоятельно до сознания означенной истины, меня убедил в ней Столыпин, постоянно возвращавшийся в своих частных, а затем и официальных сношениях со мной к вопросу о необходимости избегать во что бы то ни стало всяких поводов к европейским осложнениям еще долгие годы, по крайней мере до того времени, пока Россия не достигнет должной степени развития своих оборонительных средств. О каком бы то ни было наступлении, разумеется, никто не помышлял, и оно никогда не входило в рассмотрение. В подобном же настроении я застал и Государя, по природе человека глубоко миролюбивого и находившегося еще под тяжелым впечатлением несчастной японской войны, в возможность которой он не верил накануне ее наступления. Но решительнее всех высказывался против всякой политики приключений военный министр, вероятно потому, что ему ближе всех было известно неудовлетворительное состояние, в котором находилось его ведомство» (Сазонов С. Д. Воспоминания / Сергей Дмитриевич Сазонов. – Минск: Харвест, 2002. – С. 33). Подтверждает взгляды П. А. Столыпина и публикация Петра Алексеевича Дементьева (1850–1919) – публициста, скрывавшегося под псевдонимом «П. А. Тверской»: на станицах журнала «Вестник Европы», уже после убийства П. А. Столыпина, опубликовавший интервью с ним, подчеркивая заинтересованность премьер-министра в преодолении отчуждения США, вызванного кознями внутренних врагов Российской империи (Беседа П. А. Столыпина с П. А. Тверским // Тверской П. А. К историческим материалам о покойном П. А. Столыпине // Вестник Европы. – 1912. – № 4. – С. 496–497).

[97] Интерес к североамериканскому государству прослеживался и в царствующей династии Романовых. Великий князь Александр Михайлович (1866–1933), ссылаясь на свою симпатию к США еще с детских лет, писал о своих воззрениях во время поездки 1893 г.: «Мне исполнилось 27 лет в тот туманный весенний день, когда крейсер „Дмитрий Донской“ бросил якорь в Гудзоновом заливе. Официально я приехал выразить благодарность президенту Клевелэнду от имени моего кузена, Императора Александра III за помощь, оказанную Соединенными Штатами России во время неурожая. Неофициально я хотел бросить взгляд на эту страну будущего и надеялся, что и она определит мою судьбу <…> И тот факт, что все великие державы боролись за расположение и дружбу Соединенных Штатов, был весьма знаменателен. Однажды жаркой июльской ночью, проезжая по декорированному пятому авеню в резиденцию Джо Джакоба Астора и глядя на ряды освещенных домов, я внезапно ощутил нарождение новой эпохи. Я думал о моем дяде, дяде и двоюродном брате. Они управляли страной, которая была больше этой новой страны, наталкиваясь на те же самые проблемы, как громадное население Америки, заключающее в себе несколько десятков национальностей и вероисповеданий, колоссальные расстояния между промышленными центрами и районами земледелия, требовавшие железнодорожных линий большого протяжения. Трудности, стоявшие пред американским правительством, были не меньше наших, но наш актив был больше. Россия имела золото, медь, уголь, железо; ее почва, если бы удалось поднять урожайность русской земли, могла бы прокормить весь мир. Чего же не хватало России? Почему мы не могли следовать американскому примеру? Нам не было решительно никакого дела до Европы, и нам не было никакого основания подражать нациям, которые были вынуждены к тем или иным методам управления в силу своей бедности. Европа! Европа! – это вечное стремление идти в ногу с Европой задерживало наше национальное развитие Бог знает на сколько лет. Здесь, в расстоянии четырех тысяч миль от европейских петушиных боев, взору наблюдателя являлся живой пример

возможностей страны в условиях, сходных с российскими. Нам следовало вложить только немного более здравого смысла в нашу политику. И тут же, в те несколько минут, пока длилась моя прогулка в этот вечер, в голове моей созрел широчайший план американизации России» (Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Великий князь Александр Михайлович; [Предисл. и коммент. А. Виноградова]. – Москва: Современник, 1991. – С. 103–104).

[98] В семье Николая II существовал культурный антиамериканизм, поддерживаемый императрицей Александрой Федоровной (1872–1918). Оценивая Митрополита Платона (Порфирия Фёдоровича Рождественского) (1866–1934) – архиепископа Алеутского и Североамериканского, ею было отмечено в переписке с императором: «Теперь я узнала, кто экзарх, – помнишь Платона из Америки? – мы его видели в Ливадии, он говорил по-русски с американским акцентом, несимпатичный и страшно самоуверенный, – он превосходен для Америки, но не для Кавказа, – теперь я понимаю, почему Н. хочет провести его в митрополиты!!! Что ж, этот человек всегда был честолюбив, хитер и умен, и уже успел обойти Я. Быть может, придется его уволить, если он и дальше в такой степени будет нелюбим» (Переписка Николая и Александры Романовых / С предисл. М. Н. Покровского. Центроархив. – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923–1927. – Т. 5: 1916–1917 гг. – С. 48).

[99] Сенатор Александр Александрович Половцов (1832–1909) не оставил своего комментария, но занес в дневниковые записи содержание беседы с Робертом Маккормиком (1849–1919) – послом США в Российской империи (1902–1905), датированной им 16 апреля 1903 года: «Обедают: новый американский посол Маккормик, по мнению которого Россия в экономическом развитии находится на той же ступени, как Америка сто лет тому назад, и должна бы следовать ее примеру мероприятий на пути усовершенствования» (Половцов А. А. Указ. соч. С. 416–417). Эта оценка также свидетельствовала о том, что российский политик впечатлен сравнением дипломата двух стран.

[100] Сэр Джон Хэнбери-Уильямс (1859–1946) – генерал, представитель Великобритании при российской Ставке – оставил следующие воспоминания о рассуждениях Николая II, датированных им 26 января 1916 года: «Сегодня за ужином Е. И. В. (Его Императорское Величество. – Д. Д.) говорил об империях и республиках; его собственные представления в молодости заключались в том, что на нем, конечно, лежала большая ответственность, и он чувствовал, что люди, которыми он правил, были настолько многочисленны и настолько различны по крови и темпераменту, совершенно отличаясь от наших западноевропейцев, что Император был для них жизненно необходим. Его первый визит на Кавказ произвел на него большое впечатление и утвердил его в своих взглядах. Соединенные Штаты Америки, по его словам, – это совершенно другое дело, и эти два случая нельзя сравнивать. В этой стране, несмотря на многие проблемы и трудности, их чувство воображения, их сильное религиозное чувство, а также их привычки и обычаи, как правило, делали корону необходимой, и он считал, что так должно быть в течение очень долгого времени, что определенная степень децентрализации власти, конечно, была необходима, но что великая и решающая власть должна принадлежать короне. Полномочия Думы должны расширяться медленно из-за трудностей продвижения образования в любом разумно быстром темпе среди всех этих масс его подданных» (Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II, as I knew him / John Hanbury-Williams. – London: A. L. Humphreys, 1922. – P. 75–76). Эта оценка согласуется с воспоминаниями Сэра Джорджа Уильяма Бьюкенена (1854–1924) – посла Великобритании в Российской империи – о политических взглядах Николая II во время их встречи в 1896 г. в Дармштадте: «Когда разговор принял более политический характер, я заметил, что, согласно германской прессе, британское правительство преследует дальновидную

макиавеллистскую политику с целью вызвать Европейскую войну, между тем как, если говорить правду, у него вовсе нет определенной политики, и оно не имеет обыкновения заглядывать далеко вперед. Царь засмеялся и сказал, что одним из недостатков парламентского образа правления является то обстоятельство, что политика сегодняшнего правительства может быть совершенно изменена завтрашним. Поэтому при нем не может быть последовательности в иностранной политике. Поэтому же иностранные правительства не могут безусловно доверять нашей дружбе, хотя ввиду нашего положения на островах в наших интересах, без сомнения, сохранить свободу действий, избежать всяких прочных союзов» (Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Джордж Бьюкенен. – Москва: Международные отношения, 1991. – 344 с.).

[101] Великий князь Александр Михайлович, описывая свои дискуссии с императором Николаем II: «<…>за время твоего пребывания в Америке, ты сам стал большим либералом» (Александр Михайлович. Указ. соч. С. 163).

[102] Николай II, будучи цесаревичем, в 1890–1891 гг. совершил Восточное путешествие, отображавшее вектор внешнеполитической стратегии императора Александра III, сконцентрированной на Азии. «Смысл этой экспедиции, – отмечает А. Н. Боханов, – состоял в том, чтобы, с одной стороны, способствовать расширению кругозора будущего царя, а с другой – научить его самостоятельно принимать решения и нести полную ответственность за слова и поступки. Программа путешествия обсуждалась несколько месяцев и предусматривала осмотр достопримечательностей различных стран, посещение высших должностных лиц и правителей. Для Николая II эта поездка стала важным экзаменом на зрелость, а впечатлений хватило на многие годы. Разрабатывались различные маршруты: один вокруг Азии до Японии, затем в Америку и далее домой. Второй, который понравился самому Николаю, пролегал из Японии через всю Сибирь. Он никогда ранее не был в столь экзотических местах и заметил, что пребывание в таких странах, как Япония и Китай, „должно быть крайне интересно“. Когда же ему говорили, что надо обязательно посмотреть Америку, не считал это первоочередным делом. Его манила, притягивала Сибирь, представлявшаяся сказочной, заповедной страной. В Соединенных Штатах Америки он намеревался побывать „когда-нибудь потом“. Но этого не произошло, и ему так и не довелось посетить Американский континент» (Боханов А. Н. Николай II / Александр Николаевич Боханов. – Москва: Русское слово, 1997. – С. 86–87).

[103] Следует отметить, что отсутствие визита Николая II в США не являлось необычным явлением: с 1874 г по 1917 г. в США были совершены 8 официальных визитов глав иностранных государств: Король Королевства Гавайи – Калакауа (1874, 1881), Император Бразилии – Педру II (1876), Президент Гватемалы – Хусто Руфино Барриос Ауйон (1882), Президент Республики Гавайи – Сэнфорд Баллард Доул (1898), Президент Мексики – Порфирио Диас (1909), Президент Республики Чили – Педро Монтт (1910), князь Монако – Альбер I (1913). Посчитано автором по: Visits By Foreign Leaders in 1874 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1874 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign Leaders in 1876 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1876 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign Leaders in 1881 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1881 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign Leaders in 1882 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1882 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign Leaders in 1898 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1898 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign Leaders in 1909 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1909 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign

Leaders in 1910 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1910 (01.09.2022 г.); Visits By Foreign Leaders in 1913 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1913 (01.09.2022 г.).

[104] В академической литературе (американской, советской / российской) нет информации о восприятии США императором Николаем II (Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914 / Олег Рудольфович Айрапетов. – Москва: Европа, 2006. – С. 416–620; Айрапетов О. Р. История внешней политики… Т. 4; Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства / Вячеслав Сергеевич Васюков. – Москва: Мысль, 1966. – С. 24–36; Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1914–1915 годах / В. С. Васюков // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 441–496; Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1916-м – феврале 1917 года / В. С. Васюков // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 497–540; Ганелин Р. Ш. Россия и США: Очерки истории русско-американских отношений. 1914–1917 / Рафаил Шоломович Ганелин. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – С. 88, 91, 93, 109, 154, 159, 262, 273, 384; Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны / Валентин Алексеевич Емец. – Москва: Наука, 1977. – 366 с.; Емец В. А. Внешнеполитическое руководство России накануне и во время Первой мировой войны / В. А. Емец // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 293–313; Игнатьев А. В. Последний царь и внешняя политика / Алексей Игнатьевич Игнатьев // Вопросы истории. – 2001. – № 6. – С. 3–24; Игнатьев А. В. Годы войны с Японией и первой русской революции / А. В. Игнатьев // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 161–220; Игнатьев А. В. Россия в международных отношениях 1908–1909 годов. Политика балансирования / А. В. Игнатьев // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 221–251; История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 9–48; Лебедев В. В.Русско-американские экономические отношения. (1900–1917 гг.) / Вячеслав Владимирович Лебедев. – Москва: Междунар. отношения, 1964. – С. 9, 35, 51, 77, 90, 116, 263, 289; Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917) / Петр Валентинович Мультатули. – Москва: Издательство «ФИВ», 2012. – 840 с.; Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги / Петр Валентинович Мультатули. – Москва: Двухглавый орёл: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2019. – 717 с.; Мультатули П. В. Император Николай II и внешняя политика: этапы, достижения и итоги / Петр Валентинович Мультатули // Международная жизнь. – 2017. – № 4. – С. 163–174; Россия на мировой арене на рубеже столетий / В. А. Емец, А. В. Игнатьев, Ю. Ф. Субботин // Урибес-Санчес Э. Российское общество и внешняя политика / Э. Урибес-Санчес // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX –

начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 369–404; Ferenczi C. Aussenpolitik und Öffentlichkeit in Russland 1906–1912 / Caspar Ferenczi. – Husum: Matthiesen; 1982. – 328 p.; Jelavich B. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814–1974 / Jelavich Barbara. – Bloomington: Indiana University Press; 1974. – P. 222–288; McDonald D. M. L. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914 / David MacLaren McDonald. – Cambridge: Harvard University Press, 1992. – 276 p.).

[105] Анатолий Венедиктович Игнатьев (1930–2015) – главный научный сотрудник Института российской истории РАН – констатировал факт скудности источниковой базы: «Воссоздание взглядов и роли Николая II во внешней политике затрудняет характер имеющихся источников. „Дневник“ царя малосодержателен. Воспоминаний он не писал, не писал и аналитических записок – последнее было делом подчиненных. Плодом личного творчества Николая II являлась его переписка, к счастью, сохранившаяся и в значительной мере опубликованная, и многочисленные пометы на дипломатических документах. Эти „резолюции“ большей частью лаконичны, но взятые вместе они дают определенное представление о взглядах и настроениях царя. Иногда, впрочем, очень редко, он писал коротенькие записки министру иностранных дел, договариваясь о срочных делах» (Игнатьев А. В. Последний… С. 3–24).

[106] Последовательность Николая II в уклонении от конфронтации Российской империи с США демонстрирует ряд примеров на протяжении его царствования. «Дело сие предать забвению» – резолюция Николая II гласила относительно инициативы Вильгельма II, изложенной германским кайзером в 1897 г. в памятной записке «О необходимости образовать против САСШ торгово-политическую коалицию европейских государств» (Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2. – С. 121–124). Утрата силы в 1912 г. по американской инициативе Договора о торговле и мореплавании 1832 г. не привела к кризису в двусторонних отношениях.

[107] Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. / Федер. архив. служба России. Рос. гос. ист. архив. – Москва: РОССПЭН, 2000–2009. – 1909 год / [Отв. сост., авт. предисл. Б. Д. Гальперина]. – 2000. – С. 112–113.

[108] Там же. С. 81–82, 520–522.

[109] Там же. С. 223.

[110] Там же. С. 187–188.

[111] Там же. С. 230–231.

[112] Там же. С. 483.

[113] Там же. С. 19.

[114] 6 июня 1913 года – Русско-американская торговая палата в 1915 г. – Общество сближения между Америкой и Россией (Устав Русско-американской торговой палаты в гор. Москве: утвержден 24 мая 1913 года. – Москва: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. – С. 3).

[115] Выступления в Государственной думе С. Д. Сазонова характеризовали двусторонние отношения как «дружелюбные отношения» (27 января 1915 года) и «дружественные политические отношения» (9 февраля 1916 года). (Война и С. Д. Сазонов. Последние речи б. Министра иностранных дел во время войны в Государственной думе / Сергей Дмитриевич Сазонов. – Петроград: [б. и.], 1916. – С. 37).

[116] «Ближе других я был с Фрэнсисом, американским послом, хотя мы не могли объясняться друг с другом иначе, как через переводчика: он не говорил по-французски, а я не говорил по-английски. Таким образом, близость выражалась скорее в жестах, чем в словах. Я бы затруднился поэтому сказать, что представлял собою Фрэнсис. Производил он скорее впечатление не дипломата, а „бизнес мэна“, да и всё его посольство также; даже помещение их было скорее похоже на торговую контору, нежели на посольство. Его помощники – советник Райт с женою и в особенности

коммерческий агент Геннингтон – были ближе к типу настоящих представителей. Особенно Геннингтон мог служить примером иностранным дипломатам: он в несколько месяцев отлично изучил русский язык, так что объяснялся на нем совершенно свободно, с небольшим только акцентом; старался проникнуть в русскую жизнь, принимать близкое участие в русских промышленных и коммерческих организациях. Ничего подобного другие собою не представляли: они приезжали в Петроград, чтобы здесь жить по-своему, и максимум в великосветских клубах собирали разные сведения» (Покровский Н. Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел / Н. Н. Покровский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 192).

[117] Понимание этого дает анализ «Журналов Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» в годы Первой мировой войны, в котором отмечалась потребность Российской империи в пироксилине, шрапнели, винтовках и пулеметах с патронами, железнодорожных грузовых вагонах, паровозах, автомобилях, шинах, пикриновой кислоте, толуоле, тринитротолуоле, проволоке, сырой коже, станках для производства колючей проволоки (Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства [Особое Совещание по обороне государства]. 1915–1918: в 3 т. / Под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. – Москва: РОССПЭН, 2013. – Т. 1. – С. 18, 38, 39, 43, 51, 57, 62, 68, 76, 78, 85, 88, 93, 101, 103, 105, 107, 116, 117, 118, 135, 148–149, 151, 160, 167, 170, 187, 200, 201, 204, 211, 213, 215, 246, 248, 256, 271, 274, 283, 288, 294, 295, 334, 340, 371, 380, 471, 481, 497; Т. 2. – С. 19, 27, 34–35, 87, 94, 112, 137, 139, 222, 270, 274, 306, 333, 351, 369, 412, 439, 452, 466, 592, 672, 685, 687, 690, 692; Т. 3. – С. 49–50, 89).

[118] Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1916-м… С. 534.

[119] Эту оценку дал Джон Льюис Гэддис (г. р. 1941) – профессор Йельского университета: «Свидетельством возникшей горечи является то, что отношения между двумя странами оставались холодными вплоть до начала революции в 1917 году, несмотря на развитие в течение первых трех лет Первой мировой войны экономических отношений, имеющих большое значение для обеих стран» (Gaddis J. L. Op. cit. P. 26).

[120] Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1916-м… С. 530; Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией: Из истории американо-русских отношений / Георгий Константинович Селезнев. – Москва: Воениздат, 1957. – С. 11–17; Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 10–11; Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства / Анатолий Венедиктович Игнатьев. – Москва: Наука, 1974. – С. 339–340, 407–408.

[121] Лебедев В. В. Указ. соч. С. 271.

[122] Потребность российских элит вовлечь США в Первую мировую войну на стороне Антанты передают воспоминания Георгия Николаевича Михайловского (1890–1946) – начальника международно-правового отдела МИДа: «Первый год войны заканчивался под тяжёлым впечатлением отступления 1915 г., на Западном фронте также трудно было ожидать быстрой перемены военного положения в благоприятном направлении, и при этих условиях вступление Америки в войну представляло огромную важность для России. Конечно, если бы удалось путём искренних переговоров и решительных уступок в еврейском вопросе купить помощь Североамериканских Соединённых Штатов, то весь ход войны совершенно изменился бы. Вступление Америки в 1915, а не в 1917 г., когда Россия вошла в полосу революции, из которой не так-то легко было выбраться, как показали дальнейшие события, означало бы новый фазис войны тогда именно, когда русская армия ещё не разложилась, как это уже было в 1916 г.» (Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920: в 2 книгах / Георгий Николаевич Михайловский. – Москва: Международные отношения, 1993. – Кн. 1: Август 1914 г. – октябрь 1917 г. – С. 115).

[123] Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. – Москва: РОССПЭН, 1996. – С. 503.
[124] «Очень показательна в этом плане реакция двух видных членов правой группы Государственного совета – князя Д. П. Голицына-Муравлина и П. П. Кобылинского – на озвученное в Сенате США 9/22 января 1917 года предложение американского президента Вудро Вильсона выступить в качестве посредника заключения европейскими державами „мира без победы“, мира без аннексий и контрибуций. Вместо того чтобы обрадоваться такой идее (что было бы резонно, будь русские правые германофилами в том смысле, какой этому термину придавали их политические противники), они ее нисколько не поддержали. «Войны вообще ведутся не для праздной драки, а ради победы, – заявил в интервью „Вечернему времени“ Голицын-Муравлин. – Мир только тогда будет иметь смысл, когда он будет продиктован теми, которые ныне, воюя против войны, победят Германию. Именно ради победы над войною ведется эта война четверным согласием. Как заключила мир Германия в 1870 г., так и с ней должен быть заключен мир по окончании теперешней войны». Поэтому, указывал правый политик, Россия не может закончить войну, не добившись от Германии ответа за то „чувство обиды“, которое она нанесла России, Бельгии, Сербии, Польше, Румынии и другим странам. Так же считал и П. П. Кобылинский, назвавший заявление Вильсона „малоприемлемым“. Мир без территориальных приобретений казался Кобылинскому также невозможным. «… С ним (Вильсоном. – А. И.) еще можно согласиться в отношении Германии. Но в отношении Турции и Австро-Венгрии – ни в коем случае», – резюмировал правый член Государственного совета» (Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / Андрей Александрович Иванов. – Москва; Санкт-Петербург: «Альянс-Архео», 2013. – С 123–124).
[125] Н. Н. Покровский: «В дело окончания войны счел нужным вмешаться президент Северо-Американских Штатов Вильсон. Он обратился ко всем воюющим державам с нотою, в которой предлагал приступить к мирным переговорам. Я помню, с какой торжественностью явился ко мне Фрэнсис в сопровождении советника Райта и вручил мне эту ноту. Я, разумеется, сразу не дал никакого ответа, так как в этом случае ответ должен был исходить от всех союзников. Текст его был равным образом редактирован в Париже и принят нами также, насколько помню, без всяких существенных замечаний. Этот ответ был составлен в более осторожных выражениях, чем первый, чтобы не оскорбить самолюбие американцев» (Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 203).
[126] Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / Отв. ред. Б. Ф. Додонов. – Москва: РОССПЭН, 2001–2004. – Т. 1. – С. 26, 38, 104, 159, 172, 183, 187, 213, 214, 219, 236, 287, 348, 354, 378; Т. 2. – С. 73, 82–83, 127, 223, 282, 458; Т. 3. – С. 146, 174, 264, 286; Т. 4. – С. 30, 216, 271, 275, 279, 295, 305, 308, 310, 315, 316, 334, 335, 336–337, 344, 350, 383, 389, 400, 428, 446, 449.
[127] ***Более подробно:*** Васюков В. С. Внешняя политика… С. 199–241; Селезнев Г. К. Указ. соч. С. 36–77; Лебедев В. В. Указ. соч. С. 283–348; Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 154–318; Игнатьев А. В. Внешняя политика… С. 165; Gaddis J. L. Op. cit. P. 56–86; Saul N. E. War and Revolution: The United States and Russia 1914–1921 / Norman E. Saul. – Lawrence: University Press of Kansas, 2001. – P. 59–176.
[128] Шелохаев В. В. Либерализм в России в начале XX века / Валентин Валентинович Шелохаев. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. – С. 453–479, 488–492, 494–498.
[129] Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: в 3 т. / Александр Гаврилович Шляпников. – Москва: Политиздат, 1992–1994. – Т. 3, 1994. – С. 195.
[130] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций,

заседаний Исполкома и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года): документы и материалы: в 5 т. / Под ред. П. В. Волобуева. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991–2003. – Т. 1. – С. 404–406.

[131] Письмо Ю. О. Мартова из Петрограда в Стокгольм П. К. Ольбергу. 22 мая 1917 года // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / Под общ. ред. З. Галили [и др.]. – Москва: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1994–1997. – Т. 1. От января до июльских событий. – 1994. – С. 454.

[132] Объединительный Съезд РСДРП(О) 19–26 августа. Второй день работы. 20 августа. Утреннее заседание. Стенографический отчет // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / Под общ. ред. З. Галили [и др.]. – Москва: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1994–1997. – Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. – 1995. – С. 392.

[133] Заявление фракции большевиков на Всероссийском съезде 3 июля (20 июня ст. ст.), № 86 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 198; Резолюция о наступлении, принятая Московским Комитетом Р.С.-Д.Р.П. в заседании 20 июня 1917 года (6 июля (23 июня ст. ст.) № 89) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 231; [Н. Ленин] Близко к сути. Листок «Правды» Четверг 19 июля (6 июля старого стиля) 1917 года // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 361; Совещание по обороне. Декларация, прочитанная большевистской фракцией в заседании совещания по обороне 8 августа / Рабочий солдат, 9 августа 1917 года, № 15 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 148; Манифест Российской соц.-дем. рабочей партии. Шестой съезд Р.С.-Д.Р.П. (больш.) Петроград, 12 августа 1917 года / Пролетарий, № 1. 26 августа (13 августа ст. ст.) 1917 года // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 158–159; [К. Сталин] Два пути / Пролетарий, 28 августа (15 августа ст. ст.) 1917 года, № 2 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 171; [К. Сталин] Американские миллиарды. Пролетарий. 1 сентября 1917 года, № 6 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 242; Рабочая Газета о совещаниях фракции РСДРП(О). 13–14 сентября. Выступление П. Л. Лапинского // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / Под общ. ред. З. Галили [и др.]. – Москва: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1994–1997. – Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. – 1995. – С. 232.

[134] Т[роцкий]. Все по-старому / Пролетарий 6 сентября (24 августа ст. ст.) 1917 года, № 10 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК

ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 311; Людмила Сталь. К моменту. (31 марта [13 апреля]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 246; Всероссийский съезд Советов. Заявление по вопросу о наступлении // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 63; [К. Сталин] Победа кадетов / Рабочий солдат, № 2, (7 авг.) 24 июля 1917 года // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 11; Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда! / Рабочий солдат, № 2, (7 авг.) 24 июля 1917 года // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 12.

[135] Р. Сокольников. Накануне мирных переговоров. Рабочий путь. 4 октября (21 сентября ст. ст.) 1917 года, № 16 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 6. – 1932. – С. 303.

[136] М. Ольминский. Сорвалось! (16 марта [29 марта]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 109); К. Сталин. Об отмене национальных ограничений (25 марта [7 апреля]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – 1927. – Вып. 1. – С. 186; К. Сталин. Против федерализма (28 марта [10 апреля]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 210–212; С. П-ий. Война и американские социалисты. Рабочий. 20 сентября (17 сентября ст. ст.) 1917 года. № 4 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 6. – 1932. – С. 85.

[137] [М. Ольминский] Против деспотизма (8 марта [21 марта] 1917 года) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 21; («Изв, М. С. Р. и С. Д.») Соединенные Штаты объявили войну (26 марта [8 апреля]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 198; [Н. Ленин] Есть ли путь к справедливому миру? // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А.

Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 61; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: в 2-х т. / Центрархив, Под общ. ред. М. Ф. Владимирского [и др.]. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930–1931. – Т. 1. – С. 73, 317, 319–320; [Н. Ленин] Что понимают под <позором> капиталисты и что – пролетарии (Воскресенье, 6 мая (23 апр. ст. ст.) 1917 года) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 2. – 1928. – С. 193; Русское наступление и германская революция (Пятница, 13 июля (30 июня ст. ст.) 1917 года), № 95 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 299.

[138] Первый Всероссийский съезд… Т. 1. – С. 73, 317, 319–320.

[139] Резолюции съезда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. 25 июля – 3 августа 1917 года / (Приложение к № 12 газеты «Рабочий и Солдат») // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 119.

[140] Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) в приватной переписке со своей супругой Анной Александровной Луначарской (1883–1959) наглядно показал становление негативного образа США внутри российского политикума. «Выборы в думу, – отмечал революционер на рубеже лета и осени 1917 г., – благоприятны, в Сов[етах] наше влияние огромно выросло. Даже то, что режим Керенского нашел поддержку Америки и упрочился, – хорошо. Теперь больше опасностей поправения, чем возможностей полевения» (А. В. Луначарский – А. А. Луначарской. 22 августа (4 сентября) 1917 года, г. Петроград // Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г. А. Бордюгов, Е. А. Котеленец. – Москва: АИРО–XXI, 2007. – С. 236). Спустя полтора месяца он был более конкретен: «В сущности, и у Петроградского] С[овета] р[абочих] и с[олдатских] депутатов] и у Вр[еменного] правительства] мало сил. Но Вр[еменное] пр[авительство] совсем не может справиться с ужасающими задачами дня: у него нет даже программы. У Петр[оградского] Сов[ета] есть программа. И притом единственная рациональная. Хватит ли у Советов силы взять власть? – Очень возможно, что да. Хватит ли у Советов силы спасти Россию и революцию? – Вероятно, нет. Но хоть какие-нибудь шансы-то тут имеются, а у кадетов – никаких. Они, в сущности, ведут всё к краху и надеются только „уцелеть“ и стать англо-американским приложением колонизированной России, усмирённой голодом, по попрании революцией своих детей» (А. В. Луначарский – А. А. Луначарской [24 октября (6 ноября) 1917 года] [г. Петроград] // Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г. А. Бордюгова, Е. А. Котеленец. – Москва: АИРО–XXI, 2007. – С. 285–286).

[141] ***Более подробно:*** Saul N. E. Friends or Foes?: The United States and Soviet Russia, 1921–1941 / Norman E. Saul. – Lawrence: University Press of Kansas, 2006. – 434 p.; Saul N. E. War and Revolution…; Лебедев В. В. Указ. соч.

[142] Фураев В. К. Советско-американские отношения. 1917–1939 / Виктор Константинович Фураев. – Москва: Мысль, 1964. – С. 17–42.

[143] Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. – Санкт-Петербург: типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1901. – Стб. 88, 89, 90, 91.

[144] Государства Латинской Америки, как и США, оказались вне сферы научных интересов академического сообщества Российской империи. Виктор Вацлавович

Вольский (1921–1999) – экономист, директор Института Латинской Америки АН СССР – считал, что изучение региона в Российской империи было положено в первой четверти XIX в. с Первой русской экспедицией в Бразилию (1821–1829) под руководством академика Григория Ивановича Лангсдорфа (1774–1852) (Vol'skii V. V. The Study of Latin America in the U. S. R. / Victor V. Vol'skii // Latin American Research Review. – 1967. – Vol. 3, № 1. – P. 77–78). В. П. Казаков – ведущий сотрудник Центра латиноамериканских исследований, Институт всеобщей истории РАН – постулировал идею о том, что российская историография стран Южной Америки начиналась с трудов российского дипломата Александра Семновича Ионина (1837–1900), опубликованных в 1892–1902 гг. (Казаков В. П. «Мир, выходящий на мировую арену...»: Южная Америка в представлении А. С. Ионина / Владимир Петрович Казаков // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков / Отв. ред. и сост. Е. А. Ларин; Ин-т всеобщ. истории РАН. – Москва: Наука, 2010. – С. 632). Оба специалиста сходятся в одном: исторические науки не обеспечивали основания для изучения истории стран Латинской Америки.

[145] Представление об этом передает труд историка-антиковеда Владислава Петровича Бузескула (1858–1931) «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (1929–1931) (Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: Ч. 1–2 / Владислав Петрович Бузескул. – Ленинград: изд-во Академии наук СССР, 1929–1931).

[146] Грановский Т. Н.Программа всеобщей истории / Тимофей Николаевич Грановский // Полное собрание сочинений Т. Н. Грановского: в 2 т. – Санкт-Петербург: издание Н. О. Мертца, 1905. – Т. 2. – С. 366.

[147] Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин, «Харьковский Грановский»: к столетию Харьковского университета / Владислав Петрович Бузескул. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1905. – С. 36–38.

[148] Это наглядно демонстрируют результаты исследования А. В. Калинкина: «Несмотря на расширение российско-американской торговли, в 1820–1840-х гг. российские товары составляли лишь 2–3% всего объема американского импорта. Сумма американского импорта из России, таким образом, достигала 1,6 млн. долларов. Однако к концу 1830-х гг. российский импорт из Америки стал намного превосходить в стоимостном выражении экспорт в США. В начале 1840-х гг. стала постепенно снижаться доля российского экспорта в общем объеме американского импорта, в первую очередь в связи с появлением новых источников поступления более дешевых аналогичных или эквивалентных товаров (Китай, Филиппины и др.). Сыграло свою роль и свертывание коммерческой деятельности американских торговых компаний на территории России, особенно в Санкт-Петербурге» (Калинкин А. В. Внешняя торговля России в первой половине XIX в. / Александр Викторович Калинкин // Документ. Архив. История. Современность. – 2006. – Вып. 6. – С. 30).

[149] Примером движения в этом направлении еще в 1810-е гг. были начинания Разумника Тимофеевича Гонорского (1791–1819) – адъюнкта по русской словесности Харьковского императорского университета, оставившего неопубликованную рукопись «Статистика Европейских государств и Соединенных Штатов» (Багалей Д. И. Опыт истории Харьковскаго университета (по неизданным материалам): в 2 т. / Дмитрий Иванович Багалей. – Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1893–1904. – Том. 2. – С. 691–692; Сумцоф Н. Ф. Гонорскій / Н. Ф. Сумцов // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / I, II. История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. – Харьков: Изд. Ун-та, 1908. – С. 72). Материалом для проекта выступал лекционный курс, который вел историк в вузе. Из-за скоропостижной смерти в 1819 г. рукопись осталась

неопубликованной. Будучи основателем ежемесячного журнала «Украинский вестник» – первого общественно-политического издания в Слободско-Украинской губернии при Императорском Харьковском университете, он был автором статьи о Б. Франклине (1816), которая представляла собой перевод фрагмента автобиографии отца-основателя. Несмотря на то, что ни в рукописи, ни в статье не рассматривалась внешнеполитическая проблематика (Гонорский Р. Т. Франклин / Разумник Тимофеевич Гонорский // Украинский вестник. – 1816. – Часть 2. – С. 61–72), начинания Р. Т. Гонорского указывали на то, что изучение истории иностранного государства и персоналии его отцов-основателей будут реализованы в Слобожанщине. Этот процесс был продолжен уже в середине XIX в.

[150] Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. – Санкт-Петербург: типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1901. – Стб. 95, 96.

[151] Это наглядно показано в ряде исследований: Luard E. The Balance of Power: The System of International Relations, 1648–1815 / Evan Luard. – Basingstoke: Macmillan, 1992. – P. 1–29; Maurseth P. Balance-of-Power Thinking from the Renaissance to the French Revolution / Per Maurseth // Journal of Peace Research. – 1964. – Vol. 1, № 2. – P. 120–36; Sheehan M. Balance of power / Michael Sheehan. – London: Routledge, 2007. – P. 97–144; Vagts A. The Balance of Power: Growth of an Idea / Alfred Vagts // World Politics. – 1948. – Vol. 1, № 1. – P. 82–101; Vagts A. The balance of power in international law: a history of an idea / Alfred Vagts, Detlev F. Vagts // American Journal of International Law. – 1979. – Vol. 73, Iss. 4. – P. 555–580.

[152] Проникновение теорий в Российскую империю происходило не только через издания работ иностранных авторов. По мнению Константина Дмитриевича Бугрова и Михаила Александровича Киселева – научных сотрудников Института истории и археологии УрО РАН: «<…> трансфер идей в сфере политико-правовой мысли осуществлялся не посредством простого тиражирования переводных сочинений (отбор публиковавшихся переводов с очевидностью был довольно-таки хаотичным), но и через непосредственное знакомство с иноязычными оригиналами текстов, через учебные курсы, пособия и лекции, а также на основании вторичного знакомства и моды, то есть ситуации, когда ссылаться на того или иного автора было возможным даже без непосредственного знакомства с ним» (Бугров К. Д. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Монография / Константин Дмитриевич Бугров, Михаил Александрович Киселев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. – С. 22).

[153] В скобках указываются годы издания работ на русском языке.

[154] Фенелон Ф. де С. де Л. М. Наставления для совести государя: К научению Людовика Французскаго герцога Бургонскаго / Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелон. – Санкт-Петербург: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1773. – С. 95, 9 –97, 100, 102, 104, 105.

[155] Бильфельд Я. Ф. Наставления политическия барона Билфелда: в 2 частях / Переведены с французскаго языка князем Федором Шаховским. – [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768–1775. – Ч. 2. – С. 135–137.

[156] Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1885. – Т. 48: 1762–1763. – С. 561, 569; Екатерина II (имп.; 1729–1796) Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1886. – Т. 51: 1763–1764. – С. 1, 46, 317, 334; Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1887. – Т. 57:

1764–1766. – С. 57, 63, 84, 116, 117, 326; Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1889. – Т. 67: 1766–1767. – С. 44; Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1893. – Т. 87: 1768–1769. – С. 335, 395, 396, 452, 462; Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1896. – Т. 97: 1769–1771. – С. 62, 314, 371, 391, 506, 507, 530; Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1904. – Т. 118: 1772–1773. – С. 3, 22, 164, 201, 261.

[157] Примерами являются следующие труды: «Разсуждение о мире и войне» (1803) первого директора Царскосельского лицея, генерального консула в Яссах Василия Федоровича Малиновского (1765–1814); «Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и права народов…» (1809) Иеронима Бенедикта Стршемень-Стройновского (1742–1815) – ректора Виленского университета, епископа города Луцка; «Политика» (1829) Иоганна Филиппа Густава фон Эверса (1781–1830) – историка-юриста, профессора и ректора Императорского Дерптского университета, члена-корреспондента Петербургской академии наук; «Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI и XVII столетиях» (1854) Александра Борисовича Лакиера (1824–1870) – историка-геральдиста, коллежского асессора; «Политическое равновесие и Англия» (1855) Ивана Васильевича Вернадского (1821–1884) – ординарного профессора по кафедре политической экономии историко-филологического факультета Императорского Московского университета; «Исследование о началах: политического равновесия, легитимизма и национальности» (1889–1892) Александра Николаевича Штиглица (1852–?) – правоведа-международника.

[158] Примерами являются магистерские диссертации: «О началах внешнего государственного права» (1838) Николая Александровича Безобразова (1816–1867) – российского публициста; «О политическом равновесии» (1824) Тихона Федоровича Степанова (1795–1847) – экстраординарного профессора политической экономии в Императорском Харьковском университете.

[159] Диссертация Всеволода Пиевича Даневского (1852–1898) – профессора международного права в Императорском Харьковском университете – носила название «Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи» (1882).

[160] ***Более подробно:*** Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – Москва: РОССПЭН, 1999. – С. 41.

[161] ***Подсчитано автором по:*** Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – Москва: Институт Российской истории РАН, 1991. – С. 318–319.

[162] Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: сравнительный историко-библиографический обзор / Михаил Назарович Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – С. 179.

[163] Там же. С. 182–183.

[164] Диспут М. Н. Петрова // Московские университетские известия. – 1865. – № 4. – С. 282–294.

[165] Влияние В. И. Герье на становление всеобщей истории в России изложено более подробно в следующих работах: Иванова Т. И. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Татьяна Николаевна Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. – 381 с.; Иванова Т. И. Научное наследие

В. И. Герье и формирование науки всеобщей стории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т. Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2010. – 381 с.; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории, О-во интеллектуальной истории; [под ред. Л. П. Репиной]. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – 351 с.; Кирсанова Е. С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье / Е. С. Кирсанова. – Северск: Изд-во СГТИ, 2003. – 209 с.; Малинов А. В. Владимир Иванович Герье / А. В. Малинов, С. Н. Погодин. – Санкт-Петербург: Изд. Русской христианской гуманистической академии, 2010. – 400 с.; Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Дмитрий Андреевич Цыганков. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 254 с.

[166] Диспут М. Н. Петрова Указ. соч. С. 294–298.

[167] Там же. С. 296.

[168] Герье В. И. Очерк развития исторической науки / Владимир Иванович Герье. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1865. – 114 с.

[169] Иллюстрацией этого состояния передает творчество ординарного профессора Всеволода Пиевича Даневского (1852–1898). Несмотря на его изучение англо-американской историографии по международному праву, он не рассматривал вопросы внешней политики США (Даневский В. П. Очерк новейшей литературы по международному праву / Всеволод Пиевич Даневский. – Санкт-Петербург: тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. – С. 178–202).

[170] Агеева Н. Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С. Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Наталья Николаевна Агеева. – Чебоксары, 2015. – С. 126.

[171] Фортунатов С. Ф. Представитель индепендентов Генри Вен: Исслед. Степана Фортунатова / Степан Федорович Фортунатов. – Москва: тип. Т. Рис, 1875. – 180 с.

[172] Фортунатов С. Ф. История политических учений в Соединенных штатах: Исслед. Степана Фортунатова. Ч. 1: Федералист и трактаты Кальгуна / Степан Федорович Фортунатов. – Москва: типо-лит. Н. В. Любенкова, 1879. – 150 с.

[173] Д. А. Цыганков пришел к следующему выводу об отношениях между двумя новистами: «<…> близких личных отношений между оставленным на кафедре студентом и профессором в итоге могло и не сложиться, как это произошло с двумя магистрантами Герье – Н. Г. Высотским и С. Ф. Фортунатовым. В таких случаях между Герье и учениками продолжали существовать те же служебные, формальные отношения профессор – студент, а не отношения учитель – студент» (Terra Europa: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д. А. Цыганкова. – Москва: РОССПЭН, 2014. – С. 107).

[174] В «либеральное окно» – период между университетскими уставами 1864 г. и 1884 г. – В. И. Герье слыл либерально мыслящим преподавателем, чьи взгляды эволюционировали к началу 1890-х гг. на умеренно-консервативные позиции (Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года / Галина Исидоровна Щетинина. –Москва: Наука, 1976. – С. 56–57).

[175] Агеева Н. Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С. Ф. Фортунатова / Наталья Николаевна Агеева, Татьяна Николаевна Иванова // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 294; Агеева Н. Н. Преподавательская деятельность С. Ф. Фортунатова в Московском университете / Наталья Николаевна Агеева // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 17–18; Иванова Т. Н. Научно-педагогическое наследие российского историка С. Ф. Фортунатова / Татьяна

Николаевна Иванова, Наталья Николаевна Агеева // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 2. – С. 12; Иванова Т. Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI веков / Татьяна Николаевна Иванова, Наталья Николаевна Агеева // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 66. – С. 395–396.

[176] Историческая хроника: Историческое преподавание в русских университетах // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – 1890. – Т. 1. – С. 256.

[177] Историческая хроника: исторические курсы в русских университетах за 1891–92 г. // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – 1891. – Т. 3. – С. 176–177.

[178] Трубецкой Г. Н. Воспоминания русского дипломата / Григорий Николаевич Трубецкой. – Москва: Издательство «Кучково поле», 2020. – С. 163–164.

[179] Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) / Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма: [сборник]: к столетию академика В. И. Пичеты / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [редкол.: Черепнин Л. В. (отв. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1978. – С. 60.

[180] Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярия: Научное наследие / Михаил Михайлович Богословский. – Москва: Наука, 1987. – С. 60–61; Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / Николай Иванович Кареев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. – С. 129; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914 / Александр Александрович Кизеветтер. – Москва: Искусство, [б. г.]. – С. 35; Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / Сергей Петрович Мельгунов. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 206; Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 томах / Павел Николаевич Милюков. – Нью-Йорк: Из-во им. Чехова, 1955. – Т. 1. – С. 124.

[181] Розенберг В. А. «Русскія Вѣдомости» (Историческій очеркъ) / В. А. Розенберг // Русские ведомости: 1863–1913: сборник статей [о газете]. – Москва: Типография «Русских ведомостей», 1913. – Часть 1. – С. 24.

[182] Сотрудники «Русскихъ Вѣдомостей» (Автобіографіи и біо-библіографическіе очерки, составленные А. Н. Максимовымъ) // Русские ведомости: 1863–1913: сборник статей [о газете]. – Москва: Типография «Русских ведомостей», 1913. – Часть 2. – С. 186.

[183] Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1. – С. 124.

[184] Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 207.

[185] Кареев Н. И. Прожитое… С. 129; Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 203, 207; Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 1. – С. 124.

[186] Кареев Н. И. Прожитое… С. 129.

[187] Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 206.

[188] Настольный энциклопедический словарь: в 8 т. – Москва: Изд. товарищества «А. Гранат и К°», 1895–1901. – Т. XVIII. – С. 4980; Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 71. – 1902. – С. 322.

[189] Мягков Г. П. С. Ф. Фортунатов и московское научное сообщество / Г. П. Мягков, Т. Н. Иванова // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского (7–8 апреля 2011 года). – Нижний Новгород: НГПУ, 2011. – С. 24; Иванова Т. Н. Род Фортунатовых… С. 392–404.

[190] Terra Europa… С. 118–119.

[191] Щепкина Ек. Первые годы Высших женских курсов / Ек. Щепкина // Русское прошлое. – 1923. – Т. 5. – С. 137.

[192] Пушкарёва Н. Л. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского университета. Сер. «История». – 2012. – № 1 (18). – С. 228–245.
[193] Патрикеева О. А. Курсистка или вольнослушательница университета: выбор россиянок в начале XX столетия / Ольга Алексеевна Патрикеева // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2012. – № 2. – С. 38–46; Вахромеева О. Б. Основные факторы «Женского вопроса» в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2006. – № 3. – С. 69–84.
[194] Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – 1901. – Т. 63. – С. 302.
[195] М. С. Корелин писал в письме к В. И. Герье, датированном 5 июля 1887 года: «Но меня очень удивило, что Вас до сих пор печалит вонючая фигура С. Фортунатова; ведь Вам известно, конечно, что он искал повсюду того, что не получил от Вас, и с одинаковым успехом» (Terra Europa… С. 567–568).
[196] Только в двух из 12 императорских вузов России история внешней политики США привлекала внимание историков. В остальных же центрах интерес к этой стране не пребывал на уровне научных исследований. Проблематикой не занимались в Киевском обществе летописца Нестора при Киевском университете, Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Императорском Николаевском университете, Императорском Томском университете, Императорском Александровском университете, Варшавском университете, Императорском Юрьевском университете (Баженова А. Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика / Анна Юрьевна Баженова. – Люблин: Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 2014. – 406 с.; Берендтс Э. Н. Императорский Александровский университет в Финляндии: очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии / Эдуард Николаевич Берендтс. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. – 263 с.; Дубьева Л. В. Историческая наука в Тартуском университете в конце XIX – начале XX в. / Людмила Васильевна Дубьева. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. – 349 с.; Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955) / Петр Акимович Зайченко. – Томск: Издательство Томского университета, 1960. – 478 с.; Михальченко С. И. Историко-филологический факультет Варшавского университета, 1869–1917 гг. = Wydział historyczno-filologiczny Uniwersytetu warszawskiego, 1869–1917: очерк истории каф. / Сергей Иванович Михальченко; Брян. гос. ун-т им. И. Г. Петровского, Центр славяноведения. – Брянск: Изд-во БГУ, 2005. – 101 с.; Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете» за 1878–1905 годы. Томы 1–21 / Сост. И. В. Альфонсов. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1906. – 142 с.; Указатель к Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете за 1906–1927 годы. Т. 22–33 / Сост. Н. И. Воробьевым. – Казань: Б. и., 1928. – 16 с.; Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. / Дмитрий Викторович Хаминов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 270 с.; Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца (1879–1914): бібліогр. довідник / [уклад.: М. П. Колесник]. – Київ: Ін-т історії України, 1989. – 84 с.).
[197] Краткий обзор деятельности Исторического Общества за двадцатипятилетие 1889–1914 гг. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 194.
[198] Статьи въ «Историческомъ Обозрѣніи» за 1890–1915 гг. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в

21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 214–218.

[199] Историческая хроника… С. 53.

[200] Список членов Исторического Общества при Императорском С.-Петербургском университете // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Санкт-Петербург / Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1905. – Т. 14. – С. 48; Списокъ членовъ Историческаго Общества въ 1915 г. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 219, 220.

[201] Рефераты, читанные в заседаниях Исторического Общества за 1890–1914 гг. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 214.

[202] Протоколы общихъ собраній (1908–1914) // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 173–174.

[203] Terra Europa… С. 127.

[204] Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / М. М. Богословский. – Москва: Время, 2011. – С. 105.

[205] Краткий обзор деятельности Исторического… С. 191–192.

[206] Александр Николаевич Савин (1873–1923) писал: «Как насмеялась судьба над этим поклонником консервативного самоуправления! Назначенный профессор, назначенный член Государственного совета. Герье недавно напечатал небольшую работу о Грановском, в которой пытается установить большое духовное сходство между собой и Грановским. Получилось резкое и непривлекательное искажение Грановского, ибо трудно представить себе столь непохожих друг на друга людей, как Герье и Грановский» (Савин А. Н. Университетские дела: Дневник 1908–1917 / Александра Николаевича Савина. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 327).

[207] Бурлова Н. В. Вклад российских негосударственных высших учебных заведений в развитие отечественной культуры: На примере московских образовательных заведений конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Наталья Васильевна Бурлова. – Москва, 2004. – С. 191.

[208] С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет: 1878–1903: Очерки и материалы. – Санкт-Петербург: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. – С. 12, 14; Высшие женские курсы в С.-Петербурге: Крат. ист. записка, 1878–1908 гг. – Санкт-Петербург: Ком. О-ва для доставления средств Высш. жен. курсам, 1908. – С. 11–12; Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.) / Эльмира Петровна Федосова. – Москва: Педагогика, 1980. – С. 79.

[209] История США становилась инструментом пропаганды суфражистского движения: еще в начале 1870-х гг. Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917) – писательница – опубликовала книгу «Американки XVIII в.» (1871) (Американки XVIII века: Сост. по мемуарам мистрис Эллет [и снабжено предисл.] М. Цебриковой. – Санкт-Петербург, 1871. – 336 с.).

[210] Волькенштейн О. А. Страна равенства и свободы. (Северо-Американские соединенные штаты) / Ольга Акимовна Волькенштейн. – Москва: Труд и воля, 1906. – С. 37.

[211] Подробно это изложено в воспоминаниях М. М. Ковалевского: Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания / Максим Максимович Ковалевский. – Москва: РОССПЭН, 2005. – С. 78–80, 329.
[212] Соколов А. С. Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского / А. С. Соколов // Американский ежегодник. – 1990. – С. 155–173; Курилла И. И. Американская тема в научной и общественной деятельности Д. И. Каченовского / Иван Иванович Курилла // Американский ежегодник. – 1995. – С. 153–154.
[213] Острогорский М. Я. Демократия и политические партии / Моисей Яковлевич Острогорский [Отв. ред., авт. вступ. ст., с. 5–42, и коммент. А. Н. Медушевский]. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 639 с.
[214] Мижуев П. Г. История великой американской демократии (С.-Амер. соед. штатов) / Павел Григорьевич Мижуев. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1906. – С. 277.
[215] Минье Ф. О. Жизнь Франклина / Франсуа Огюст Минье; пер. Ип. Перевощиков. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1863. – 114 с.
[216] Гизо Ф. Исторический очерк жизни Вашингтона / Франсуа Гизо; Ред. Я. Ивановского. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1863. – 167 с.
[217] Нейманн К. Ф. История Американских Соединенных Штатов: в 2 т. / Карл Фридрих Нейманна; пер. с нем. – Санкт-Петербург: О. И. Бакст, 1866–1873.
[218] Лабулэ Э. Р. Л. История Соединенных Штатов / Эдуард Рене Лефевр. – Санкт-Петербург: Тип. д-ра М. Хана, 1870. – 422 с.
[219] Брайс Дж. Американская республика: в 3 ч. / Джемс Брайс. – Москва: К. Т. Солдатенков, 1889–1890.
[220] Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки. (1765–1865 гг.) / Эдуард Чаннинг; пер. с англ. [и предисл.] А. Каменского; С прил. 3 карт. и рус. библиогр., сост. А. Каменским. – Санкт-Петербург: О. Н. Попова, 1897. – 382 с.
[221] Бутенко В. А. Наука новой истории в России (историографический обзор) / Вадим Аполлонович Бутенко // Анналы. – 1922. – № 2. – С. 129.
[222] Кареев Н. И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг. Историографические очерки / Николай Иванович Кареев. – Петроград: Наука и школа, 1923. – С. 115.
[223] Бузескул В. П. Указ. соч.
[224] Вернадский Г. В. Русская историография / Георгий Владимирович Вернадский. – Москва: Аграф, 1998. – С. 230–237.
[225] Hecker H. Russische Universalgeschichtsschreibung: von den «Vierziger Jahren» des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen «Weltgeschichte» (1955–1965) / Hans Hecker. – München: Oldenbourg, 1983. – P. 123.
[226] Испано-американская (1898), американо-филиппинская война (1899–1901), Русско-японская война (1904–1905), Первая мировая война (1914–1919).
[227] Концептуальный тезис историков имел отношение к влиянию идей Просвещения на становление развития США. Европоцентризм присутствовал в научной и учебной литературе, написанной такими учеными, как Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) – ординарный профессор Императорского Московского университета (Виноградов П. Г. Учебник всеобщей истории: в 3 частях / Павел Гаврилович Виноградов. – Москва: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1896. – Ч. 3. – С. 109; Николай Иванович Кареев (1850–1931) – профессор Императорского Варшавского университета (Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Николай Иванович Кареев. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1903. – С. 157–159; Александр Семенович Трачевский (1838–1906) – профессор Императорского Новороссийского университета (Трачевский А. С. Всеобщая история: популярные лекции для самообразования / Александр Семенович Трачевский. – Санкт-Петербург: паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. – С. 306; Роберт Юрьевич Виппер

(1859–1954) – ординарный профессор Императорского Московского университета (Виппер Р. Ю. Учебник новой истории: с ист. карт. / Роберт Юрьевич Виппер. – Москва: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. – С. 270–271). Причиной этого состояния было то, что авторы не специализировались по истории США и свои представления проецировали из общих знаний: П. Г. Виноградов – медиевист, англовед; Н. И. Кареев – франковед; А. С. Трачевский – европеист; Р. Ю. Виппер – медиевист.

[228] А. В. Бабин работал в библиотеках Корнелльского, Индианского, Стэндфордского университетов, возглавлял Славянский отдел в Библиотеке Конгресса.

[229] Мижуев П. Г. Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция: Преимущественно с точки зрения литературных факторов / Павел Григорьевич Мижуев. – Санкт-Петербург: Л. Ф. Пантелеев, 1901. – С. 167.

[230] Мижуев П. Г. История… С. 98–101.

[231] Мижуев П. Г. Англия и Соединенные Штаты: взгляд на историю их взаимоотношений от Войны за независимость до наших дней / Павел Григорьевич Мижуев // Вестник Европы. – 1916. – Книга 3. – С. 215–217, 221.

[232] ***Более подробно:*** Ростовцев Е. А. Миф о Л. А. Кассо / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 57. – С. 14–22.

[233] Обращает внимание название труда, которое, во-первых, повторяло заглавие книги Эдварда Чаннинга, изданной на русском языке в 1897 г.; во-вторых, заголовок содержал не официальное, а вариант названия государства, распространенного в России до начала 1930-х гг. В свою очередь, содержание работы – изложенное по описанию колоний и президентств американских лидеров было написано без особых знаний в области американкой историографии. В целом автор написал работу, которая была адаптирована к российскому читателю: президенты соответствовали российским монархам, колонии / штаты – административно-территориальным субъектам Российской империи.

[234] В литературе также существует информация о том, что денежные средства – 2 тыс. руб. – были ассигнованы А. В. Бабину на издание книги сибирским предпринимателем Г. В. Юдиным с условием, что публикация выйдет в свет с указанием фамилии издателя. Однако монография была опубликована без упоминания имени донатора (Вишнякова Н. В. История русской книги в США (конец XVIII в. – 1917 г.) / Наталья Владимировна Вишнякова. // Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. – Новосибирск, 2004. – С. 93).

[235] П. Б. [Рецензия] / П. В. // Исторический вестник. – 1912. – Т. 128. – С. 662–663. – Рец. на книгу: Бабин А. В. История Северо-Американских соединенных штатов: в 2 т. / Алексей Васильевич Бабин. – Санкт-Петербург: тип. Тренке и Фюсно, 1912.

[236] Князь Сергей Михайлович Волконский (1860–1937), допуская неточности, описывал свою роль в карьере А. В. Бабина в Российской империи, знакомство с которым состоялось еще в 1890-е гг.: «Однажды после лекции в Корнельском университете подошел ко мне молодой человек и представился – русский, Алексей Васильевич Бабин; сын елатомского мещанина, попал в Америку, занимается историей. Во второй мой приезд он уже был библиотекарем университета в штате Индиана. После этого он был одним из библиотекарей библиотеки при здании Конгресса. В малое время достиг высокого положения и большого уважения. Но в конце концов ему стало скучно, захотелось отдать свои силы и знания на служение родине. Уже во время войны приехал он в Петербург; привез и издал первую на русском языке историю Соединенных Штатов в двух томах и стал искать должности. Через моего друга Петра Петровича Извольского я направил его к министру народного просвещения графу Игнатьеву. После этого получил от него два письма: одно из Олонецкой губернии – он

был инспектором народных училищ; другое из Саратова – он был профессором истории в недавно открывшемся Саратовском университете. Вот при каких обстоятельствах я с ним виделся в последний раз. В то время я занят был приготовлением к изданию архива моего деда-декабриста. Сидел у меня по этим делам заведующий книгоиздательством „Огни“ Евгений Александрович Ляцкий; рассказывал, что он затевает издание хрестоматии для народа; жаловался, как трудно найти людей для такого дела: или люди образованные, тогда они народа не знают, или люди от народа, тогда они необразованны. Только за полчаса перед тем ушел от меня Бабин; он в тот же вечер уезжал из Петербурга; адреса его я не знал. Как быть? Телефонирую Извольскому: – Был у тебя Бабин? – Сейчас у меня сидит. – Он будет у Игнатьева? – Да, Игнатьев ему назначил в час. – Скажи ему, чтобы после Игнатьева пришел в ресторан Европейской гостиницы, – очень нужно, очень важно. Я пригласил Ляцкого завтракать и там познакомил его с Бабиным. Они остались вполне довольны друг другом. Что из этого вышло, не знаю, но в последнем письме Бабин писал, что книга для народа пишется, выходит хорошо. Больше не слышал об этом милом человеке. Нашел ли он возможность применить прекрасные данные своей чистой русской природы и крепкий дух, которым зажегся в Америке, нашел ли возможным применить их на пользу родине, выказавшей так мало потребности воспользоваться тем и другим…» (Волконский С. М. Указ. соч. Т. 1. – С. 306–307).

[237] О консерватизме А. В. Бабина писали в США – Дональд Дж. Роли, в Республике Беларусь – Ирина Ромуальдовна Чикалова, в Российской Федерации – Евгений Григорьевич Пивоваров. ***Более подробно:*** Пивоваров Е. Г. Научно-педагогическая и просветительская деятельность А. В. Бабина (1866–1930 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Евгений Григорьевич Пивоваров. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 93.

[238] Бабин А. В. История Северо-Американских соединенных штатов: в 2 т. / Алексей Васильевич Бабин. – Санкт-Петербург: тип. Тренке и Фюсно, 1912. – Т. 1. – С. 245–299.

[239] Там же. Т. 1. – С. 298.

[240] Там же. С. 298–299.

[241] Ирина Ромуальдовна Чикалова – профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка – дала следующую оценку изданию: «<…> (это. – Д. Д.) был первый столь фундаментальный труд по истории США, написанный русским автором для российского читателя» (Чикалова И. Р. Алексей Васильевич Бабин (1866–1930): у истоков американской славистики и российской американистики / Ирина Ромуальдовна Чикалова // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. 2017, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 53).

[242] П. Б. [Рецензия] … С. 662; Фридолин П. Обзор / Петр Фридолин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – № 9. – С. 170–174.

[243] П. Б. [Рецензия] … С. 663.

[244] Пивоваров Е. Г. Указ. соч. С. 94.

[245] Rosen R. R. Op. cit.; Francis D. R. Russia from the American Embassy, April, 1916 – November, 1918 / David Rowland Francis. – New York: C. Scribner, 1922. – P. 86.

[246] ***Более подробно:*** Изюмов А. И. Американист, профессор, казак Н. А. Бородин (К 160-летию со дня рождения) / Андрей Игоревич Изюмов, Александр Юрьевич Соклаков, Екатерина Николаевна Лучинина // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 50 (6). – С. 118–120; Окунь А. Б. Пионер Российской американистики / А. Б. Окунь // Бородин Н. А. Описание культурной, экономической, политической, социальной жизни американского общества и Америки / Под ред. А. В. Голубева, Н. И. Осипова. – Уральск: Общественный фонд «Евразийский союз ученых», 2011. – С. 7–8. Общество стало центром по сосредоточению американистов:

кроме П. Г. Мижуева, входившего в «Лекционную комиссию» (Личный состав Общества сближения между Россией и Америкой // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1918. – Вып. 5. – С. 36).

[247] Список членов Общества сближения между Россией и Америкой к 20 декабря 1915 года // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1918. – Вып. 5. – С. 38.

[248] Бородин Н. А. Идеалы и действительность: сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919) / Николай Андреевич Бородин. – Берлин; Париж: [б. и.], 1930. – С. 152.

[249] Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия: с 29 диаграммами и картами / Николай Андреевич Бородин, тов. пред. «Общества сближения между Россией и Америкой». – Петроград: [Якорь], [1917]. – 324 с.

[250] Орлов М. // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1915. – Вып. 1. – С. 30.

[251] Там же.

[252] Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия… С. 269.

[253] Там же. С. 315–319.

[254] Бородин Н. А. Идеалы и действительность… С. 154.

[255] Чикалова И. Р. «Нам полезны дружественные отношения с заокеанской страной»: о книге Н. А. Бородина «Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия» (1915 г.) / И. Р. Чикалова // Электронный научно-образовательный журнал «История»: электронный журнал. – 2019. – Т. 10. – Выпуск 12 (86). – URL: https://history.jes.su/s207987840008263-8-1/ (дата обращения: 11.12.2021 г.); Чикалова И. Р. У истоков российской американистики: Николай Андреевич Бородин (1861–1937) / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – С. 383–405.

[256] Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия… С. XI–XII.

[257] Кубышкин А. И. Петербургская американистика после окончания «холодной войны» / Александр Иванович Кубышкин, Иван Александрович Цветков // Новая и новейшая история. – 2016. – № 1. – С. 107.

[258] Несмотря на сложности подсчетов, без территориально-демографических потерь, людские потери составляли от 11 до 18 млн. чел. ***Более подробно:*** Денисенко М. Б. Демографический кризис 1914–1922 гг. / Михаил Борисович Денисенко // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 1997. – № 2. – С. 95.

[259] «Краткая история российской дипломатии» (1830) – первое исследование в этой сфере – принадлежало С. Доброклонскому. Автор работы рассматривал историю американкой дипломатии с позиции констатации побед над Великобританией при заключении Парижского мирного договора (1783), торгового договора (1794), Гентского договора (1814) (Доброклонский С. Краткая история российской дипломатии / С. Доброклонский. – Москва: тип. С. Селивановского, 1830. – С. 23–24). И. К. Кайданов в книге «Краткое изложение дипломатии Российского двора, со времени восшествия на Всероссийский престол дома Романовых до кончины государя императора Александра I» (1833) не указывал Войну за независимость США при рассмотрении создания Россией системы нейтралитета в 1780 г., подчеркивая ее антибританскую направленность (Кайданов И. Краткое изложение дипломатии Российского двора, со времени восшествия на Всероссийский престол дома Романовых до кончины государя императора Александра I / Иван Кайданов. – Санкт-Петербург: Тип. Департамента нар. просвещения, 1833. – Т. 2. – С. 38–47). В свою очередь, Александр Власьевич Терещенко (1806–1865) – этнограф, библиограф, археолог,

сотрудник Археографической комиссии – в издании «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России» (1837) не выделял американскую проблематику в действиях глав Коллегии иностранных дел: графа Никиты Ивановича Панина (1763–1781), графа Ивана Андреевича Остермана (1781–1797) (Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в Росии: в 3 т. / Александр Терещенко. – Санкт-Петербург: тип. Рос. акад., 1837. – Т. 2. – С. 131–133, 149).

[260] Исключение составил Евдоким Филиппович Зябловский (1764–1846) – профессор истории и географии в Санкт-Петербургском Педагогическом институте. В монографии «Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии» (1831) он выделил главу «Северо-Американские союзные штаты». В ней ученый постулировал тезис: внешняя политика США с самого момента их возникновения была ориентирована на занятие страной положения великой державы в мире: «Сия новая держава шествует исполинским шагом к своему величию. <…> В продолжении 47 лет своего существования число областей умножилось более, нежели вдвое. Поверхность земли увеличилась в 10 крат, а число жителей в 5 раз. Толь великие, или приличнее сказать, необыкновенные успехи в распространении пределов, народонаселенности и образованности поставили сию республику на степень державы, заслужившей уважение от могущественнейших Европейских. <…> Если сии Штаты с такой же быстротою будут идти к своему величию, с какой шли в течение 47 лет; то необходимо следует ожидать больших перемен, по крайней мере в Северной Америке» (Зябловский Е. Ф. Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии: в 2-х ч. / Евдоким Филиппович Зябловский. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1831. – Ч. 2. – С. 292–293). Эта интерпретация была сформулирована под влиянием современных процессов: взгляды ученого проистекали из рефлексии развития Соединенных Штатов последней трети XVIII в. – первой трети XIX в.

[261] ***Более подробно:*** Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США: тема в трудах российских исследователей XIX – начала XX веков / Денис Владимирович Дорофеев // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 311–329.

[262] Ивановский И. И. Краткий взгляд на науку дипломатии вообще / Игнатий Иакинфович Ивановский // Журнал Министерства народного просвещения». – 1836. – Часть IX. – С. 490–491, 497.

[263] Демис Л. Н. Обозрение трактатов о морском торговом нейтралитете / Леонид Николаевич Демис. – Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1854. – С. 30–31, 35, 71–73.

[264] В учебной литературе наблюдалось противоположное: авторы учебников придерживались преимущественно антибританской интерпретации истории США и их внешней политики. В научных монографиях их авторы были свободны от государственной идеологии.

[265] И. И. Ивановский рассматривал в качестве синонимов «народ» и «государство» и не был сторонником школы естественного права.

[266] Иванов Н. П. Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии: [Дис.] / Николай Павлович Иванов. – Казань: Унив. тип., 1874. – С. 179–180.

[267] Там же. С. 131.

[268] На протяжении первой половины XIX в. в США велась активная издательская работа по публикации документов эпохи Войны за независимость. В 1820 г. под эгидой Государственного департамента был опубликован второй том сборника документов «Секретные журналы актов и трудов Конгресса: от первого его заседания до роспуска Конфедерации, после принятия Конституции Соединенных Штатов»; с 1829–1830 гг. стало публиковаться многотомное издание «Дипломатическая корреспонденция Американской революции» под редакцией историка, архивиста Джареда Спаркса

(1789–1866); в 1837–1853 гг. издавались тома серии «Американские архивы», составленные Питером Форсом (1790–1868) и Мэтью Сент-Клер Кларком (1790–1852).

[269] Приблизительное понимание в российской науке о тенеденциях изучения в США истории раннего периода внешней политики представил в 1860-е гг. М. Н. Петров (1826–1887). Он выделял труды Дж. Спаркса в монографии «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: сравнительный историко-библиографический обзор» (1861).

[270] Тезис о том, что зарождение внешней политики США был связан с балансом сил, поддерживался не только Л. Н. Демисом, Н. П. Ивановым, И. И. Ивановским. Идея об адаптации Соединенных Штатов к существующему равновесию европейских государств разделяли и авторы учебной литературы Императорского Харьковского университета: Дмитрий Иванович Каченовский (1827–1872) – профессор международного и государственного права; Андрей Николаевич Стоянов (1830–1907) – ординарный профессор по кафедре истории важнейших иностранных законодательств, древних и новых (Каченовский Д. И. Курс международного права профессора Д. Каченовского: в 2 ч. – Харьков: Унив. тип., 1863–1866. – Ч. 1. – С. 18; Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права: Лекции, чит. в 1873/74 акад. г. в Харьк. ун-те / Андрей Николаевич Стоянова. – Харьков: Унив. тип., 1875. – С. 150). Не только правоведы, но и историки также поддерживали идею влияния баланса сил на страницах учебной литературы: Иван Козьмич Кайданов (1782–1843) – адъюнкт Императорского Царскосельского лицея (Кайданов И. К. Руководство к познанию всеобщей политической истории: Ч. 1–3 / Иван Козьмич Кайданов. – Санкт-Петербург: в типографии при Императорской Академии наук, 1837. – Ч. 3. – С. 218–219); Фридрих Карлович Лоренц (1803–1861) – профессор Главного педагогического института, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, директор Петришуле (Лоренц Ф. К. Руководство к всеобщей истории / Сочинение Dr. Фридриха Лоренца, орд. профессора главного Педагогического института и директора главного Немецкого училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра. – Санкт-Петербург: в Типографии военно-учебных заведений, 1845–1855. – Ч. 3. – 1855. – С. 238–241); Михаил Назарович Петров (1826–1887) – профессор истории Императорского Харьковского университета. (Петров М. Н. Лекции по всемирной истории: в 5 т. / Михаил Назарович Петров. – Санкт-Петербург: издал В. Березовский, 1904–1910. – Т. 4: История новых веков (от Вестфальского мира до Конвента). – С. 6, 87).

[271] Примерами выступают труды: Иванов Н. П. Указ. соч. С. 137; Татищев С. С. Дипломатические беседы о внешней политике России: в 2 т. / Сергей Спиридонович Татищев. – Санкт-Петербург: тип. И. Н. Скороходова, 1889–1890. – Т. 2. – С. 8.

[272] Александренко В. Учение Монро / Василий Александренко // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1898. – Кн. 9. – С. 37.

[273] В этом контексте представляет интерес рецензия В. Н. Александренко на книгу «Внешняя политика России и положение иностранных держав» (1897), написанную Константином Аполлоновичем Скальковским (1843–1906) – горным инженером, экономистом, писателем-публицистом. Не используя в книге ни специальную литературу, ни источники, избегая применения аппарата ссылок, К. А. Скальковский, обвиняя Соединенные Штаты в примитивности внешнеполитической деятельности, пришел к обобщению: «Вся американская политика сводится к очень немногим и незамысловатым положениям, поставленным еще „отцами американской свободы“. По этому упрощенному катехизису, материальные интересы должны идти впереди прочих других; затем в вопросах внешней политики теория Монро – Америка для американцев и только в республиканской форме правления – остается краеугольным камнем; в

экономической политике ту же роль играют протекционизм и освобождение внутреннего рынка от всякой зависимости от европейской промышленности. Помимо этого, не старается пока придумать что-либо новое мудрость американских государственных людей, предоставляющих вопросы просвещения, права, религии п пр. заботливости отдельных штатов» (Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав / Константин Скальковский. – Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1901. – С. 629–630). Эти необоснованные оценки, автор которых стоял на откровенных националистических позициях, не нашли критической реакции у В. Н. Александренко (Александренко В. [Рецензия] / В. Александренко // Журнал юридического общества: Июнь. При Императорском С.-Петербургском университете. – С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898, Кн. 6. – С. 23–26. – Рец. на кн.: Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. – С.-Пб., 1897). Это обстоятельство также позволяет понять и взгляды В. Н. Александренко: на момент выхода книги в 1897 г. он не занимался изучением истории внешней политики США, по которым у него выйдут публикации в 1898 г. и 1903 г.

[274] Там же. С. 128, 130, 132.

[275] Фотографичность в изложении материала предаёт следующий текстовой фрагмент: «После принятия Штатами декларации независимости конгресс (17 сентября 1776 года) одобрил общий план (the plan of treaties) договоров (из 30 статей), которые в будущем представлялось желательней заключить с иностранными державами. Руководящий принцип этой схемы, выработанный Джоном Адамсом, был таков, чтобы в сношениях с державами Европы стремиться к заключению торговых трактатов на почве взаимности, но притом не вмешиваясь ни в европейскую политику, ни в европейские войны. Конгресс одобрил этот план и назначил трех лиц – Франклина, известного уже Дина и Артура Ли в качестве дипломатических представителей Штатов при Версальском дворе» (Александренко В. Н. Внешняя политика… С. 132–133).

[276] Там же. С. 129–130.

[277] В. Н. Александренко придерживался следующей периодизации внешней политики США: «История внешних сношений Соединенных Штатов может быть разделена на три периода: первый от объявления независимости колоний до послания Монро к конгрессу (1776–1823); второй период открывается этим посланием и третий – войной с Испанией (1898 г.)» (Александренко В. Н. Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро / Василий Никифорович Александренко // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 4. – С. 126).

[278] Александренко В. Н. Внешняя политика… С. 126.

[279] Там же. С. 130–131.

[280] Foster J. A century of American diplomacy: being a brief review of the foreign relations of the United States, 1776–1876 / John Watson Foster. – Boston: Houghton, Miffllin, 1900. – P. 3.

[281] Идея о балансе сил доминировала в дискурс юридической науки. Михаил Николаевич Капустин (1828–1899) – ординарный профессор международного права в Императорском московском университете в книге «Очерк истории права в Западной Европе» (1866) был уверен в том, что европейское равновесие выступало универсальным принципом в международных отношениях XVIII–XIX вв. (Капустин М. Н. Очерк истории права в Западной Европе / Михаил Николаевич Капустин. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. – С. 20). Также Всеволод Пиевич Даневский (1852–1898) – ординарный профессор в Императорском Харьковском университете – на странице своей монографии «Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: Историко-догматическое исследование» (1882) писал, что движущей силой любого государства мира, выступала идея равновесия – универсальный принцип международных отношений (Даневский В. П.

Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: Историко-догматическое исследование / Всеволод Пиевич Даневский. – Санкт-Петербург: тип. Р. Голике, 1882. – С. 199–200). Идентичных взглядов придерживался и Федор Федорович Мартенс (1845–1909) – профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского университета – в книге «Современное международное право цивилизованных народов» (1882); Николай Михайлович Коркунов (1853–1904) – приват-доцент Императорского Санкт-Петербурского университета в лекциях «Международное право…» (Коркунов Н. М. Международное право: Лекции, чит. в Воен.-юрид. акад. Н. Коркуновым / Николай Михайлович Коркунов. – Санкт-Петербург: изд. лейт. Шидловский, 1886. – С. 54; Фёдор Фёдорович Мартенс (1845–1909) (Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. / Федор Федорович Мартенс. – Москва: «Зерцало», 2008. – Т. 1. – С. 68).

[282] Механизм формирования представлений о балансе сил у В. Н. Александренко также включал и передачу опыта между поколениями. Истоки этого процесса восходили к академической работе Императорского Харьковского университета, где в конце 1850-х гг. начинания были заложены профессором по кафедре общенародного права и дипломатии Д. И. Каченовским, преподававшим дисциплины «международное право», «государственное право европейских держав». Авторитет исследователя, как и понимание того, что баланс сил является принципом, определяющим внешнюю политику, были переданы ученику – Александру Дмитриевичу Градовскому (1841–1889). Спустя годы, став профессором Императорского Санкт-Петербургского университета в 1860-е гг., он, в свою очередь, привил эти мысли В. Н. Александренко (1861–1909), который продолжил наработки Д. И. Каченовского (Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчеств: в 3 т. / Владимир Алексеевич Томсинов. – Москва: Зерцало-М., 2015. – Т. 2. – С. 102–103, 465).

[283] Если В. Н. Александренко проводил исследование на основе анализа литературы, то на рубеже 1900–1910-х гг. в российской юриспруденции продолжалась дедуктивная практика теоретических построений, призванных выявить универсальные константы во внешней политике. В этом формате трудился Сергей Андреевич Котляревский (1873–1940) – профессор всеобщей истории и конституционного права Императорского Московского университета. В ряде публикаций – «Правовое государство и внешняя политика» (1909), «История международных отношений XVIII–XIX вв.» (1911) – дипломатия Войны за независимость им не выделялась (Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика / Сергей Андреевич Котляревский. – Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. – С. 255; Котляревский С. А. История международных отношений XVIII–XIX вв. / Сергей Андреевич Котляревский. – Москва: Тип. Титяева, 1911. – 146 с.). Тем не менее отдельные вкрапления относительно вопросов внешней политики североамериканского государства были им отмечены. В частности, ученый акцентировал внимание на географической отделенности страны от Европы, как факторе формирования отношения к иностранным державам (Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика… С. 236–237). В целом С. А. Котляревский, обобщая опыт внешней политики держав XVIII в., постулировал, что международные отношения функционировали на основе принципа «raison d'être» (Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика… С. 69), а постоянной задачей внешней политики государства являлось обеспечение безопасности, использование европейского равновесия (Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика… С. 236). Делая выводы о процессах XVIII в., он не распространял их на внешнюю политику США, игнорируя это государство. С. А. Котляревский был более конкретен в учебной литературе. В курсе лекций «История международных отношений в новое время (Очерк из истории дипломатических сношений): Записки слушательниц:

лекции, читанные в 1916/17 учебн. году» (1917) ученый придерживался тезиса, согласно которому отцы-основатели с момента провозглашения независимости США предпочитали не вмешиваться в дела Европы, чтобы легче было сохранять мир с другими государствами (Котляревский С. А. История международных отношений в новое время (Очерк из истории дипломатических сношений). Записки слушательниц: лекции, читанные в 1916/17 учебн. году / Сергей Андреевич Котляревский; Издат. общ-во при Историко-философ. фак-те Москв. высш. женск. курс. – Москва: Типография «Крестного Календаря А. Гатцук», 1917. – С. 66). Как и для С. Ф. Фортунатова, внешняя политика Соединенных Штатов начиналась, по мнению С. А. Котляревского, в XIX в., но с той оговоркой, что ученый определял ее начало с «доктрины Монро» (Котляревский С. А. История международных отношений в новое время… С. 67). Эту же идею С. А. Котляревский приведет в феврале 1917 г. в журнале «Русский мир», где он опубликовал заметку «Внешняя политика Соединенных Штатов», в которой показал не только знание концепции морской мощи А. Мэхэна, но и высказал тезис о том, что изоляционизм определял формирование внешней политики США: «Невозможно остаться здесь при тех традициях американской обособленности, которые восходят к временам Вашингтона и создателей федеральной конституции. Эти последние были убеждены, что Америка должна отказаться от всякого вмешательства в политические споры старой Европы, что таким образом ей не понадобятся вооружения, свойственные этой Европе, не понадобится её сложная, полная интриг и авантюр, дипломами. Но в настоящее время, когда история стала окончательно мировой, подобная изолированность уже неосуществима» (Котляревский С. А. Внешняя политика Соединенных Штатов / Сергей Андреевич Котляревский // Русский мир. – 1917. – № 2. – С. 2–3). На взгляды ученого оказывала воздействие принадлежность к школе В. И. Герье, который не уделял и не способствовал становлению американистики в Российской империи, отдавая предпочтение ориентации своих учеников на исследование европейской истории.

[284] Трагедия труда и взглядов В. Н. Александренко заключалась в том, что советские историки использовали достижения дореволюционного автора, но не делали на него ссылки. Например, Нафтула Аронович Халфин (1921–1987) – сотрудник Института востоковедения АН СССР – в монографии «Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана» (1958) отмечал публикацию в «Списке литературы», но не сделал на нее ссылки (Халфин Н. А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана / Нафтула Аронович Халфин. – Москва: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 106). Н. Н. Болховитинов в книге «Доктрина Монро (Происхождение и характер)» (1958) не только причислил предшественника в ряды европейских авторов, но исказил его оценки (Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро (Происхождение и характер) / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Изд-во ИМО, 1959. – С. 333).

[285] ***Более подробно:*** Томсинов В. А. Указ. соч. С. 467; Сафронова Е. В. Василий Никифорович Александренко: юрист-международник и историк по призванию (посвящается 150-летию со дня рождения) / Елена Викторовна, Сафронова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7: в 3 ч. Ч. III. – С. 186).

[286] ***Более подробно:*** Томсинов В. А. Указ. соч. С. 455–467; Сафронова Е. В. Указ. соч. С. 186–187.

[287] Речь тов. председ. Н. А. Бородина о задачахъ Общества Сближенія между Россіей и Америкой въ связи съ настоящимъ моментомъ // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1918. – Вып. 5. – С. 12.

[288] Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 37. – С. X–XI, 48–64.

[289] М. П. Вельтман был писателем широкого профиля. В некрологе, опубликованном в журнале «Историк-марксист» было дано весьма емкое определение его положения в советской науке: «Пионер, наряду с М. Покровским, Д. Рязановым и Г. Чичериным, в сфере изучения внешней политики империалистических держав, новатор в области исследования современного Востока и происходящих в нем национально-освободительных движений – таково почетное место, занимаемое М. П. Павловичем в нашей марксистской историографии» (М. П. Павлович, как историк // Историк-марксист. – 1927. – № 5. – С. 152).

[290] Павлович М. П. Советская Россия и капиталистическая Америка: Россия и Америка с 1780 г. до мировой войны. Россия и Америка от Октябрьской революции до Вашингтонской конференции. Русский вопрос на Вашингтонской конференции. Генуя и Гаага в борьбе за русскую нефть / Михаил Павлович Павлович (М. П. Вельтман); ЦК РКП(б). Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1922. – С. 5.

[291] Собрание сочинений / Н. Ленин (В. Ульянов); Рос. ком. партия (большевиков). – Москва: Гос. изд-во, 1920–1927. – Т. 1915. – 1925. – С. 373–384.

[292] Книга представляла собой не только очерк, но и политический инструмент: Во введении Д. О. Заславский писал: «<…> левобуржуазный публицист Гиммер (меньшевик-вредитель Суханов) писал в 1913 г. в журнале „Заветы“: „С.Ш.А. – это страна, никогда не знавшая феодализма и чужда его экономических пережитков“». Д. О. Заславский ставил в вину Суханову то, что он «<…> только повторял то, что вдалбливают всему миру буржуазные фальсификаторы истории С. Штатов» (Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. / Давид Иосифович Заславский. – Москва: Огонек, 1931. – С. 5).

[293] Заславский Д. О. Очерки истории… С. 28.

[294] Д. И. Заславский в оценках В. И. Ленина представлен, как клеветник, сплетник, шантажистское наёмное перо (Ленин В. И. Указ. соч. Т. 49. – С. 441; Там же. Т. 34. – С. 91–93) и, в целом: «Всеобщий вой злобы и бешенства против большевиков, грязная кампания клеветы грязных господ Заславских <…>» (Там же. Т. 32. – С. 381).

[295] Для советских американистов заслуги М. П. Вельтмана были не признаны. В некрологе отмечалось: «Работы М. П. Павловича по внешней политике империалистических держав носили, однако, не только новаторский характер: они были совершенно правильно сконструированы методологически, поскольку он исходил в своем анализе не из буржуазных, национально-ограниченных концепций внешней политики, а из научного представления об империализме, как об экономической категории, как о необходимом этапе, переживаемом решительно всеми капиталистическими государствами. Именно поэтому работа над современными международными отношениями подсказывает М. П. необходимость создания синтетического труда, который обнял бы природу, генезис и историю империализма» (М. П. Павлович, как историк… С. 147–152). Причина игнорирования не была связана с тем, что он не был историком, поскольку им не являлся и Д. И. Заславский. Объяснение заключалось в том, что М. П. Вельтман не придерживался ленинской теории империализма, поскольку он писал труды в ранний период становления идеологии в Советской России. ***Более подробно***: Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.) / Галина Дмитриевна Алексеева. – Москва: Наука, 1968. – С. 86.

[296] 18 ноября 1929 года в речи по случаю открытия Института истории при Комакадемии его первый директор, Михаил Николаевич Покровский, выдвинул следующее видение первого поколения советских историков: «Итак история, политика прошлого, чрезвычайно тесно увязана с политикой настоящего. Оторвать историю от этой политики совершенно невозможно, и само собой разумеется, что мы постараемся,

чтобы будущее поколение историков, которое не только идет за нами, но которое, как я говорил в одной статье, уже пришло, уже работает с нами, было на все сто процентов нашим. Многие из этих „молодых" – уже настоящие, сложившиеся работники, дающие солидную научную продукцию, и мы, конечно, должны для них создать настоящую здоровую политическую атмосферу, большевистскую атмосферу. Для этого мы и перевели эту работу в стены Коммунистической академии, в учреждение, которое никогда не скрывало своей политической физиономии, которое всегда открыто и прямо выступало как орган определенного боевого миросозерцания и всегда таким будет. Я глубоко убежден, что таким органом будет и составная часть Коммунистической академии – ее Институт истории – и что он будет выпускать в качестве своих питомцев настоящих бойцов за большевизм, за лучшее будущее всего мира, настоящих бойцов в рядах пролетарской армии» (Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов (речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии, 18 ноября 1929 года) / Михаил Николаевич Покровский // Историк-марксист. – 1929. – № 14. – С. 11–12).

[297] Удальцов А. Очерк истории Социалистической академии (1918–1922 гг.) / А. Удальцов // Вестник Социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 35.

[298] Хроника // Вестник Социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 200.

[299] Преображенский Е. Ближайшие задачи Социалистической академии / Евгений Преображенский // Вестник Социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 9.

[300] Краткий отчет о деятельности Коммунистической академии за 1925 г. // Вестник Социалистической академии. – 1926. – № 15. – С. 329; Хроника // Вестник Социалистической академии. – 1925. – № 12. – С. 368–369.

[301] АРАН. Ф. 354. Оп. 1. Л. 3.

[302] Пленарное заседание Коммунистической академии. 15 июня 1926 года // Вестник Социалистической академии. – 1926. – № 16. – С. 284.

Деятельность Комм. академии (январь – июнь) 1926 г. // Вестник Социалистической академии. – 1926. – № 17. – С. 304.

[303] Пленум Коммунистической академии (стенографический отчет 29 января 1927 года) // Вестник Социалистической академии. – 1927. – № 20. – С. 304.

[304] Каплан В. И. Важнейшие события международной жизни и деятельность Института мирового хозяйства и мировой политики (1925–1948) / Вениамин Израилевич Каплан. – Москва: [ИМЭМО], 1991. – С. 17.

[305] Хроника // Вестник Социалистической академии. – 1929. – № 35–36. – С. 389–391

[306] Деятельность Коммунистической академии // Вестник Социалистической академии. – 1928. – № 30. – С. 256–257; Хроника // Вестник Социалистической академии. – 1931. – № 5–6. – С. 113–128; Задачи Института мирового хозяйства и мировой политики // Вестник Социалистической академии. – 1931. – № 5–6. – С. 7–8.

[307] Резолюция президиума Комакадемии о положении и задачах на фронте истории Запада // Вестник Социалистической академии. – 1931. – № 8–9. – С. 48.

[308] Существующее понимание различий в работе историков Москвы и Ленинграда, которое предшествовало большевистскому режиму в России, передает точка зрения академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953): «Из Ленинграда здесь Валк, Предтеченский и Романов. Работают хорошо, как подобает ленинградцам. Это совсем не значит, что москвичи не работают, но во 1-х не все, а во 2-х в Ленинграде уже такой рабочий дух завёлся, вероятно, от Петра, чего в Москве меньше» (Б. Д. Греков – В. И. Шункову. Ташкент. 9 февраля [1942 г.] // Б. Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) / Сост. В. Г. Бухерт. – Москва: Памятники исторической мысли, 2019. – С. 258).

[309] В соответствии с Постановлением «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 года СНК СССР и ЦК ВКП(б), восстановление истфаков, в том числе на ЛГУ и МГУ, ориентировалось на формирование нового поколения историков:

«В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории <...>» (Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. – 1934. – № 3 (037). – С. 84). Под понятием «квалифицированный специалист по истории» понималось не что иное, как создание профессионала, мыслящего в рамках доктрины марксизма-ленинизма.

[310] Передача опыта от ученых, сформировавшихся в Российской империи, имело место в 1920-е гг., но резко сократилось в 1930-е гг. – начале 1950-х гг. Так, например, после «Академического дела» была свернута дореволюционная практика неформальной самоорганизации историков. Если в 1920-е гг. в «петербургской исторической школе» существовали «Кружок молодых историков», «салон Е. В. Тарле», то в 1930-е гг. эти инструменты были свернуты (Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / Виктор Моисеевич Панеях. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 80, 82–83; Штакельберг Н. С. Кружок молодых историков и «Академическое дело» // In memoriam: Ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченка. – Москва, Санкт-Петербург: Феникс; Atheneum, 1995. – С. 19–77).

[311] На кафедре истории СССР, возглавляемой академиком Б. Д. Грековым, в 1939 г. состоялась защита докторской диссертации по монографии Семена Бенциановича Окуня (1908–1972) под названием «Российско-американская кампания» (Брачев В. С. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004) / В. С. Брачев, А. Ю. Дворниченко. – Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 207, 238). Будучи учеником Арвида Карловича Дрезена (1900–1938) – специалиста по революционному движению в России, третьего декана истфака – докторант провел исследование в рамках российской истории, не делая акцент на историю США. Эта работа важна тем, что она стала предтечей исследований второй половины XX в., которые позиционировались как труды по истории Соединенных Штатов, хотя были посвящены российской истории.

[312] В анналах кафедральной истории сложился следующие комментарий: «Таким образом, изучение истории Великой французской революции конца XVIII в. стало традиционным в научных исследованиях членов кафедры истории Нового и Новейшего времени. Великие учителя воспитали интерес к этой теме в своих учениках. Никакие трансформации университетской структуры, происходившие после Октябрьской революции, связанные с поисками модели университетского образования или политической ситуацией, не нарушили сложившейся в конце XIX – начале XX в. традиции: и на факультете общественных наук (ФОН), созданном в 1919 г. на основе гуманитарных факультетов Петроградского университета, затем – на факультете языкознания и материальной культуры, появившемся после закрытия ФОНа и вобравшем в себя все его отделения, и в созданном в 1930 г. Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) продолжали работать некоторые из преподавателей, занимавшихся исследованиями истории французских революций» (Евдокимова Н. П. Кафедра истории Нового времени / Н. П. Евдокимова, С. В. Шершнёва // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворннченко. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 232).

[313] Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет / Сигизмунд Натанович Валк // Избранные труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие / Сигизмунд Натанович Валк; [Сост.: В. Н. Гинев и др.]; Рос. акад. наук. Отд-ние истории [и др.]. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – С. 82–83.

[314] М. М. Малкину во многом повезло, так как у академика Е. В. Тарле место ученика оказалось вакантным. В мемуарах Н. П. Полетика отмечал: «Но несмотря на внешние признаки дружелюбия и искреннее уважение к научным заслугам Тарле, он не был

любим ни „стариками“, ни „середняками“ среди преподавателей истфака. Слишком уж большой он был себялюбец! О своих двух учениках в советские годы, которых он сделал доцентами в университете, – о П. П. Щеголеве (сыне) и А. И. Молоке – Тарле отзывался очень резко и несправедливо: „Было у меня два ученика: один – подлец, другой – Молок!“ Тарле считал, что они „предали“ его в 1930 году и недостаточно энергично выступили на его защиту, когда он был арестован по делу „Промпартии“» (Полетика Н. П. Виденное и пережитое: (Из воспоминаний) / Николай Павлович Полетика. – Tel-Aviv: Б-ка-алия, 1982. – С. 393).

[315] Причина, по которой именно М. М. Малкин для А. В. Ефимова был первым специалистом по внешней политике, заключается в позиции академика Е. В. Тарле. Именно он предал забвению имя одного ученика, вознес другого. В юбилейном сборнике, посвященным 25-летию советской исторической науке, Е. В. Тарле опустил упоминание об Е. А. Агееве. Будучи в эвакуации, он не обладал точной информацией о судьбе своего ученика, пропавшего без вести в декабре 1941 г. в ходе боевых действий при обороне Ленинграда.

[316] Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова в 1934–1954 гг.: Библиографический. Указатель / Сост.: Н. Н. Кирикова, Е. П. Таубина; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Науч. б-ка им. М. Горького. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – С. 159.

[317] Там же. С. 171.

[318] Валк С. Н. Уаз. соч. С. 84.

[319] Брюнин В. Г. Научная работа исторического факультета Ленинградского университета в конце 1939 и в 1940 году [Кафедра новой истории] / Владимир Георгиевич Брюнин // Историк-марксист. – 1941. – № 2. – С. 142.

[320] Там же. С. 143.

[321] Граве Б. Исторический факультет Ленинградского института истории философии, литературы и лингвистики в 1934/35 учебном году / Б. Граве // Историк-марксист. – 1935. – № 8–9. – С. 239.

[322] Никуленкова Е. В. Сергей Митрофанович Дубровский – один из первых представителей новой формации советских историков-марксистов / Елена Владимировна Никуленкова // История повседневности. – 2019. – № 1. – С. 149.

[323] Брачев В. С. Кафедра… С. 204.

[324] Марголис Ю. Д. Семён Бенцианович Окунь. Жизнь историка, рассказанная его книгами, документами и свидетельствами современников. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический ин-т, 1993. – 87 с.

[325] На кафедре профессор В. И. Каплан (Лан) читал цикл лекций на тему «США в годы первой империалистической войны», А. В. Ефимов читал курс новой истории, вел семинары по истории США (Мерзон А. Научная работа на историческом факультете Московского государственного университета / А. Мерзон // Историк-марксист. – 1940. – № 6. – С. 143).

[326] Защита состоялась 9 июня 1937 года на основе монографии «К истории капитализма в США», которую А. В. Ефимов подготовил не в университете, а по месту своей основной работы – в Институте истории Коммунистической академии (Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг.: Библиогр. указатель: в 3 т. / Под ред. проф. П. А. Зайончковского [и др.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1956–1960. – Вып. 3: Факультеты: исторический, филологический и факультет журналистики / [Сост.: канд. ист. наук Б. А. Васильев, И. И. Корндорф, Г. Г. Толстикова, М. П. Чиркова]. – 1960. – С. 68).

[327] Мерзон А. Указ. соч. С. 143–144.

[328] Тарле Е. В. Новая история в работах советских историков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР: сборник статей / Под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и члена-корреспондента Акад. наук СССР А. М. Панкратовой. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. – С. 243.
[329] Дубровский А. М. Историк и власть: ист. наука в СССР и концепция истории феод. России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / Александр Михайлович Дубровский. – Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. – С. 430–431; Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.) / В. В. Тихонов. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – С. 102.
[330] Гефтер Михаил Яковлевич // «Мы шли навстречу ветру и судьбе…»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост. С. И. Антонова [и др.]; предисл. В. П. Богданова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. – С. 154.
[331] Там же. С. 157.
[332] А. В. Ефимов в классификации ученых, выделенной Борисом Соломоновичем Кагановичем (1952–2021), был отнесен к «диалектикам», под которыми он понимал «<…> желавшие отсечь все крайности и предугадать официальную точку зрения» (Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле: историк и время / Борис Соломонович Каганович. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. – С. 81). Александр Михайлович Дубровский (1948) считал, что А. В. Ефимов принадлежал к группе «никогда не ошибающихся» историков, обладавших связями с партийным аппаратом, что обеспечивало им осведомленность в политике (Дубровский А. М. Указ. соч. С. 469). Александр Владимирович Гордон (г. р. 1937) передавал мнение Альберта Захаровича Манфреда (1906–1976) о А. В. Ефимове, как о специалисте, который осторожничал и избегал спорные темы, поскольку были не известны их последствия для участников дискуссии (Гордон А. В. Историки железного века / Александр Владимирович Гордон. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 297).
[333] Тарле Е. В. Новая история в работах советских историков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР: сборник статей / Под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и члена-корреспондента Акад. наук СССР А. М. Панкратовой. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. – С. 243.
[334] Там же. С. 244.
[335] Там же. С. 236–237.
[336] Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг. … С. 78, 81, 89, 90, 92, 93.
[337] ***Более подробно:*** Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США: советская историография 1930-х – начала 1940-х годов / Денис Владимирович Дорофеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 12–28.
[338] Приоритет был расставлен идеологической конструкцией большевистского режима: ученые развивали представление В. И. Ленина, приведенное им в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк» (1917).
[339] Ленин В. И. Указ. соч. Т. 27. – С. 375.
[340] Виктор Степанович Брачев – профессор Санкт-Петербургского государственного университета – дал следующую характеристику Л. Г. Райскому: «В начале 1920 года Л. Г. Райский получил направление на учебу в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в Москве, лекторское отделение которого окончил в 1921 г. Этого вполне хватило для того, чтобы направить его в качестве преподавателя Коммунистического университета им. Г. Е. Зиновьева в Петрограде. Но задержался

здесь Л. Г. Райский ненадолго, т. к., чувствуя недостаточность своего образования, решил продолжить учебу, поступив в 1922 г. на историческое отделение Института красной профессуры в Москве, где среди его сокурсников была будущий советский академик, известный историк рабочего класса А. М. Панкратова (1897–1957)» (Брачев В. С. Историк Леонид Григорьевич Райский (1897–1936 гг.) / Виктор Степанович Брачев // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. – С. 24–25).

[341] Райский (Рабинович) Леонид Григорьевич (15.07.1897 – 11.10.1936 гг.) / Генеалогическое дерево: [website]. – URL: http://bird1961.narod.ru/genealogy/rai_rab_leon_grig.htm (дата обращения: 11.01.2022 г.).

[342] Появление Л. Г. Рабиновича (Райского) в академической среде Ленинграда было веянием современности: «красная профессура» активно заполняла профессиональную среду историков-новистов, вытесняя «старые кадры», как идеологически чуждое наследие императорской эпохи и агентуру иностранных враждебных государств. И в этом процессе Л. Г. Рабинович (Райский) принимал активное участие: он был одним из участников шельмования «ленинградской научной школы». ***Более подробно:*** Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Ин-та истории при ЛОКА и Ленингр. отд-ния О-ва историков-марксистов / Г. Зайдель, М. Цвибак; Ленингр. отд-ние Ком. акад. Ин-т истории и О-во историков-марксистов. – Москва; Ленинград: Огиз – Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – С. 159–164.

[343] Брачев В. С. Историк… С. 25–26.

[344] Райский Л. Г. Новейшая история Северо-американских соединенных штатов: После гражданской войны и до мировой империалистической войны / Леонид Григорьевич Райский. – [Ленинград]: Прибой, 1930. – С. 68.

[345] Там же. С. 242.

[346] Там же. С. 240.

[347] Ответственный секретарь Общества историков-марксистов в Ленинграде (1931), заведующий кафедрой в Ленинградском Институте Красной Профессуры (1932–1934), декан исторического факультета и заведующий кафедрой новой истории в Государственном Педагогическом институте им. Герцена (1934), действительный член Института истории ЛОКА (до 1935).

[348] Лан В. И. Классы и партии в САСШ / Вениамин Израилевич Лан. – Москва: Партиздат, 1932. – С. 285–286.

[349] Лан В. И. Классы и партии в США: Очерки по экономической и политической истории США / Вениамин Израилевич Лан. – Москва: Соцэкгиз, 1937. – С. 329.

[350] Там же. С. 15.

[351] В издании 1932 г. В. И. Каплан (Лан) не выделил работы М. П. Вельтмана (Павловича) и Л. Г. Рабиновича (Райского), а во втором издании 1937 г., не был также выделен труд А. В. Ефимова. Российские авторы советским ученым не выделялись.

[352] Примечательно то, что А. В. Ефимов был аспирантом подсекции новой русской истории с 1926/27 учебного года в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и не занимался американистикой (Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929) / Тамара Ильинична Калистратова. – Нижний Новгород: [б. и.], 1992 (1993). – С. 104, 196, 199, 203).

[353] Ефимов А. В. К истории капитализма в США / Алексей Владимирович Ефимов. – Москва: Соцэкгиз, 1934. – С. 24.

[354] Там же. С. 13–26.

[355] Там же. С. 278–281.

[356] Там же. С. 5, 287.

[357] Там же. С. 67.

[358] Там же. С. 278, 280.
[359] Там же. С. 13, 24, 26.
[360] А. В. Ефимов этот тезис сформулировал следующим образом: «Мы видели, что создание и увеличение фонда свободных земель происходило за счет других государств: в ранний период за счет других государств за счет полного изгнания Франции с Североамериканского континента и во второй половине XVIII в. – за счет почти полного вытеснения с континента Испании. <…> При этом в истории „собирания“ территории, составившей фонд „свободных земель“, можно различить несколько периодов: один период английской экспансии, начатый пионерскими столкновениями на западной границе в 50–70-х годах XVIII в., продолжавшийся семилетней войной и окончившийся разгромом Франции и Испании. Второй период – эпоха революционной войны, отбросившей англичан в Канаду и на Вест-Индские острова» (Ефимов А. В. К истории капитализма… С. 24–26).
[361] Это выражал и академик Е. В. Тарле в предисловии к книге своего ученика Марка Моисеевича Малкина (1909–1971?) «Гражданская война в США и царская Россия» (1939). Он отмечал скудное состояние общей литературы по истории Соединенных Штатов на русском языке (Тарле Е. В. Предисловие академика В. Е. Тарле / Гражданская война в США и царская Россия / М. М. Малкин; под ред. и с предисл. акад. Е. В. Тарле; Ленингр. гос. ун-т. Исторический фак. – Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1939. – С. 8).
[362] В сочетании с формированием системы библиотек, учебных программ для школ и вузов тиражи изданий не имели аналогов с дореволюционными публикациями: Книга Л. Г. Рабиновича (Райского) была опубликована тиражом в 5 тыс. экземпляров, В. И. Каплана (Лана) – 5 тыс. и 10 тыс., А. В. Ефимова – 10 тыс.
[363] Предисловие // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 13.
[364] Тенденциозность работы показывает логика ее концепта: следуя сталинской интерпретации новой истории, А. В. Ефимов делал акцент на американо-французских отношениях в годы Войны за независимость для того, чтобы перейти к описанию отношений между двумя государствами в период Французской революции: «С точки зрения дипломатической истории наибольший интерес в последующий период представляют взаимоотношения Соединенных штатов и Франции. Договор 1778 г. о союзе между этими государствами имел свой эпилог в 1793 г.» (Ефимов А. В. Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.) / А. В. Ефимов // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 313).
[365] Тем не менее в подразделе «Дипломатия США» раздела «Библиография» первого тома, который не мог не быть согласован с ним, отмечалась учебная и научно-популярная литература. В частности, список содержал следующие издания: книга редактора «The New York Tribune» Уиллиса Флетчера Джонсона (1857–1931) – «Внешняя политика Америки»; биографические монографии канадского журналиста Генри Беклза Уилсона (1869–1942) – «Послы Америки во Франции (1777–1927): описание франко-американских дипломатических отношений», «Послы Америки в Англии (1785–1928): описание англо-американских дипломатических отношений»; обзорный труд неспециалиста в области дипломатической истории, профессора Университета Висконсина Карла Рассела Фиша (1876–1932) – «Американская дипломатия»; учебники для студентов колледжей, созданные профессором Университета Джона Хопкинса Джоном Холладеем Латаньи (1869–1932) – «От изоляции к лидерству: обзор американской внешней политики», «История американской внешней политики»; доцентом Университета Пердью Луисом Мартином Сирсом (1885–1960) – «История американских международных отношений»

(Библиография // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 549–550).

[366] Библиография… С. 550.

[367] Ефимов А. В. Дипломатия молодой американской республики… С. 303.

[368] Там же. С. 304.

[369] Примечательно, что в публикации 1903 г. В. Н. Александренко также употреблял термин «статс-секретарь» (Александренко В. Н. Внешняя политика… С. 127).

[370] Единственным опытом работы над внешнеполитической проблематикой в американистике была рецензия книги Джеймса Р. Робертсона «Кентуккиец при дворе царей. Служение Кассия Марцелла Клея в России. 1861–1862 и 1863–1869 гг.» (Ефимов А. Новая книга о русско-американских отношениях / Алексей Ефимов // Историк-марксист. – 1936. – № 3. – С. 149–159).

[371] Ефимов А. В. Дипломатия молодой американской республики… С. 303–304.

[372] Там же. С. 304–305, 307.

[373] Там же. С. 305.

[374] Там же. С. 303.

[375] Там же. С. 312–313.

[376] Там же. С. 306.

[377] Точка зрения А. В. Ефимова не противопоставлялась оценке В. И. Ленина: фокусирование внимания на дипломатической деятельности Б. Франклина выступало обоснованием тактики СССР в международных отношениях в условиях Второй мировой войны: В. И. Ленин в 1918 г. и И. В. Сталин в 1939–1940 гг. поступали аналогично отцу-основателю США – они заключали соглашения с иностранными государствами для сохранения баланса сил, защищавшего советские интересы.

[378] Труд А. В. Ефимова стал воспроизводиться в процессе подготовки партноменклатуры: лекторы Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б) использовали наработки американиста. Примером являются следующие издания: Нарочницкий А. Л. Международные отношения накануне и во время Французской буржуазной революции конца XVIII века (1763–1794 гг.): Стенограммы лекций, прочит. в 1944/45 учеб. году в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б) / Алексей Леонтьевич Нарочницкий. – Москва: тип. [Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б)], 1946. – С. 35, 36, 40, 42); Сомин Н. И. Англия в XVIII веке: Промышленная революция. Борьба северо-американских колоний Англии за независимость. Образование США: Стенограмма лекций, прочит. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / Николай Иванович Сомин. – Москва: Тип. Высш. парт. школы, 1949. – С. 23–25). В первые послевоенные годы, из-за нехватки учебной литературы, лекции Алексея Леонтьевича Нарочницкого использовались в качестве учебного материала студентами вузов. ***Более подробно:*** М. И. Светачев, Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907–1989) [Электронный ресурс]: электрон. данные. – Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 6 февраля 2020 года. – Режим доступа: https://portalus.ru/modules/biographies/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1580990874&archive=&start_from=&ucat=& (свободный доступ). – Дата доступа: 23.11.2021 г.

[379] Из-за политического контекста, А. В. Ефимов, несмотря на хронологические рамки его публикации 1775–1794 гг., не рассматривал развитие американской дипломатии между 1783–1793 гг. за исключением лаконичных оценок американо-английских и американо-французских отношений в период Великой Французской революции.

[380] Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях от 27 января 1958 года.

[381] А. В. Ефимов пришел на работу в Институт этнологии АН СССР 1 марта 1956 г., до этого времени он трудился в секторе методики истории и Конституции СССР Научно-

исследовательского Института методов обучения Академии педагогических наук СССР (Игнатьев Р. Н. А. В. Ефимов и советская «этноамериканистика»: оттепель и заморозки / Роман Николаевич Игнатьев // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 1. – С. 99).

[382] «США: Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха)» (1969) – magnumopus своей творческой карьеры – А. В. Ефимов опубликовал, работая в секторе Америки ИЭ АН СССР.

[383] Игнатьев Р. Н. А. В. Ефимов… С. 89, 103.

[384] В Институте Истории АН СССР (1953 год) // Вопросы истории. – 1953. – № 5. – С. 127.

[385] АРАН. Фонд 1813. Опись 1. Л. 4.

[386] Лагно А. Р. Ректор Московского университета Вячеслав Петрович Волгин: 1879–1962: дис. ... канд. ист. наук / Анна Романовна Лагно. – Москва, 2010. – С. 155–156.

[387] Оппонентами на защите были также не американисты: Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) – историк-марксист и Зинаида Карловна Эггерт (1893–1964) – историк-германист, сотрудница Института истории АН СССР.

[388] Всемирная история в 10 томах. – Москва: Госполитиздат; Соцэкгиз; Мысль, 1955–1965. – Т. 5. – 1958. – С. 527.

[389] Белявская И. А. Б. Франклин – деятель национально-освободительного движения американского народа / Ирина Александровна Белявская // Вопросы истории. – 1956. – № 10. – С. 32–45.

[390] О творчестве И. А. Белявской: Ирина Александровна Белявская (1915–2011) // Американский ежегодник. – 2011. – С. 383–384; Юбилей Ирины Александровны Белявской // Новая и новейшая история. – 2010. – № 5. – С. 252–253; Власова М. Л. Юбилей И. А. Белявской // Американский ежегодник. 1995. – Москва, 1996. – С. 8–18; Юбилей Ирины Александровны Белявской // Новая и новейшая история. 1995. – № 5. – С. 219–220.

[391] Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений 1775–1815 гг.: в 2 т.: дис. ... доктора ист. наук / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва, 1965. – 904 с.

[392] С. И. Жук, опираясь на интервью с Н. Н. Болховитиновым, Р. Ф. Ивановым, И. А. Белявской, придерживается иной позиции: «Только один член этой группы поколений, М. Н. Захарова, открыто отвергла своего нового коллегу и дистанцировалась от Болховитинова. Будучи ортодоксальной марксисткой, Захарова все еще не могла забыть роль Ефимова, наставника Болховитинова, во время Второй мировой войны, когда он попытался восстановить положение дореволюционных российских историков в учебной программе исторического факультета МГУ и бросил вызов марксистским основам написания истории там. Во время знаменитого конфликта между Ефимовым и Панкратовой в 1942 году она поддержала своего „товарища-марксиста“ против этого „скрытого белого офицера“ Ефимова. Таким образом, Болховитинов, будучи учеником Ефимова, ассоциировался в воображении Захаровой с „антимарксизмом“ и „скрытым идеологическим саботажем“. Вот почему в 1953 году она написала очень негативную рецензию на дипломную работу Болховитинова. Позже она каждый раз голосовала против Болховитинова. До самой своей смерти Захарова публично демонстрировала свою враждебность как к Ефимову, так и к Болховитинову» (Zhuk S. I. Nikolai Bolkhovitinov and Americanstudiesin the USSR: people’sdiplomacyinthe Cold War / Sergei Ivanovich Zhuk. – Lanham: Lexington Books, 2017. – P. 89). Предвзятое отношение к Н. Н. Болховитинову могло сочетаться и с конкуренцией: в личном деле М. Н. Захаровой, хранившемся в Архиве ПРАН, есть рукопись статьи о доктрине Монро, датированной концом 1950-х гг. – времени, когда в сектор пришел на работу

Н. Н. Болховитинов, что также подтверждается негативным отзывом на дипломную работу в 1953 г. (Ibid.).

[393] Невозможно согласиться с утверждением, которое существует в описании личного дела М. Н. Захаровой, хранящегося в архиве РАН: «Среди научных заслуг М. Н. Захаровой – формирование школы советских американистов. Её имя, как ученого, стоит в одном ряду с именами: А. В. Ефимова, Л. И. Зубока, В. И. Лана» (Захарова Мария Николаевна (1906–1984), историк, доктор исторических наук (1967) Историческая справка АРАН. Фонд 1813 / ИИСАРАН: [website]. – URL: https://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=E42B1570-158A-584B-A12B-131F27B237DD&ida=1 (дата обращения: 05.01.2023).

[394] Будучи на пенсии, М. Н. Захарова продолжала публикационную деятельность. При этом советский историк-американист позволяла в своих работах неточности: если в 1950-е гг. А. В. Ефимов выдумывал новые источники, приписывал нового родственника Б. Франклину, то двадцать лет спустя, в середине 1970-х гг., М. Н. Захарова «изобретала» новых авторов, которых не существовало. В журнале «Вопросы истории» была опубликована ее статья «Война США за независимость и Франция», в которой ею делалась сноска на источник: «S. F. B. Perkins. The Diplomacy of the American Revolution. Bloomingtop. 1957, p. 65» (Захарова М. Н. Война США за независимость и Франция // Вопросы истории. 1974. – № 7. – С. 148). В реальности указанная книга была написана С. Ф. Бимисом (совпадают аббревиатуры, издательство, год и материал, на который делалась ссылка), указанный автор – «S. F. B. Perkins» – не существовал. Эта ошибка прошла редколлегию журнала «Вопросы истории».

[395] Zhuk S. I. Op. cit. P. 92–93.

[396] Ibid. P. 159–160, 164, 207–209, 210.

[397] Bolkhovitinov N. N. How I Became a Historain / N. N. Bolkhovitinov // Journal of American Studies. 1980. – Vol. 14, № 1. – P. 112.

[398] О деятельности Н. Н. Болховитинова на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета в Симферопольском государственном университете им. М. Фрунзе: Дорофеев Д. В. Fiat lux: кафедра новой и новейшей истории, 1918–2018 / Денис Владимирович Дорофеев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 38–39, 40, 43, 47, 55, 61.

[399] Bolkhovitinov N. N. How I … P. 111.

[400] Б. А. Романов не только патронировал А. А. Фурсенко, но и вводил перспективного ученика в советскую науку через свои академические связи. В частности, в переписке с член-корреспондентом АН СССР Николаем Михайловичем Дружининым (1886–1986), научный руководитель постоянно выделял перспективного студента: «Спасибо за поздравление, и письмо вообще, и за заботу о моём Саше Фурсенко» (Б. А. Романов – Н. М. Дружинину. 10 января 1951 г. // Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Составитель В. Г. Бухерт; Российская академия наук, Архив РАН. – Москва: Памятники ист. мысли, 2018. – С. 102); «Но зато у меня много радостей с моими здешними „американистами“ из молодёжи, которые держат со мною постоянный дружественный контакт и радости мне доставляют своими успехами. Одного из них (известного Вам Фурсенко) прочу себе в аспиранты в ЛОИИ. С Вашей лёгкой руки как раз сегодня он получил письмо из „Вопросов истории“, что его статья пойдёт в № 7. А это всего только кусок его дипломной работы» (Б. А. Романов – Н. М. Дружинину. 30 марта 1951 года // Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Составитель В. Г. Бухерт; Российская академия наук, Архив РАН. – Москва: Памятники ист. мысли, 2018. – С. 106).

[401] Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / Виктор Моисеевич Панеях. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 343.

[402] Цамутали А. Н. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1936–1984 годах / А. Н. Цамутали, А. Н. Чистиков // Санкт-Петербургский институт истории РАН в документах XIX–XX веков. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2016. – С. 315.
[403] Воспоминания Р. Ш. Ганелина – ученика Б. А. Романова – передают эту атмосферу: «У нас в ЛОИИ „контрольный пакет акций“ в партийном бюро был с начала 1960-х годов у отстаивавших интересы дела В. И. Рутенбурга, Н. Е. Носова и А. А. Фурсенко, которым Б. В. Ананьич и я (мы вступали в партию вместе) представлялись их союзниками» (Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История», 2006. – С. 149). Соответствовать линии партии было кредо в поведении А. А. Фурсенко еще в студенческие годы. По воспоминаниям Галины Евгеньевны Павловой – сотрудницы Института истории естествознания и техники, на рубеже 1940–1950-х гг. А. А. Фурсенко формировался в среде идейных борцов: «Когда я была в Ленинграде, то мы изредка встречались с А. А. Фурсенко. Он работает в Институте истории, занимался Рокфеллерами, однажды мы с ним встретились неожиданно в США. Он теперь академик, наш „главный“ историк в Академии наук. А когда-то я у них в группе целых полгода проводила политинформацию. Я была на год старше. Они студенты, а я уже аспирантка. Группа, в которой учился А. А. Фурсенко, специализировалась по всеобщей истории. Когда я к ним приходила в группу, то не я, а они мне что-нибудь рассказывали» (Павлова Г. Е. Последний рассказ историка науки: интервью Г. Е. Павловой (6 июля 1999 года, ИИЕТ РАН) / Галина Евгеньевна Павлова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 1. – С. 173).
[404] Примером является сотрудничество между двумя однокурсниками – выпускниками истфака ЛГУ: А. А. Фурсенко (ЛОИИ РАН СССР) и В. К. Фураевым (ЛГУ, ЛГПИ).
[405] ***Более подробно:*** Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи / Петр Петрович Черкасов. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2004. – 572 с.
[406] Эта группа включала: Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Л. И. Зубока, А. Л. Нарочницкого, В. М. Хвостова (Факультет международных отношений МГИМО(У) 60 лет / Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России; Редкол.: А. В. Торкунов (предс.) и др.; под ред. Ю. А. Булатова. – Москва: МГИМО(У) МИД России, 2003. – С. 40; МГИМО Университет: традиции и современность (1944–2004) / МГИМО (У) МИД РФ; под общ. ред. А. В. Торкунова. – Москва: Московские учебники и Картолитография, 2004. – С. 130–131).
[407] Американские и иберо-американские исследования МГИМО // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 2. – С. 278–279; Печатнов В. О. Научная школа американистики / Владимир Олегович Печатнов // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 5. – С. 132.
[408] Zhuk S. I. Op. cit. P. 6.
[409] Н. Н. Болховитинов эту ситуацию описал следующим образом: «Даже в то время чисто исторические темы были не в большом почете в институте. Будущие выпускники специализировались на современных проблемах. Только по настоянию А. В. Ефимова мне разрешили посвятить свою дипломную работу не современной проблеме, а далекому 1823 году, происхождению Доктрины Монро» (Bolkhovitinov N. N. How I … P. 108).
[410] Bolkhovitinov N. N. How I … P. 108.
[411] Ibid. P. 110.
[412] Следует уточнить, что тема диссертации совпадала с темой монографии Л. И. Зубока «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. 1900–1939 гг.» (1948), которая была первым обещающим трудом по этой проблематике в советской историографии внешней политики Соединенных Штатов (Могилевский С. А.

Творческий путь советских ученых. Л. И. Зубок / С. А. Могилевский, Н. Н. Яковлев // Вопросы истории. – 1965. – № 1. – С. 164). Именно за эту книгу историк был обвинен в «социал-реформистских извращениях», в пребывании вместе с другими критикуемыми историками «<…> в плену у буржуазных историков, скатились на позиции апологетов англо-американского империализма, затушевывают империалистическую политику США и идеализируют ее вдохновителей» (Докладная записка АГИТПРОПА ЦК Г. А. Маленкову о результатах проверки работы Института истории АН СССР 1 сентября 1950 г. // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – Москва: МФД: Материк, 2005. – С. 587). Большие «знатоки» американской историографии В. Кульбакин и Е. Каргальцева – сотрудники Сектора вузов АГИТПРОПА ЦК – докладывали об итогах борьбы с космополитизмом на закрытых партсобраниях в МГУ: «Профессор Зубок в своих лекциях по новой истории восхваляет политику американского империализма, называя его „добрым соседом“, который якобы не ставит перед собой цели вмешательства во внутренние дела других государств. Придерживаясь буржуазной схемы, Зубок излагал историю американского империализма по президентам, отрывал вопросы внешней политики от классовой борьбы» (Служебная записка Сектора вузов АГИТПРОПА ЦК Д. Т. Шепилову об итогах закрытых партийных собраний в МГУ, посвященных борьбе с космополитизмом. 5 апреля 1949 года // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – Москва: МФД: Материк, 2005. – С. 369).

[413] Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг. … С. 81.

[414] Лисс Л. Ф. На истфаке МГУ (1946–1951) / Лев Фадеевич Лисс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2006. – Т. 5. Вып. 1. – С. 140.

[415] О работе Е. В. Анановой нет упоминаний: Рогулев Ю. Н. История США / Юрий Николаевич Рогулев // Кафедра новой и новейшей истории: люди и традиции / Под общ. ред. Л. С. Белоусова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. – С. 22–47; Язьков Е. Ф. Изучение истории США в МГУ и роль программы Фонда Фулбрайта / Е. Ф. Язьков // Новая и новейшая история. – 1994. – № 6. – С. 29–30.

[416] А. М. Некрич описывал этот процесс следующим образом: «Зубок был вынужден уйти из Института истории и из всех других учреждений и учебных заведений, в которых он сотрудничал, в том числе и с исторического факультета университета, и был оставлен лишь в Институте международных отношений Министерства иностранных дел, благодаря, как он утверждал, личному вмешательству В. М. Молотова, дочь которого была одно время студенткой Зубока» (Некрич А. М. Отрешись от страха = Renounce fear: Воспоминания историка / Александр Моисеевич Некрич. – Лондон: Overseas Publications Interchangeltol, 1979. – С. 60–61).

[417] Язьков Е. Ф. Изучение истории… С. 30.

[418] Рогулев Ю. Н. История США… С. 23; Язьков Е. Ф. Изучение истории… С. 30–31.

[419] Галкин И. С. Записки ректора Московского университета: воспоминания / Илья Саввич Галкин. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2004. – С. 150.

[420] Историк-медиевист Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006) описал в мемуарах первую половину 1950-х гг. на истфаке, в частности, и в науке, в целом: «В то время шутили: „год великого перелома“ в истории нашей страны имел место дважды – в 1930-м году середняк пошел в колхоз, а теперь „середняк пошел в докторантуру“. Стало выгодным защитить докторскую диссертацию любой ценой, ибо это открывало возможность занять профессорское место, дававшее известные привилегии и регалии. Теперь не одно лишь научное призвание и способности двигали многими, но интересы, вовсе чуждые науке. Высокие этические требования, которые, несмотря на все

испытания предшествующих десятилетий, все еще поддерживались в научной среде, были разрушены» (Гуревич А. Я. История историка / Арон Яковлевич Гуревич. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 35). Александр Моисеевич Некрич не с меньшей конкретикой это описал: «Активное участие в новом идеологическом походе КПСС принимали молодые ученые пришедшие в науку после фронта. Часть из них делала это по чисто карьеристским соображениям, другие, выполняя указание своих партийных секретарей, иные были наэлектризованы атмосферой погрома – они походили на солдат, которым командование отдало на поток и разграбление только что занятый вражеский город. Аспирантка Нарочницкого, некая Батуева, пишет заявление на американиста, профессора Льва Израильевича Зубока, обвинив его, ни мало ни много, в том, что он является „агентом американского империализма“» (Некрич А. М. Указ. соч. С. 53). Аналогичных взглядов на состояние исторической науки придерживался и Н. П. Полетика (Полетика Н. П. Указ. соч. С. 405).

[421] И. С. Галкин вспоминал: «В начале 60-х также встала дилемма: кого из двух способных аспирантов-американистов, подготовленных В. М. Хвостовым, оставить на кафедре – Н. В. Сивачева или Н. Н. Яковлева. Последний сын известного военачальника, имел большую поддержку, а Н. В. Сивачев – немосквич, сын колхозника. Кафедральные выбор пал на Н. В. Сивачева. Наши симпатии и надежды, как этого и следовало ожидать, полностью оправдались» (Галкин И. С. Указ соч. С. 160–161).

[422] Дементьев И. П. Американская буржуазная историография гражданской войны 1861–1865 гг. в США: дис. ... канд. ист. наук / Игорь Петрович Дементьев. – Москва, 1955. – 418 с.

[423] Язьков Е. Ф. Массовое фермерское движение в США в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Евгений Федорович Язьков. – Москва, 1955. – 598 с.

[424] Сивачев Н. В. Политическая борьба в США по вопросам «Нового курса» Ф. Рузвельта в середине 30-х годов: дис. ... канд. ист. наук / Николай Васильевич Сивачев. – Москва, 1962. – 332 с.

[425] Н. Н. Болховитинов считал, что три специалиста еще в 1960-е гг. смогли перенести центр подготовки историков-американистов из МГИМО в МГУ (Bolkhovitinov N. N. HowI … P. 108.

[426] Брачев В. С. Кафедра… С. 266.

[427] Американские просветители: избранные произведения: в 2 т. / [Сост.: Н. М. Гольдберг; вступ. ст. Б. Э. Быховского]. – Москва: Мысль, 1968–1969; Гольдберг Н. М. Свободомыслие и атеизм в США. (XVIII–XIX вв.): дис. ... доктора ист. наук / Николай Моисеевич Гольдберг. – Москва: Наука, 1965. – 300 с.; Гольдберг Н. М. Свободомыслие и атеизм в США (XVIII–XIX вв.) / Николай Моисеевич Гольдберг. – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. – 300 с.; Гольдберг Н. М. Томас Пейн. [1737–1809] / Николай Моисеевич Гольдберг. – Москва: Мысль, 1969. – 198 с.

[428] Из воспоминаний историка Михаила Борисовича Рабиновича (1907–1997): «Рано скончался талантливый Николай Моисеевич Гольдберг, здоровье которого было подорвано арестом и лагерем во время ежовщины и тяжелым ранением, полученным на фронте» (Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни / Фонд регион. Развития С.-Петербурга, Европ. ун-т С.-Петербурга. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996. – С. 156).

[429] Панеях В. М. Указ. соч. С. 329, 331.

[430] Примером выступает А. А. Фурсенко: формально обучался на истфаке, где специализировался у Н. П. Полетики, но в реальности вел научную работу под руководством Б. А. Романова (Панеях В. М. Указ. соч. С. 342).

[431] ***Более подробно:*** Кубышкин А. И. Петербургская американистика… С. 107; Носков В. В. Петербургская американистика: основные этапы развития / Владимир Витальевич Носков // Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки. 200 лет дипломатических отношений. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2009. – С. 196–197.
[432] Эта группа никогда не была институционализирована, и отношения между историками были сложными. Между Е. В. Тарле и Б. А. Романовым сложились долгие хорошие отношения: с 1919 г. по 1924 г. Б. А. Романов работал под начальством Е. В. Тарле во 2-м отделении экономической секции ЕГАФ, впоследствии Е. В. Тарле дважды становился на защиту прав Б. А. Романова, когда тот получал степени кандидата и доктора наук, Б. А. Романов был частым гостем в доме Е. В. Тарле в Ленинграде после Второй мировой войны. С. Б. Окунь всегда поддерживал своими рецензиями труды Б. А. Романова, становясь на одну сторону с академиком Е. К. Тарле. Обособленное положение занимал Н. П. Полетика, у которого сложились сложные отношения с Е. К. Тарле, научные труды которого он критиковал, а в мемуарах опосредованно сделал сподвижником феномена, который он назвал «хвостовщина» – система коррупции внутри научного сообщества, где выстроены отношения по линии «патрон – клиент» (Панеях В. М. Указ. соч. С. 51, 74, 83–84, 181–182, 184, 176, 335–336; Каганович Б. С. Указ. соч. С. 115, 119, 231, 300–301, 315, 318–319; Полетика – 286, 402, 404–405).
[433] Панеях В. М. Указ. соч. С. 336.
[434] Аполлон Борисович Давидсон – руководитель Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, ученик Н. П. Полетики – вспоминал атмосферу сосуществования двух поколений историков в ЛГУ: «Не изъяснялся словами из очередной передовицы газеты „Правда“, как сотрудники его же кафедры. Да они с ним и не особенно считались. Когда Полетика сделал замечания по диссертациям двух аспирантов, они будто бы ответили: „Мы тут, на кафедре, представляем партбюро“. Да и сам его упор на важность исторических документов для понимания истории XX в. выбивался на кафедре из общего тона. Центром науки считалась тогда только что вышедшая брошюра „Фальсификаторы истории“, в которой шла речь о „буржуазных“ ученых Запада. Их обвиняли в фальсификации всего, что только можно, особенно же – в подходе ко Второй мировой войне. Брошюра была подготовлена – так говорили все – по заданию Сталина. На ней молодые и весьма борзые преподаватели строили лекции и семинары. Полетика против этого не выступал, старался не лезть на рожон» (Давидсон А. Б. Николай Павлович Полетика (1896–1988) / Аполлон Борисович Давидсон // Портреты историков: Время и судьбы: в 5 т. / Акад. исслед. культуры. – Москва: Унив. кн., 2000; Иерусалим: Gesharim, 2000–2010. – Т. 5: Средние века. Новая и новейшая история. – 2010. – С. 290–291).
[435] Атмосферу второй половины 1930-х гг. и начала 1940-х гг. на историческом факультете передают воспоминания Николая Николаевича Рутченко-Рутыча (1916–2013): «В начале 2-го курса мы узнали, что наш декан профессор Зайдель не будет читать своих лекций, охватывающих историю стран Ближнего Востока. Одновременно с ним был арестован и декан московского исторического факультета профессор Фридланд. Надо сказать, что с тех пор мы уже плохо знали, кто исполняет должность декана. Они менялись слишком часто» (Рутченко-Рутыч Н. Н. Средь земных тревог: Воспоминания / Николай Николаевич Рутченко-Рутыч. – Москва: Русский путь; РИЦ «Собрание», 2012. – С. 75–76).
[436] Евдокимова Н. П. Указ. соч. С. 237.
[437] Эта версия представлена в мемуарах Адды Львовны Войтоловской (Войтоловская А. Л. По следам судьбы моего поколения / Адда Львовна Войтоловская. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – С. 27–28, 40–41, 44, 56, 59–60). Мемуаристка требует

осмотрительности, но то, как описано отношение Е. В. Тарле, прошедшего репрессии 1930-х гг., к А. Л. Войтоловской, согласуется с его отношением к Б. А. Романову, который также пострадал в ходе политических репрессий. Номенклатурное «долголетие» В. Г. Ревуненкова может быть объяснено не везением, а сотрудничеством со спецслужбами СССР.

[438] Б. А. Ширяев высказал этот тезис: «Научно-педагогическая школа изучения истории США в Ленинградском/Санкт-Петербургском государственном университете формировалась в 1960-х – нач. 1970-х гг. Ее основателем был В. К. Фураев, в то время профессор исторического факультета ЛГУ. По его инициативе в учебные планы был включен курс лекций по истории США, появились спецкурсы и спецсеминар. В этот период были подготовлены первые дипломные работы и кандидатские диссертации по истории Соединенных Штатов» (Ширяев Б. А. Американистика в Санкт-Петербургском государственном университете // Электронный научно-образовательный журнал «История»: электронный журнал. – 2010. – Т. 1. – Вып. 4. – URL: https://history.jes.su/s207987840000088-5-1/ [дата обращения: 08.01.2022 г.]). Эта оценка может быть принята с оговоркой: это была новая школа эпохи «холодной войны», утратившая связь с первой школой, фундаторами которой выступали Е. В. Тарле, Н. П. Полетика, Б. А. Романов. Следует отметить, что для ленинградских американистов, в 2000–2010-е гг., из трех историков, только Б. А. Романов выступает связующей нитью между поколениями специалистов (Носков В. В. Петербургская американистика… С. 197; Кубышкин А. И. Петербургская американистика… С. 107). Причиной отхода Е. В. Тарле и Н. П. Полетики на «второй план» стало то, что трагическая судьба Б. А. Романова в 1920–1950-е гг. была куда более привлекательным образом отношения к науке и кристально чистой репутацией в 1990-е гг., чем биографии двух его коллег. Е. В. Тарле был вовлечен в политическую контрпропаганду: «Из зарубежных радиостанций, которые вели передачи на русском языке, вызывали наибольшую тревогу английская Би-би-си и американская „Голос Америки“, начавшие такие передачи соответственно в марте 1946 г. и феврале 1947 г. Для нейтрализации воздействия западной радиопропаганды Агитпроп ЦК привлек известных представителей советской науки и литературы. В рупоре Агитпропа, газете „Культура и жизнь“, появились статьи историка Е. В. Тарле „Об английских передачах на русском языке“, в которой Би-би-си обвинялась в передаче „тенденциозной информации“ (номер за 20 февраля 1947 года), и писателя И. Г. Эренбурга „Фальшивый голос“» (Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – Москва: МФД: Материк, 2005. – С. 439). Н. П. Полетика участвовал в гонениях соискателей научных степеней, которые были неугодными для руководства ЛГУ (Каганович Б. С. Указ. соч. С. 300–301).

[439] В эту группу не включены М. Н. Захарова и И. А. Белявская, поскольку их публикации в 1950-е гг. были единичными статьями в периодических изданиях и внешнеполитическая проблематика была второстепенностью.

[440] ***Более подробно:*** Великие американцы: Франклин, Вашингтон, Джефферсон в работах послевоенных поколений американистов в Ленинграде/Санкт-Петербурге / В. Н. Плешков, М. А. Поздеева, А. Ю. Талья, В. А. Ушаков // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2016. – № 16–1. – С. 212.

[441] ***Более подробно:*** Дорофеев Д. В. Празднование в СССР 250-летия со дня рождения Б. Франклина: профессионализм, источник, курьез интерпретации / Денис Владимирович Дорофеев // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции: в 2 т., Витебск, 27–29 апреля 2023 года. Том 2. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2023. – С. 209–211.

[442] Название «подправят», заменив название доклада с «Вениамин Франклин» на «Б. Франклин», сделали это его коллеги – сотрудники Института Истории АН СССР: Геннадий Петрович Куропятник и Ирина Александровна Белявская осуществили трансформацию названия доклада и статьи в обобщающей статье «Советская литература по истории США» (Куропятник Г. П. Советская литература по истории США / Г. П. Куропятник, И. А. Белявская // Советская историографическая наука от XX к XXII съезду КПСС: история Западной Европы и Америки: сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: акад. Н. М. Дружинин (гл. ред.) и др.]. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 138).

[443] Ефимов А. В. Общественная деятельность Вениамина Франклина / Алексей Владимирович Ефимов // Вестник Академии наук СССР. – 1956. – № 3. – С. 90.

[444] Там же. С. 94.

[445] Примером является Роберт Фёдорович Иванов (1925–2003) – профессор МГИМО и ученик А. В. Ефимова. В книге «Франклин» (1972) он закреплял интерпретацию своего наставника: «В найденном А. В. Ефимовым подлинном письме Франклина от 2 марта 1778 года говорилось <…>» (Иванов Р. Ф. Франклин / Роберт Федорович Иванов. – Москва: Мол. гвардия, 1972. – С. 230).

[446] Если допустить ошибку А. В. Ефимова в датировке, то адресат вызывает сомнение: его сын, Уильям Франклин, был лоялистом, не принявшим сторону США. Зачем писать ему письмо и передавать тексты соглашений? С 19 июня 1776 года по октябрь 1778 года У. Франклин был под арестом.

[447] From Benjamin Franklin to Richard Bache, 2 March 1778 // The Papers of Benjamin Franklin: in 43 vols. / Edited by William B. Willcox. – New Haven: Yale University Press, 1959–2018. – Vol. 26. – P. 9–10.

[448] Ibid. P. 10.

[449] Радовский М. И. Автограф Вениамина Франклина / Моисей Израилевич Радовский // Исторический архив. – 1956. – № 4. – С. 259.

[450] Белявская И. А. Б. Франклин… С. 41.

[451] Там же. С. 32.

[452] Куропятник Г. П. Советская литература… С. 148.

[453] Там же. С. 132.

[454] Головина М. А. Симпозиум советских историков-американистов / М. А. Головина // Американский ежегодник. – 1972. – С. 303–306; Материалы Первого симпозиума советских историков-американистов. (30 ноября – 3 декабря 1971 года) / Ин-т всеобщей истории АН СССР. – Москва: [б. и.], 1973. – Ч. 1. – 1973. – 276 с.

[455] Следует отметить, что Н. Н. Яковлев выступал также и на первом симпозиуме с докладом «Некоторые вопросы идеологии американского империализма на современном этапе». Формулировка докладов 1971 и 1976 гг. содержала один и тот же конструкт «Некоторые вопросы», что свидетельствовало о том, что советский американист не мог точно определить тематику своего доклада, так как его содержание было направлено на борьбу с идейными врагами, но вести научный диспут он не мог. И свою неспособность он завуалировал расплывчатой конструкцией названия. К примеру, резюме его доклада 1871 г.: «<…> на примере историографии, посвященной Джорджу Вашингтону, было показано, как в условиях глубокого кризиса империализма и острой идеологической борьбы с помощью сознательного искажения исторического прошлого создаются „националистические мифы“» (Головина М. А. Указ. соч. С. 305).

[456] Яковлев Н. Н. Некоторые внешнеполитические аспекты американской революции / Николай Николаевич Яковлев // Всесоюзный симпозиум советских историков-американистов: в 2 ч. 1976. – Ч. 2. – С. 349.

[457] Там же. С. 347, 348, 349.

[458] А. Соловьев в обзоре симпозиума демонстрировал возвеличивание советского американиста: «В третий день симпозиума Н. Н. Яковлев остановился на внешнеполитических аспектах войны за независимость. Он обратил внимание на освещение историками США франко-американских отношений, акцентировав внимание на значении фактора французской помощи для успеха войны за независимость» (Соловьев А. Симпозиум историков-американистов / А. Соловьев // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 161).
[459] С. В. Вольфсон в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Политическая борьба в правящих кругах США по вопросам внешней и военной политики в 1950–1951 гг. (в связи с войной в Корее)». Изыскание было проведено в Томском государственном университете под руководством Станислава Селиверстовича Григорцевича (1917–2007) (Вольфсон С. В. Политическая борьба в правящих кругах США по вопросам внешней и военной политики в 1950–1951 гг. (в связи с войной в Корее): автореф. дис. … канд. ист. наук / Савелий Вольфович Вольфсон. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. – 15 с.; Румянцев В. П. С. С. Григорцевич – основатель научной школы исследований международных отношений и политики ведущих стран мира Томского государственного университета / Владимир Петрович Румянцев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 53. – С. 5–7.
[460] Вольфсон С. В. Внешнеполитическое наследие американской революции XVIII века и проблемы историографии изоляционизма / Савелий Вольфович Вольфсон // Всесоюзный симпозиум советских историков-американистов: в 2 ч. 1976. – Ч. 2. – С. 375.
[461] Там же. С. 376.
[462] Там же. С. 377.
[463] Текутьева Е. Т. Изучение основных проблем первой американской революции в высшей школе / Елена Тимофеевна Текутьева // Всесоюзный симпозиум советских историков-американистов: в 2 ч. 1976. – Ч. 1. – С. 116.
[464] Вольфсон С. В. Внешнеполитическое наследие… С. 379.
[465] Конференция представляла собой крупное научное мероприятие: «Наряду с американистами университета в ней приняли участие сотрудники Ленинградского университета, институтов США и Канады, всеобщей истории, мирового рабочего движения, мировой экономики и международных отношений АН СССР, Ленинградского отделения Института истории АН СССР и других научных и высших учебных заведений» (Кантор Р. Е. В научном координационном совете МГУ по проблемам американистики / Р. Е. Кантор // Вопросы истории. – 1977. – № 1. – С. 137).
[466] Там же. С. 138.
[467] Научная конференция [на тему «200 лет американской революции. История и современность»] // США. Экономика, политика, идеология. – 1976. – № 7. – С. 26.
[468] Там же. С. 26–27.
[469] Zhuk S. I. Op. cit. P. 140.
[470] 11–13 октября 1972 года.
[471] Тихвинский С. Л. Второй советско-американский коллоквиум историков / Сергей Леонидович Тихвинский // Вопросы истории. – 1976. – № 1. – С. 175.
[472] Дневник поездки в США на XIV Международный конгресс исторических наук (г. Сан-Франциско) и II американо-советский коллоквиум (г. Стэнфорд). 1975 г. // И. Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): сборник материалов / Ист. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова; [Т. В. Ковальченко, Т. А. Круглова, А. Е. Шикло]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 431.
[473] Сахаров А. М. XIV Международный конгресс историков / А. М. Сахаров, С. С. Хромов // Вопросы истории. – 1976. – № 3. – С. 20.

[474] С 1951 г. по 1964 г. выдержала три издания «Новая история. Том I: 1640–1789» под редакцией В. В. Бирюковича и Б. Ф. Поршнева коллективом сотрудников Института истории АН СССР. В публикации были размещены две главы. Первая – «Воина за независимость в Северной Америке. Образование Соединенных Штатов Америки», написанная Марком Моисеевичем Малкиным (1909 – не ранее 1971) – историком-американистом, учеником академика Е. В. Тарле, специализировавшегося на истории второй половины XIX в. И вторая глава – «Международные отношения от окончания Северной войны до начала Французской буржуазной революции. Рост влияния России», созданная А. Л. Нарочницким – специалистом по истории международных отношений рубежа XIX–XX вв. Оба историка не занимались периодом XVIII в. В результате, что в годы «сталинизма», что – «оттепели», авторы воспроизводили одинаковую оценку: М. М. Малкин – тезис В. И. Ленина об использовании противоречий между европейскими государствами; А. Л. Нарочницкий уклонился от рассмотрения внешней политики США, хотя выделял параграф «Россия и война американских колоний Англии за независимость. Лига вооруженного нейтралитета (1780)» (Новая история. [Учебник для ист. фак-тов ун-тов] / Под ред. д-ра ист. наук Б. Ф. Поршнева [и др.]. – Москва: «Мысль», 1964. – Т. I. 1640–1789. – С. 192, 493–494). В издании, тираж которого составил только в 1964 г. 56 тыс. экземпляров, освещение ранней истории внешней политики США было сведено к минимуму. Институт истории АН СССР оказался структурой, которая совершенно не удовлетворяла потребности учебного процесса в университетах, где росло количество историков, преподававших дисциплины по истории США, включая и внешнюю политику. Попытку изменить ситуацию – издать учебную литературу – была предпринята в Кемеровском государственном педагогическом институте доцентом Юрием Григорьевичем Варнаковым. После блистательной карьеры в первой половине 1950-х гг. – обучение в аспирантуре кафедры марксизма-ленинизма Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, защита диссертации «Борьба КПСС за укрепление обороноспособности Советской страны в годы социалистической индустриализации СССР (1926–1929 гг.)», работа на должности второго секретаря политотдела МИД БССР – в 1960-е гг. Ю. Г. Варнаков стал трудиться в КГПИ. На новом месте он начал вести исследования по международным связям Кузбасса (Европейские исследования в Кемеровском государственном университете, 1963–2014 гг. / Сергей Александрович Васютин, Юрий Людвигович Говоров, Константин Владимирович Юматов // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 1. – С. 59). При этом его наработки в области изучения истоков внешней политики США станут едва заметным явлением в советской и российской исторической науке 1970–2000-х гг. Его взгляды в этой сфере остались без изучения и не были удостоены внимания (Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. дис. … доктора ист. наук / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград, 1987. – С. 12; Краснов Н. А. 2000. С. 13). В вузе Ю. Г. Варнаков вел специальный семинар по истории внешней политики США в эпоху промышленного капитализма (Варнаков Ю. Г. Из истории формирования внешней политики США (в колониальную эру и годы войны за независимость) / Юрий Григорьевич Варнаков // Кемеровский педагогический институт. Труды Кафедры всеобщей истории / [Под ред. д-ра ист. наук В. И. Мирзоева]. – Кемерово: [Б. и.], 1968. – С. 99, 127), на основе которого в 1968 г. им была опубликована статья «Из истории формирования внешней политики США (в колониальную эру и годы войны за независимость)», которая позиционировалась как дидактический материал, написанный только на основе достижений советской американистики и без привлечения американских источников и литературы. Вслед за А. В. Ефимовым Ю. Г. Варнаков воспроизводил его интерпретацию: использование противоречий европейских держав, доктрина народного суверенитета, экспансионизм в годы Войны США за

независимость формировали внешнюю политику североамериканского государства (Там же. С. 127).

[475] В частности, глава в коллективной монографии носила новое название – «Дипломатия американской буржуазной республики»: была произведена замена одного слова «молодой» на «буржуазную», что отображало не эволюцию убеждений автора, а конфронтационное состояние американо-советских отношений в период «холодной войны».

[476] Ефимов А. В. Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. 1492–1870 гг. / Чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимов. – Москва: Учпедгиз, 1958. – С. 129.

[477] Там же. С. 135.

[478] Там же. С. 134–135.

[479] Ефимов А. В. Дипломатия буржуазной американской республики (1775–1794 гг.) / А. В. Ефимов // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. А. Зорина [и др.]. – Москва: Госполитиздат, 1959–1965. – Т. 1. – 1959. – С. 398.

[480] Там же. С. 398–399.

[481] Там же. С. 398.

[482] Там же.

[483] Там же. С. 383.

[484] Ефимов А. В. Очерки истории США… С. 116.

[485] Там же. С. 117.

[486] Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро… С. 6, 43, 44, 49–53, 68, 69; Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма / Николай Николаевич Иноземцев. – Москва: Госполитиздат, 1960. – С. 10–11, 21.

[487] Примечательно, что в исторической науке и советского, и российского периодов взгляды Н. Н. Болховитинова оценивались высоко, а книга являлась образцом для историописания (Петров А. Ю. Академик РАН Н. Н. Болховитинов / Александр Юрьевич Петров // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – Р. 319). Декстер Перкинс (1889–1984) – авторитетный специалист США по истории «доктрины Монро», которого Н. Н. Болховитинов обличал с позиций марксистской методологии, после ознакомления с содержанием труда советского коллеги пришел к альтернативному выводу: «Жаль, однако, привносить марксистскую легенду в серьезную историю» (Perkins D. [Review] / Dexter Perkins // The American Historical Review. – 1967. – Vol. 73, № 1. – P. 85. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Doktrina Monro (Proiskhozdenie I Kharakter) [The Monroe Doctrine (Origin and Character)] / N. N. Bolkhovitinov. – Moscow: Publishing House of the Institute of International Relations, 1959. – 332 p.).

[488] Следует отметить и то, что Н. Н. Болховитинов ссылался на работу 1903 г. В. Н. Александренко, но поместил российского автора в категорию европейских ученых. При этом советский американист вульгаризировал выводы своего предшественника: «Значительная группа работ европейских авторов посвящена эволюции доктрины Монро от ее провозглашения до начала XX века. В их числе можно упомянуть целый ряд работ, опубликованных еще до первой мировой войны (см. работы Александренко, Барраль-Монферра, Крауса, Петина и многих других). В этих работах при рассмотрении эволюции доктрины большое внимание уделяется ее экспансионистской стороне, исследуемой авторами преимущественно в юридическом плане. Как правило, никакой связи между первоначальным посланием и дальнейшей экспансионистской эволюцией не проводится. Наоборот, эволюция доктрины прямо противопоставляется „чисто оборонительному“ характеру первоначальной доктрины» (Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро… С. 333). В публикациях 1908 г. и 1903 г.

В. Н. Александренко доказывал трансформацию «доктрины Монро» из оборонительной в 1820-е гг. в экспансионистскую на рубеже XIX–XX вв.

[489] Спустя три десятилетия, в последние месяцы существования СССР, Н. Н. Болховитинов дал негативную оценку рассмотрению в советской историографии 1950-х гг. тезиса об экспансии, умолчав свою принадлежность к ней: «Как известно, проблеме экспансии США неизменно уделялось в СССР большое внимание, и это успело набить оскомину, вызвать определенное неприятие и даже протест. Рискну, однако, утверждать, что сама по себе постановка этой проблемы и выдвижение ее в центр внимания при анализе внешней политики США имели определенное основание и оказали влияние и на американскую историографию (я имею в виду в первую очередь У. А. Уильямса и его учеников). Еще в 50-е годы советские историки (к сожалению, с большими перекосами) писали о роли экспансии в американской внешней политике начиная с колониальных времен, о войнах с индейцами, присоединении Луизианы, Флориды, Техаса, Калифорнии. К сожалению, однако, даже в лучших работах недостаточно подчеркивалась сложность и противоречивость, двойственность процесса этой экспансии, сочетание идеализма (город на холме) с эгоизмом и т. д.» (Болховитинов Н. Н. Советская американистика на перепутье: старые догмы и новые подходы / Николай Николаевич Болховитинов // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 9).

[490] Для понимания эпохи становления и творчества А. В. Ефимова лучшим свидетелем могут быть суждения об ученом его современников. Ревекка Абрамовна Авербух, знавшая американиста с 1920-х гг., дала емкую характеристику коллеги, которая показывает детерминизм его мышления идеологической парадигмы: «К своей научной работе он относился со страстью исследователя, изучая исторические события и процессы в свете творческого марксизма» (Авербух Р. А. Воспоминания о товарище / Ревекка Абрамовна Авербух // Проблемы истории и этнографии Америки / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1979. – С. 32).

[491] «Пиши, что думаешь, но помни о времени, когда это делаешь» – эта фраза была кредо Н. Н. Болховитинова, согласно воспоминаниям Я. А. Иванченко, который поделился своими наблюдениями о наставнике во время интервью с автором в апреле 2018 г. Зависимость советского ученого от времени, то есть от состояния политической системы и американо-советских отношений, делала его наработки тенденциозными.

[492] Василий Васильевич Фурсенко (1878–1942) – дед А. А. Фурсенко – в 1900-е гг. был воспитателем Романа Петровича Романова (сына Великого князя Петра Николаевича), с 1910 г. – преподаватель истории в Пажеском корпусе, в 1920–1930-е гг. – преподаватель и заведующий кафедрой иностранных языков в Ленинградском фармакологическом институте. Отец советского американиста – Александр Васильевич Фурсенко (1903–1975) получил признание в академических кругах в результате научной и организационно-бюрократической деятельности в структурах АН СССР (Пущаровский Ю. М. Мой первый учитель. Воспоминания об Александре Васильевиче Фурсенко / Ю. М. Пущаровский // Природа. – 2021. – № 3. – С. 73). По воспоминаниям Сергея Александровича Исаева (г. р. 1961) – аспиранта А. А. Фурсенко, в частных беседах историк упоминал о своем родстве с революционеркой Софьей Львовной Перовской (1853–1881) (Александр Александрович Фурсенко – академик, американист, человек: в рамках цикла лекций Выдающиеся историки XX века : [видеозапись] / Сергей Исаев, кандидат исторических наук, и. о. заведующего Отделом всеобщей истории, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; Президентская библиотека. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2020. – 1 видеофайл (58 мин. 59 сек.): цв., зв. – (Видеолекторий «Знание о России»). – Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/1312663). Видя карьеру своего деда и отца,

А. А. Фурсенко успешно выстраивал рост внутри советских академических структур: истфака ЛГУ, Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

[493] ***Более подробно:*** Ганелин Р. Ш. Академик Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) / Р. Ш. Ганелин, В. В. Носков, В. Н. Плешков // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 194.

[494] Фурсенко А. А. Война за независимость и образование США / Александр Александрович Фурсенко // Очерки новой и новейшей истории США: в 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова (и др.). – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 1. – С. 85–90.

[495] Отдельные элементы были изложены А. А. Фурсенко в научно-популярном очерке «Американская буржуазная революция XVIII века» (Фурсенко А. А. Американская буржуазная революция XVIII века / Александр Александрович Фурсенко. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 152 с.).

[496] Предисловие // Очерки новой и новейшей истории США: в 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова (и др.). – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 1. – С. 1.

[497] Там же. С. 89, 90.

[498] ***Более подробно:*** Дорофеев Д. В. Геральд Штоурц. Между историей и политологией: историография генезиса внешней политики США (первая половина 1950-х годов) / Денис Владимирович Дорофеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – № 3. – С. 34–45.

[499] Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815) / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1966. – С. 591.

[500] По воспоминаниям Н. Н. Болховитинова, работа над переводом заняла порядка одного десятилетия: «Нельзя не обратить внимания на еще одно обстоятельство. Исследования, которые издаются на русском языке, с большим трудом получают международное признание и публикуются в США и Западной Европе в лучшем случае с большим опозданием – через пять, десять и более лет. Показательно, что книгу „Становление русско-американских отношений, 1775–1815“ начали переводить еще в 1967 г., а закончили только в 1975, поскольку для этого потребовалось восстановление всех иностранных цитат, включая архивные» (Болховитинов Н. Н. Становление и развитие русско-американских отношений, 1732–1867 гг. (некоторые итоги) / Николай Николаевич Болховитинов // Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – С. 10).

[501] Для советского читателя адресовалась информация, содержащая критику американских ученых: «Принципиальные методологические изъяны (узкий дипломатический подход, отсутствие классового анализа, игнорирование социально-экономических факторов, роли народных масс и т. д.) в большей или меньшей степени присущи не только упоминавшимся выше тенденциозным книгам современных западных авторов, но и значительной группе других работ, написанных в основном с позиций буржуазного объективизма» (Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815)… С. 8). Для американского читателя подобного рода оценка не была представлена: «В прошлом историки международных отношений редко обращались к изучению социально-политических, научных и культурных связей. Их внимание было сосредоточено на межгосударственных, особенно дипломатических отношениях, на деятельности выдающихся политических и государственных деятелей, знаменитых генералов и дипломатов, царей и президентов. Таким образом, главный элемент, народ, представленный лучшими, наиболее образованными и активными представителями науки, общественными деятелями, писателями и журналистами,

выпал из истории международных отношений. Снова и снова историки пересказывали известные документы и занимательные эпизоды дипломатической борьбы, почти полностью игнорируя контакты между выдающимися представителями науки и культуры, а также между общественно-политическими, научными и культурными учреждениями» (Bolchovitinov N. N.The beginnings of Russian-Americanrelations, 1775–1815) / N. N. Bolchovitinov. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975. – P. VII–VIII).

[502] Н. Н. Болховитинов в монографии лишь упоминал вскользь не доктрину, а принцип народного суверенитета: «Аргументация Ф. Дейна, основанная на принципах народного суверенитета, не могла, разумеется, произвести особого впечатления (разве только отрицательного) на царское правительство» (Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815)… С. 85).

[503] Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815)… С. 60; Bolchovitinov N. N. The beginnings of Russian-American relations… P. 9, 368.

[504] Allen R. V. [Review]: / Robert V. Allen // The William and Mary Quarterly. – 1968. – Vol. 25, № 1. – P. 112. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Stanovlenie Russko-Amerikanshkikh otnoshenii, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov. – Moscow: Nauka, 1966. – 639 s.

[505] McGrew R. E. [Review] / Roderick E. McGrew // The American Historical Review. – 1968. – Vol. 73, № 3. – P. 771–772. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Stanovlenie Russko-Amerikanshkikh otnoshenii, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov. – Moscow: Nauka, 1966. – 639 s.

[506] Alexander J. T. [Review] / J. T. Alexander // The American Historical Review. – 1977. – Vol. 82, № 1. – P. 148–149. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.; Brown R. H. [Review] / Roger H. Brown // Reviews in American History. – 1977. – Vol. 5, № 1. – P. 66–71. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.; Christie I. R. [Review] / Ian R. Christie // The Slavonic and East European Review. – 1977. – Vol. 55, № 4. – P. 542. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Russia and the American Revolution / N. N. Bolkhovitinov. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1976. – 277 p.; Crownhart-Vaughan E. A. P. [Review] / E. A. P. Crownhart-Vaughan // Oregon Historical Quarterly. – 1977. – Vol. 78, № 4. – P. 359–360. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.; Gilbert D. R. [Review] / Daniel R. Gilbert // Russian History. – 1977. – Vol. 4, № 1. – P. 74–76. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.; Long D. F. [Review] / David F. Long // The New England Quarterly. – 1976. – Vol. 49, № 4. – P. 656–658. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.

[507] Ragsdale H. [Review] / Hugh Ragsdale // The American Historical Review. – 1979. – Vol. 84, № 1. – P. 116. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Russia and the American Revolution / N. N. Bolkhovitinov. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1976. – 277 p.

[508] Россия и США: становление отношений, 1755–1815 / М-во иностр. дел СССР и др., Гос. департамент США и др.; Сост.: Н. Н. Башкина (СССР)..., Дж. Х. Браун (США) и др. – Москва: Наука, 1980. – 752 с.

[509] Севостьянов Г. Н. У истоков внешней политики США / Григорьев Николаевич Севостьянов, Анатолий Иванович Уткин // США. Экономика, политика, идеология. – 1974. – № 12. – С. 40.

[510] Краснов Н. А. Заключение американо-французского союза в 1778 г. / Николай Андреевич Краснов // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 164–192; Краснов Н. А. Парижский мир

1783 г. / Николай Андреевич Краснов // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 447–462.

[511] Краснов Н. А. Американо-французские дипломатические отношения в период войны США за независимость (1775–1783 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук / Николай Андреевич Краснов. – Москва, 1977. – С. 23.

[512] Краснов Н. А. Заключение… С. 164.

[513] Краснов Н. А. Заключение… С. 176; Краснов Н. А. Парижский мир 1783 г. … С. 462.

[514] Следует отметить, что ленинский тезис также воспроизводился и авторами главы «Союзники и противники», которыми были М. Н. Захарова, С. П. Пожарская, Н. Б. Тер-Акопян, Л. И. Гинцбург, З. Либишковска (Союзники и противники / С. П. Пожарская, Н. Б. Тер-Акопян, Л. И. Гинцбург, З. Либишковска // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 284, 299).

[515] Краснов Н. А. Заключение… С. 176.

[516] Краснов Н. А. Американо-французские дипломатические отношения в период войны США за независимость (1775–1783 гг.): автореф. … С. 4.

[517] Там же. С. 2–3.

[518] Там же. С. 5.

[519] Там же. С. 10.

[520] Там же. С. 23.

[521] В воспоминаниях формат отношений с В. К. Фураевым В. Н. Плешков передает следующим образом: «Когда я окончил университет Виктор Константинович рекомендовал меня в аспирантуру своему однокурснику, доктору исторических наук Александру Александровичу Фурсенко, работавшему в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, знаменитом ЛОИИ. Так благодаря Виктору Константиновичу Фураеву я оказался первым аспирантом известного отечественного американиста, ставшего впоследствии академиком РАН, А. А. Фурсенко. Между ними издавна существовали добрые отношения, а со временем ввиду отсутствия в городе других докторов наук - американистов (Ю. Л. Кузнец вскоре после защиты докторской диссертации переехал на работу в Москву) возникла и договоренность о взаимном оппонировании диссертаций своих учеников. Так, Виктор Константинович выступил официальным оппонентом по моей кандидатской диссертации, а затем и по докторской. После получения диплома кандидата наук я был включен ими в эту связку и с тех пор неоднократно оппонировал диссертации многочисленных учеников Виктора Константиновича. Я всегда отвечал согласием на эти предложения, так как знал, что имя Фураева на титульном листе диссертации являлось своеобразным знаком качества» (Плешков В. Н. Уроки учителя: вспоминая Виктора Константиновича Фураева / Владимир Николаевич Плешков // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время: памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков: материалы научной конференции. Ответственный редактор Н. П. Евдокимова. – Ишим: Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова. – С. 37).

[522] Плешков В. Н. Томас Джефферсон и американская независимость: дис. ... канд. ист. наук / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград, 1974. – 193 с.

[523] Долгошева А. Назначение в США / Анастасия Долгошева // Санкт-Петербургские ведомости: [website]. – 2007. – 6 марта. – URL: https://spbvedomosti.ru/news/career/naznachenie_v_nbsp_ssha060307/ (дата обращения: 01.09.2022 г.).

[524] Фурсенко А. А. Американская революция и образование США / Александр Александрович Фурсенко. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 9, 372, 374.

[525] Там же. С. 350, 351, 352, 376, 373.

[526] Фурсенко А. А. Франция и американская независимость (из предыстории франко-американского договора 1778 г.) / Александр Александрович Фурсенко // Проблемы истории и этнографии Америки / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1979. – С. 71.
[527] Мельников Ю. Внешняя политика США: традиции и современность / Юрий Мельник // Международная жизнь. – 1976. – № 9. – С. 106.
[528] Там же. С. 107.
[529] Мельников Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность / Юрий Михайлович Мельников. – Москва: Международные отношения, 1984. – С. 8.
[530] Яковлев Н. Н. Идеи Американской революции: прошлое и настоящее / Николай Николаевич Яковлев // США: политическая мысль и история / Н. Н. Яковлев, В. К. Пархоменко, А. А. Карелин и др. – Москва: Наука, 1976. – С. 33.
[531] Там же. С. 26.
[532] Там же. С. 33.
[533] Такую оценку ввели в научный оборот супруга Н. Н. Яковлева – главный научный сотрудник Отдела истории Нового времени Института всеобщей истории РАН Светлана Петровна Пожарская (1928–2010) и его ученик – профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД РФ Владимир Олегович Печатнов. «Сам Николай Николаевич был глубоко чужд идеологическому догматизму советских времен, в который он не вписывался ни содержанием, ни формой своих работ. Так, мотивы внешней политики США он выводил не из ленинской теории империализма, а из „баланса сил“, первым из отечественных историков-американистов раскрыв конкретное содержание этого подхода и его применение на разных этапах истории США. Ритуальные ссылки на классиков марксизма-ленинизма он сводил к минимуму, умудряясь отыскивать у них свежие мысли, работающие на его собственную концепцию» (Печатнов В. О. Николай Николаевич Яковлев (1927–1996) / Владимир Олегович Печатнов, Светлана Петровна Пожарская // Портреты историков: время и судьбы / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – Москва: Наука, 2004. – Т 4. – С. 525). При анализе рассматриваемой публикации подобная оценка не нашла подтверждения. Материал свидетельствует об обратном: несмотря на обилие ссылок на американских историков, политологов и, действительно, незначительное количество отсылок на классиков марксизма-ленинизма, Н. Н. Яковлев рассуждал в рамках принятой в советской науке интерпретации. Вслед за В. И. Лениным, он считал, что буржуазия одержала верх в Американской революции и формировала внешнюю политику, как и основатель большевистского государства, историк рассматривал стремление отцов-основателей использовать противоречия европейских держав. Также Н. Н. Яковлев сохранял преемственность со своим учителем – А. В. Ефимовым и, таким образом, не напрямую, а косвенно воспроизводил ленинские установки (Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 33). Это позволило прийти к другому выводу: подход Н. Н. Яковлева к принципу «баланса сил» не выходил за пределы, а был примером усложнения понимания понятия без изменения его границ, установленных марксистко-ленинской доктриной.
[534] Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 27, 37, 43–44, 49–50.
[535] ***Более подробно:*** Zhuk S. I. Op. cit. P. 90.
[536] Каренин А. А. Теория и практика «баланса сил» / А. А. Каренин // США: политическая мысль и история / Н. Н. Яковлев, В. К. Пархоменко, А. А. Карелин и др. – Москва: Наука, 1976. – С. 154; Пархоменко В. К. Теория «явного предназначения» / Валентин Константинович Пархоменко // США: политическая мысль и история / Н. Н. Яковлев, В. К. Пархоменко, А. А. Карелин и др. – Москва: Наука, 1976. – С. 61–63.
[537] Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология / Генрих Александрович Трофименко. – Москва: Мысль, 1976. – С. 333.

[538] Там же. С. 26.
[539] Там же. С. 31.
[540] Там же. С. 47–48.
[541] Н. Н. Болховитинов в документе позиционировался, как «<…> специалист по истории США, международным отношениям, внешней политике России XVIII–XIX вв., и историографии <…>» (Справка на Н. Н. Болховитинова / Архив академика А. П. Ершова: [website]. – URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/801489 [дата обращения: 11.11.2021 г.]); А. А. Фурсенко – «<…> специалист по всеобщей истории, обогативший науку научными трудами по истории США XVIII–XX вв. и экономической истории <…>» (Справка на А. А. Фурсенко / Архив академика А. П. Ершова: [website]. – URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/801492 [дата обращения: 11.11.2021 г.]); Г. Н. Севостьянов – «<…> известный ученый американист, исследователь истории международных отношений <…>» (Справка на Г. Н. Севостьянова / Архив академика А. П. Ершова: [website]. – URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/801291 [дата обращения: 11.11.2021 г.]).
[542] Болховитинов Н. Н. Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США / Николай Николаевич Болховитинов // Вопросы истории. – 1986. – № 9. – С. 74.
[543] В ходе дискуссии между американскими и советскими учеными, проходившей 9–11 января 1989 г. на платформе журнала «Вопросы истории», В. В. Согрин придерживался позиций консервативного марксизма-ленинизма: «По ряду вопросов нам трудно достичь общего мнения, например, относительно места американской и русской революций во всемирной истории. Что касается Октябрьской революции, то в результате ее, я думаю, действительно произошел прорыв в развитии всего человеческого общества. Этим прежде всего и объясняется ее основополагающее место в истории. Нам трудно также достичь единства в вопросе о тенденциях развития американской исторической науки. Я убедился в том, что мы совершенно по-разному оцениваем, например, место радикальных ревизионистов в американской исторической науке. Причина здесь не в том, что мы плохо знаем предмет, а в том, что мы по-разному оцениваем тенденции развития американской историографии. В данном случае действует принцип Шекспира: ничто не существует само по себе, а существует только в нашей оценке. С моей точки зрения, радикальный ревизионизм 60–70-х годов разрушил в исторической науке США консервативный консенсус 50-х годов. Лидеры радикального ревизионизма были президентами организации американских историков. Их знают во всем мире. И в Советском Союзе их очень уважают. Я полагаю, что наши точки зрения не совпадают в силу определенных мировоззренческих различий» («Круглый стол» советских и американских историков // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 108).
[544] Н. Н. Болховитинов сформулировал критику в адрес оппонентов следующим образом: «Историография внешней политики, как правило, рассматривается самостоятельно, вне связи с общим развитием исторической науки в США. Даже в учебнике по историографии внешнеполитические разделы несколько выпадают из общей схемы развития исторической науки в США. Не случайно их автор подчеркивает, что „изучение внешнеполитической проблематики стало самостоятельной отраслью буржуазной исторической науки“. Если в центр послевоенного ее развития в учебнике справедливо ставится концепция „консенсуса“ и „новый консерватизм“, то в историографии внешней политики выделяются совсем иные направления: школы „политического идеализма“ (Д. Перкинс, С. Ф. Бимис), „реальной политики“ (Г. Моргентау, Р. Осгуд), „модернистское“, „официальное“, „критическое“ направления, „наиболее реакционная группа“ и т. д. В результате получается излишне пестрая картина, причем историография внешней политики не

ставится в неразрывную связь со всей исторической наукой США. Между тем именно такой подход наиболее перспективен» (Болховитинов Н. Н. Основные этапы… С. 65).

[545] В 1987 г. в Институте США и Канады под редакцией А. И. Уткина и при участии в статусе рецензента Г. Н. Севостьянова была опубликована монография «Внешняя политика США в американской политологии». Ее автором была Евгения Ивановна Попова (1918–1995) – профессор Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина – констатировала различия между историей и политологией в Соединенных Штатах: «Американская политология, первоначальным объектом которой были политические системы и институты, в настоящее время широко занимается внешней политикой. В отличие от исторической науки и нового ее ответвления – „политической истории“, политологии свойственна тематика сегодняшнего дня, большой удельный вес публицистики. Однако во многом она является аналогом того, что у нас принято именовать „новейшей историей“. К тому же среди американских авторов политический деятель, публицист, политолог, историк часто совмещаются в одном лице (Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Р. Пайпс и многие другие). Следует также учесть, что для современного развития исторической науки характерны умножающиеся межпредметные взаимовлияния и связи. Все это позволяет включить в следующий ниже анализ существующих в США школ и направлений работы и собственно политологов и историков, объединяя их под термином „политология и историография“» (Попова Е. И. Внешняя политика США в американской политологии / Евгения Ивановна Попова. – Москва: Наука, 1987. – С. 4).

[546] Болховитинов Н. Н. Советская американистика на перепутье… С. 9.

[547] В публикации «Некоторые итоги исследовательской работы советских историков-американистов (1976–1980)» (1980), Г. Н. Севостьянов утверждал, что празднование 200-летия образования США в советской исторической науке привело к тому, что была подготовлена серия научных трудов, написанная с марксистко-ленинских позиций, которые вскрывали несостоятельность ряда утверждений буржуазных историков США, игнорировавших роль народных масс в борьбе за независимость и образование США. В качестве истории дипломатии и внешней политики Г. Н. Севостьянов выделял работу 1976 г. под его редакцией (Севостьянов Г. Н. Некоторые итоги исследовательской работы советских историков-американистов (1976–1980) / Г. Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. – 1981. – № 1. – С. 23, 36–45).

[548] В 1988 г. Н. Н. Болховитинов заменил Г. Н. Савостьянова на посту главного редактора «Американского ежегодника».

[549] «У истоков научных связей: Б. Франклин и М. В. Ломоносов», «Россия и начало Войны США за независимость (1775–1779)», «Вооруженный нейтралитет и предложение мирного посредничества (1780–1781)», «Миссия Ф. Дейны в С.-Петербурге (1781–1783)», «Русско-американские научные и культурные связи в последние десятилетия XVIII в.», «Становление торговых связей (I761 г. – начало XIX в.)» (Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Между нар. отношения, 1991. – С. 23–32. 33–53, 54–79, 80–92, 145–155, 156–173).

[550] Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799… С. 93.

[551] Там же. С. 240, 244, 290, 292.

[552] Примером выступает следующее высказывание Н. Н. Болховитинова: «Как известно, проблеме экспансии США неизменно уделялось в СССР большое внимание, и это успело набить оскомину, вызвать определенное неприятие и даже протест. Рискну, однако, утверждать, что сама по себе постановка этой проблемы и выдвижение ее в центр внимания при анализе внешней политики США имели определенное основание и оказали влияние и на американскую историографию (я имею в виду в первую очередь У. А. Уильямса и его учеников). Еще в 50-е годы советские историки (к сожалению, с

большими перекосами) писали о роли экспансии в американской внешней политике начиная с колониальных времен, о войнах с индейцами, присоединении Луизианы, Флориды, Техаса, Калифорнии. К сожалению, однако, даже в лучших работах недостаточно подчеркивалась сложность и противоречивость, двойственность процесса этой экспансии, сочетание идеализма (город на холме) с эгоизмом и т. д.» (Болховитинов Н. Н. Советская американистика на перепутье… С. 9).
[553] Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799… С. 64.
[554] Там же. С. 81.
[555] Там же. С. 78, 88–89.
[556] В августе 1989 г. Н. Н. Болховитинов посетил коллег на кафедре новой и новейшей истории СГУ имени М. Фрунзе, на которой выступил с речью, сообщив, что «новое мышление» не ориентирует историков на конфронтацию с иностранными коллегами и, в свою очередь, исторической науке СССР надлежит предотвратить изоляцию. Эти рассуждения американист привел к выводу о необходимости поиска союзников среди немарксистских историков (Дорофеев Д. В. Fiat lux… С. 55).
[557] В автореферате В. Н. Плешкова, датированном 1987 г., указан именно этот статус А. А. Фурсенко. Также следует отметить, что в представлении заявки на статус в АН СССР отмечалось, что он является специалистом по истории внешней политики XIX–XX вв. (Справка на А. А. Фурсенко. Op. cit.).
[558] Арбатов Г. А. Введение / Георгий Аркадьевич Арбатов // Современная внешняя политика США: в 2 т. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 4.
[559] Кременюк В. А. Классовая сущность внешней политики США / Виктор Александрович Кременюк, Генрих Александрович Трофименко // Современная внешняя политика США: в 2 т. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 20.
[560] Кременюк В. А. Внешнеполитические традиции / Виктор Александрович Кременюк, Генрих Александрович Трофименко // Современная внешняя политика США: в 2 т. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 137.
[561] Там же. С. 141–142.
[562] Там же. С. 142–144.
[563] Там же. С. 146.
[564] Там же. С. 147.
[565] Там же. С. 150–151.
[566] Там же. С. 158.
[567] Там же. С. 158–159.
[568] Там же. С. 141, 144, 145, 157, 158.
[569] Зволинский В. И. Член-корреспондент РАН В. А. Кременюк и его труды по международным отношениям / Виталий Иванович Зволинский // Вестник МГИМО. – 2014. – № 1. – С. 323.
[570] История США: в 4 т. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – Москва: Наука, 1983. – Т. 1: 1607–1877. – С. 163–172.
[571] Там же. С. 172.
[572] Там же. С. 164, 172.
[573] Там же. С. 164, 168, 170.
[574] Там же. С. 168–170, 171.
[575] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений) / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград: Наука, 1984. – 301 с.
[576] Рецензентами были Александр Петрович Раскин (?–?), Владимир Александрович Ушаков (г. р. 1947).

[577] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века… С. 63, 128, 230, 291.
[578] «Американские государственные бумаги ...» под редакцией У. Лори, «Дневник и автобиография Джона Адамса» под редакцией Л. Х. Баттерфилда, «Журнал Континентального Конгресса» под редакцией У. С. Форда, «Переписка и общественные документы Джона Джея 1763–1826» под редакцией Х. П. Джонсона, «Письма членов Континентального Конгресса» под редакции Э. С. Барнетта, «Революционная дипломатическая корреспонденция Соединенных Штатов» под редакцией Ф. Уортона, «Дневник и бумаги Говернера Морриса» под редакцией А. С. Морриса (Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века… С. 21, 292).
[579] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века… С. 4.
[580] Там же. С. 4.
[581] Там же.
[582] Там же.
[583] Там же. С. 4–5.
[584] Там же. С. 20.
[585] Там же. С. 3–4.
[586] Там же. С. 19.
[587] Там же. С. 20.
[588] Там же. С. 126–127.
[589] Плешков Виктор Николаевич. 1946–2020: [некролог] // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 3 (27). – С. 281.
[590] Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / Виктор Моисеевич Панеях. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 331.
[591] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. … С. 5.
[592] Там же. С. 6.
[593] «Главная цель работы, – отмечал В. Н. Плешков, – заключается в том, чтобы на основе марксистско-ленинской методологии исследовать истоки дипломатии США, зарождение основных принципов и приоритетов внешнеполитического курса страны, формировавшегося под воздействием острой внутриполитической борьбы складывавшихся партий республиканцев и федералистов» (Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. … С. 3).
[594] В. Н. Плешков не привел целиком цитату В. И. Ленина из работы «Письмо к американским рабочим». Он посчитал излишним закончить фразу политика: «Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев». При том, что в монографии цитата приводилась полностью.
[595] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. … С. 3.
[596] Там же. С. 12.
[597] Там же. С. 5.
[598] Впервые ассоциация провела конференцию в Восточной Европе.
[599] Плешков В. Н. Конференция Европейской ассоциации американских исследователей / Владимир Николаевич Плешков // Новая и новейшая история. – 1987. – № 1. – С. 238.
[600] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. … С. 33.
[601] В 1988 г. были опубликованы доклады конференции, где доклад В. Н. Плешкова отсутствовал (The early republic: the making of a nation, the making of a culture / Edited by Steve Ickringill. – Amsterdam: Free University Press, 1988. – 305 p.).
[602] Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. … С. 21.
[603] Там же.

[604] Там же. С. 13–14.
[605] Там же. С. 14–18.
[606] Там же. С. 18.
[607] Там же. С. 14.
[608] Плешков Виктор Николаевич. 1946–2020… С. 281–282.
[609] Historical Science under Conditions of Restructuring: A Roundtable Discussion // Soviet historians and perestroika: the first phase / Edited by Donald J. Raleigh. – Armonk: Sharpe, 1989. – P. 275.
[610] Болховитинов Н. Н. Советская американистика на перепутье… С. 9.
[611] Плешков В. Н. Американистика в Санкт-Петербургском Институте истории РАН / Владимир Николаевич Плешков // Электронный научно-образовательный журнал «История»: электронный журнал. – 2010. – Т. 1. – Выпуск 4. –URL: https://history.jes.su/s207987840000082-9-2/ (дата обращения: 09.08.2021 г.).
[612] Влияние методологии политических наук на исторические исследования наблюдалось и в советской науке. Эдуард Яковлевич Баталов (1935–2018) – главный научный сотрудник ИСКРАН – отмечал этот процесс следующим образом: «Если же говорить об отечественной научной литературе (в том числе историографической), то тут нельзя не напомнить о нашем недавнем прошлом. В СССР официально считалось, что все советские философы, историки, экономисты („политологов“, как и „политологии“, у нас тогда не существовало) и другие обществоведы, да и не только обществоведы, выступая с позиций методологического монизма, опираются на марксистскую методологию, требующую подходить к объекту исследования с „диалектико-материалистических“ позиций и рассматривать общественные явления как надстроечные, определяемые базисом. На самом деле метод, которым пользовался сам Маркс, был (как показал, в частности, выдающийся и честнейший советский философ Э. В. Ильенков, трагически оборвавший по собственной воле свою жизнь) значительно сложнее ходульной вульгарной схемы, выдававшейся советской официальной „наукой“ за марксизм, и владели этим методом немногие. А те, что пользовались примитивизированным методом и при этом называли себя „марксистами“, таковыми на самом деле не были. Многие честные советские исследователи, особенно в пост-сталинский период, отдававшие себе отчет в нищете официального „диалектического и исторического материализма“ и стремившиеся вырваться за его пределы, но вынужденные именовать себя „марксистами“, в действительности были эклектиками, которые – зачастую неосознанно – бессистемно и стихийно соединяли разные методы (либо элементы методов), в том числе те, которыми пользовались западные исследователи» (Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века / Эдуард Яковлевич Баталов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – С. 20–21).
[613] В исследовании используется прилагательное «постсоветские» по отношению к американистам, которые сложились как ученые в годы СССР. Период их профессионального формирования отличается от исследователей, чьи взгляды становились уже в Российской Федерации. Параметрами для их определения выступают уровни образования, полученные уже после распада Советского Союза.
[614] Понимание своего положения передают слова Н. Н. Болховитинова: «Завершая по необходимости краткий обзор своих исследований по истории русско-американских отношений, полный список которых приводится в специальном приложении, необходимо отметить, что в последние два десятилетия в изучение этой тематики включилась большая группа историков, филологов, географов, архивистов США, России, Канады и других стран (Р. А. Аллен, Дж. Р. Гибсон, Г. П. Куропятник, А. Н. Николюкин, В. Н. Пономарев, Н. Е. Сол, Дж. Д. Хартгроув и многие другие). Особо следует отметить публикацию в 1991 и 1996 гг. двух выдающихся книг Нормана Е. Сола. Если «путеводителем» для первой из них, по словам автора, «служили работы

знаменитого русского ученого Николая Болховитинова», то новая монография профессора Сола продвинула исследование отношений между Россией и США в 1867–1914 гг. далеко вперед. В результате я начал утрачивать первенство в исследовании русско-американских отношений. К тому же я не сумел вовремя закончить книгу „Россия и Гражданская война в США, 1861–1865 гг.“, и мне пришлось ограничиться публикацией серии научных статей в журналах, поскольку с 1995 г. я целиком переключился на подготовку трехтомной „Истории Русской Америки“» (Болховитинов Н. Н. Становление и развитие… С. 13–14).

[615] Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США: дис. ... канд. ист. наук / Мария Александровна Филимонова. – Москва, 2001. – 248 с.

[616] Издание книги показывало то, как работает бюрократический аппарат внутри ИВИ РАН: монография вышла в свет на основе средств гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ на выполнение исследований по теме: «Северная Америка и ее отношения с Россией». № НШ-1470.2003.6., выделенный Ведущей научной школе Н. Н. Болховитинова.

[617] Диссертант характеризовала ее лаконичной формулировкой: «Методологической основой работы являются принципы историзма и объективности. Использованы элементы дискурсивного анализа» (Филимонова М. А. Александр Гамильтон… С. 4). Однако текст исследования показывал применение автором терминов, которые имели непосредственное отношение к политического реализму: «безопасность», «государственный интерес», «реалистическая внешняя политика», «реалистический взгляд на политику», «реалистический подход к политике» (Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США: диссертация... С. 21, 24, 39, 99; Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США… С. 50, 53, 63, 125).

[618] Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США… С. 133.

[619] По мнению соискателя, А. Гамильтон считал, что Голландия, Испания, Франция оказывали помощь США, поскольку были заинтересованы в ослаблении Великобритании (Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США… С. 106).

[620] Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США… С. 133.

[621] Как в тексте диссертации, так и в монографии М. А. Филимонова не использовала статью Б. А. Ширяева «Александр Гамильтон – представитель плеяды „отцов-основателей“ США» (1983), опубликованной в издании «Политические деятели античности, средневековья и нового времени: индивидуальные и социально-типические черты». Уже в докторской диссертации эта публикация ею использовалась (Филимонова М. А. Политическая борьба националистов / федералистов за консолидацию США: 1781–1788 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Мария Александровна Филимонова. – Курск, 2010. – С. 7, 492). Игнорирование работы Б. А. Ширяева следует рассматривать не как упущение, а элемент систематического уклонения от рассмотрения наработок советских историков. В частности, в кандидатской диссертации М. А. Филимонова уклонилась от использования статьи Татьяны Викторовны Алентьевой «Политико-правовые концепции А. Гамильтона» (1996), опубликованной в издании «Проблемы истории государства и права. Зарубежные страны» (Вып. 1) (Филимонова М. А. Политическая борьба... С. 477). Незнания этой работы не могло быть. Во-первых, из-за родственных отношений: Т. В. Алентьева – мать М. А. Филимоновой; во-вторых, у обеих исследовательниц научным руководителем и консультантом был Н. Н. Болховитинов.

[622] В диссертации Б. А. Ширяев критиковался за крайнюю тенденциозность взглядов (Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США: диссертация... С. 12); А. А. Фурсенко и его ученик С. А. Исаев подверглись критике за

отсутствие теоретического уровня (Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США: диссертация... С. 32–35).

[623] В. Н. Плешков постепенно продвигался внутри СПб филиала Института российской истории РАН: он занял позиции исполняющего обязанности заместителя директора (1992), через два года – замдиректора по науке (1994), через пять лет – директор (1999). Карьерному продвижению способствовал патронаж со стороны А. А. Фурсенко, который с 1988 г. по 2008 г. занимал должность заведующего Отделом всеобщей истории СПб филиала Института российской истории РАН и одновременно делал карьеру внутри РАН: с 1991 г. он занимал должность заместителя академика-секретаря Отделения истории РАН, в 1996–2002 гг. вел работу как академик-секретарь Отделения истории РАН и член Президиума РАН, с 2002 г. занял пост заместителя академика-секретаря и руководителя секции истории Отделения историко-филологических наук РАН.

[624] Совместной работой В. Н. Плешкова и А. А. Фурсенко явились следующие издания: Становление американского государства / С. А. Исаев, А. А. Фурсенко, В. Н. Плешков и др.; отв. ред. А. А. Фурсенко. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 318 с.; Словарь американской истории: с колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. А. А. Фурсенко. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 730 с.

[625] Исключение составил только Н. А. Краснов.

[626] О падении интереса в российской американистике к раннему периоду истории США и их внешней политике было подчеркнуто в начале XXI в. на заседании круглого стола «Итоги и перспективы отечественной американистики» (19 февраля 2003 года) под эгидой Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Круглый стол. Деятельность Центра североамериканских исследований («Итоги и перспективы отечественной американистики», Москва, 19 февраля 2003 года) // Новая и новейшая история. – 2003. – № 6. – С. 185). В середине 2010-х гг. В. В. Согрин не мог дать детальную оценку состоянию исследования истории внешней политики США в новое время, кроме как констатации в примечании его исследования следующей информации: «В последние годы наметились определенные позитивные сдвиги в изучении указанной проблематики, поскольку были защищены докторские диссертации и опубликованы монографии, посвященные малоизученным в советский период аспектам внешнеполитической истории США нового времени. См., например: Краснов Н. А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801. М.: ПАИМС, 2000; Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613–1713 гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. Следует также упомянуть монографии, посвященные внешней политике США первых десятилетий независимости: Трояновская М. О. Дискуссии по вопросам внешней политики США (1775–1823). М.: Издательство „Весь Мир“, 2010; Исэров А. А. США и борьба Латинской Америки за независимость. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011» (Sogrin V. V. Study of Russian-American Relations and the US History in Post-Soviet Russia / Vladimir Viktorovich Sogrin // Journal of Russian American Studies. – 2017. – Vol. 1, № 1. – P. 7). В конце первой четверти XXI в. упоминания о раннем периоде в истории внешней политики США исчезли из обещающих исследований (***Например:*** Цветков И. А. Американистика в России: история и современное состояние / Иван Александрович Цветков // Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете: Сборник докладов XXX Российско-американского семинара, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2021 года / Под редакцией Н. А. Цветковой, Ю. К. Богуславской, Т. А. Гришаниной. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 35–53; Tsvetkov I. A. American Studiesin Russia / I. A. Tsvetkov // The Routledge Handbook of

Russian International Relations Studies / Ed. By Maria Lagutinaetal. – London: Routledge, 2023. – P. 164–175).

[627] Байбакова Л. В. Е. Ф. Язьков (1923–2009): творческий путь педагога и ученого / Л. В. Байбакова // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 215.

[628] Ассоциация абсорбировала в 1995 г. «Сибирскую ассоциацию американистов», созданную профессором М. Я. Пелипасем в 1993–1994 гг. в Томском государственном университете, и ведущую самостоятельную деятельность в Сибири и на Дальнем Востоке. Вхождение в состав этой структуры было отмечено ироничным комментарием: «Хоть и с запозданием, но (лучше поздно, чем никогда) Бюро все же получило официальные документы о присоединении новых коллективов американистов к нашей Ассоциации» (Информационный бюллетень «Российские университеты». Ассоциация изучения Соединенных Штатов Америки. – 1997. – № 4. – С. 9).

[629] Информационный бюллетень «Российские университеты». Ассоциация изучения Соединенных Штатов Америки. – 1997. – № 5. – С. 2.

[630] Формирование центра американистики в Волгоградском государственном университете на основе приобретенного опыта в США, а не советского / российского передают воспоминания А. И. Кубышкина: «Идея формирования специальной лаборатории американистики стала складываться у нас по возвращении из первой стажировки в Кентском университете (август – декабрь 1990 г.)» (Кубышкин А. И. К десятилетию создания Центра американских исследований Волгоградского государственного университета «Американа» / А. И. Кубышкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2006. – № 11. – С. 173).

[631] Исторический образ Америки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию прогр. Фонда Фулбрайта, состоявшейся на ист. фак. МГУ им. Ломоносова, г. Москва, 31 янв. – 3 февр. 1994 г. / [Отв. ред. Е. Ф. Язьков, А. С Маныкин]. – Москва: НИЦ «Ладомир», 1994. – 376 с.; «Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: Материалы II Международной научной конференции», МГУ, 31 января – 3 февраля 1995 года / [Отв. ред. Е. Ф. Язьков, А. С. Маныкин]. – Москва: Изд-во МГУ, 1996. – 185 с.; Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России: материалы научной конференции, г. Москва, 31 октября – 2 ноября 1995 года. / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: МГУ, 1996. – 252 с.; США и внешний мир: Материалы IV науч. конф. Ассоц. изучения США, Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 3–4 апреля 1996 года. / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 252 с.; Российская американистика в поисках новых подходов: материалы V научной конференции ассоциации изучения США, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 17–18 июня 1997 года. / ответственные редакторы: А. С. Маныкин [и др.]. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 366 с.; США: становление и развитие национальной традиции и национального характера: Материалы VI науч. конф. ассоц. изучения США. Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова г. Москва, 27–28 января 1999 года. / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 414 с.; Проблема «Мы – Другие» в контексте исторического и культурного опыта США. Материалы VII международной научной конференции Ассоциации изучения США. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 5–6 февраля 2001 года. / [Отв. ред.: А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Путь, 2002. – 264 с.; Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика: Материалы VIII научной конференции Российской ассоциации американистики: Москва, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–30 января 2003 г. / [отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: МАКС Пресс, 2004. – 360 с.; Исторический опыт Америки: взгляд российских и американских историков = Experiencing American History: viewpoints of American and

Russian historians: материалы международной научной конференции, посвященной 30-летию программы Фулбрайта в России, Московский государственный университет, 22–23 июня 2004 года. / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2005. – 357 с.; Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние: материалы IX науч. конф. Рос. ассоц. изучения США, Москва, ист. фак. МГУ, 27–28 июня 2005 года. / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: МАКС Пресс, 2006. – 363 с.

[632] Проблемы американистики: сборник / Под ред. Ю. К. Мельвиля, Е. Ф. Язькова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978–2001. – Вып. 9: Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура. – 1993. – 301 с.; Проблемы американистики: сборник / Под ред. Е. Ф. Язьков, А. С. Маныкин. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978–2001. – Вып. 10: Либеральная традиция в США и ее творцы – Москва: Изд-во МГУ, 1995. – 312 с.; Проблемы американистики: сборник / Отв. ред. А. С. Маныкин. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978–2001. – Вып. 11: Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. – 2001. – 297 с.

[633] Косвенно, в контексте международных отношений Войны США за независимость, имела отношение только одна статья, написанная Ольгой Виленовной Волосюк – историком-испанистом, профессором РУДН – под названием «Международный конфликт в Европе XVIII в.: На примере вступления Испании в войну за независимость США» (Волосюк О. В. Международный конфликт в Европе XVIII в.: На примере вступления Испании в войну за независимость США / Ольга Виленовна Волосюк // Проблемы американистики. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. – 2001. – Вып. 11. – С. 111–128).

[634] ***Более подробно:*** Рогулев Ю. Н. История США… С. 34–35.

[635] Юрий Николаевич Рогулев – заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории по научной работе и общим вопросам – описал трансформацию следующим образом: «В дополнение к кадровому кризису и под влиянием упомянутых выше негативных политических факторов заведующий кафедрой новой и новейшей истории профессор Е. Ф. Язьков принял решение отказаться от продолжения исследования проблемы политических партий в США и переориентировать группу сотрудников на изучение проблемы функционирования системы международных отношений. С формальной точки зрения Лаборатория по изучению истории США сохранилась, но фактически она перестала выполнять те задачи, для которых была создана профессором Н. В. Сивачевым, а позднее и формально была переименована в Лабораторию новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Фактическое прекращение деятельности Лаборатории по истории США обозначило завершение важного этапа в возникновении и становлении изучения истории США как научной дисциплины на кафедре новой и новейшей истории. Это, безусловно, был этап развития по восходящей линии и по содержанию, и по масштабам деятельности, характеризовавшийся большими достижениями как в подготовке кадров, так и в области научных исследований, да и в сфере международного сотрудничества» (Рогулев Ю. Н. История США… С. 35–36).

[636] В последующем лаборатория получила новое название – Лаборатория новой и новейшей истории стран Европы и Америки.

[637] М. О. Трояновская защитила диссертацию «Идейно-политическая эволюция партии джефферсоновских республиканцев 1800–1810 гг.» (1983), И. Ю. Хрулева – «Государство, Церковь и Общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии (1630–1660-е гг.)» (1997) (Диссертационные исследования / Кафедра новой и новейшей истории. Исторический факультет МГУ: [website]. – URL: http://www.hist.msu.ru/departments/3992/research/dissertations [дата обращения: 11.11.2021 г.]).

[638] Н. Н. Болховитинов, выступая на конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», проходившей на базе центра «Americana», отмечал: «Завершая свою статью, мне хотелось бы заметить, что создание центра „Американа“ в Волгоградском государственном университете позволяет надеяться на то, что изучение русско-американских исследований получит новый импульс» (Болховитинов Н. Н. Становление и развитие… С. 14).

[639] Из 8 выпусков на протяжении 1997–2006 гг. только в одном выделялся раздел «Региональные аспекты внешней политики США» (Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 8: Россия и США: опыт политического, экономического и культурного взаимодействия = Russia and the USA: Political, Economical, Cultural Interaction: материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию создания Центра американских исследований ВолГУ «Американа», г. Волгоград, 21–23 апреля 2006 года / Редкол.: А. И. Кубышкин (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 329).

[640] Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – С. 6; Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 4: Общественная мысль, экономика и политика в странах Американского континента в Новое и новейшее время. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. – С. 5; Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 7: Российско-американские отношения в исторической ретроспективе = Russian-American Relations in the Historical Retrospective: материалы науч.-практ. семинара, посвящ. 100-летию Дж. У. Фулбрайта, г. Волгоград, 17 октября 2004 года. / ВолГУ, Центр амер. исслед.; редкол.: А. И. Кубышкин (отв. ред.) [и др.]; ред. совет: Н. Н. Болховитинов [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 143; Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 8: Россия и США: опыт политического, экономического и культурного взаимодействия = Russia and the USA: Political, Economical, Cultural Interaction: материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию создания Центра американских исследований ВолГУ «Американа», г. Волгоград, 21–23 апреля 2006 года / Редкол.: А. И. Кубышкин (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 14, 211.

[641] Болховитинов Н. Н. Становление и развитие… С. 7–30.

[642] Нелин Т. В. Политика Континентального Конгресса и первых администраций США по формированию и развитию торговых отношений с индейцами: 1775–1809 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Тимур Владимирович Нелин. – Волгоград, 2005. – 218 с.

[643] Актуальность исследования обосновывалось следующим постулатом: «Характер проводимой США политики в отношении индейцев определяет и актуальность темы исследования, поскольку рассмотрение процесса организации Соединенными Штатами торговли с индейскими племенами в период ранней американской истории помогает лучше понять современную внешнюю политику США, основанную на методе экономического воздействия на другие страны. Изучение идеологического обоснования торговли с индейцами позволяет увидеть, какими категориями оперировали власти страны, объясняя свою политику в отношении индейцев, и более объективно оценивать

идеологическую составляющую современной внешней политики Соединенных Штатов» (Нелин Т. В. Политика Континентального… С. 2).

[644] Нелин Т. В. Политика Континентального… С. 188.

[645] Там же. С. 79.

[646] Там же. С. 2.

[647] Нелин Т. В. Торговые отношения США с индейцами в годы войны за независимость (1775–1783) / Тимур Владимирович Нелин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 61–68; Нелин Т. В. Индейская политика администрации Джона Адамса: договоры с индейцами / Тимур Владимирович Нелин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 34–42; Нелин Т. В. Индейская политика администрации Джона Адамса: контуры политического курса / Тимур Владимирович Нелин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 52–60.

[648] Исключение составило диссертационное исследование Ю. Г. Акимова. О научно-исследовательской и преподавательской деятельности кафедры североамериканских исследований: Акимов Ю. Г. Изучение США и Канады на факультете международных отношений СПбГУ / Юрий Германович Акимов, Борис Анатольевич Ширяев // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 9. – С. 113–118; Кубышкин А. И. Петербургская американистика… С. 109, 112.

[649] Акимов Ю. Г. Франция Старого Порядка в Америке в XVII–XVIII вв.: на примере колонии Новая Франция: дис. ... канд. ист. наук / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург, 1995. – 321 с.

[650] Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. ... доктора ист. наук / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург, 2003. – 592 с.

[651] Докторант относил свой труд к европеистике. В частности, в автореферате им это выделялось: «В ней (диссертации. – Д. Д.) рассматривается колониальный аспект межгосударственных отношений Англии и Франции, а также прямые дипломатические контакты между североамериканскими владениями двух держав» (Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. ... доктора ист. наук / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 3).

[652] Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. … С. 6, 563.

[653] Эти суждения Ю. Г. Акимова контрастировали с оценками Б. А. Ширяева: соискатель и научный руководитель одинаково поминали прагматический подход, но расходились в оценке идеологии (Б. А. Ширяев – отрицал ее влияние, Ю. Г. Акимов – признавал ее воздействие).

[654] Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. ... С. 561–562.

[655] Завершая диссертационное исследование, Ю. Г. Акимов привел точку зрения С. Ф. Бимиса середины 1930-х гг.: «Известный специалист по истории американской внешней политики С. Ф. Бимис отметил, что Утрехтский договор называют „началом дипломатической истории США, поскольку его статьи стали корнями проблем, с которыми пришлось столкнуться американской дипломатии“» (Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. ... С. 567). Цитата оказалась некорректной, поскольку американский ученый отмечал существование радикальной оценки: «Последовавший за этим Утрехтский мир (1713) стал первым изменением карты Северной Америки. Некоторые комментаторы зашли так далеко, что назвали его началом дипломатической истории Соединенных

Штатов, потому что его статьи являются корнем более поздних важных вопросов американской дипломатии». Выбор С. Ф. Бимиса был не случайным. Во-первых, Ю. Г. Акимов апеллировал к оценке авторитетного ученого, который не специализировался на колониальном периоде истории внешней политики США, а также был автором учебника, а не научного исследования. Во-вторых, по причине того, что Ю. Г. Акимов занимался историей Французской Канады, для него С. Ф. Бимис приобрел значение ведущего специалиста под воздействием взглядов Б. А. Ширяева, который широко использовал труды американского историка в своих разработках. Парадокс выводов Ю. Г. Акимова заключался в том, что он, поддерживая оценку С. Ф. Бимиса, не понял, что тот воспроизводил тезис М. Х. Сэвэйлла.

[656] Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. ... С. 22.

[657] Примером выступает диссертационное исследование А. Р. Фофановой «Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации: 1781–1787 гг.» (2018): ни в автореферате, ни в диссертации результаты исследования Ю. Г. Акимова не были представлены, хотя в списке источников и литературы была отмечена его монография «От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.» (Фофанова А. Р. Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации: 1781–1787 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Анна Романовна Фофанова. – Москва, 2018. – С. 286). Казус заключался в том, что одним из официальных оппонентов был именно Ю. Г. Акимов: он оппонировал исследованию, в котором формально была приведена его работа. В тексте отзыва Ю. Г. Акимов не отметил это и дал высокую оценку достижениям автора: «То же самое можно сказать и об историографическом разделе (с. 38–62), где диссертант продемонстрировал очень хорошее знакомство с многочисленными работами, созданными представителями различных исторических школ, в которых, так или иначе, затрагиваются внешнеполитические аспекты Американской революции и международное положение США в первые послереволюционные годы» ([Акимов Ю. Г.] Отзыв официального оппонента / [Фофанова А. Р.] Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1787 гг.) / ИСТИНА ЦЭМИ РАН: [website]. – URL: https://istina.cemi-ras.ru/dissertations/119879604 / [дата обращения: 11.7.2022 г.]). Судя по отзыву Ю. Г. Акимова, он не отстоял как свой вклад, так и вклад своего научного консультанта – Б. А. Ширяева, чью публикацию 1997 г. – профильную по теме диссертации – А. Р. Фофанова проигнорировала. Примечательно, что наработки В. Н. Плешкова и А. А. Фурсенко, представленные ими в коллективной работе 1994 г. под редакцией Н. Н. Болховитинова, также были упущены соискателем и не отмечен этот факт оппонентом. Фактически, только монография В. Н. Плешкова, изданная в 1984 г., была рассмотрена в диссертации (Фофанова А. Р. Внешняя политика… С. 45, 84, 127, 153, 288). Для сравнения следует отметить отношение к еще одному официальному оппоненту: В. О. Печатнов – доктор исторических наук, профессор, заведующей кафедрой истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО МИД РФ. Он получил куда большее признание у диссертанта: учебник «История внешней политики США», написанный им в соавторстве с А. С. Маныкиным – заведующим кафедрой новой и новейшей истории МГУ, где выполнялась диссертация, был не только «переведен» в статус научной монографии, но и занял видное место в историографическом обзоре (Там же. С. 47, 288). Падение влияния ленинградской американистики в 1990–2010-е гг. проявилось в защите диссертации А. Р. Фофановой. Одновременно прослеживалось и доминирование московской американистики.

[658] На кафедре новой и новейшей истории МГУ В. А. Ушаков написал дипломную работу специалитета под руководством Н. В. Сивачева, кандидатскую диссертацию –

И. П. Дементьева; докторская диссертация была написана в ЛОИИ АН СССР при консультации А. А. Фурсенко. Ни один американист, специализировавшийся на ранней истории внешней политики США не имел такой опыт сочетания научных школ Москвы и Ленинграда. ***Более подробно:*** Возгрин В. Е. К 65-летию профессора В. А. Ушакова / Валерий Евгеньевич Возгрин, Анатолий Васильевич Смолин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2013. – № 1. – С. 175–177.

[659] Плешков В. Н. Дипломатия революционной Франции: миссия Женэ в США – итоги и оценки / В. Н. Плешков, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 154–158; Рывкин Д. М. Дипломаты революционной Франции и третьи президентские выборы в США / Д. М. Рывкин, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 243–248; Ушаков В. А. «Американ Аинюал Реджистер» об отношениях США с Великобританией и революционной Францией в 1796 г. (дипломатический и военный аспекты) / В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 248–252; Ушаков В. А. Создание флота США и франко-американская «квази-война» на море (активная фаза 1798–1799 гг.) / В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 267–270; Монахов В. М. Дело «W, X, Y, Z» и начало «необъявленной» франко-американской войны на море / В. М. Монахов, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 262–267; Бродская К. М. Великие американцы и революционная Франция: отклики на кончину «Отца-основателя» США Дж. Вашингтона / К. М. Бродская, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 164–168; Ушаков В. А. Американская революция глазами британского офицера (к 230-летию начала Войны за независимость США) / В. А. Ушаков, С. В. Шершнева // Художественная литература как историко-психологический источник: материалы XVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2004 года / Под редакцией профессора С. Н. Полторака. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор», 2004. – С. 172–175; Шершнева С. В. События войны за независимость США в романе Джеймса Фенимора Купера «Шпион» / С. В. Шершнева, В. А. Ушаков // Художественная литература как историко-психологический источник: материалы XVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2004 года / Под редакцией профессора С. Н. Полторака. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор», 2004. – С. 183–186.

[660] Исключением является статья Б. А. Ширяева «Джон Адамс в период борьбы американских колоний за независимость» (Shiriayev B. A. John Adams during the

Struggle of the American Colonies for Independence / B. A. Shiriayev // Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood, Louise G. Wood. – Columbia; London: University of Missouri Press, 1995. – P. 78–96), перепечатанная из «Американского ежегодника» 1975 г. В публикации отмечалась роль отца-основателя во внешней политике, но не вызвала дискуссию между рецензентов и автором.

[661] Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood and Louise G. Wood. – Columbia; London: University of Missouri Press, 1995. – 287 p.; Russian-American dialogue on cultural relations, 1776–1914 / Edited by Norman E. Saul and Richard D. McKinzie. – Columbia: University of Missouri Press, 1997. – 261 p.; Russian-American dialogue on the history of U.S. political parties / Edited by Joel H. Silbey. – Columbia University of Missouri Press Birmingham, AL, USA EBSCO Industries, Inc. 2000. – 270 p.

[662] Ryerson R. A. Comment by Richard Alan Ryerson / Richard Alan Ryerson // Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood, Louise G. Wood. – Columbia; London: University of Missouri Press, 1995. – P. 97–103; Shiriayev B. A. Response by B. A. Shiriayev / B. A. Shiriayev // Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood, Louise G. Wood. – Columbia; London: University of Missouri Press, 1995. – P. 104.

[663] На момент публикации книги В. Н. Плешков занимал пост заместителем директора по науке Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, А. А. Фурсенко был академиком РАН, заместителем академика-секретаря Отделения истории РАН.

[664] Плешков В. Н. Дипломатия американской революции / Владимир Николаевич Плешков, Александр Александрович Фурсенко // История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – Москва: Международные отношения, 1994. – С. 11–47.

[665] Плешков В. Н. Дипломатия американской революции… С. 12.

[666] Там же. С. 19, 32, 38.

[667] Там же. С. 18–19.

[668] На протяжении первого десятилетия XXI в. Н. А. Краснов издал 2 монографии и шесть статей: Краснов Н. А. Артур Ли – американский дипломат периода Войны США за независимость / Николай Андреевич Краснов // Исторические науки. – 2008. – № 4. – С. 41–51; Краснов Н. А. Бенджамин Франклин во Франции / Николай Андреевич Краснов // Вопросы истории. – 2006. – № 11. – С. 149–156; Краснов Н. А. Борьба в Континентальном Конгрессе США по вопросам внешней политики в 1778–1779 гг. / Николай Андреевич Краснов // Вопросы истории. – 2009. – № 6. – С. 121–127; Краснов Н. А. Британская секретная служба против американской дипломатии в Европе в 1776–1778 гг. / Николай Андреевич Краснов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 32–40; Краснов Н. А. Дипломатическая деятельность Джона Адамса в годы Войны США за независимость / Николай Андреевич Краснов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 96–104; Краснов Н. А. Мэдисон и дипломатия Континентального Конгресса 1780–1783 гг. / Николай Андреевич Краснов. – Москва: Компания Спутник+, 2004. – 63 с.; Краснов Н. А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. / Николай Андреевич Краснов. – Москва: ПАИМС, 2000. – 424 с.; Краснов Н. А. Французская дипломатия в США во время Войны за независимость: 1775–1783 годы / Николай Андреевич Краснов // Новая и новейшая история. – 2009. – № 3. – С. 65–79.

[669] Представление об этом дает историографический обзор в монографии «США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг.» (2000). Краснов Н. А. мог идентифицировать только Г. Аптекера, как историка-марксиста, а остальных авторов –

Д. Рамзи, Дж. Банкрофт, Ф. Уортон, Дж. Перкинс, П. Филлипс, Э. Коруин, Б. Бонд, С. Бимис, А. Дарлинг, Р. Б. Морриса, Р. Ван Элстайна, У. Стичкомб, П. Варг, Л. Каплан, Ф. Гилберта – он мог расположить в хронологическом порядке. Диалог между поколениями ученых в США по рассматриваемым вопросам им не был раскрыт (Краснов Н. А. США и Франция… С. 4–12).

[670] Краснов Н. А. США и Франция… С. 73.

[671] Там же. С. 167, 371–372.

[672] Автор называл его «комитет тайной связи», хотя в 1976 г. им применялось другое название – «Комиссия тайных сношений» (Краснов Н. А. Заключение… С. 164).

[673] Краснов Н. А. США и Франция… С. 22.

[674] Для российских историков-американистов взгляды Н. А. Краснова не представляли интереса. Его труды если не игнорируются (М. О. Трояновская), то подвергаются критической оценке. В частности, А. Р. Фофанова в диссертации писала: «Однако можно выделить отдельные исследования, посвященные изучению взаимоотношений Соединенных Штатов с отдельными странами. В этой связи следует сказать о работе Н. А. Краснова „США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801“. Краснов излагает основные этапы и события американо-французских отношений, однако излишне увлекается описанием событий и малозначительных фактов, в то время как анализу взаимоотношений двух государств внимания уделяется меньше. То же самое можно сказать и о статье Н. А. Краснова „Борьба в Континентальном Конгрессе США по вопросам внешней политики 1778–1779 гг.“, в которой автор отмечает фракционность Континентального Конгресса, которая влияла на внешнюю политику Соединенных Штатов еще в период до подписания Парижского мирного договора» (Фофанова А. Р. Указ. соч. С. 46).

[675] Раскрытие темы выстраивалось на тезисе о широком круге источников, однако методология исследования не была уточнена в лаконичной форме: «Исследуя внешнеполитическую деятельность Джона Адамса, автор придерживался принципов историзма, объективности и научной достоверности для максимального приближения к истине. Решение поставленных задач достигалось путем комплексного анализа источников» (Пархимович В. Л. Внешнеполитическая деятельность Джона Адамса, последняя четверть XVIII – начало XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Вячеслав Леонтьевич Пархимович. – Москва, 1998. – С. 5).

[676] Вывод автора о состоянии американской историографии не носил объективный характер: «Некоторое внимание внешнеполитической деятельности Джона Адамса было уделено в работах американских исследователей по истории внешней политики и дипломатии США в новое время. Следует отметить работы Г. Бейли (Bailey) (так у автора. – Д. Д.), С. Бимиса (Bemis), А. Деконда (DeConde), Дж. Пратта (Pratt), Л. М. Сирса (Sears), Р. Стюарта (Stuart). В этих трудах содержатся некоторые интересные соображения по проблеме формирования внешнеполитического курса США в рассматриваемое время и о роли в этом процессе Джона Адамса» (Пархимович В. Л. Указ. соч. С. 14). Сомнения корректности вывода вытекают из отсутствия у автора представлений о состоянии темы в узкоспециализированных трудах 1960–1990-х гг. Умозаключение было построено без изучения наработок Г. Л. Линта, Дж. Э. Литтла, У. Ч. Стинчкомба, Дж. Э. Фёрлина, М. Б. Фоули, Дж. Г. Хатсона (Ferling J. E. John Adams, Diplomat / John Ernie Ferling // The William and Mary Quarterly. – 1994. –Vol. 51, № 2. – P. 227–252; Foley M. B. The triumph of militia diplomacy: John Adams in the Netherlands, 1780–1782: thesis … Ph. D. United States History / Mary Briant Foley. – Chicago: Loyola University, 1968. – 294 l.; Hutson J. H. John Adams and the Diplomacy of the American Revolution / James Howard Hutson. – Lexington: The University Press of Kentucky, 1980. – 199 p.; Lint G. L. John Adams on the Drafting of the Treaty Plan of 1776 / Gregg L. Lint // Diplomatic History. – 1978. – Vol. 2, № 3. – P. 313–320; Little J. E. John

Adams and American foreign affairs, 1775–1780: thesis … Ph. D. United States History / John Edwin Little. – Princeton:Princeton University, 1966. – 409 l.; Stinchcombe W. C. John Adams and the model treaty / William C. Stinchcombe // The American Revolution and «a candid world» / Edited by Lawrence S. Kaplan. – Kent: Kent State University Press, 1977. – P. 69–84).

[677] В. Л. Пархимович выступил с критикой оценок А. А. Фурсенко: «Считаем необходимым отметить, что в работах некоторых наших историко-американистов (так у автора. – Д. Д.) порой давалась недостаточно аргументированная характеристика личности Джона Адамса и его политической деятельности. Так, А. А. Фурсенко в вышедшей в 1978 году в целом интересной и важной для изучения истории Американской революции монографии необоснованно назвал Джона Адамса завистливым человеком, склонным в политической деятельности к раздорам и интригам» (Пархимович В. Л. Указ. соч. С. 12). Верификация суждения соискателя выявила искажение им взглядов А. А. Фурсенко. Опираясь на анализ источников и историографии, советский ученый делал обобщающий вывод о конфликтах интересов в Континентальном Конгрессе и не выделял Дж. Адамса: «Этот эпизод весьма характерен для уяснения взаимоотношений между членами Конгресса, атмосферы соперничества, раздоров и интриг, господствовавших там. Конечно, Декларация независимости не была театральным представлением, а Т. Джефферсон не был актером, как об этом желчно писал Дж. Адамс. Просто политические взгляды Дж. Адамса и Т. Джефферсона существенно различались. К тому же сюда примешалась элементарная человеческая зависть» (Фурсенко А. А. Американская революция… С. 251).

[678] Пархимович В. Л. Указ. соч. С. 5.

[679] Там же. С. 168–169.

[680] Там же. С. 168.

[681] Головко Ю. М. Формирование и эволюция идейных воззрений Джона Адамса: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Юлия Марковна Головко. – Брянск, 2008. – С. 12; Она же, но под другой фамилией: Фомина Ю. М. Джон Адамс / Ю. М. Фомина // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С. 51–74; Филимонова М. А. Политическая борьба националистов / федералистов за консолидацию США: 1781–1788 гг.: дис. ... доктора ист. наук / Мария Александровна Филимонова. – Курск, 2010. – С. 274.

[682] Публикация не была написана на первоисточниках: цитаты отцов-основателей (Дж. Адамса, Дж. Вашингтона) приводились из литературы. При этом Б. А. Ширяев опирался на труды американских авторов 1950–1960-х гг.: использовалась книга 1967 г. издания, написанная С. Ф. Бимисом (1891–1973) в 1935 г. «Дипломатическая история Соединенных Штатов»; учебник «История внешней политики Соединенных Штатов» Джулиуса Уильяма Пратта (1888–1983). Если сравнивать публикацию с работой, опубликованной в «Американском ежегоднике» в 1975 г., то явствует отход Б. А. Ширяева от источникового анализа и замещения его подходом политического реализма.

[683] Объяснение этого проистекает как из формата публикации научной статьи, так и новых методологических воззрений автора, в которых акцент смещался с источника на теоретическую часть.

[684] Ширяев Б. А. Принципы и цели дипломатии США в период становления (1775–1814) / Борис Анатольевич Ширяев // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 6. – Санкт-Петербург, 1997. – Вып. 4. – С. 115.

[685] Там же.

[686] Там же. С. 116.

[687] Там же. С. 117–118.

[688] Татьяна Юрьевна Лаврентьева – составитель библиографического списка не включила публикацию в перечень «Работы по истории США и Канады, изданные на

русском языке в 1996–1998 годах», публиковавшийся в «Американском ежегоднике». Проигнорировала публикацию и А. Р. Фофанова при проведении диссертационного изыскания.

[689] Рогулев Ю. Н. История США… С. 37.

[690] Язьков Е. Ф. Н. В. Сивачев и развитие школы научных исследований и преподавания истории Соединенных Штатов Америки в Московском университете / Евгений Федорович Язьков // Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций / Под ред. А. С. Маныкина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 15.

[691] Несмотря на отсутствие публикаций по теме монографии, предшествовавших ее изданию, труд М. О. Трояновской был положительно воспринят в среде американистов. Александр Александрович Киселев – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Волгоградского государственного университета – считал издание книги «<…> событием в современной отечественной американистике, поскольку представляет собой фундаментальное историческое исследование. В нём не только присутствуют ответы на ряд вопросов ранней американской истории, но и задан своеобразный ориентир для дальнейших научных поисков исследователей-американистов» (Киселев А. А. [Рецензия] // Americana. Вып. 12. Сб. науч. тр., посвящ. 150-летию начала Гражданской войны в Северной Америке = Collection of articles dedicatedto the 150 thanniversary of the Averican Civil War / Волгогр. гос. ун-т, Центр амер. исслед. «Американа»; редкол.: И. И. Курилла (отв. ред.) [и др.]; редсовет: С. М. Рогов [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 235–236. – Рец. на книгу: Трояновская М. О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823): монография / М. О. Трояновская. – Москва: Изд-во «Весь Мир», 2010. – 328 с.). Отсутствие конкуренции в российской американистике приводило к тому, что вести дискуссию было невозможно, по причине смены поколений: в 2008 г. умерли А. А. Фурсенко и Н. Н. Болховитинов, санкт-петербугские американисты Б. А. Ширяев и В. Н. Плешков остановили разработку проблематики. Примечательно и то, что исследование М. О. Трояновской также было использовано для завуалированной критики Н. Н. Болховитинова за его чрезмерные сосредоточенности на американо-российских отношениях. Выразителем этой точки зрения был В. В. Согрин: «Отечественные исследователи внешней политики Соединенных Штатов Америки нового времени традиционно уделяли самое пристальное внимание их взаимоотношениям с Россией. И здесь были достигнуты серьезные научные результаты, приуменьшить которые невозможно. Но эта поглощенность историей российско-американских отношений имела и оборотную сторону, наносившую определенный ущерб исследованию комплексной и полнокровной картины истории внешней политики США. Последняя мало изучалась системно, со всеми ее компонентами, что порождало неясность в таком принципиальном вопросе, как подлинное место среди этих компонентов, как и в системе внешней политики США, российско-американских отношений. М. О. Трояновская как раз исследует внешнюю политику США как систему, и из ее работы со всей очевидностью явствует, что в те десятилетия ее главными объектами, по значимости серьезно превосходившими Россию, были Великобритания, Франция, Испания и Латинская Америка. При этом автор тщательно исследует и отношения с Россией, внося и здесь новые дополнения и выводы в отечественную исследовательскую традицию» (Согрин В. В. М. О. Трояновская. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М., 2010 / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 223). При этом остается непонятным, почему В. В. Согрин в рецензии не упоминал советских и российских исследователей (в

частности, В. Н. Плешкова) и не уточнил, в чем заключается принцип системности в работе М. О. Трояновской.

[692] При этом следует отметить: М. О. Трояновская рассматривала профессора А. С. Маныкина вдохновителем написания труда (Трояновская М. О. Дискуссия… С. 20).

[693] М. О. Трояновская следующим образом формулировала свое понимание этого аспекта в работе: «Сами по себе события, описываемые в данной работе, конечно, освещались в исторической литературе, как зарубежной, так и отечественной. Однако в большинстве случаев, авторы, говоря об этих событиях, рассматривали их изолированно. Я же видела свою задачу в том, чтобы понять, какую роль сыграли сюжеты, связанные с формированием внешнеполитической доктрины Соединенных Штатов, в становлении молодого государства, под воздействием каких факторов складывалась концепция государственных интересов <…>» (Трояновская М. О. Дискуссия по вопросам внешней политики США (1775–1823) / Мария Олеговна Трояновская. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2010. – С. 9).

[694] ***Подсчитано автором по:*** Трояновская М. О. Дискуссия… С. 21–42.

[695] Трояновская М. О. Дискуссия… С. 16–17, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 36, 37, 38.

[696] Там же. С. 17, 41.

[697] Трояновская М. О. Дискуссия… С. 10.

[698] Там же. С. 12.

[699] Там же.

[700] Там же. С. 13.

[701] Там же.

[702] Там же.

[703] Там же. С. 14–15.

[704] Там же. С. 15.

[705] Там же. С. 18.

[706] Там же. С. 22.

[707] Там же. С. 23.

[708] Там же. С. 27.

[709] Акцент на дискуссии по внешнеполитической проблематике, вынесенный в название исследования, подчеркивал стремление ученого расширить объект исследования, уйдя от перечисления фактов, получивших широкое распространение в российской литературе.

[710] Воспоминания профессора У. Шейда содержат положительные отзывы о дружбе с М. О. Трояновской, курировавшей его по линии Фонда Фулбрайт в МГУ, и не фиксировали помощь в ее научных исследованиях. Однако, ученый отмечал методологическую узость московских американистов: «Люди часто спрашивали меня, не предвзято ли преподают американскую историю русские. Факт в том, что за то время, что я провел среди них, они преподают то, что мы называем „прогрессивной историей“, экономическую интерпретацию, очень похожую на Чарльза А. Бирда или Карла Беккера» (Michael Birkner interview with Dr. William G. Shade, 10/3/2014. 75 l. / The Pennsylvania Historical Association: website. – URL: https://pa-history.org/wp-content/uploads/2016/08/Shade-interview-Sept.-2014. pdf. – L. 75 [date of access: 18.12.2022]). Эти оценки были даны в первую очередь относительно сотрудников кафедры новой и новейшей истории МГУ.

[711] Трояновская М. О. Дискуссия… С. 19–20.

[712] Профессор У. Шейд – специализировался на партийно-политической истории XIX в.; А. С. Маныкин, Ю. Н. Рогулёв, И. Ю. Хрулёва – не разрабатывали историю внешней политики США в XVIII в.

[713] Несмотря на скромный тираж монографии в 500 экземпляров, следует отметить, что оцифрованная версия книги была в каталоге электронных библиотечных систем «Znanium» и «Университетская Библиотека Онлайн» (Трояновская М. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823) / М. Трояновская. – Москва: Весь Мир, 2010. – 328 с.: ил., табл., схем. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://znanium.com/catalog/authors/troanovskaa-maria-olegovna; Трояновская М. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823) / М. Трояновская. – Москва: Весь Мир, 2010. – 328 с.: ил., табл., схем. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=276704).
[714] Рогулев Ю. Н. История США…С. 37.
[715] Авторству И. Ю. Хрулёвой принадлежит статья «Война за независимость и образование США» в 6-м томе «Всемирной истории» под редакцией А. О. Чубарьяна, в которой был приведен тезис, показывавший отсутствие понимания у автора проблематики: «Таким образом, Война за независимость имела и существенное внешнеполитическое измерение, став важным этапом англо-французского противостояния, а главное, приведя к возникновению первого суверенного государства по другую сторону Атлантики. С точки зрения эволюции международных отношений в результате войны были заложены условия для будущего преодоления европоцентризма» (Хрулёва И. Ю. Война за независимость и образование США / Ирина Юрьевна Хрулёва // Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. – Москва: Наука. – 2011. – Т. 4: Мир в XVIII веке / Отв. ред. С. Я. Карп. – 2013. – С. 638). И. Ю. Хрулёва не описывала саму внешнюю политику США, отдавая предпочтение международному измерению Войны за независимость, где на первое место ею была выдвинута внешняя политика европейских держав.
[716] Фофанова А. Р. Указ. соч.
[717] Соискатель, как и ее научный руководитель, официальные оппоненты и ведущая организация прогнозировали значение исследования Фредерика Уильяма Маркса III (г. р. 1940) «Независимость в суде: иностранные дела и создание Конституции» (1973) – одной из фундаментальных работ по истории внешней политики США на основе Статей Конфедерации. Соискатель не показала различий своих наработок от трудов американского ученого. Вместо дискуссии исследование использовалось для приведения аргументов в пользу диссертационного изыскания (Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 53–54, 143, 148, 215, 242, 244, 246).
[718] Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 45, 46.
[719] Там же. С. 3–4, 8, 90, 270.
[720] Там же. С. 121.
[721] Там же. С. 270.
[722] Там же. С. 88–90.
[723] Там же. С. 120–121, 271.
[724] Там же. С. 103.
[725] Синонимичность употребления категорий «внешняя политика» и «дипломатия» наблюдалась также в трудах В. Н. Плешкова и А. А. Фурсенко.
[726] Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 108–109, 121.
[727] Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 85–86; Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII… С. 18–19.
[728] Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 6.
[729] А. Р. Фофанова отмечала: «Несомненной новизной данного исследования является попытка автора вопреки сложившейся историографической традиции рассматривать отношения США с индейскими племенами во внутриполитической сфере, изучить американо-индейские взаимоотношения с точки зрения задач внешней политики. Автор исходит из того, что в данный период индейские племена оказывали большое влияние

как на ситуацию внутри самого Союза, так и на его отношения с европейскими государствами» (Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 7).

[730] Соискатель вынес на защиту дискуссионное утверждение: «Отношения с индейскими племенами проходят красной нитью через всю историю Соединенных Штатов. В период действия Статей Конфедерации формы взаимоотношений с коренными народами отличались сложностью и большим разнообразием: индейские племена выступили в качестве соседей по континенту, торговых партнеров, соперников за обладание ресурсами и территориями и т. д. Отношения с индейцами являлись важным фактором внешней политики США как сами по себе, так и в связи с их влиянием на взаимоотношения американской республики с европейскими государствами» (Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 9). Необходимо отметить и умышленное сокрытие автором состояния индейской тематики в российской исторической науке. А. Р. Фофанова не использовала в работе диссертационное исследование Т. В. Нелина (была приведена только статья автора 2012 г.) (Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 56).

[731] Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 11–13.

[732] Дискуссионность понимания А. Р. Фофановой историографии темы была показана официальным оппонентом – старшим научным сотрудником ИВИ РАН Марией Моисеевной Сиротинской: «Концепцию „атлантической истории“ (с. 12–13), как представляется, все-таки целесообразно рассматривать в рамках историографической школы. Теория „атлантической революции“, как принято считать, стала разрабатываться в 1950-е гг. американским историком Робертом Палмером и французским исследователем Жаком Годшо. В начале XXI столетия „атлантический“ подход находит большое число сторонников. Помимо Бернарда Бейлина, здесь необходимо отметить исследования Дэвида Армитеджа, Джека Грина и многих других ученых. Работу Н. Онуфа, на которую ссылается соискатель (с. 13), ассоциируют с методами социального конструктивизма» ([Сиротинская М. М.] Отзыв официального оппонента / [Фофанова А. Р.] Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1787 гг.) / ИСТИНА ЦЭМИ РАН: website. – URL: https://istina.cemi-ras.ru/dissertations/119879604/ [дата обращения: 11.07.2022 г.]). Этот критический взгляд интересен по ряду причин. Во-первых, из трех официальных оппонентов только представитель ИВИ РАН обратил внимание на незнание соискателем методологии: ни В. О. Печатнов – профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У), ни Ю. Г. Акимов – профессор кафедры американских исследований СПбГУ, на эти обстоятельства не обратили внимания в своих отзывах. Причины этого заключались в том, что М. М. Сиротинская трудилась в Центре североамериканских исследований ИВИ РАН, где Н. Н. Болховитинов внедрял передовые методы исторических исследований. В то время как В. О. Печатнов вёл изыскания в рамках политического реализма, Ю. Г. Акимов, судя по его докторской диссертации, также не владел пониманием методологии, поскольку не мог ее выразить в концептуальных терминах: «Анализ деятельности различных участников международных отношений проводится, исходя из наличия тесной взаимосвязи и взаимовлияния внутренней и внешней политики. При этом рассматриваемые процессы не сводятся к простой сумме монолитных дипломатий; диссертант исходит из наличия множества различных интересов и других обстоятельств, влиявших на процесс принятия и осуществления того или иного внешнеполитического решения. Не отказываясь от употребления понятий „национальный интерес“, „государственный интерес“ и т. п., в то же время диссертант учитывает их условность и неопределенность применительно как к эпохе раннего нового времени в целом, так и к второстепенным направлениям внешней политики в особенности» (Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в

Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: автореф. ... С. 5). Во-вторых, «Атлантическая история» – как основа методологии в формирующейся школе И. Ю. Хрулевой – при детальном анализе характеризуется теоретической незавершенностью. С 1995 г. по 2010 г. «Международный семинар по истории Атлантического мира» в Университете Гарварда прошли 366 докторов наук, из которых 202 – из США, 164 – зарубежные специалисты (AbouttheSeminar / The International Seminar on the History of the Atlantic World, 1500–1825 / HarvardUniversity: website. – URL: https://atlantic.fas.harvard.edu/overview(dateofaccess: 28.05.2021). Востребованность «Атлантической школы», как методологического подхода, проявляется и в Российской Федерации. Кафедра новой и новейшей истории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, как одна из ключевых цитаделей марксистко-ленинского подхода в советской американистике, пройдя в 1990-х гг. смену парадигмы, стала опорной точкой для распространения идей «Атлантической истории». На кафедре Ирина Юрьевна Хрулева – кандидат исторических наук, доцент – осуществляя научное руководство аспирантами, направляя их в лоно этого подхода. На протяжении 2010-х гг. под ее руководством были написаны 4 диссертационных исследования. Однако, в понимании подхода есть нюансы. Е. С. Волкова, К. Л. Савинов и Г. В. Александров определяли связь «Атлантической школы» только с подходом «имперской историей» (Волкова Е. С. Идейные дискуссии в пуританизме Новой Англии в конце XVII – первой четверти XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Елена Сергеевна Волкова. – Москва, 2013. – С. 7, 12); Савинов К. Л. Особенности английской колониальной политики первой четверти XVII в. на примере Нового Плимута: дис. ... канд. ист. наук / Кирилл Леонидович Савинов. – Москва, 2016. – С. 10–11, 49, 57–58, 63–64, 71; Александров Г. В. Эволюция взаимоотношений колонистов и коренного населения в Новой Англии в 1620–1676 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Глеб Владимирович Александров. – Москва, 2016. – С. 8–9, 40–45, 51). В то время, как Фофанова А. Р. – единственный автор этой группы аспирантов, написавшая исследование по внешней политике США, кто не определяет генетическую связь между «имперской школой» и «Атлантической истории». Также А. Р. Фофанова указала, что «данный подход предполагает изучение культурных, экономических, социальных, политических связей, взаимодействий и взаимовлияний атлантического мира, включавшего в себя Европу, Америку, Африку и страны Карибского бассейна. Сторонники атлантического подхода исходят из того, что с момента первого контакта выходцы из этих регионов начали беспрерывный процесс взаимного влияния и проникновения, что и способствовало формированию особой атлантической системы. <…> В рамках данного исследования мы рассматриваем, как идеи европейского Просвещения, представления о внешней политике и дипломатии трансформировались на американской почве, как происходило соприкосновение формирующейся американской внешнеполитической доктрины с традициями Старого Света. Кроме того, применение атлантического подхода позволяет рассмотреть процесс выстраивания американо-индейских отношений: создали ли США свои собственные методы взаимодействия или же заимствовали английские практики. Внимания заслуживает и то, какую роль индейцы играли во взаимоотношениях США со странами Европы» (Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 12–13). Признавая право на авторский взгляд, остаются непонятными причины, по которым, определив характерную особенность методологии «Атлантической школы», как изучение «взаимодействие и взаимовлияние» по обе стороны Атлантики, она свела фокус подхода в своем исследовании только к «взаимодействию», но не к «взаимовлиянию». Также обращает внимание и то, что А. Р. Фофанова рассматривает «Атлантическую историю» с позиции презентизма, потому что использует ее для анализа того, «<…> как происходило соприкосновение формирующейся американской

внешнеполитической доктрины с традициями Старого Света», при этом «внешнеполитическая доктрина США» в период 1776–1789 гг. явно выступает фигурой речи, но не научным понятием, поскольку автор уклонилась от ее определения. Также изучение текста диссертации показало упрощенное понимание европейского влияния на американские политические круги. В частности, автор диссертации утверждала, что «Образец договоров», созданный преимущественно Дж. Адамсом под влиянием идей Э. де Ваттеля, «<…> положил начало идеям нейтралитета и изоляционизма во внешнеполитической доктрине Соединенных Штатов, которые станут основными принципами поведения государства на внешнеполитической арене не на одно столетие» (Фофанова А. Р. Указ. соч. С. 90). Корректность этого утверждения вызывает сомнения уже и по тому факту, что А. Р. Фофанова дала весьма узкую интерпретацию европейского влияния на формирование как источника, так и нейтралитета, изоляционизма. Следует понимать, что рассмотренные ситуации отображают сложный процесс постижения молодым поколением российских ученых новой научной парадигмы и символизируют процесс ревизионизма в исторической науке Российской Федерации.

[733] П. Онуф – Атлантическая история, А. де Конд – второе поколение дипломатической истории, У. А. Уильямс – «новые левые» в дипломатической истории.

[734] Во время обучения в аспирантуре А. Р. Фофанова была стипендиатом программы Фулбрайта (Фофанова Анна Романовна / Профессора, преподаватели и научные сотрудники кафедры [новая и новейшая история]: [website]. – URL: http://www.hist.msu.ru/departments/3992/people/teachers/63015/ [дата обращения: 11.11.2021 г.]).

[735] Фофанова А. Р. Внешняя политика США… С. 45, 46.

[736] Неуспешным итогом закончилось для А. Р. Фофановой попытка включить североамериканских индейцев в анализ внешней политики США.

[737] Отдавая отчет тому, что диссертация была ориентирована в большей степени на карьерные завоевания, чем на научное открытие, следует отметить, что эта цель была достигнута: на следующий год после защиты, в 2019 г., диссертант вошел в состав сотрудников Лаборатории новой и новейшей истории стран Европы и Америки (Рогулев Ю. Н. История США… С. 37).

[738] Филимонова М. А. Дихотомия «Свой/Чужой» и ее репрезентация в политической культуре Американской революции / Мария Александровна Филимонова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. – С. 14–15.

[739] Эту связь М. А. Филимонова отмечала в заключении книги: «В. И. Журавлева в своем исследовании образа России в США на рубеже XIX–XX вв. подчеркивает, что американцы на протяжении своей истории постоянно подыскивали новых значимых Других, определяющих их Я-концепцию. Эта особенность была им свойственна уже накануне и во время Войны за независимость» (Филимонова М. А. Дихотомия… С. 266).

[740] Филимонова М. А. Дихотомия… С. 26, 45, 69, 112, 127, 164, 175, 205, 211, 252, 262, 263.

[741] Этот термин использовался М. А. Филимоновой (Филимонова М. А. Дихотомия… С. 6).

[742] Филимонова М. А. Дихотомия… С. 39.

[743] Там же. С. 40.

[744] Там же. С. 39–40.

[745] Там же. С. 266.

[746] Там же. С. 266.

[747] Там же. С. 264–265.

[748] На протяжении всего раздела только один источник был 1788 г. – письмо Э. Каррингтона к Т. Джефферсону от 24 апреля 1788 года.
[749] Филимонова М. А. Дихотомия… С. 16.
[750] Внешняя экспертиза работы прошла процедуру оппонирования, которая характеризовалась связью с представителями «школы Н. Н. Болховитинова». Официальными оппонентами были его ученики: Иван Иванович Курилла – доктор исторических наук, профессор, «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (ЕУСПб), факультет политических наук и социологии; Мария Александровна Филимонова – доктор исторических наук, «Курский государственный университет», научная лаборатория «Центр изучения США», ведущий научный сотрудник (Панов А. С. Россия и США в последней четверти XVIII – первой трети XIX вв.: опыт взаимных репрезентаций: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Антон Сергеевич Панов. – Москва, 2020. – С. 2).
[751] Несмотря на то, что объект исследования формулировался, как «<…> взаимные представления народов двух стран в контексте дискуссий о внешней и внутренней политике в Российской империи и США» (Панов А. С. Указ. соч. С. 24), ни цель, ни задачи не предполагали исследования внешней политики (Там же. С. 25).
[752] Панов А. С. Указ. соч. С. 46–50.
[753] Следует отметить, что оценки М. И. Рыхтика, в частности, как и всего авторского коллектива, возглавляемого О. А. Колобовым, соответствовали профессиональным воззрениям рецензентов монографии, среди которых были Б. А. Ширяев и А. И. Кубышкин (который также был официальным оппонентом на защите докторской диссертации М. И. Рыхтика).
[754] Обобщающий вывод коллективной монографии был прост: «Тогда, и только тогда, у Российской Федерации появится шанс не на „выживание“, а на полноправную жизнь в цивилизованном сообществе государств, способность преодолевать „синдром страха“ перед США и предотвратить реализацию тех всевозможных специальных операций, Запада в целом, которые сильно мешают развитию нормальной международно-политической и мирохозяйственной деятельности всего человечества» (Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы формирования и закономерности реализации: в 2 т. / Под ред. О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2008. – Т. 2. – С. 577).
[755] Из диссертации были взяты два подраздела: «Политическая культура США», «Экспертно-аналитическое сообщество США о национальных интересах».
[756] Рыхтик М. И. Безопасность государства в идеологии и политической практике Республиканской партии США второй половины XX века: методология, доктрины, технологии: дис. ... доктора полит. Наук / Михаил Иванович Рыхтик. – Нижний Новгород, 2004. – 476 с.
[757] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы… Т. 1. – С. 48, 51–52; Рыхтик М. И. Указ. соч. С. 159–160, 169–170.
[758] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы… Т. 1. – С. 101; Рыхтик М. И. Указ. соч. С. 322.
[759] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы… Т. 1. – С. 101; Рыхтик М. И. Указ. соч. С. 322.
[760] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы… Т. 1. – С. 52; Рыхтик М. И. Указ. соч. С. 169.
[761] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы… Т. 1. – С. 101; Рыхтик М. И. Указ. соч. С. 322.
[762] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы… Т. 1. – С. 101; Рыхтик М. И. Указ. соч. С. 322.

[763] Историко-филологический факультет БГПУ сегодня / [Дмитрий Владиславович Кузнецов] // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2020. – № 20. – С. 30; Кузнецов Д. В. Американистика на Дальнем Востоке России: состояние и перспективы развития / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 16.

[764] Следует отметить, что у А. А. Киреева и Д. В. Кузнецова был общий научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Вера Ивановна Шпилькова (1923–2020), работавшая на кафедре новой и новейшей истории Исторического факультета МПГУ, которая позиционировалась как историк-востоковед, специализировавшийся на истории Турции. Круг научных интересов не помешал В. И. Шпильковой руководить научными трудами дальневосточных изыскателей по истории США и Франции (Кузнецов Д. В. Французское общественное мнение в отношении арабо-израильского конфликта в период президентства Ф. Миттерана: 1981–1995 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Дмитрий Владиславович Кузнецов. – Москва, 2005. – 264 с.).

[765] Эрик Холм-Олсен – Генеральный консул США во Владивостоке – оптимистически воспринимал издание: «Главная цель бюллетеня – дать возможность взглянуть на вопросы российско-американских отношений взвешенно и без излишней предвзятости. Именно поэтому Генеральное консульство США во Владивостоке всегда готово поддержать инициативы, связанные с американскими исследованиями в России, так как они могут внести большой позитивный вклад в улучшение взаимопонимания между двумя нашими странами» (Обращение Генерального консула США во Владивостоке Эрика Холм-Олсена к читателям бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» / Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Киреев. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – С. 4).

[766] Кузнецов Д. В. Внешнеполитический менталитет американцев: сущность и структура / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Киреев, Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 23–30; Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: концепция «американской исключительности» / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Киреев, Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 31–36; Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы» / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Киреев, Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 37–42; Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: идея «мессианства» / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 43–47; Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: концепция PAX AMERICANA / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 48–57; Кузнецов Д. В. Характеристики внешнеполитического менталитета американцев / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 47–62.

[767] Статья также преследовала и политические цели, связанные с современным состоянием американо-российских отношений и построением постбиполярного мироустройства. Итоговый вывод Д. В. Кузнецова не был научно обоснован: «В

условиях формирования „нового мирового порядка“, после исчезновения двухполюсного мира на внешнюю политику США оказывает сильное воздействие состояние эйфории, возникшее под воздействием перспектив глобальной гегемонии и статуса единственной сверхдержавы. Эйфория эта еще больше усилила роль традиционных мифов, и, как подчеркивает Э. Я. Баталов, американское политическое сознание (особенно в его внешнеполитическом аспекте) конца XX – начала XXI вв. „продолжает развиваться в русле традиций, начавших формироваться в Америке еще в колониальный период и в основе своей сохраняющих силу по сей день“» (Кузнецов Д. В. Характеристики внешнеполитического… С. 60).

[768] Содержание // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 3.

[769] Термин «внешнеполитический менталитет» Д. В. Кузнецов определял, как: «<…> совокупность идейно-теоретических установок, связанных с восприятием внешнего мира и присущих американской нации как общественной группе, имея также в виду то, что внешнеполитический менталитет американцев является составляющей частью „американского характера“» (Кузнецов Д. В. Внешнеполитический менталитет американцев… С. 23).

[770] Кузнецов Д. В. Внешнеполитический менталитет американцев… С. 25.

[771] Кузнецов Д. В. Характеристики внешнеполитического… С. 54.

[772] Кузнецов А. М. К вопросу о культурно-исторических истоках внешней политики США / Анатолий Михайлович Кузнецов, Ксения Алексеевна Бостан // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 9 (585). – С. 85.

[773] Кузнецов А. М. Каменный век Юго-Западного Приморья: дис. ... канд. ист. наук / Анатолий Михайлович Кузнецов. – Ленинград, 1981. – 147 с.; Кузнецов А. М. Проблема микропластинчатых индустрий в каменном веке Дальнего Востока и Сибири: дис. ... доктора ист. наук / Анатолий Михайлович Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1997. – 380 с.

[774] Кузнецов А. М. Интервью с А. М. Кузнецовым / Анатолий Михайлович Кузнецов // Известия Восточного института. – 2012. – № 2 (20). – С. 34–49.

[775] Кузнецов А. М. К вопросу о… С. 83–97.

[776] Авторы статьи идентифицировали исследование в рамках политических наук: публикация сопровождалась шифром УДК 323.

[777] Севастьянов Г. Н. У истоков внешней политики США… С. 37–48.

[778] Кузнецов А. М. К вопросу о… С. 90.

[779] Обобщающий вывод гласил: «Однако после краха биполярной системы не осталось ограничений для реализации мессианского предназначения исключительной американской нации. Отсюда и отношение к международным договорам, и непредсказуемость Вашингтона в международных отношениях. Следовательно, разного рода *„Другим“* странам пока достаточно сложно рассчитывать на установление нормальных отношений с США до тех пор, пока в правящей элите страны не будут устранены сложившиеся среди *WASP* в условиях освоения североамериканского континента представления о собственном превосходстве и исключительности» (Кузнецов А. М. К вопросу о… С. 93).

[780] Надежды начала 2010-х гг. Владимира Викторовича Согрина (г. р. 1945) – руководителя Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН – о том, что российская американистика сможет вести «диалог историографий» с США (Согрин В. В. Центральные проблемы истории США / Владимир Викторович Согрин. – Москва: Весь мир, 2013. – С. 335–343), не находят подтверждений в изучении темы генезиса внешней политики Соединенных Штатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. About the Seminar / The International Seminar on the History of the Atlantic World, 1500–1825 / Harvard University: [website]. – URL: https://atlantic.fas.harvard.edu/ overview (date of access: 28.05.2021).

2. Adams L. Brothers Across The Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American “Special Relationship” / Lestyn Adams. – London: I. B. Tauris & Co Ltd, 2005. – 282 p.

3. Alexander J. T. [Review] / J. T. Alexander // The American Historical Review. – 1977. – Vol. 82, № 1. – P. 148–149. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.

4. Allen R. V. [Review]: / Robert V. Allen // The William and Mary Quarterly. – 1968. – Vol. 25, № 1. – P. 111–115. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Stanovlenie Russko-Amerikanshkikh otnoshenii, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov. – Moscow: Nauka, 1966. – 639 s.

5. Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 8: Россия и США: опыт политического, экономического и культурного взаимодействия = Russia and the USA: Political, Economical, Cultural Interaction: материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию создания Центра американских исследований ВолГУ «Американа», г. Волгоград, 21–23 апреля 2006 года / Редкол.: А. И. Кубышкин (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 481 с.

6. Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – 428 с.

7. Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 4: Общественная мысль, экономика и политика в странах Американского континента в Новое и новейшее время. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. – 308 с.

8. Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 7: Российско-американские отношения в исторической ретроспективе = Russian-American Relations in the Historical Retrospective: материалы науч.-практ. семинара, посвящ. 100-летию Дж. У. Фулбрайта, г. Волгоград, 17 октября 2004 года / ВолГУ, Центр амер. исслед.; редкол.: А. И. Кубышкин (отв. ред.) [и др.]; ред. совет: Н. Н. Болховитинов [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 204 с.

9. Anderson M. S.The ascendancy of Europe: aspects of European history, 1815–1914 / Matthew Smith Anderson. – London: Longman, 1972. – 332 p.

10. Anderson S. Race and rapprochement: Anglo-Saxonism and Anglo-American relations, 1895–1904 / Stuart Anderson. – Rutherford: Fairleigh Dickinson University, 1981. – 237 p.

11. Bartlett C. J. Defence and Diplomacy: Britain and the Great Powers, 1815–1914 / Christopher John Bartlett. – Manchester: Manchester University Press, 1993. – 144 p.

12. Bartlett C. J. Peace, war, and the European powers, 1814–1914 / Christopher John Bartlett. – London: MacMillan Press, 1996. – 202 p.

13. Bartlett C. J. The Global conflict: the international rivalry of the great powers, 1880–1970 / Christopher John Bartlett. – New York: Longman, 1984. – 399 p.

14. Basily N. de. Diplomat of Imperial Russia: 1903–1917: Memoirs / Nicolas de Basily. – Stanford: Hoover Institution Press, 1973. – 201 p.

15. Black J. Natural and necessary enemies: Anglo-French relations in the eighteenth century / Jeremy Black. – London: Duckworth, 1986. – 220 p.

16. Bolchovitinov N. N. The beginnings of Russian-American relations, 1775–1815) / N. N. Bolchovitinov. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975. – 484 p.

17. Bolkhovitinov N. N. How I Became a Historain / N. N. Bolkhovitinov // Journal of American Studies. – 1980. – Vol. 14, № 1. – P. 103–114.

18. Bourne K. Britain and the balance of power in North America, 1815–1908 / Kenneth Bourne. – Berkeley: University of California Press, 1967. – 439 p.

19. Bourne K. The foreign policy of Victorian England, 1830–1902 / Kenneth Bourne. – Oxford: Clarendon, 1970. – 531 p.

20. Bridge F. R. The great powers and the European states system 1814–1914 / F. R. Bridge, R. J. Bullen. – New York: Pearson Longman, 2005. – 365 p.

21. Brown R. H. [Review] / Roger H. Brown // Reviews in American History. – 1977. – Vol. 5, № 1. – P. 66–71. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.

22. Burk K. Old World, New World: the story of Britain and America / Kathleen Burk. – London: Little, Brown, 2007. – 830 p.

23. Burton D. H. British-American Diplomacy 1895–1917: Early Years of the Special Relationship / D. H. Burton. – Malabar: Krieger, 1999. – 154 p.

24. Campbell A. E. Great Britain and the United States, 1895–1903 / Alexander Elmslie Campbell. – Longmans: London, 1960. – 216 p.

25. Campbell D. A. Unlikely allies: Britain, America and the Victorian origins of the special relationship / Duncan Andrew Campbell. – London: Hambledon Continuum, 2007. – 307 p.

26. Christie I. R. [Review] / Ian R. Christie // The Slavonic and East European Review. – 1977. – Vol. 55, № 4. – P. 542. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Russia and the American Revolution / N. N. Bolkhovitinov. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1976. – 277 p.

27. Conde A. De The quasi-war: the politics and diplomacy of the undeclared war with France 1797–1801 / Alexander De Conde. – New York: Scribner, 1966. – 498 p.

28. Crownhart-Vaughan E. A. P. [Review] / E. A. P. Crownhart-Vaughan // Oregon Historical Quarterly. – 1977. – Vol. 78, № 4. – P. 359–360. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.

29. Dimbleby D. An ocean apart: the relationship between Britain and America in the twentieth century / David Dimbleby. – New York: Vintage Books, 1988. – 415 p.

30. Dobson A. P. Anglo-American relations in the twentieth century: of friendship, conflict, and the rise and decline of superpowers / A. P. Dobson. – New York: Routlege, 1995. – 199 p.

31. Ferenczi C. Aussenpolitik Und Öffentlichkeit in Russland 1906–1912 / Caspar Ferenczi. – Husum: Matthiesen, 1982. – 328 p.

32. Ferling J. E. John Adams, Diplomat / John Ernie Ferling // The William and Mary Quarterly. – 1994. – Vol. 51, № 2. – P. 227–252.

33. Foley M. B. The triumph of militia diplomacy: John Adams in the Netherlands, 1780–1782: thesis… Ph. D. United States History / Mary Briant Foley. – Chicago: Loyola University, 1968. – 294 l.

34. Foreman A. A world on fire: Britain's crucial role in the American Civil War / Amanda Foreman. – New York: Random House Trade Paperbacks, 2012. – 958 p.

35. Foster J. A century of American diplomacy: being a brief review of the foreign relations of the United States, 1776–1876 / John Watson Foster. – Boston: Houghton, Miffllin, 1900. – 497 p.

36. Francis D. R. Russia from the American Embassy, April, 1916 – November, 1918 / David Rowland Francis. – New York: C. Scribner, 1922. – 361 p.

37. From Benjamin Franklin to Richard Bache, 2 March 1778 // The Papers of Benjamin Franklin: in 43 vols. / Edited by William B. Willcox. – New Haven: Yale University Press, 1959–2018. – Vol. 26. – P. 9–10.

38. Fuller W. C. Strategy and Power in Russia 1600–1914 / William C. Fuller. – New York: The Free Press, 1992. – 557 p.

39. Gaddis J. L. Russia, the Soviet Union, and the United States: an Interpretive History / John Lewis Gaddis. – New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. – 384 p.

40. Gelber L. M. The rise of Anglo-American friendship; a study in world politics, 1898–1906 / Lionel Morris Gelber. – Hamden: Archon Books, 1966. – 292 p.

41. Geyer D. Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914 / Dietrich Geyer. – New Haven: Yale University Press, 1987. – 385 p.

42. Gibson J. R. Imperial Russia in frontier America: the changing geography of supply of Russian America, 1784–1867 / J. R Gibson. – New York: Oxford University Press, 1976. – 257 p.

43. Gilbert D. R. [Review] / D. R. Gilbert // Russian History. – 1977. – Vol. 4, № 1. – P. 74–76. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.

44. Gillard D. R. The Struggle for Asia 1828–1914: A Study in British and Russian Imperialism / D. R Gillard. – London: Methuen, 1977. – 214 p.

45. Grenville J. A. S. Europe reshaped, 1848–1878 / John Ashley Soames Grenville. – London: Fontana Press, 1986. – 412 p.

46. Grimsted P. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825 / Patricia Grimsted. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 367 p.

47. Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II, as I knew him / John Hanbury-Williams. – London: A. L. Humphreys, 1922. – 271 p.

48. Hecker H. Russische Universalgeschichtsschreibung: von den «Vierziger Jahren» des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen «Weltgeschichte» (1955–1965) / Hans Hecker. – München: Oldenbourg, 1983. – 376 p.

49. Historical Science under Conditions of Restructuring: A Roundtable Discussion // Soviet historians and perestroika: the first phase / Edited by Donald J. Raleigh. – Armonk: Sharpe, 1989. – P. 243–282.

50. Horn D. B. Great Britain and Europe in the eighteenth century / David Bayne Horn. – Oxford: Clarendon Press, 1967. – 411 p.

51. Hurtado A. L. John Sutter: a life on the North American frontier / A. L. Hurtado. – Norman: University of Oklahoma Press, 2006. – 412 p.

52. Hutson J. H. John Adams and the Diplomacy of the American Revolution / James Howard Hutson. – Lexington: The University Press of Kentucky, 1980. – 199 p.

53. Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. – London/New York: I. B. Tauris, 2013. – 522 p.

54. Jelavich B. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy 1814–1974 / Jelavich Barbara. – Bloomington: Indiana University Press, 1974. – 480 p.

55. Jensen R. J. The Alaska Purchase and Russian-American relations / R. J. Jensen. – Seattle: Univ. of Washington P., 1975. – 185 p.

56. Jones H. Blue and gray diplomacy: a history of union and confederate foreign relations / Howard Jones. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. – 416 p.

57. Kalmykow A. D. Memoirs of a Russian Diplomat; Outposts of the Empire, 1893–1917 / A. D. Kalmykow. – New Haven: Yale University Press, 1971. – 290 p.

58. Kennedy P. M. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500–2000 / P. M. Kennedy. – New York: Random House, copyr. 1987. – 677 p.

59. Langer W. L. European alliances and alignments, 1871–1890 / William Leonard Langer. – New York: Knopf, 1962. – 510 p.

60. Langford P. The eighteenth century, 1688–1815 / Paul Langford. – London: A. and C. Black, 1976. – 264 p.

61. Langhorne R. The collapse of the Concert of Europe: international politics, 1890–1914 / Richard Langhorne. – London: MacMillan, 1983. – 137 p.

62. LeDonne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831 / J. P. LeDonne. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. – 261 p.

63. LeDonne J. P. The Russian empire and the world, 1700–1917: the geopolitics of expansion and containment / J. P. LeDonne. – New York: Oxford University Press, 1997. – 394 p.

64. Lee A. Farrow The Catacazy Affair and the Uneasy Path of Russian-American Relations / Lee A. Farrow. – London, New York: Bloomsbury Academic, 2021. – 288 p.

65. Lieven D. Empire: The Russian empire and its rivals / D. Lieven. – New Haven: Yale University Press, 2001. – 486 p.

66. Lint G. L. John Adams on the Drafting of the Treaty Plan of 1776 / Gregg L. Lint // Diplomatic History. – 1978. – Vol. 2, № 3. – P. 313–320.

67. Little J. E. John Adams and American foreign affairs, 1775–1780: thesis … Ph. D. United States History / John Edwin Little. – Princeton:Princeton University, 1966. – 409 l.

68. Long D. F. [Review] / D. F. Long // The New England Quarterly. – 1976. – Vol. 49, № 4. – P. 656–658. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov; transl. by Elena Levin. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1975. – 484 p.

69. Lowe J.Britain and foreign affairs, 1815–1885: Europe and overseas / John Lowe. – New York: Routledge, 1998. – 98 p.

70. Luard E. The Balance of Power: The System of International Relations, 1648–1815 / Evan Luard. – Basingstoke: Macmillan, 1992. – 399 p.

71. Maddison A. The world economy: historical statistics = L'économie mondiale: Statistiques historiques / Angus Maddison. – Paris: Centre de développement de l'Organisation de coopération et de développement économiques, 2003. – 273 p.

72. Maurseth P. Balance-of-Power Thinking from the Renaissance to the French Revolution / Per Maurseth // Journal of Peace Research. – 1964. –Vol. 1, № 2. – P. 120–36.

73. May E. R. Imperial democracy: the emergence of America as a great power / Ernest Richard May. – New York: Harcourt-Brace & World, cop. 1961. – 318 p.

74. McDonald D. M. L. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914 / David MacLaren McDonald. – Cambridge: Harvard University Press, 1992. – 276 p.

75. McGrew R. E. [Review] / R. E. McGrew // The American Historical Review. – 1968. – Vol. 73, № 3. – P. 771–772. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Stanovlenie Russko-Amerikanshkikh otnoshenii, 1775–1815 / N. N. Bolkhovitinov. – Moscow: Nauka, 1966. – 639 s.

76. Mckay D. The Rise of the Great Powers 1648–1815 / Derek Mckay, Hamish Marshall Scott. – London: Routledge, 2014. – 378 p.

77. Michael Birkner interview with Dr. William G. Shade, 10/3/2014. 75 l. / The Pennsylvania Historical Association: [website]. – URL: https://pa-history.org/wp-content/uploads/2016/08/Shade-interview-Sept.-2014.pdf (date of access: 18.12.2022).

78. Mosse W. E. The rise and fall of the Crimean System, 1855–71; the story of a peace settlement / Werner Eugen Mosse. – London: Macmillan, 1963. – 213 p.

79. Neale R. G. Great Britain and United States expansion: 1898–1900 / Robert George Neale. – East Lansing: Michigan State University Press, 1966. – 230 p.

80. Orde A. The eclipse of Great Britain: the United States and British imperial decline, 1895–1956 / Anne Orde. – Basingstoke: Macmillan, 1996. – 262 p.

81. Perkins B. The great rapprochement: England and the United States, 1895–1914 / Bradford Perkins. – New York, Atheneum, 1968. – 341 p.

82. Perkins D. [Review] / Dexter Perkins // The American Historical Review. – 1967. – Vol. 73, № 1. – P. 85–87. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Doktrina Monro (Proiskhozdenie I Kharakter) [The Monroe Doctrine (Origin and Character)] / N. N. Bolkhovitinov. – Moscow: Publishing House of the Institute of International Relations, 1959. – 332 p.

83. Ragsdale H. [Review] / Hugh Ragsdale // The American Historical Review. – 1979. – Vol. 84, № 1. – P. 115–116. – Rev. op.: Bolkhovitinov N. N. Russia and the American Revolution / N. N. Bolkhovitinov. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1976. – 277 p.

84. Rosen R. R. Forty years of diplomacy: in 2 vols. / Roman Romanovich Rosen. – London, New York: Allen & Unwin, 1922.

85. Ross S. T. European diplomatic history, 1789–1815: France against Europe / S. T. Ross. – Malabar: Robert E. Krieger, 1981. – 425 p.

86. Russian-American dialogue on cultural relations, 1776–1914 / Edited by Norman E. Saul and Richard D. McKinzie. – Columbia: University of Missouri Press, 1997. – 261 p.

87. Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood and Louise G. Wood. – Columbia: University of Missouri Press, 1995. – 287 p.

88. Russian-American dialogue on the history of U.S. political parties / Edited by Joel H. Silbey. – Birmingham: USA EBSCO Industries, Inc., 2000. – 270 p.

89. Ryerson R. A. Comment by Richard Alan Ryerson / Richard Alan Ryerson // Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood, Louise G. Wood. – Columbia: University of Missouri Press, 1995. – P. 97–103.

90. Saul N. E. Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914 / Norman E. Saul. – Lawrence: University Press of Kansas, 1996. – 654 p.

91. Saul N. E. Friends or Foes?: The United States and Soviet Russia, 1921–1941 / Norman E. Saul. – Lawrence: University Press of Kansas, 2006. – 434 p.

92. Saul N. E. War and Revolution: The United States and Russia 1914–1921 / Norman E. Saul. – Lawrence: University Press of Kansas, 2001. – 456 p.

93. Savinsky A. A. Recollections of a Russian diplomat / Alexander Aleksandrovich Savinsky. – London: Hutchinson, 1917. – 316 p.

94. Schroeder P. W. The transformation of European politics, 1763–1848 / Paul W. Schroeder. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 894 p.

95. Scott H. M. The Birth of a Great Power System, 1740–1815 / Hamish Marshall Scott. – Harlow: Longman, 2006. – 433 p.

96. Scott H. M. The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775 / Hamish Marshall Scott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 285 p.

97. Seaman L. C. B. From Vienna to Versailles / Lewis Charles Bernard Seaman. – London: Routledge, 1988. – 216 p.

98. Seeley J. R., Sir. The expansion of England; two courses of lectures / John Robert Seeley, Sir. – London: Macmillan. – 359 p.

99. Sheehan M. Balance of power / Michael Sheehan. – London: Routledge, 2007. – 226 p.

100. Shiriayev B. A. John Adams during the Struggle of the American Colonies for Independence / B. A. Shiriayev // Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood, Louise G. Wood. – Columbia; London: University of Missouri Press, 1995. – P. 78–96.

101. Shiriayev B. A. Response by B. A. Shiriayev / B. A. Shiriayev // Russian-American dialogue on the American Revolution / Edited by Gordon S. Wood, Louise G. Wood. – Columbia; London: University of Missouri Press, 1995. – P. 104.

102. Sogrin V. V. Study of Russian-American Relations and the US History in Post-Soviet Russia / Vladimir Viktorovich Sogrin // Journal of Russian American Studies. – 2017. – Vol. 1, № 1. – P. 1–22.

103. Stinchcombe W. C. John Adams and the model treaty / William C. Stinchcombe // The American Revolution and «a candid world» / Edited by Lawrence S. Kaplan. – Kent: Kent State University Press, 1977. – P. 69–84.

104. Stuart R. C. United States expansionism and British North America, 1775–1871 / Reginald C. Stuart. – Chapel Hill: Univ of North Carolina Pr., 1988. – 374 p.

105. Tcharykow N. V. Glimpses of high politics: through war and peace 1855–1929: the autobiography of N. V. Tcharykow / Nikolai Valerianovich Tcharykow. – London: G. Allen & Unwin, 1931. – 330 p.

106. Terra Europa: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д. А. Цыганкова. – Москва: РОССПЭН, 2014. – 671 с.

107. The early republic: the making of a nation, the making of a culture / Edited by Steve Ickringill. – Amsterdam: Free University Press, 1988. – 305 p.

108. The Kaiser's Letters to the Tsar [i. e. Nicholas II]: Copied from the Government Archives in Petrograd, and Brought from Russia by Isaac Don Levine / Edited by William William [et al]. – London: Hodder and Stoughton limited, 1920. – 281 p.

109. Tilchin W. N. Theodore Roosevelt and the British Empire: a study in presidential statecraft / William N. Tilchin. – Basingstoke: Macmillan, 1997. – 302 p.

110. Travis F. F. George Kennan and the American-Russian relationship, 1865–1924 / Frederick F. Travis. – Athens: Ohio Univ. Pr., 1990. – 433 p.

111. Tsvetkov I. A. American Studies in Russia / Ivan A. Tsvetkov // The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies / Ed. by Maria Lagutina et al. – London: Routledge, 2023. – P. 164–175.

112. Vagts A. The balance of power in international law: a history of an idea / Alfred Vagts, Detlev F. Vagts // American Journal of International Law. – 1979. – Vol. 73, Iss. 4. – P. 555–580.

113. Vagts A. The Balance of Power: Growth of an Idea / Alfred Vagts // World Politics. – 1948. – Vol. 1, № 1. – P. 82–101.

114. Visits By Foreign Leaders in 1874 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1874 (date of access: 01.09.2022).

115. Visits By Foreign Leaders in 1876 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1876 (date of access: 01.09.2022).

116. Visits By Foreign Leaders in 1881 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1881 (date of access: 01.09.2022).

117. Visits By Foreign Leaders in 1882 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1882 (date of access: 01.09.2022).

118. Visits By Foreign Leaders in 1898 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1898 (date of access: 01.09.2022).

119. Visits By Foreign Leaders in 1909 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1909 (date of access: 01.09.2022).

120. Visits By Foreign Leaders in 1910 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1910 (date of access: 01.09.2022).

121. Visits By Foreign Leaders in 1913 / The Office of the Historian: [website]. – URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits/1913 (date of access: 01.09.2022).

122. Vol'skii V. V. The Study of Latin America in the U. S. R. / Victor V. Vol'skii // Latin American Research Review. – 1967. – Vol. 3, № 1. – P. 77–87.

123. Watt D. C. Succeeding John Bull: America in Britain's place, 1900–1975: a study of the Anglo-American relationship and world politics in the context of British and American foreign-policy-making in the twentieth century / Donald Cameron Watt. – New York: Cambridge University Press, 1984. – 302 p.

124. Wirtschafter E. K. From Victory to Peace: Russian Diplomacy after Napoleon / Elise Kimerling Wirtschafter. – Ithaca: Northern Illinois University Press, 2021. – 313 p.

125. Zakaria F. From wealth to power: the unusual origins of America's world role / Fareed Zakaria. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 199 p.

126. Zhuk S. I. Nikolai Bolkhovitinov and American studies in the USSR: people's diplomacy in the Cold War / Sergei Ivanovich Zhuk. – Lanham: Lexington Books, 2017. – 275 p.

127. А. В. Луначарский – А. А. Луначарской [24 октября (6 ноября) 1917 года [г. Петроград] // Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г. А. Бордюгова, Е. А. Котеленец. – Москва: АИРО-XXI, 2007. – С. 285–287.

128. А. В. Луначарский – А. А. Луначарской. 22 августа (4 сентября) 1917 года, г. Петроград // Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г. А. Бордюгова, Е. А. Котеленец. – Москва: АИРО-XXI, 2007. – С. 235–237.

129. Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата / Дмитрий Иванович Абрикосов. – Москва: Русский путь, 2008. – 575 с.

130. Авербух Р. А. Воспоминания о товарище / Ревекка Абрамовна Авербух // Проблемы истории и этнографии Америки / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1979. – С. 30–32.

131. Агеева Н. Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С. Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Наталья Николаевна Агеева. – Чебоксары, 2015. – 300 с.

132. Агеева Н. Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С. Ф. Фортунатова / Наталья Николаевна Агеева, Татьяна Николаевна Иванова // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 287–306.

133. Агеева Н. Н. Преподавательская деятельность С. Ф. Фортунатова в Московском университете / Наталья Николаевна Агеева // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 17–21.

134. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914 / Олег Рудольфович Айрапетов. – Москва: Европа, 2006. – 668 с.

135. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. / О. Р. Айрапетов. – Москва: Кучково поле, 2017.

136. Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. ... доктора ист. наук / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург, 2003. – 592 с.

137. Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. ... доктора ист. наук / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург, 2003. – 43 с.

138. Акимов Ю. Г. Изучение США и Канады на факультете международных отношений СПбГУ / Юрий Германович Акимов, Борис Анатольевич Ширяев // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 9. – С. 113–118.

139. Акимов Ю. Г. Франция Старого Порядка в Америке в XVII–XVIII вв.: на примере колонии Новая Франция: дис. ... канд. ист. наук / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург, 1995. – 321 с.

140. [Акимов Ю. Г.] Отзыв официального оппонента / [Фофанова А. Р.] Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1787 гг.) / ИСТИНА ЦЭМИ РАН: [website]. – URL: https://istina.cemi-ras.ru/dissertations/119879604/ (дата обращения: 11.7.2022 г.).

141. Александр Александрович Фурсенко – академик, американист, человек: в рамках цикла лекций «Выдающиеся историки XX века»: [видеозапись] / Сергей Исаев, кандидат исторических наук, и. о. заведующего Отделом всеобщей истории, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; Президентская библиотека. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2020. – 1 видеофайл (58 мин. 59 сек.): цв., зв. – (Видеолекторий «Знание о России»). – Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/1312663).

142. Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Великий князь Александр Михайлович; [Предисл. и коммент. А. Виноградова]. – Москва: Современник, 1991. – 270 с.

143. Александренко В. [Рецензия] / В. Александренко // Журнал юридического общества: Июнь. При Императорском С.-Петербургском университете. – С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898, кн. 6. – С. 23–26. – Рец. на кн.: Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. – С.-Пб., 1897.

144. Александренко В. Учение Монро / Василий Александренко // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. – Кн. 9. – С. 37–46.

145. Александренко В. Н. Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро / Василий Никифорович Александренко // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 4. – С. 125–150.

146. Александров Г. В. Эволюция взаимоотношений колонистов и коренного населения в Новой Англии в 1620–1676 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Глеб Владимирович Александров. – Москва, 2016. – 273 с.

147. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917–1923гг.) / Галина Дмитриевна Алексеева. – Москва: Наука, 1968. – 300 с.

148. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) / Михаил Антонович Алпатов. – Москва: «Наука», 1985. – 270 с.

149. Альперович М. С. Международные отношения на Тихоокеанском Севере во второй половине XVIII в. / М. С. Альперович, Н. Н. Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997. – Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799 / [Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой, А. В. Гринев и др.]. – 1997. – С. 278–321.

150. Альперович М. С. Россия и Новый Свет (послед. треть XVIII в.) / Моисей Самуилович Альперович. – Москва: Наука, 1993. – 238 с.

151. Американки XVIII века: сост. по мемуарам мистрис Эллет [и снабжено предисл.] М. Цебриковой. – Санкт-Петербург, 1871. – 336 с.

152. Американские и иберо-американские исследования МГИМО // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 2. – С. 278–281.

153. Американские просветители: избранные произведения: в 2 т. / [Сост.: Н. М. Гольдберг; вступ. ст. Б. Э. Быховского]. – Москва: Мысль, 1968–1969.

154. Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: Материалы II международной научной конференции», МГУ, 31 января – 3 февраля 1995 года / [Отв. ред. Е. Ф. Язьков, А. С. Маныкин]. – Москва: Изд-во МГУ, 1996. – 185 с.

155. Анисимов М. Ю. Кризис Утрехтской системы международных отношений и елизаветинская Россия / Максим Юрьевич Анисимов // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 123–140.

156. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны) / Максим Юрьевич Анисимов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 340 с.

157. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война / Максим Юрьевич Анисимов. – Москва: Академический проект, 2020. – 885 с.

158. АРАН. Ф. 1813. Оп. 1. Л. 4.

159. АРАН. Ф. 354. Оп. 1. Л. 3.

160. Арбатов Г. А. Введение / Георгий Аркадьевич Арбатов // Современная внешняя политика США: в 2 т. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 3–16.

161. Б. А. Романов – Н. М. Дружинину. 30 марта 1951 года // Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Составитель В. Г. Бухерт; Российская академия наук, Архив РАН. – Москва: Памятники ист. мысли, 2018. – С. 106.

162. Б. А. Романов – Н. М. Дружинину. 10 января 1951 года // Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Составитель В. Г. Бухерт; Российская академия наук, Архив РАН. – Москва: Памятники ист. мысли, 2018. – С. 102.

163. Бабин А. В. История Северо-Американских соединенных штатов: в 2 т. / Алексей Васильевич Бабин. – Санкт-Петербург: тип. Тренке и Фюсно, 1912. – Т. 1. – С. 245–299.

164. Багалей Д. И. Опыт истории Харьковскаго университета (по неизданным материалам): в 2 т. / Дмитрий Иванович Багалей. – Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1893–1904.

165. Баженова А. Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика / Анна Юрьевна Баженова. – Люблин: Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 2014. – 406 с.

166. Байбакова Л. В. Е. Ф. Язьков (1923–2009): творческий путь педагога и ученого / Л. В. Байбакова // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 202–220.

167. Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века / Эдуард Яковлевич Баталов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – 616 с.

168. Б. Д. Греков – В. И. Шункову. Ташкент. 9 февраля [1942 г.] // Б. Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) / Сост. В. Г. Бухерт. – Москва: Памятники исторической мысли, 2019. – С. 257–258.

169. Белявская И. А. Б. Франклин – деятель национально-освободительного движения американского народа / Ирина Александровна Белявская // Вопросы истории. – 1956. – № 10. – С. 32–45.

170. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века: 1905–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Валентина Юрьевна Белянкина. – Кострома, 2005. – 28 с.

171. Берендтс Э. Н. Императорский Александровский университет в Финляндии: очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии / Эдуард Николаевич Берендтс. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. – 263 с.

172. Беседа П. А. Столыпина с П. А. Тверским // Тверской П. А. К историческим материалам о покойном П. А. Столыпине // Вестник Европы. – 1912. – № 4. – С. 493–505.

173. Библиография // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 529–552.

174. Бильфельд Я. Ф. Наставления политическия барона Билфелда: в 2 частях / Переведены с французскаго языка князем Федором Шаховским. – [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768–1775.

175. Богословский М. М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / М. М. Богословский. – Москва: Время, 2011. – 800 с.

176. Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярия: Научное наследие / Михаил Михайлович Богословский. – Москва: Наука, 1987. – 214 с.

177. Болховитинов Л. М. Россия на Дальнем Востоке / Леонид Митрофанович Болховитинов // Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам: в 2 к. / Ред.-изд. В. П. Рябушинский. – Москва: [б. и.], [1910–1911]. – Книга 1. – С. 195–216.

178. Болховитинов Н. Н. Возникновение проектов продажи Русской Америки (1853–1861) / Николай Николаевич Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 370–393.

179. Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро (Происхождение и характер) / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Изд-во ИМО, 1959. – 336 с.

180. Болховитинов Н. Н. Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США / Николай Николаевич Болховитинов // Вопросы истории. – 1986. – № 9. – С. 66–80.

181. Болховитинов Н. Н. Печальная судьба колонии Росс (1825–1841) / Н. Н. Болховитинов, А. А. Истомин // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 205–230.

182. Болховитинов Н. Н. Продажа Аляски (1867) / Н. Н. Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 425–487.

183. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Междунар. отношения, 1991. – 304 с.

184. Болховитинов Н. Н. Русские на Гавайях (1804–1825) / Николай Николаевич Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 2: Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / [Н. Н. Болховитинов, А. В. Гринев, Дж. Р. Гибсон и др.]. – 1999. – С. 275–302.

185. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1990. – 367 с.

186. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. 1815–1832 / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1975. – 626 с.

187. Болховитинов Н. Н. Советская американистика на перепутье: старые догмы и новые подходы / Николай Николаевич Болховитинов // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 3–12.

188. Болховитинов Н. Н. Становление и развитие русско-американских отношений, 1732–1867 гг. (некоторые итоги) / Николай Николаевич Болховитинов // Americana: Сб. ст. по истории и культуре стран Амер. континента / Волгогр. гос. ун-т. Лаб. американистики. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1997. – Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – С. 7–30.

189. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений (1775–1815) / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1966. – 639 с.

190. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений 1775–1815 гг.: в 2 т.: дис. ... доктора ист. наук / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва, 1965. – 904 с.

191. Болховитинов Н. Н. Торговля и разграничение владений России, США и Англии на Северо-Западе Америки (1824–1825) / Николай Николаевич Болховитинов // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 2: Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825 / [Н. Н. Болховитинов, А. В. Гринев, Дж. Р. Гибсон и др.]. – 1999. – С. 396–441.

192. Бородин Н. А. Идеалы и действительность: сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919) / Николай Андреевич Бородин. – Берлин; Париж: [б. и.], 1930. – 208 с.

193. Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия: с 29 диаграммами и картами / Николай Андреевич Бородин, тов. пред. «Общества сближения между Россией и Америкой». – Петроград: [Якорь], [1917]. – 324 с.

194. Боткин П. С. Картинки дипломатической жизни / Петр Сергеевич Боткин. – Париж: Изд-во Сияльской, Cop. 1930. – 187 с.

195. Боханов А. Н. Николай II / Александр Николаевич Боханов. – Москва: Русское слово, 1997. – 446 с.

196. Брайс Дж. Американская республика: в 3 ч. / Джемс Брайс. – Москва: К. Т. Солдатенков, 1889–1890.

197. Брачев В. С. Историк Леонид Григорьевич Райский (1897–1936 гг.) / Виктор Степанович Брачев // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. – С. 24–29.

198. Брачев В. С. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004) / В. С. Брачев, А. Ю. Дворниченко. – Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2004. – 384 с.

199. Бродская К. М. Великие американцы и революционная Франция: отклики на кончину «Отца-основателя» США Дж. Вашингтона / К. М. Бродская, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 164–168.

200. Брюнин В. Г. Научная работа исторического факультета Ленинградского университета в конце 1939 и в 1940 году [Кафедра новой истории] / Владимир Георгиевич Брюнин // Историк-марксист. – 1941. – № 2. – С. 142–143.

201. Бугров К. Д. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Монография / Константин Дмитриевич Бугров, Михаил Александрович Киселев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. – 480 с.

202. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века: Ч. 1–2 / Владислав Петрович Бузескул. – Ленинград: изд-во Академии наук СССР, 1929–1931.

203. Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин, «Харьковский Грановский»: к столетию Харьковского университета / Владислав Петрович Бузескул. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1905. – 56 с.

204. Бурлова Н. В. Вклад российских негосударственных высших учебных заведений в развитие отечественной культуры: На примере московских образовательных заведений конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Наталья Васильевна Бурлова. – Москва, 2004. – 200 с.

205. Бутенко В. А. Наука новой истории в России (историографический обзор) / Вадим Аполлонович Бутенко // Анналы. – 1922. – № 2. – С. 129–167.

206. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Джордж Бьюкенен. – Москва: Международные отношения, 1991. – 344 с.

207. В Институте истории АН СССР (1953 год) // Вопросы истории. – 1953. – № 5. – С. 126–129.

208. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет / Сигизмунд Натанович Валк // Избранные труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие / Сигизмунд Натанович Валк; [Сост.: В. Н. Гинев и др.]; Рос. акад. наук. Отд-ние истории [и др.]. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – С. 7–106.

209. Вандам А. Е. Наше положение / Алексей Ефимович Вандам. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1912. – 204 с.

210. Варнаков Ю. Г. Из истории формирования внешней политики США (в колониальную эру и годы Войны за независимость) / Юрий Григорьевич Варнаков // Кемеровский педагогический институт. Труды Кафедры всеобщей истории / [Под ред. доктора ист. наук В. И. Мирзоева]. – Кемерово: [Б. и.], 1968. – С. 83–134.

211. Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства / Вячеслав Сергеевич Васюков. – Москва: Мысль, 1966. – 496 с.

212. Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1914–1915 годах / В. С. Васюков // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 441–496.

213. Васюков В. С. Мировая война: политика России в 1916-м – феврале 1917 года / В. С. Васюков // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 497–540.

214. Вахромеева О. Б. Основные факторы «Женского вопроса» в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2006. – № 3. – С. 69–84.

215. Великие американцы: Франклин, Вашингтон, Джефферсон в работах послевоенных поколений американистов в Ленинграде/Санкт-Петербурге / В. Н. Плешков, М. А. Поздеева, А. Ю. Талья, В. А. Ушаков // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2016. – № 16–1. – С. 209–234.

216. Вернадский Г. В. Русская историография / Георгий Владимирович Вернадский. – Москва: Аграф, 1998. – 448 с.

217. Виноградов П. Г. Учебник всеобщей истории: в 3 частях / Павел Гаврилович Виноградов. – Москва: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1896.

218. Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867 / Илья Виньковецкий. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 320 с.

219. Виппер Р. Ю. Учебник новой истории: с ист. карт. / Роберт Юрьевич Виппер. – Москва: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. – 513 с.

220. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. / Сергей Юльевич Витте. – Ленинград: ГИЗ, 1924.

221. Вишнякова Н. В. История русской книги в США (конец XVIII в. – 1917 г.) / Наталья Владимировна Вишнякова. – Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Гос. публ. науч.-техн. б-ка. – Новосибирск, 2004. – 340 с.

222. Власова М. Л. Юбилей И. А. Белявской // Американский ежегодник. – 1996. – С. 8–18.

223. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы формирования и закономерности реализации: в 2 т. / Под ред. О. А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2008.

224. Внешняя торговля / Составитель раздела – к. и. н. Т. Я. Валетов. Раздел дополнен при поддержке гранта РГНФ/РФФИ №16-01-50123 «История и статистика внешней торговли России, 1897–1916» / Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв.». Исторический факультет МГ им. М. Ломоносова: [website]. – URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/Foreign_trade.htm (дата обращения: 22.06.2021 г.).

225. Возгрин В. Е. К 65-летию профессора В. А. Ушакова / Валерий Евгеньевич Возгрин, Анатолий Васильевич Смолин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2013. – № 1. – С. 175–177.

226. Война и С. Д. Сазонов. Последние речи б. Министра иностранных дел во время войны в Государственной Думе / Сергей Дмитриевич Сазонов. – Петроград: [б. и.], 1916. – 38 с.

227. Войтоловская А. Л. По следам судьбы моего поколения / Адда Львовна Войтоловская. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 334 с.

228. Волкова Е. С. Идейные дискуссии в пуританизме Новой Англии в конце XVII – первой четверти XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Елена Сергеевна Волкова. – Москва, 2013. – 25 с.

229. Волконский С. М. Мои воспоминания: в 2 т. / Сергей Михайлович Волконский. – Москва: Искусство, 1992.

230. Волосюк О. В. Международный конфликт в Европе XVIII в.: На примере вступления Испании в войну за независимость США / Ольга Виленовна Волосюк // Проблемы американистики. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. – 2001. – Вып. 11. – С. 111–128.

231. Волькенштейн О. А. Страна равенства и свободы. (Северо-Американские соединенные штаты) / Ольга Акимовна Волькенштейн. – Москва: Труд и воля, 1906. – 61 с.

232. Вольфсон С. В. Внешнеполитическое наследие американской революции XVIII века и проблемы историографии изоляционизма / Савелий Вольфович Вольфсон // Всесоюзный симпозиум советских историков-американистов: в 2 ч. – 1976. – Ч. 2. – С. 374–379.

233. Вольфсон С. В. Политическая борьба в правящих кругах США по вопросам внешней и военной политики в 1950–1951 гг. (в связи с войной в Корее: автореф. дис. … канд. ист. наук / Савелий Вольфович Вольфсон. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. – 15 с.

234. Воронкова И. Е. Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: автор. дис. … доктора ист. наук / Ирина Евгеньевна Воронкова. – Москва, 2010. – 50 с.

235. Всемирная история в 10 томах. – Москва: Госполитиздат; Соцэкгиз; Мысль, 1955–1965.

236. Всероссийский Съезд Советов. Заявление по вопросу о наступлении // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 63.

237. Высшие женские курсы в С.-Петербурге: Крат. ист. записка, 1878–1908 гг. – Санкт-Петербург: Ком. О-ва для доставления средств Высш. жен. курсам, 1908. – 75 с.

238. Галкин И. С. Записки ректора Московского университета: воспоминания / Илья Саввич Галкин. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2004. – 206 с.

239. Ганелин Р. Ш. Академик Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) / Р. Ш. Ганелин, В. В. Носков, В. Н. Плешков // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 194–209.

240. Ганелин Р. Ш. Россия и США: Очерки истории русско-американских отношений. 1914–1917 / Рафаил Шоломович Ганелин. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 417 с.

241. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История», 2006. – 408 с.

242. Герье В. И. Очерк развития исторической науки / Владимир Иванович Герье. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1865. – 114 с.

243. Гефтер Михаил Яковлевич // «Мы шли навстречу ветру и судьбе…»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост. С. И. Антонова [и др.]; предисл. В. П. Богданова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. – С. 149–158.

244. Гизо Ф. Исторический очерк жизни Вашингтона / Франсуа Гизо; ред. Я. Ивановского. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1863. – 167 с.

245. Головина М. А. Симпозиум советских историков-американистов / М. А. Головина // Американский ежегодник. – 1972. – С. 303–306.

246. Головко Ю. М. Формирование и эволюция идейных воззрений Джона Адамса: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Юлия Марковна Головко. – Брянск, 2008. – 23 с.

247. Гольдберг Н. М. Свободомыслие и атеизм в США. (XVIII–XIX вв.) / Николай Моисеевич Гольдберг. – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. – 300 с.

248. Гольдберг Н. М. Свободомыслие и атеизм в США. (XVIII–XIX вв.): дис. ... доктора ист. наук / Николай Моисеевич Гольдберг. – Москва: Наука, 1965. – 300 с.

249. Гольдберг Н. М. Томас Пейн. [1737–1809] / Николай Моисеевич Гольдберг. – Москва: Мысль, 1969. – 198 с.

250. Гонорский Р. Т. Франклин: в 2 ч. / Разумник Тимофеевич Гонорский // Украинский вестник. – 1816.

251. Гордон А. В. Историки железного века / Александр Владимирович Гордон. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 446 с.

252. Граве Б. Исторический факультет Ленинградского института истории философии, литературы и лингвистики в 1934/35 учебном году / Б. Граве // Историк-марксист. – 1935. – № 8–9. – С. 237–240.

253. Грановский Т. Н. Программа всеобщей истории / Тимофей Николаевич Грановский // Полное собрание сочинений Т. Н. Грановского: в 2 т. – Санкт-Петербург: издание Н. О. Мертца, 1905. – Т. 2. – С. 359–367.

254. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки / Пол Грегори. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 256 с.

255. Гринёв А. В. Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере. XVIII – первая половина XIX в. / Андрей Вальтерович Гринев // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 48–68.

256. Гринёв А. В. Россия, Великобритания и США на Тихоокеанском севере в середине XIX в.: соперничество и сотрудничество / А. В. Гринёв // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 154–204.

257. Гринёв А. В. Русская Америка в 1850-е гг.: РАК и Крымская война / А. В. Гринёв // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. – 1999. – С. 320–369.

258. Гросул В. Я. Заключение / Владислав Якимович Гросул // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.]. – Москва: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 417–424.

259. Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века / Владислав Якимович Гросул. – Москва: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.

260. Грулев М. В. В штабах и на полях Дальняго Востока: воспоминания офицера Генеральнаго штаба и командира полка о Русско-японской войне: в 2 ч. / Михаил Владимирович Грулев. – Санкт-Петербург: издал В. Березовский, 1908–1909.

261. Гуревич А. Я. История историка / Арон Яковлевич Гуревич. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 288 с.

262. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Василий Иосифович Гурко. – Москва: Новое литературное обозрение, 2000. – 746 с.

263. Давидсон А. Б. Николай Павлович Полетика (1896–1988) / Аполлон Борисович Давидсон // Портреты историков: Время и судьбы: в 5 т. / Акад. исслед. культуры. – Москва: Унив. кн., 2000; Иерусалим: Gesharim, 2000–2010. – Т. 5: Средние века. Новая и новейшая история. – 2010. – С. 287–298.

264. Даневский В. П. Очерк новейшей литературы по международному праву / Всеволод Пиевич Даневский. – Санкт-Петербург: тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. – 273 с.

265. Даневский В. П. Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: Историко-догматическое исследование / Всеволод Пиевич Даневский. – Санкт-Петербург: тип. Р. Голике, 1882. – 335 с.

266. Дементьев И. П. Американская буржуазная историография гражданской войны 1861–1865 гг. в США: дис. ... канд. ист. наук / Игорь Петрович Дементьев. – Москва, 1955. – 418 с.

267. Демис Л. Н. Обозрение трактатов о морском торговом нейтралитете / Леонид Николаевич Демис. – Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1854. – 78 с.

268. Денисенко М. Б. Демографический кризис 1914–1922 гг. / Михаил Борисович Денисенко // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 1997. – № 2. – С. 78–96.

269. Деятельность Комм. академии (январь – июнь) 1926 г. // Вестник социалистической академии. – 1926. – № 17. – С. 301–319.

270. Деятельность Коммунистической академии // Вестник социалистической академии. – 1928. – № 30. – С. 247–267.

271. Диспут М. Н. Петрова // Московские университетские известия. – 1865. – № 4. – С. 282–299.

272. Диссертации, защищенные в Ленинградском ордена Ленина государственном университете имени А. А. Жданова в 1934–1954 гг.: Библиографический. указатель / Сост.: Н. Н. Кирикова, Е. П. Таубина; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Науч. б-ка им. М. Горького. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 256 с.

273. Диссертационные исследования / Кафедра новой и новейшей истории. Исторический факультет МГУ: [website]. – URL: http://www.hist.msu.ru/departments/3992/research/dissertations (дата обращения: 11.11.2021 г.).

274. Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793 / По подлин. его рукописи, с биогр. ст. и объясн. указ. Николая Барсукова, чл. Археогр. комис. – Санкт-Петербург: А. Ф. Базунов, 1874. – 610 с.

275. Дневник поездки в США на XIV Международный конгресс исторических наук (г. Сан-Франциско) и I американо-советский коллоквиум (г. Стэнфорд). 1975 г. // И. Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): сборник материалов / Ист. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова; [Т. В. Ковальченко, Т. А. Круглова, А. Е. Шикло]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 425–440.

276. Доброклонский С. Краткая история российской дипломатии / С. Доброклонский. – Москва: тип. С. Селивановского, 1830. – 154 с.

277. Докладная записка АГИТПРОПА ЦК Г. А. Маленкову о результатах проверки работы Института истории АН СССР 1 сентября 1950 года. // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. – Москва: МФД: Материк, 2005. – С. 586–589.

278. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг.: Библиогр. указатель: в 3 т. / Под ред. проф. П. А. Зайончковского [и др.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1956–1960. – Вып. 3: Факультеты: Исторический, филологический и факультет журналистики / [Сост.: канд. ист. наук Б. А. Васильев, И. И. Корндорф, Г. Г. Толстикова, М. П. Чиркова]. – 1960. – 203 с.

279. Долгошева А. Назначение в США / Анастасия Долгошева // Санкт-Петербургские ведомости: [website]. – 2007. – 6 марта. – URL: https://spbvedomosti.ru/news/career/naznachenie_v_nbsp_ssha060307/ (дата обращения: 01.09.2022 г.).

280. Дорофеев Д. В. Flat lux: кафедра новой и новейшей истории, 1918–2018 / Денис Владимирович Дорофеев. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – 118 с.

281. Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США: советская историография 1930-х – начала 1940-х годов / Денис Владимирович Дорофеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 12–28.

282. Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США: тема в трудах российских исследователей XIX – начала XX веков / Денис Владимирович Дорофеев // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 311–329.

283. Дорофеев Д. В. Геральд Штоурц. Между историей и политологией: историография генезиса внешней политики США (первая половина 1950-х годов) /

Денис Владимирович Дорофеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – № 3. – С. 34–45.

284. Дорофеев Д. В. Празднование в СССР 250-летия со дня рождения Б. Франклина: профессионализм, источник, курьез интерпретации / Денис Владимирович Дорофеев // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции: в 2 т., Витебск, 27–29 апреля 2023 года. Том 2. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2023. – С. 209–211.

285. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930–1950-е гг.) / Александр Михайлович Дубровский. – Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. – 798 с.

286. Дубьева Л. В. Историческая наука в Тартуском университете в конце XIX – начале XX в. / Людмила Васильевна Дубьева. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. – 349 с.

287. Евдокимова Н. П. Кафедра истории Нового времени / Н. П. Евдокимова, С. В. Шершнёва // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворннченко. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 231–261.

288. Европейские исследования в Кемеровском государственном университете, 1963–2014 гг. / Сергей Александрович Васютин, Юрий Людвигович Говоров, Константин Владимирович Юматов // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 1. – С. 59–68.

289. Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1887. – Т. 57: 1764–1766. – 574 с.

290. Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1889. – Т. 67: 1766–1767. – 578 с.

291. Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1886. – Т. 51: 1763–1764. – 534 с.

292. Екатерина II (имп.; 1729-1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1885. – Т. 48: 1762–1763. – 660 с.

293. Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1893. – Т. 87: 1768–1769. – 555 с.

294. Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1896. – Т. 97: 1769–1771. – 543 с.

295. Екатерина II (имп.; 1729–1796). Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества / Русское историческое общество. – 1904. – Т. 118: 1772–1773. – 538 с.

296. Емец В. А. Внешнеполитическое руководство России накануне и во время Первой мировой войны / В. А. Емец // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 293–313.

297. Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны / Валентин Алексеевич Емец. – Москва: Наука, 1977. – 366 с.

298. Ефимов А. Новая книга о русско-американских отношениях / Алексей Ефимов // Историк-марксист. – 1936. – № 3. – С. 149–159.

299. Ефимов А. В. Дипломатия буржуазной американской республики (1775–1794 гг.) / А. В. Ефимов // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. А. Зорина [и др.]. – Москва: Госполитиздат, 1959–1965. – Т. 1. – 1959. – С. 382–403.

300. Ефимов А. В. Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.) / А. В. Ефимов // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 303–316.

301. Ефимов А. В. К истории капитализма в США / Алексей Владимирович Ефимов. – Москва: Соцэкгиз, 1934. – 312 с.

302. Ефимов А. В. Общественная деятельность Вениамина Франклина / Алексей Владимирович Ефимов // Вестник Академии наук СССР. – 1956. – № 3. – С. 86–96.

303. Ефимов А. В. Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. 1492–1870 гг. / Чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимов. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 439 с.

304. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914 / Виктория Ивановна Журавлева. – Москва: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. – 1140 с.

305. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года: в 4 т. / Отв. ред. Б. Ф. Додонов. – Москва: РОССПЭН, 2001–2004.

306. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / Под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. – Москва: РОССПЭН, 2013.

307. Задачи Института мирового хозяйства и мировой политики // Вестник социалистической академии. – 1931. – № 5–6. – С. 3–9.

308. Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955) / Петр Акимович Зайченко. – Томск: Издательство Томского университета, 1960. – 478 с.

309. Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. / Давид Иосифович Заславский. – Москва: Огонек, 1931. – 223 с.

310. Захарова М. Н. Война США за независимость и Франция // Вопросы истории. 1974. – № 7. – С. 141–154.

311. Захарова Мария Николаевна (1906–1984), историк, доктор исторических наук (1967). Историческая справка АРАН. Фонд 1813 / ИИСАРАН: [website]. – URL: https://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=E42B1570-158A-584B-A12B-131F27B237DD&ida=1 (дата обращения: 05.01.2023 г.).

312. Заявление фракции большевиков на Всероссийском Съезде (3 июли (20 июня ст. ст.), № 86 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 198.

313. Зволинский В. И. Член-корреспондент РАН В. А. Кременюк и его труды по международным отношениям / Виталий Иванович Зволинский // Вестник МГИМО. – 2014. – № 1. – С. 322–326.

314. Зеньковский А. В. Правда о Столыпине / А. В. Зеньковский. – Нью Йорк: Всесловянское издательство, 1956. – 302 с.

315. Зябловский Е. Ф. Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии: в 2 ч. / Евдоким Филиппович Зябловский. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1831.

316. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / Андрей Александрович Иванов. – Москва; Санкт-Петербург: «Альянс-Архео», 2013. – 520 с.

317. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – Москва: Институт Российской истории РАН, 1991. – 392 с.

318. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 414 с.

319. Иванов Н. П. Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии: [Дис.] / Николай Павлович Иванов. – Казань: Унив. тип., 1874. – 183 с.

320. Иванов Р. Ф. Дипломатия Авраама Линкольна / Роберт Федорович Иванов. – Москва: Международные отношения, 1987. – 301 с.

321. Иванов Р. Ф. Франклин / Роберт Федорович Иванов. – Москва: Мол. гвардия, 1972. – 255 с.

322. Иванова Т. И. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Татьяна Николаевна Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. – 381 с.

323. Иванова Т. И. Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т. Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2010. – 381 с.

324. Иванова Т. Н. Научно-педагогическое наследие российского историка С. Ф. Фортунатова / Татьяна Николаевна Иванова, Наталья Николаевна Агеева // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 2. – С. 10–14.

325. Иванова Т. Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI веков / Татьяна Николаевна Иванова, Наталья Николаевна Агеева // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 66. – С. 392–404.

326. Ивановский И. И. Краткий взгляд на науку дипломатии вообще / Игнатий Иакинфович Ивановский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1836. – Часть IX. – С. 478–519.

327. Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства / Анатолий Венедиктович Игнатьев. – Москва: Наука, 1974. – 440 с.

328. Игнатьев А. В. Годы войны с Японией и первой русской революции / А. В. Игнатьев // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 161–220.

329. Игнатьев А. В. Последний царь и внешняя политика / Алексей Игнатьевич Игнатьев // Вопросы истории. – 2001. – № 6. – С. 3–24.

330. Игнатьев А. В. Россия в международных отношениях 1908–1909 годов. Политика балансирования / А. В. Игнатьев // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 221–251.

331. Игнатьев Р. Н. А. В. Ефимов и советская «этноамериканистика»: оттепель и заморозки / Роман Николаевич Игнатьев // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 1. – С. 88–137.

332. («Изв, М. С. Р. и С. Д.») Соединенные Штаты объявили войну (26 марта [8 апреля]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК

ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 198.

333. Извольский А. П. Воспоминания / Александр Петрович Извольский. – Петроград – Москва: Изд-во «Петроград», 1924. – 193 с.

334. Изюмов А. И. Американист, профессор, казак Н. А. Бородин (К 160-летию со дня рождения) / Андрей Игоревич Изюмов, Александр Юрьевич Соклаков, Екатерина Николаевна Лучинина // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 50 (6). – С. 109–125.

335. Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма / Николай Николаевич Иноземцев. – Москва: Госполитиздат, 1960. – 760 с.

336. Информационный бюллетень российских университетов Ассоциации изучения Соединенных Штатов Америки. –1997. – № 4.

337. Информационный бюллетень российских университетов Ассоциации изучения Соединенных Штатов Америки. – 1997. – № 5.

338. Ирина Александровна Белявская (1915–2011) // Американский ежегодник. – 2011. – С. 383–384.

339. Историко-филологический факультет БГПУ сегодня / [Дмитрий Владиславович Кузнецов] // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2020. – № 20. – С. 28–41.

340. Историческая хроника: исторические курсы в русских университетах за 1891–92 г. // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – 1891. – Т. 3. – С. 175–180.

341. Историческая хроника: Историческое преподавание в русских университетах // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – 1890. – Т. 1. – С. 254–259.

342. Исторический образ Америки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию прогр. Фонда Фулбрайта, состоявшейся на ист. фак. МГУ им. Ломоносова, г. Москва, 31 янв. – 3 февр. 1994 г. / [Отв. ред. Е. Ф. Язьков, А. С. Маныкин]. – Москва: НИЦ «Ладомир», 1994. – 376 с.

343. Исторический опыт Америки: взгляд российских и американских историков = Experiencing American History: viewpoints of American and Russian historians: материалы Международной научной конференции, посвященной 30-летию программы Фулбрайта в России, Московский государственный университет, 22–23 июня 2004 года. / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2005. – 357 с.

344. История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / Отв. ред. Г. П. Куропятник [и др.]. – Москва: Наука, 1997. – 383 с.

345. История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории, О-во интеллектуальной истории; [под ред. Л. П. Репиной]. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – 351 с.

346. История США: в 4 т. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – Москва: Наука, 1983.

347. К. Сталин Об отмене национальных ограничений (25 марта [7 апреля]) // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – 1927. – Вып. 1. – С. 186–187.

348. К. Сталин. Против федерализма (28 марта [10 апреля]) // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории

Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 210–212.
349. [К. Сталин] Американские миллиарды. Пролетарий. 1 сентября 1917 г. № 6 // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 241–242.
350. [К. Сталин] Два пути / Пролетарий 28 августа (15 августа ст. ст.) 1917 года. № 2 // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 171–172.
351. [К. Сталин] Победа кадетов | Рабочий солдат № 2 (7 авг.) 24 июля 1917 года. // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 11.
352. Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле: историк и время / Борис Соломонович Каганович. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. – 357 с.
353. Казаков В. П. «Мир, выходящий на мировую арену...»: Южная Америка в представлении А. С. Ионина / Владимир Петрович Казаков // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков / отв. ред. и сост. Е. А. Ларин; Ин-т всеобщ, истории РАН. – Москва: Наука, 2010. – С. 632–656.
354. Кайданов И. Краткое изложение дипломатии Российского двора, со времени восшествия на Всероссийский престол дома Романовых до кончины государя императора Александра I / Иван Кайданов. – Санкт-Петербург: Тип. Департамента нар. просвещения, 1833.
355. Кайданов И. К. Руководство к познанию всеобщей политической истории: ч. 1–3 / Иван Козьмич Кайданов. – Санкт-Петербург: в типографии при Императорской Академии наук, 1837.
356. Калинкин А. В. Внешняя торговля России в первой половине XIX в. / Александр Викторович Калинкин // Документ. Архив. История. Современность. – 2006. – Вып. 6. – С. 13–35.
357. Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929) / Тамара Ильинична Калистратова. – Нижний Новгород: [б. и.], 1992 (1993). – 215 с.
358. Кантор Р. Е. В научном координационном совете МГУ по проблемам американистики / Р. Е. Кантор // Вопросы истории. – 1977. – № 1. – С. 136–139.
359. Каплан В. И. Важнейшие события международной жизни и деятельность Института мирового хозяйства и мировой политики (1925–1948) / Вениамин Израилевич Каплан. – Москва: [ИМЭМО], 1991. – 148 с.
360. Капустин М. Н. Очерк истории права в Западной Европе / Михаил Николаевич Капустин. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. – 214 с.
361. Кареев Н. И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг. Историографические очерки / Николай Иванович Кареев. – Петроград: Наука и школа, 1923. – 120 с.
362. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Николай Иванович Кареев. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1903. – 303 с.
363. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / Николай Иванович Кареев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 384 с.

364. Каренин А. А. Теория и практика «баланса сил» / А. А. Каренин // США: политическая мысль и история / Н. Н. Яковлев, В. К. Пархоменко, А. А. Карелин и др. – Москва: Наука, 1976. – С. 146–237.

365. Каченовский Д. И. Курс международного права, профессора Д. Каченовского: в 2 ч. – Харьков: Унив. тип., 1863–1866.

366. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: воспоминания, 1881–1914 / Александр Александрович Кизеветтер. – Москва: Искусство, [б. г.]. – 395 с.

367. Кирсанова Е. С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье / Е. С. Кирсанова. – Северск: Изд-во СГТИ, 2003. – 209 с.

368. Киселев А. А. [Рецензия] // Americana. Вып. 12. Сб. науч. тр., посвящ. 150-летию начала Гражданской войны в Северной Америке = Collection of articles dedicatedtothe 150 thanniversary of the Averican Civil War / Волгогр. гос. ун-т, Центрамер. исслед. «Американа»; редкол.: И. И. Курилла (отв. ред.) [и др.]; редсовет: С. М. Рогов [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 228–236. – Рец. на книгу: Трояновская М. О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823): монография / М. О. Трояновская. – Москва: Изд-во «Весь Мир», 2010. – 328 с.

369. Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Ин-та истории при ЛОКА и Ленингр. отд-ния О-ва историков-марксистов / Г. Зайдель, М. Цвибак; Ленингр. отд-ние Ком. акад. Ин-т истории и О-во историков-марксистов. – Москва; Ленинград: Огиз – Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – 232 с.

370. Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда! | Рабочий солдат № 2 (7 авг.) 24 июля 1917 года // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 12–13.

371. Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания / Максим Максимович Ковалевский. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 784 с.

372. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: в 2 т. / Владимир Николаевич Коковцов. – Париж: Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1933.

373. Колышко И. И. Великий распад: воспоминания / Иосиф Иосифович Колышко. – Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2009. – 464 с.

374. Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние: материалы IX науч. конф. Рос. ассоц. изучения США, Москва, ист. фак. МГУ, 27–28 июня 2005 года / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: МАКС Пресс, 2006. – 363 с.

375. Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика: Материалы VIII научной конференции Российской ассоциации американистики: Москва, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–30 января 2003 года / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: МАКС Пресс, 2004. – 360 с.

376. Коркунов Н. М. Международное право: лекции, чит. в Воен.-юрид. акад. Н. Коркуновым / Николай Михайлович Коркунов. – Санкт-Петербург: изд. лейт. Шидловский, 1886. – 344 с.

377. Коростовец И. Я. Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа Витте / Иван Яковлевич Коростовец. – Пекин, 1923. – 138 с.

378. Котляревский С. А. История международных отношений XVIII–XIX вв. / Сергей Андреевич Котляревский. – Москва: Тип. Титяева, 1911. – 146 с.

379. Котляревский С. А. Внешняя политика Соединенных Штатов / Сергей Андреевич Котляревский // Русский мир. – 1917. – № 2. – С. 1–6.

380. Котляревский С. А. История международных отношений в новое время (Очерк из истории дипломатических сношений). Записки слушательниц: лекции, читанные в 1916/17 учебн. году / Сергей Андреевич Котляревский; Издат. общ-во при Историко-философ. фак-те Москв. высш. женск. курс. – Москва: Типография «Крестного Календаря А. Гатцук», 1917. – 102 с.

381. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика / Сергей Андреевич Котляревский. – Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. – 428 с.

382. Краснов Н. А. Американо-французские дипломатические отношения в период войны США за независимость (1775–1783 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук / Николай Андреевич Краснов. – Москва, 1977. – 23 с.

383. Краснов Н. А. Артур Ли – американский дипломат периода Войны США за независимость / Николай Андреевич Краснов // Исторические науки. – 2008. – № 4. – С. 41–51.

384. Краснов Н. А. Бенджамин Франклин во Франции / Николай Андреевич Краснов // Вопросы истории. – 2006. – № 11. – С. 149–156.

385. Краснов Н. А. Борьба в Континентальном Конгрессе США по вопросам внешней политики в 1778–1779 гг. / Николай Андреевич Краснов // Вопросы истории. – 2009. – № 6. – С. 121–127.

386. Краснов Н. А. Британская секретная служба против американской дипломатии в Европе в 1776–1778 гг. / Николай Андреевич Краснов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 32–40.

387. Краснов Н. А. Дипломатическая деятельность Джона Адамса в годы Войны США за независимость / Николай Андреевич Краснов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 96–104.

388. Краснов Н. А. Заключение американо-французского союза в 1778 г. / Николай Андреевич Краснов // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 164–192.

389. Краснов Н. А. Мэдисон и дипломатия континентального конгресса 1780–1783 гг. / Николай Андреевич Краснов. – Москва: Компания Спутник+, 2004. – 63 с.

390. Краснов Н. А. Парижский мир 1783 г. / Николай Андреевич Краснов // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 447–462.

391. Краснов Н. А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. / Николай Андреевич Краснов. – Москва: ПАИМС, 2000. – 424 с.

392. Краснов Н. А. Французская дипломатия в США во время Войны за независимость: 1775–1783 годы / Николай Андреевич Краснов // Новая и новейшая история. – 2009. – № 3. – С. 65–79.

393. Краткий обзор деятельности Исторического Общества за двадцатипятилетие 1889–1914 гг. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 188–200.

394. Краткий отчет о деятельности Коммунистической Академии за 1925 г. // Вестник социалистической академии. – 1926. – № 15. – С. 363–389.

395. Кременюк В. А. Внешнеполитические традиции / Виктор Александрович Кременюк, Генрих Александрович Трофименко // Современная внешняя политика США: в 2 т. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 137–161.

396. Кременюк В. А. Классовая сущность внешней политики США / Виктор Александрович Кременюк, Генрих Александрович Трофименко // Современная внешняя политика США: в 2 т. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т. 1. – С. 19–38.

397. Круглый стол. Деятельность Центра североамериканских исследований («Итоги и перспективы отечественной американистики», Москва, 19 февраля 2003 года) // Новая и новейшая история. – 2003. – № 6. – С. 180–189.

398. «Круглый стол» советских и американских историков // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 97–117.

399. Кубышкин А. И. К десятилетию создания Центра американских исследований Волгоградского государственного университета «Американа» / А. И. Кубышкин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2006. – № 11. – С. 172–177.

400. Кубышкин А. И. Петербургская американистика после окончания «холодной войны» / Александр Иванович Кубышкин, Иван Александрович Цветков // Новая и новейшая история. – 2016. – № 1. – С. 106–116.

401. Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений 1815–1854 гг. и ее крушение / Е. П. Кудрявцева // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [редкол.: И. С. Рыбачёнок (отв. ред.) и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 179–204.

402. Кузнецов А. М. Интервью с А. М. Кузнецовым / Анатолий Михайлович Кузнецов // Известия Восточного института. – 2012. – № 2 (20). – С. 34–49.

403. Кузнецов А. М. К вопросу о культурно-исторических истоках внешней политики США / Анатолий Михайлович Кузнецов, Ксения Алексеевна Бостан // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 9 (585). – С. 83–97.

404. Кузнецов А. М. Каменный век Юго-Западного Приморья: дис. ... канд. ист. наук / Анатолий Михайлович Кузнецов. – Ленинград, 1981. – 147 с.

405. Кузнецов А. М. Проблема микропластинчатых индустрий в каменном веке Дальнего Востока и Сибири: дис. ... доктора ист. наук / Анатолий Михайлович Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1997. – 380 с.

406. Кузнецов Д. В. Американистика на Дальнем Востоке России: состояние и перспективы развития / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 5–24.

407. Кузнецов Д. В. Внешнеполитический менталитет американцев: сущность и структура / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Киреев, Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 23–30.

408. Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы» / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Киреев, Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 37–42.

409. Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: концепция «американской исключительности» / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Киреев, Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 31–36.

410. Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: идея «мессианства» / Дмитрий Владиславович Кузнецов //

Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 43–47.

411. Кузнецов Д. В. Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: концепция PAX AMERICANA / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 48–57.

412. Кузнецов Д. В. Французское общественное мнение в отношении арабо-израильского конфликта в период президентства Ф. Миттерана: 1981–1995 гг.: дис. ... канд. ист. наук /Дмитрий Владиславович Кузнецов. – Москва, 2005. – 264 с.

413. Кузнецов Д. В. Характеристики внешнеполитического менталитета американцев / Дмитрий Владиславович Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 47–62.

414. Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США / Иван Курилла. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

415. Курилла И. Россия и Америка в XIX веке: от сотрудничества к отчуждению / Иван Курилла // ПостНаука: [website]. – 2018. – 27 октября. – URL: https://postnauka.ru/longreads/89794 (дата обращения: 23.07.2021 г.).

416. Курилла И. И. Американская тема в научной и общественной деятельности Д. И. Каченовского / Иван Иванович Курилла // Американский ежегодник. – 1995. – С. 152–161.

417. Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы / Иван Иванович Курилла. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2005. – 487 с.

418. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны / Алексей Николаевич Куропаткин. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство „Полигон“», 2003. – 525 с.

419. Куропаткин А. Н. Задачи русской армии: в 3 т. / Алексей Николаевич Куропаткин. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразов и К°, 1910.

420. Куропятник Г. П. Русско-американские отношения. 1867–1898 / Геннадий Петрович Куропятник // История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / Г. П. Куропятник (отв. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1997. – С. 98–131.

421. Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881 / Геннадий Петрович Куропятник. – Москва: Наука, 1981. – 373 с.

422. Куропятник Г. П. Советская литература по истории США / Г. П. Куропятник, И. А. Белявская // Советская историографическая наука от XX к XXII съезду КПСС: история Западной Европы и Америки: сборник статей / Под ред. Н. М. Дружинин [и др.]. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 128–150.

423. Лабулэ Э. Р. Л. История Соединенных Штатов / Эдуард Рене Лефевр Лабулэ. – Санкт-Петербург: Тип. д-ра М. Хана, 1870. – 422 с.

424. Лагно А. Р. Ректор Московского университета Вячеслав Петрович Волгин: 1879–1962: дис. ... канд. ист. наук / Анна Романовна Лагно. – Москва, 2010. – 222 с.

425. Лан В. И. Классы и партии в САСШ / Вениамин Израилевич Лан. – Москва: Партиздат, 1932. – 287 с.

426. Лан В. И. Классы и партии в США: очерки по экономической и политической истории США / Вениамин Израилевич Лан. – Москва: Соцэкгиз, 1937. – 635 с.

427. Лебедев В. В. Русско-американские экономические отношения. (1900–1917 гг.) / Вячеслав Владимирович Лебедев. – Москва: Междунар. отношения, 1964. – 379 с.

428. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1958–1965.

429. Лисс Л. Ф. На истфаке МГУ (1946–1951) / Лев Фадеевич Лисс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 134–141.

430. Личный состав Общества сближения между Россией и Америкой // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1918. – Вып. 5. – С. 35–36.

431. Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Владимир Борисович Лопухин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – 540 с.

432. Лоренц Ф. К. Руководство к всеобщей истории / Сочинение Dr. Фридриха Лоренца, орд. профессора главного Педагогического института и директора главного Немецкого училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра. – Санкт-Петербург: в типографии Военно-учебных заведений, 1845–1855. – Ч. 3. – 1855.

433. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. / Игорь Владимирович Лукоянов. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – 668 с.

434. Людмила Сталь. К моменту.(31 марта [13 апреля]) // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 246.

435. [М. Ольминский] Против деспотизма (8 марта [21 марта] 1917 года) // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 21–22.

436. М. И. Светачев, Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907–1989) / Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU: [website]. – 2020. – 6 февраля. – URL:https://portalus.ru/modules/biographies/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1580990874&archive=&start_from=&ucat=& (свободный доступ). – (дата доступа: 23.11.2021 г.).

437. М. М. Ковалевский. Политическая программа нового Союза народного благоденствия (Речь на собрании членов Клуба независимых). Москва, 14 февраля 1906 года // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2002. – С. 31–40.

438. М. Ольминский. Сорвалось! (16 марта [29 марта]) // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 1. – 1927. – С. 108–109.

439. М. П. Павлович, как историк // Историк Марксист. – 1927. – № 5. – С. 147–152.

440. Малинов А. В. Владимир Иванович Герье / А. В. Малинов, С. Н. Погодин. – Санкт-Петербург: Изд. Русской христианской гуманистической академии, 2010. – 400 с.

441. Манифест Российской соц.-дем. рабочей партии. Шестой съезд Р. С.-Д. Р. П. (больш.) Петроград, 12 августа 1917 года / Пролетарий № 1. 26 августа (13 августа ст. ст.) 1917 года // Правда. 1917 г.: Полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 158–160.

442. Марголис Ю. Д. Семён Бенцианович Окунь. Жизнь историка, рассказанная его книгами, документами и свидетельствами современников. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Юридический ин-т, 1993. – 87 с.

443. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. / Федор Федорович Мартенс. – Москва: «Зерцало», 2008.

444. Материалы Первого симпозиума советских историков-американистов. (30 ноября – 3 декабря 1971 года): в 2 ч. / Ин-т всеобщей истории АН СССР. – Москва: [б. и.], 1973. – Ч. 1. – 1973. – 276 с.

445. МГИМО-Университет: традиции и современность (1944–2004) / МГИМО (У) МИД РФ; под общ. ред. А. В. Торкунова. – Москва: Московские учебники и картолитография, 2004. – 333 с.

446. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / Сергей Петрович Мельгунов. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 500 с.

447. Мельников Ю. Внешняя политика США: традиции и современность / Юрий Мельник // Международная жизнь. – 1976. – № 9. – С. 104–113.

~~448.~~ Мельников Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность / Юрий Михайлович Мельников. – Москва: Международные отношения, 1984. – 256 с.

449. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. – Москва: РОССПЭН, 1996. – 408 с.

450. Мерзон А. Научная работа на историческом факультете Московского государственного университета / А. Мерзон // Историк-марксист. – 1940. – № 6. – С. 142–146.

451. Мижуев П. Г. Англия и Соединенные Штаты: взгляд на историю их взаимоотношений от Войны за независимость до наших дней / Павел Григорьевич Мижуев // Вестник Европы. – 1916. – Книга 3. – С. 201–249.

452. Мижуев П. Г. Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция: преимущественно с точки зрения литературных факторов / Павел Григорьевич Мижуев. – Санкт-Петербург: Л. Ф. Пантелеев, 1901. – 252 с.

453. Мижуев П. Г. История великой американской демократии (С. Амер. соед. штатов) / Павел Григорьевич Мижуев. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1906. – 276 с.

454. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. / Павел Николаевич Милюков. – Нью-Йорк: Из-во им. Чехова, 1955.

455. Минье Ф. О. Жизнь Франклина / Франсуа Огюст Минье. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1863. – 114 с.

456. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920: в 2 книгах / Георгий Николаевич Михайловский. – Москва: Международные отношения, 1993.

457. Михальченко С. И. Историко-филологический факультет Варшавского университета, 1869–1917 гг.: очерк истории каф. / Сергей Иванович Михальченко. – Брянск: Изд-во БГУ, 2005. – 101 с.

458. Могилевский С. А. Творческий путь советских ученых. Л. И. Зубок / С. А. Могилевский, Н. Н. Яковлев // Вопросы истории. – 1965. – № 1. – С. 162–164.

459. Монахов В. М. Дело «W, X, Y, Z» и начало «необъявленной» франко-американской войны на море / В. М. Монахов, В. А. Ушаков // Великая французская

революция, империя Наполеона и Европа: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 262–267.

460. Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917) / Петр Валентинович Мультатули. – Москва: Издательство «ФИВ», 2012. – 840 с.

461. Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги / Петр Валентинович Мультатули. – Москва: Двуглавый орёл: Изд-во М. Б. Смолина (ФИВ), 2019. – 717 с.

462. Мультатули П. В. Император Николай II и внешняя политика: этапы, достижения и итоги / Петр Валентинович Мультатули // Международная жизнь. – 2017. – № 4. – С. 163–174.

463. Мягков Г. П. С. Ф. Фортунатов и московское научное сообщество / Г. П. Мягков, Т. Н. Иванова // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского (7–8 апреля 2011 года). – Нижний Новгород: НГПУ, 2011. – С. 24–28.

464. [Н. Ленин] Близко к сути. Листок «Правды». Четверг, 19 июля (6 июля ст. ст.) 1917 года // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 361.

465. [Н. Ленин] Что понимают под <позором> капиталисты и что – пролетарии (Воскресенье, 6 мая (23 апр. ст. ст.) 1917 года) // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 2. – 1928. – С. 192–193.

466. [Н. Ленин] Есть ли путь к справедливому миру? // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 61.

467. Нарочницкий А. Л. Международные отношения накануне и во время Французской буржуазной революции конца XVIII века (1763–1794 гг.): стенограммы лекций, прочит. в 1944/45 учеб. году в Высшей школе партийных организаторов при ЦК ВКП(б) / Алексей Леонтьевич Нарочницкий. – Москва: тип. [Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б)], 1946. – 87 с.

468. Настольный энциклопедический словарь: в 8 т. – Москва: Изд. товарищества «А. Гранат и К°», 1895–1901.

469. Научная конференция [на тему «200 лет американской революции. История и современность»] // США. Экономика, политика, идеология. – 1976. – № 7. – С. 13–36.

470. Нейманн К. Ф. История Американских Соединенных Штатов: в 2 т. / Карл Фридрих Нейманн. – Санкт-Петербург: О. И. Бакст, 1866–1873.

471. Некрич А. М. Отрешись от страха = Renounce fear: Воспоминания историка / Александр Моисеевич Некрич. – Лондон: Overseas Publications Interchangeltol, 1979. – 414 с.

472. Нелин Т. В. Индейская политика администрации Джона Адамса: договоры с индейцами / Тимур Владимирович Нелин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 34–42.

473. Нелин Т. В. Индейская политика администрации Джона Адамса: контуры политического курса / Тимур Владимирович Нелин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 52–60.

474. Нелин Т. В. Политика Континентального Конгресса и первых администраций США по формированию и развитию торговых отношений с индейцами: 1775–1809 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Тимур Владимирович Нелин. – Волгоград, 2005. – 218 с.

475. Нелин Т. В. Торговые отношения США с индейцами в годы Войны за независимость (1775–1783) / Тимур Владимирович Нелин // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 61–68.

476. Никуленкова Е. В. Сергей Митрофанович Дубровский – один из первых представителей новой формации советских историков-марксистов / Елена Владимировна Никуленкова // История повседневности. – 2019. – № 1. – С. 142–154.

477. Новая история. [Учебник для ист. фак-тов ун-тов] / Под ред. д-ра ист. наук Б. Ф. Поршнева [и др.]. – Москва: «Мысль», 1964. – Т. I. 1640-1789. – 567 с.

478. Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России: материалы научной конференции, г. Москва, 31 октября – 2 ноября 1995 года / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: МГУ, 1996. – 252 с.

479. Носков В. В. Петербургская американистика: основные этапы развития / Владимир Витальевич Носков // Санкт-Петербург – Соединенные Штаты Америки. 200 лет дипломатических отношений. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2009. – С. 184–212.

480. Носов М. Г. Отношения между США и Японией: история взлетов и падений (1791–2020) / Михаил Григорьевич Носов. – Москва: Издательство «Весь Мир»; Институт Европы РАН, 2020. – 416 с.

481. О недопущении евреев – граждан Соединенных Штатов Северной Америки к приезду в Россию и о повышении ставок общего таможенного тарифа и некоторых специальных сборов для товаров и судов названного государства. 12 января 1912 года // Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / Ред. коллегия И. И. Демидов, В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2006. – С. 50–52.

482. О повышении ставок общего таможенного тарифа и некоторых специальных сборов для товаров и судов государств, не предоставляющих России права наиболее благоприятствуемой державы. 9 декабря 1911 года // Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / Ред. коллегия И. И. Демидов, В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2006. – С. 181–182.

483. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / Владимир Андреевич Оболенский. – Париж: YMCA-Press, 1988. – 754 с.

484. Обращение Генерального консула США во Владивостоке Эрика Холм-Олсена к читателям бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Киреев. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – С. 4.

485. Обращение Центрального предвыборного комитета правых к русским приказчикам. Сентябрь? 1912 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 262–263.

486. Объединительный Съезд РСДРП(О) 19–26 августа. Второй день работы. 20 августа. Утреннее заседание. Стенографический отчет // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / Под общ. ред. З. Галили [и др.]. – Москва: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1994–1997. – Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. – 1995. – С. 385–401.

487. Окружные послания главного совета союза русского народа Отделам Союза Русского Народа и Монархическим сообществам, входящим в состав Союза.

3 января 1912 года // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 91–95.

488. Окунь А. Б. Пионер Российской американистики / А. Б. Окунь // Бородин Н. А. Описание культурной, экономической, политической, социальной жизни американского общества и Америки / Под ред. А. В. Голубева, Н. И. Осипова. – Уральск: Общественный фонд «Евразийский союз ученых», 2011. – С. 5–10.

489. Окунь С. Б. Российско-американская компания / Семен Бенцианович Окунь. – Ленинград: Соцэкгиз, 1939. – 260 с.

490. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II: в 2 т. / Сергей Сергеевич Ольденбург. – Белград: издание Общества распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939.

491. Орлов М. // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1915. – Вып. 1. – С. 30.

492. Основные положения Народных монархических союзов, предложенные председателем Астраханской Народной монархической партии. 8 мая 1916 года // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 553–558.

493. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. / Федер. архив. служба России. Рос. гос. ист. архив [Отв. сост. Б. Д. Гальперина]. – Москва: РОССПЭН, 2000–2009.

494. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии / Моисей Яковлевич Острогорский. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 639 с.

495. Отчет об общем Собрании Главного Совета Всероссийского Национального Союза по поводу отмены США договора с Россией и принятая на собрании резолюция. 9 февраля 1912 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 119–121.

496. П. Б. [Рецензия] / П. В. // Исторический вестник. – 1912. – Т. 128. – С. 662–663. – Рец. на книгу: Бабин А. В. История Северо-Американских соединенных штатов: в 2 т. / Алексей Васильевич Бабин. – Санкт-Петербург: тип. Тренке и Фюсно, 1912.

497. Павлова Г. Е. Последний рассказ историка науки: интервью Г. Е. Павловой (6 июля 1999 г., ИИЕТ РАН) / Галина Евгеньевна Павлова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 1. – С. 157–180.

498. Павлович М. П. Советская Россия и капиталистическая Америка: Россия и Америка с 1780 г. до мировой войны. Россия и Америка от Октябрьской революции до Вашингтонской конференции. Русский вопрос на Вашингтонской конференции. Генуя и Гаага в борьбе за русскую нефть / Михаил Павлович Павлович (М. П. Вельтман); ЦК РКП(б). Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1922. – 103 с.

499. Павловская А. В. Россия и Америка: проблемы общения культур: Россия глазами американцев 1850–1880-е гг. / Анна Валентиновна Павловская. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 302 с.

500. Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов / Виктор Моисеевич Панеях. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – 444 с.

501. Панов А. С. Россия и США в последней четверти XVIII – первой трети XIX вв.: опыт взаимных репрезентаций: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Антон Сергеевич Панов. – Москва, 2020. – 26 с.

502. Пархимович В. Л. Внешнеполитическая деятельность Джона Адамса, последняя четверть XVIII – начало XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Вячеслав Леонтьевич Пархимович. – Москва, 1998. – 179 с.

503. Пархоменко В. К. Теория «явного предназначения» / Валентин Константинович Пархоменко // США: политическая мысль и история / Под ред. Н. Н. Яковлева [и др.]. – Москва: Наука, 1976. – С. 53–145.

504. Патрикеева О. А. Курсистка или вольнослушательница университета: выбор россиянок в начале XX столетия / Ольга Алексеевна Патрикеева // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2012. – № 2. – С. 38–46.

505. Первая наша забота – стоять твердо в Европе. Так считал крупный военный ученый, профессор Академии Генерального штаба Н. Н. Обручев // Источник. – 1994. – № 6. – С. 4–21.

506. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: в 2 т. / Центрархив, Под общ. ред. М. Ф. Владимирского [и др.]. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930–1931.

507. Переписка Николая и Александры Романовых: в 5 т. / С предисл. М. Н. Покровского. – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923–1927.

508. Петров А. Ю. Академик РАН Н. Н. Болховитинов / Александр Юрьевич Петров // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 317–324.

509. Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании (1795–1799) / А. Ю. Петров // История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова; Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. – Москва: Междунар. отношения, 1997–1999. – Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799 / [Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой, А. В. Гринев и др.]. – 1997. – С. 322–363.

510. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории: в 5 т. / Михаил Назарович Петров. – С.-Петербург: издал В. Березовский, 1904–1910.

511. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: сравнительный историко-библиографический обзор / Михаил Назарович Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – 311 с.

512. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполкома и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года): документы и материалы: в 5 т. / Под ред. П. В. Волобуева. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991–2003.

513. Печатнов В. О. Научная школа американистики / Владимир Олегович Печатнов // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 5. – С. 131–135.

514. Печатнов В. О. Николай Николаевич Яковлев (1927–1996) / Владимир Олегович Печатнов, Светлана Петровна Пожарская // Портреты историков: время и судьбы: в 5 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – Москва: Наука, 2004. – Т. 4. – С. 522–533.

515. Пивоваров Е. Г. Научно-педагогическая и просветительская деятельность А. В. Бабина (1866–1930 гг.): дис. … канд. ист. наук / Евгений Григорьевич Пивоваров. – Санкт-Петербург, 2002. – 190 с.

516. Письма Николая I к князю Ивану Фёдоровичу Паскевичу / Либра Пресс: [website]. – URL: https://www.librapress.ru/2014/06/Imperator-Nikolaj-Pavlovich-v-ego-pismah.html (дата обращения: 11.11.2022 г.).

517. Письмо Е. И. Алексеева В. Н. Ламздорфу о нецелесообразности продажи о. Сахалин США. С[анкт]-Петербург, 20 мая / 2 июня 1905 г. // Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. – Москва: МФД, 1999. – С. 84–85.

518. Письмо Ю. О. Мартова из Петрограда в Стокгольм П. К. Ольбергу. 22 мая 1917 г. // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / Под общ. ред. З. Галили [и др.]. – Москва:

Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1994–1997. – Т. 1. От января до июльских событий. – 1994. – С. 454–455.

519. Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) / Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма: [сборник]: к столетию академика В. И. Пичеты / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [редкол.: Черепнин Л. В. (отв. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1978. – С. 62–62.

520. Пленарное заседание Коммунистической академии. 15 июня 1926 г. // Вестник социалистической академии. – 1926. – № 16. – С. 281–303.

521. Пленум Коммунистической Академии (стенографический отчет 29 января 1927 года) // Вестник социалистической академии. – 1927. – № 20. – С. 287–317.

522. Плешков В. Н. Дипломатия американской революции / Владимир Николаевич Плешков, Александр Александрович Фурсенко // История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – Москва: Международные отношения, 1994. – С. 11–47.

523. Плешков Виктор Николаевич. 1946–2020: [некролог] // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 3 (27). – С. 280–284.

524. Плешков В. Н. Американистика в Санкт-Петербургском институте истории РАН / Владимир Николаевич Плешков // Электронный научно-образовательный журнал «История»: электронный журнал. – 2010. – Т. 1. – Выпуск 4. – URL: https://history.jes.su/s207987840000082-9-2/ (дата обращения: 09.08.2021 г.).

525. Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений) / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград: Наука, 1984. – 301 с.

526. Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века: автореф. дис. … доктора ист. наук / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград, 1987. – 33 с.

527. Плешков В. Н. Дипломатия революционной Франции: миссия Женэ в США – итоги и оценки / В. Н. Плешков, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 154–158.

528. Плешков В. Н. Конференция Европейской ассоциации американских исследователей / Владимир Николаевич Плешков // Новая и новейшая история. – 1987. – № 1. – С. 237–238.

529. Плешков В. Н. Томас Джефферсон и американская независимость: дис. ... канд. ист. наук / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград, 1974. – 193 с.

530. Плешков В. Н. Уроки учителя: вспоминая Виктора Константиновича Фураева / Владимир Николаевич Плешков // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: памяти наших учителей – создателей ленинградской-петербургской школы историков: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 6 декабря 2011 года / Ответственный редактор Н. П. Евдокимова. – Санкт-Петербург: Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова, 2012. – С. 35–37.

531. Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов (речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии, 18 ноября 1929 года) / Михаил Николаевич Покровский // Историк-марксист. – 1929. – № 14. – С. 3–12.

532. Покровский Н. Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел / Н. Н. Покровский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015 – 488 с.

533. Полетика Н. П. Виденное и пережитое: (Из воспоминаний) / Николай Павлович Полетика. – Tel-Aviv: Б-ка-алия, 1982. – 433 с.

534. Половцов А. А. Дневник. 1893–1909 / Сост., коммент. вступ. ст. О. Ю. Голечковой. – Санкт-Петербург: АНО «Женский проект»: Алетейя, 2015. – 704 с.

535. Пономарев В. Н. Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853–1856: дис. ... канд. ист. наук / Валерий Николаевич Пономарев. – Москва, 1984. – 254 с.

536. Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения / Валерий Николаевич Пономарев. – Москва: ИРИ, 1993. – 231 с.

537. Попова Е. И. Внешняя политика США в американской политологии / Евгения Ивановна Попова. – Москва: Наука, 1987. – 208 с.

538. Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. – 1934. – № 3 (037). – С. 83–84.

539. Постановления монархического съезда русских людей в Москве в 1909 г. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 1. 1905–1910 гг. – С. 476–521.

540. Предисловие // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 13–14.

541. Предисловие // Очерки новой и новейшей истории США: в 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова (и др.). – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 1. – С. 1–5.

542. Преображенский Е. Ближайшие задачи Социалистической Академии / Евгений Преображенский // Вестник социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 5–9.

543. Проблема «Мы – Другие» в контексте исторического и культурного опыта США. Материалы VII Международной научной конференции Ассоциации изучения США. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 5–6 февраля 2001 года / [Отв. ред.: А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Путь, 2002. – 264 с.

544. Проблемы американистики: сборник / Отв. ред. А. С. Маныкин. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978–2001. – Вып. 11: Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. – 2001. – 297 с.

545. Проблемы американистики: сборник / Под ред. Е. Ф. Язькова, А. С. Маныкина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978–2001. – Вып. 10: Либеральная традиция в США и ее творцы. – Москва: Изд-во МГУ, 1995. – 312 с.

546. Проблемы американистики: сборник / Под ред. Ю. К. Мельвиля, Е. Ф. Язькова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978–2001. – Вып. 9: Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура. – 1993. – 301 с.

547. Протоколы общихъ собраній (1908–1914) // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 166–187.

548. Пушкарёва Н. Л. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. / Н. Л. Пушкарёва // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2012. – № 1 (18). – С. 228–245.

549. Пущаровский Ю. М. Мой первый учитель. Воспоминания об Александре Васильевиче Фурсенко / Ю. М. Пущаровский // Природа. – 2021. – № 3. – С. 70–74.

550. Р. Сокольников. Накануне мирных переговоров. Рабочий путь. 4 октября (21 сентября ст. ст.) 1917 года. № 16 // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 6. – 1932. – С. 303–304.

551. Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни / Фонд регион. Развития С.-Петербурга, Европ. ун-т С.-Петербурга. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996. – 368 с.

552. Рабочая Газета о совещаниях фракции РСДРП(о). 13–14 сентября. Выступление П. Л. Лапинского // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / Под общ. ред. З. Галили [и др.]. – Москва: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1994–1997. – Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. – 1995. – С. 230–233.

553. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность : [Ода] / Александр Николаевич Радищев. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 670 с.

554. Радовский М. И. Автограф Вениамина Франклина / Моисей Израилевич Радовский // Исторический архив. – 1956. – № 4. – С. 259–260.

555. Райский (Рабинович) Леонид Григорьевич (15.07.1897 – 11.10.1936 гг.) / Генеалогическое дерево: [website]. – URL: http://bird1961.narod.ru/genealogy/rai_rab_leon_grig.htm (дата обращения: 11.01.2022 г.).

556. Райский Л. Г. Новейшая история Северо-американских соединенных штатов: После Гражданской войны и до мировой империалистической войны / Леонид Григорьевич Райский. – [Ленинград]: Прибой, 1930. – 246 с.

557. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. / Александр Фёдорович Редигер. – Москва: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.

558. Резолюции съезда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. 25 июля – 3 августа 1917 года / (Приложение к № 12 газеты «Рабочий и Солдат».) // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 119–122.

559. Резолюция о наступлении, принятая Московским Комитетом Р.С.-Д.Р.П. в заседании 20 июня 1917 года [6 июля (23 июня ст. ст.) №89] // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 231.

560. Резолюция президиума Комакадемии о положении и задачах на фронте истории Запада // Вестник социалистической академии. – 1931. – № 8–9. – С. 47–52.

561. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / Анатолий Викторович Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

562. Рефераты, читанные в заседаниях Исторического общества за 1890–1914 гг. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 201–214.

563. Речь депутата IV Государственной думы Н. Е. Маркова на заседании думы 23 октября 1913 года и речи депутатов думы В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова на заседании думы 25 октября 1913 года // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1998. – Т. 2. 1911–1917 гг. – С. 345–346.

564. Речь тов. председ. Н. А. Бородина о задачахъ Общества Сближенія между Россіей и Америкой въ связи съ настоящимъ моментомъ // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1918. – Вып. 5. – С. 11–13.

565. Рогулев Ю. Н. История США / Юрий Николаевич Рогулев // Кафедра новой и новейшей истории: люди и традиции / Под общ. ред. Л. С. Белоусова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. – С. 22–47.

566. Розенберг В. А. «Русскія Вѣдомости» (Историческій очеркъ) / В. А. Розенберг // Русские ведомости: 1863–1913: сборник статей [о газете]. – Москва: Типография «Русских ведомостей», 1913. – С. 1–62.

567. Российская американистика в поисках новых подходов: материалы V научной конференции ассоциации изучения США, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 17–18 июня 1997 года / Ответственные редакторы: А. С. Маныкин [и др.]. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 366 с.

568. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. – Москва: МФД, 1999. – 856 с.

569. Россия и США: становление отношений, 1755–1815 / М-во иностр. дел СССР и др., Гос. департамент США и др.; Сост.: Н. Н. Башкина (СССР), Дж. Х. Браун (США) и др. – Москва: Наука, 1980. – 752 с.

570. Россия на мировой арене на рубеже столетий / В. А. Емец, А. В. Игнатьев, Ю. Ф. Субботин // История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2018. – Т. 5. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). – С. 369–404.

571. Ростовцев Е. А. Миф о Л. А. Кассо / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 57. – С. 14–22.

572. Румянцев В. П. С. С. Григорцевич – основатель научной школы исследований международных отношений и политики ведущих стран мира Томского государственного университета / Владимир Петрович Румянцев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 53. – С. 5–7.

573. Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке // Красный архив. – 1924. – Т. 5. – С. 5–49.

574. Русское наступление и германская революция [Пятница, 13 июля (30 июня ст. ст.) 1917 года], № 95 // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 4. – 1928. – С. 299–301.

575. Рутченко-Рутыч Н. Н. Средь земных тревог: воспоминания / Николай Николаевич Рутченко-Рутыч. – Москва: Русский путь; РИЦ «Собрание», 2012. – 608 с.

576. Рыбачёнок И. С. Закат великой державы: внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы / Ирина Сергеевна Рыбачёнок. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 581 с.

577. Рыбачёнок И. С. Россия в Берлинской системе 1878–1914 гг. / Ирина Сергеевна Рыбачёнок // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [редкол.: И. С. Рыбачёнок (отв. ред.) и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 230–270.

578. Рывкин Д. М. Дипломаты революционной Франции и третьи президентские выборы в США / Д. М. Рывкин, В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 243–248.

579. Рыхтик М. И. Безопасность государства в идеологии и политической практике Республиканской партии США второй половины XX века: методология, доктрины, технологии: дис. ... доктора полит. наук / Михаил Иванович Рыхтик. – Нижний Новгород, 2004. – 476 с.

580. С. П-ий. Война и американские социалисты. Рабочий. 20 сентября (17 сентября ст. ст.) 1917 года. № 4 // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 6. – 1932. – С. 84–85.

581. С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет: 1878–1903: очерки и материалы. – Санкт-Петербург: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. – 442 с.

582. Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Александр Николаевич Савин. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 530 с.

583. Савинов К. Л. Особенности английской колониальной политики первой четверти XVII в. на примере Нового Плимута: дис. ... канд. ист. наук / Кирилл Леонидович Савинов. – Москва, 2016. – 260 с.

584. Сазонов С. Д. Воспоминания / Сергей Дмитриевич Сазонов. – Минск: Харвест, 2002. – 368 с.

585. Сафронова Е. В. Василий Никифорович Александренко: юрист-международник и историк по призванию (посвящается 150-летию со дня рождения) / Елена Викторовна, Сафронова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7, Ч. 3. – С. 185–187.

586. Сахаров А. М. XIV Международный конгресс историков / А. М. Сахаров, С. С. Хромов // Вопросы истории. – 1976. – № 3. – С. 14–31.

587. Севостьянов Г. Н. У истоков внешней политики США / Григорий Николаевич Севостьянов, Анатолий Иванович Уткин // США. Экономика, политика, идеология. – 1974. – № 12. – С. 37–48.

588. Севостьянов Г. Н. Некоторые итоги исследовательской работы советских историков-американистов (1976–1980) / Г. Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. – 1981. – № 1. – С. 21–45.

589. Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией: Из истории американо-русских отношений / Георгий Константинович Селезнев. – Москва: Воениздат, 1957. – 203 с.

590. Селезнев Ф. А. Конфликт вокруг расторжения русско-американского торгового договора и Московская буржуазия (1911–1912 гг.) / Фёдор Александрович Селезнев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. – 2002. – № 1. – С. 74–82.

591. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии / Евгений Юрьевич Сергеев. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.

592. Сивачев Н. В. Политическая борьба в США по вопросам «Нового курса» Ф. Рузвельта в середине 30-х годов: дис. ... канд. ист. наук / Николай Васильевич Сивачев. – Москва, 1962. – 332 с.

593. Сиротинская М. М. Отзыв официального оппонента / [Фофанова А. Р.] Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1787 гг.) / ИСТИНА ЦЭМИ РАН: [website]. – URL: https://istina.cemi-ras.ru/dissertations/119879604/ (дата обращения: 11.07.2022 г.).

594. Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав / Константин Скальковский. – Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1901. – 704 с.

595. Скопин П. А. Восприятие Соединенных Штатов Америки российскими либеральными партиями: 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Петр Анатольевич Скопин. – Москва, 2015. – 22 с.

596. Словарь американской истории: с колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. А. А. Фурсенко. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 730 с.

597. Служебная записка Сектора вузов АГИТПРОПА ЦК Д. Т. Шепилову об итогах закрытых партийных собраний в МГУ, посвященных борьбе с космополитизмом. 5 апреля 1949 г. // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. – Москва: МФД: Материк, 2005. – С. 368–370.

598. Снесарев А. Е. Дневник: 1916–1917 / Подг. текста, предисл. и указат. А. А. Комиссаровой; вступ. ст. В. К. Белозерова. – Москва: Кучково поле, 2014. – 672 с.

599. Собрание сочинений / Н. Ленин (В. Ульянов); Рос. ком. партия (большевиков). – Москва: Гос. изд-во, 1920–1927.

600. Совещание по обороне. Декларация, прочитанная большевистской фракцией в заседании совещания по обороне 8 августа / Рабочий солдат, 9 августа 1917 года, № 15 // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 148–149.

601. Согрин В. В. М. О. Трояновская. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М., 2010 / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 223–226.

602. Согрин В. В. Центральные проблемы истории США / Владимир Викторович Согрин. – Москва: Весь мир, 2013. – 349 с.

603. Содержание // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 4. / Отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 3.

604. Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. / Андрей Борисович Соколов. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. – 304 с.

605. Соколов А. С. Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского / А. С. Соколов // Американский ежегодник. – 1990. – С. 155–173.

606. Соловьев А. Симпозиум историков-американистов / А. Соловьев // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 159–162.

607. Сомин Н. И. Англия в XVIII веке: Промышленная революция. Борьба северо-американских колоний Англии за независимость. Образование США: Стенограмма лекций, прочит. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / Николай Иванович Сомин. – Москва: Тип. Высш. парт. школы, 1949. – 31 с.

608. Сотрудники «Русскихъ Вѣдомостей» (Автобіографіи и біо-библіографическіе очерки, составленные А. Н. Максимовымъ) // Русские ведомости: 1863-1913: сборник статей [о газете]. – Москва: Типография «Русских ведомостей», 1913. – С. 1–219.

609. Союзники и противники / С. П. Пожарская, Н. Б. Тер-Акопян, Л. И. Гинцбург, З. Либишковска // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 284–344.

610. Список членов Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Санкт-Петербург / Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1905. – Т. 14. – С. 45–50.

611. Список членов Общества сближения между Россией и Америкой к 20 декабря 1915 года // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – 1918. – Вып. 5. – С. 37–40.

612. Списокъ членовъ Историческаго общества въ 1915 г. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 218–221.

613. Справка на А. А. Фурсенко / Архив академика А. П. Ершова: [website]. – URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/801492 (дата обращения: 11.11.2021 г.).

614. Справка на Г. Н. Севостьянова / Архив академика А. П. Ершова: [website]. – URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/801291 (дата обращения: 11.11.2021 г.).

615. Справка на Н. Н. Болховитинова / Архив академика А. П. Ершова: [website]. – URL: http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/801489 (дата обращения: 11.11.2021 г.).

616. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. – Санкт-Петербург: типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1901. – 270 стб.

617. Становление американского государства / С. А. Исаев, А. А. Фурсенко, В. Н. Плешков и др.; отв. ред. А. А. Фурсенко. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 318 с.

618. Статьи въ «Историческомъ Обозрѣнiи» за 1890–1915 гг. // Историческое обозрение: сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете: в 21 т. / Под редакцией Н. И. Кареева. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1916. – 1915. – Т. 20. – С. 214–218.

619. Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права: лекции, чит. в 1873/74 акад. г. в Харьк. ун-те / Андрей Николаевич Стоянов. – Харьков: Унив. тип., 1875. – 743 с.

620. Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. – Москва: Республика, 1997. – 527 с.

621. Суворин А. С. Дневник А. С. Суворина / Алексей Сергеевич Суворин. Ред., предисл. и прим. Мих. Кричевского. – Москва; Петроград: Л. Д. Френкель, 1923. – 407 с.

622. Сумцов Н. Ф. Гонорскій / Н. Ф. Сумцов // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) // I, II. История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. – Харьков: Изд. Ун-та, 1908. – С. 71–72.

623. США и внешний мир: Материалы IV науч. конф. Ассоц. изучения США, Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 3–4 апреля 1996 года / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 252 с.

624. США: становление и развитие национальной традиции и национального характера: Материалы VI науч. конф. ассоц. Изучения США. Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова г. Москва, 27–28 января 1999 года / [Отв. ред. А. С. Маныкин и др.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 414 с.

625. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: в 3 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 1997–2000.

626. Т[роцкий]. Все по-старому | Пролетарий, 6 сентября (24 августа ст. ст.) 1917 года. № 10 // Правда. 1917 г.: полный текст под общ. ред. К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой: в 7 вып. / Истпарт. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). – Ленинград: Прибой, 1927–1933. – Вып. 5. – 1929. – С. 310–311.

627. Тарле Е. В. Новая история в работах советских историков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР: Сборник статей / Под ред. акад. В. П. Волгина,

акад. Е. В. Тарле и члена-корреспондента Акад. наук СССР А. М. Панкратовой. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. – С. 236–248.

628. Тарле Е. В. Предисловие академика В. Е. Тарле / Гражданская война в США и царская Россия / М. М. Малкин. – Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1939. – С. 7–8.

629. Татищев С. С. Дипломатические беседы о внешней политике России: в 2 т. / Сергей Спиридонович Татищев. – Санкт-Петербург: тип. И. Н. Скороходова, 1889–1890.

630. Таубе М. А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917) / Михаил Александрович Таубе. – Москва: «Памятники исторической мысли», РОССПЭН, 2007. – 232 с.

631. Текутьева Е. Т. Изучение основных проблем первой американской революции в высшей школе / Елена Тимофеевна Текутьева // Всесоюзный симпозиум советских историков-американистов: в 2 ч. 1976. – Ч. 1. – С. 111–116.

632. Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России: в 3 т. / Александр Терещенко. – Санкт-Петербург: тип. Рос. акад., 1837.

633. Тихвинский С. Л. Второй советско-американский коллоквиум историков / Сергей Леонидович Тихвинский // Вопросы истории. – 1976. – № 1. – С. 174–175.

634. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.) / В. В. Тихонов. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – 424 с.

635. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчеств: в 3 т. / Владимир Алексеевич Томсинов. – Москва: Зерцало-М., 2015.

636. Трачевский А. С. Всеобщая история: популярные лекции для самообразования / Александр Семенович Трачевский. – Санкт-Петербург: паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. – 371 с.

637. Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология / Генрих Александрович Трофименко. – Москва: Мысль, 1976. – 358 с.

638. Трояновская М. О. Дискуссия по вопросам внешней политики США (1775–1823) / Мария Олеговна Трояновская. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2010. – 328 с.

639. Трубецкой Г. Н. Воспоминания русского дипломата / Григорий Николаевич Трубецкой. – Москва: Издательство «Кучково поле», 2020. – 800 с.

640. Удальцов А. Очерк истории Социалистической академии (1918–1922 гг.) / А. Удальцов // Вестник социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 13–37.

641. Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете» за 1878–1905 годы. Томы 1–21 / Сост. И. В. Альфонсов. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1906. – 142 с.

642. Указатель к Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете за 1906–1927 годы / Сост. Н. И. Воробьевым. – Казань: [Б. и.], 1928. – 16 с.

643. Устав Русско-Американской Торговой Палаты в гор. Москве: утвержден 24 мая 1913 года. – Москва: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. – 14 с.

644. Ушаков В. А. «Америкэн Аинюал Реджистер» об отношениях США с Великобританией и революционной Францией в 1796 г. (дипломатический и военный аспекты) / В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 248–252.

645. Ушаков В. А. Американская революция глазами британского офицера (к 230-летию начала Войны за независимость США) / В. А. Ушаков, С. В. Шершнева // Художественная литература как историко-психологический источник: материалы XVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2004 года / Под редакцией профессора С. Н. Полторака. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор», 2004. – С. 172–175.

646. Ушаков В. А. Создание флота США и франко-американская «квази-война» на море (активная фаза 1798–1799 гг.) / В. А. Ушаков // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Ревуненкова, Санкт-Петербург, 1–31 октября 2005 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. – С. 267–270.

647. Факультету международных отношений МГИМО(У) 60 лет / Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России; Редкол.: А. В. Торкунов (предс.) и др.; Под ред. Ю. А. Булатова. – Москва: МГИМО(У) МИД России, 2003. – 147 с.

648. Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.) / Эльмира Петровна Федосова. – Москва: Педагогика, 1980. – 144 с.

649. Фенелон Ф. де С. де Л. М. Наставления для совести государя: К научению Людовика Французскаго герцога Бургонскаго / Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелона. – Санктпетербург: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1773. – 107 с.

650. Филимонова М. А. Александр Гамильтон и создание конституции США: дис. ... канд. ист. наук / Мария Александровна Филимонова. – Москва, 2001. – 248 с.

651. Филимонова М. А. Дихотомия «Свой/Чужой» и ее репрезентация в политической культуре Американской революции / Мария Александровна Филимонова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. – С. 316.

652. Филимонова М. А. Политическая борьба националистов / федералистов за консолидацию США: 1781–1788 гг.: дис. ... доктора ист. наук / Мария Александровна Филимонова. – Курск, 2010. – 525 с.

653. Фомина Ю. М. Джон Адамс / Ю. М. Фомина // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С. 51–74.

654. Фортунатов С. Ф. История политических учений в Соединенных штатах: Исслед. Степана Фортунатова. Ч. 1: Федералист и трактаты Кальгуна / Степан Федорович Фортунатов. – Москва: типо-лит. Н. В. Любенкова, 1879. – 150 с.

655. Фортунатов С. Ф. Представитель индепендентов Генри Вен: Исслед. Степана Фортунатова / Степан Федорович Фортунатов. – Москва: тип. Т. Рис, 1875. – 180 с.

656. Фофанова Анна Романовна / Профессора, преподаватели и научные сотрудники кафедры [новая и новейшая история]: [website]. – URL: http://www.hist.msu.ru/departments/3992/people/teachers/63015/ (дата обращения: 11.11.2021 г.).

657. Фофанова А. Р. Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации: 1781–1787 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Анна Романовна Фофанова. – Москва, 2018. – 298 с.

658. [Фофанова А. Р.] Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации (1781–1787 гг.) / ИСТИНА ЦЭМИ РАН: [website]. – URL: https://istina.cemi-ras.ru/dissertations/119879604/ (дата обращения: 11.07.2022 г.).

659. Фридолин П. Обзор / Петр Фридолин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – № 9. – С. 170–174.

660. Фураев В. К. Советско-американские отношения. 1917–1939 / Виктор Константинович Фураев. – Москва: Мысль, 1964. – 319 с.

661. Фурсенко А. А. Американская буржуазная революция XVIII века / Александр Александрович Фурсенко. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 152 с.

662. Фурсенко А. А. Американская революция и образование США / Александр Александрович Фурсенко. – Ленинград: Наука, 1978. – 416 с.

663. Фурсенко А. А. Война за независимость и образование США / Александр Александрович Фурсенко // Очерки новой и новейшей истории США: в 2 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова (и др.). – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 1. – С. 48–118.

664. Фурсенко А. А. Франция и американская независимость (из предыстории франко-американского договора 1778 г.) / Александр Александрович Фурсенко // Проблемы истории и этнографии Америки / Отв. ред. Ю. В. Бромлей, АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1979. – С. 60–72.

665. Халфин Н. А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана / Аронович Халфинт Халфин. – Москва: Изд-во вост. лит., 1958 – 110 с.

666. Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. / Дмитрий Викторович Хаминов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 270 с.

667. Хевролина В. М. Россия в Крымской системе 1856–1877 гг. / В. М. Хевролина // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века / Ин-т российской истории Российской акад. наук; [редкол.: И. С. Рыбачёнок (отв. ред.) и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 205–229.

668. Хроника / Вестник социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 195–211.

669. Хроника // Вестник социалистической академии. – 1925. – № 12. – С. 363–389.

670. Хроника // Вестник социалистической академии. – 1929. – № 35–36. – С. 389–391.

671. Хроника // Вестник социалистической академии. – 1931. – № 5–6. – С. 113–128.

672. Хрулёва И. Ю. Война за независимость и образование США / Ирина Юрьевна Хрулёва // Всемирная история: в 6 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ, истории РАН. – Москва: Наука. – 2011. – Т. 4: Мир в XVIII веке / Отв. ред. С. Я. Карп. – 2013. – С. 622–643.

673. Цамутали А. Н. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1936–1984 годах / А. Н. Цамутали, А. Н. Чистиков // Санкт-Петербургский институт истории РАН в документах XIX–XX веков. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2016. – С. 288–376.

674. Цветков И. А. Американистика в России: история и современное состояние / Иван Александрович Цветков // Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете: Сборник докладов XXX Российско-американского семинара, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2021 года / Под редакцией Н. А. Цветковой, Ю. К. Богуславской, Т. А. Гришаниной. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 35–53.

675. Цвіркун О. Ф. Зовнішня політика США у 1898–1914 рр. в оцінках російських часописів: автореф. дис. ... канд. іст. наук / Олександр Федорович Цвіркун. – Дніпропетровськ, 1993. – 15 с.

676. Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Дмитрий Андреевич Цыганков. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2008. – 254 с.

677. Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки. (1765–1865 гг.) / Эдуард Чаннинг. – Санкт-Петербург: О. Н. Попова, 1897. – 382 с.

678. Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870) / Петр Петрович Черкасов. – Москва: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. – 450 с.

679. Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи / Петр Петрович Черкасов. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2004. – 572 с.

680. Черниловский А. А. Первая мировая война в сознании военной элиты России: автореф. дис. … канд. ист. наук / Артем Александрович Черниловский. – Брянск, 2005. – 23 с.

681. Чикалова И. Р. «Нам полезны дружественные отношения с заокеанской страной»: о книге Н. А. Бородина «Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия» (1915 г.) / И. Р. Чикалова // Электронный научно-образовательный журнал «История»: электронный журнал. – 2019. – Т. 10. – Выпуск 12 (86). – URL: https://history.jes.su/s207987840008263-8-1/ (дата обращения: 11.12.2021 г.).

682. Чикалова И. Р. Алексей Васильевич Бабин (1866–1930): у истоков американской славистики и российской американистики / Ирина Ромуальдовна Чикалова // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. 2017, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 48–54.

683. Чикалова И. Р. У истоков российской американистики: Николай Андреевич Бородин (1861–1937) / И. Р. Чикалова // Американистика: актуальные подходы и современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – С. 383–405.

684. Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца (1879–1914): бібліогр. довідник / [Уклад.: М. П. Колесник]. – Київ : Ін-т історії України, 1989. – 84 с.

685. Шелохаев В. В. Либерализм в России в начале XX века / Валентин Валентинович Шелохаев. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. – 503 с.

686. Шершнева С. В. События Войны за независимость США в романе Джеймса Фенимора Купера «Шпион» / С. В. Шершнева, В. А. Ушаков // Художественная литература как историко-психологический источник: материалы XVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2004 года / Под редакцией профессора С. Н. Полторака. – Санкт-Петербург: Издательство «Нестор», 2004. – С. 183–186.

687. Ширяев Б. А. Американистика в Санкт-Петербургском государственном университете // Электронный научно-образовательный журнал «История»: электронный журнал. – 2010. – Т. 1. – Вып. 4. – URL: https://history.jes.su/s207987840000088-5-1/ (дата обращения: 08.01.2022 г.).

688. Ширяев Б. А. Принципы и цели дипломатии США в период становления (1775–1814) / Борис Анатольевич Ширяев // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 6. – 1997. – Вып. 4. – С. 115–119.

689. Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: в 3 т. / Александр Гаврилович Шляпников. – Москва: Политиздат, 1992–1994.

690. Штакельберг Н. С. Кружок молодых историков и «Академическое дело» // In memoriam: Ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченка / [Составители А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина]. – Москва, Санкт-Петербург: Феникс; Atheneum, 1995. – С. 19–86.

691. Щепкина Ек. Первые годы Высших женских курсов / Ек. Щепкина // Русское прошлое. – 1923. – Т. 5. – С. 134–145.

692. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года / Галина Исидоровна Щетинина. – Москва: Наука, 1976. – 231 с.

693. Энгель В. В. Еврейский вопрос в русско-американских отношениях в конце XIX – начале XX века: на примере «паспортного вопроса» 1864–1913 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Валерий Викторович Энгель. – Москва, 1993. – 248 с.

694. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907.

695. Юбилей Ирины Александровны Белявской // Новая и новейшая история. – 2010. – № 5. – С. 252–253.

696. Юбилей Ирины Александровны Белявской // Новая и новейшая история. – 1995. – № 5. – С. 219–220.

697. Язьков Е. Ф. Изучение истории США в МГУ и роль программы Фонда Фулбрайта / Евгений Федорович Язьков // Новая и новейшая история. – 1994. – № 6. – С. 27–36.

698. Язьков Е. Ф. Массовое фермерское движение в США в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Евгений Федорович Язьков. – Москва, 1955. – 598 с.

699. Язьков Е. Ф. Н. В. Сивачев и развитие школы научных исследований и преподавания истории Соединенных Штатов Америки в Московском университете / Евгений Федорович Язьков // Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций / Под ред. А. С. Маныкина. – Москва: Изд-ва Моск. Ун-та, 2004. – С. 9–13.

700. Яковлев Н. Н. Идеи Американской революции: прошлое и настоящее / Николай Николаевич Яковлев // США: политическая мысль и история / Н. Н. Яковлев [и др.]. – Москва: Наука, 1976. – С. 14–52.

701. Яковлев Н. Н. Некоторые внешнеполитические аспекты американской революции / Николай Николаевич Яковлев // Всесоюзный симпозиум советских историков-американистов: в 2 ч. – 1976. – Ч. 2. – С. 347–350.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Научное издание

ДОРОФЕЕВ Денис Владимирович

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (XIX ВЕК – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА)

В авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 17,55. Тираж 50 экз. Заказ № 03А/14.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru